Труды БГУ.

1922 г.

№ 3.

[illegible]

Социалистическая Советская Республика Белоруссии

République Socialiste des Sovjets de la Russie Blanche.

ТРУДЫ

Белорусского Государственного Университета в Минске.

Les Annales

de l'Université de Minsk.

1922 г.

№ 2-3.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БЕЛОРУССИИ.
Г. МИНСК,
1922 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

ТРУДЫ

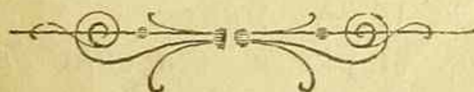
Белорусского Государственного Университета в Минске

№ 2—3.

LES ANNALES

de l'Université de Minsk.

1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.

Первая книжка «Трудов Белорусского Государственного Университета», вышедшая в свет 20 апреля 1922 г. в количестве 1000 экземпляров, в настоящее время почти распродана. Это показывает, что книжка выполнила свое назначение—ознакомить всех интересующихся с научной и учебной работой нового университета.

Экземпляры ее были розданы членам Ц. И. К. Белоруссии на его 3-й сессии (в конце июня 1922 г.), и Ц. И. К., после доклада ректора о работе университета, ассигновал 2 миллиарда руб. на продолжение издания „Трудов". Редакция приносит, от имени университета, глубокую благодарность Ц. И. К. Б. за эту поддержку.

Первоначаляно было предположено выпустить вторую книжку „Трудов" к началу учебных занятий 1922--23 учеб. года, а третью ко дню годовщины открытия университета, к 30 окт. 1922 г. Однако, обстоятельства помешали исполнению этого плана, и редакция выпускает теперь соединенную **вторую—третью** книгу в двойном против ранее предполагавшегося об'еме.

В настоящей книжке впервые появляются оригинальные, экспериментальные исследования профессоров Медицинского Факультета (проф. ботаники *В. В. Лепешкина* и хирургии—*М. П. Соколовского*). Проф. *Лепешкин* сам вскрыл жизненное значение своих исследований над свертыванием белков в популярном докладе „О причинах смерти и о возможности борьбы с нею", сделанном им в открытом заседании университетского научного Общества, со-

стоявшемся в день первой годовщины учреждения Белорусского Государственного Университета--11 июля 1922 г.

Первая книжка „Трудов“ печаталась при очень неблагоприятных внешних обстоятельствах: не был окончательно налажен ни технический аппарат редакции, ни типографская сторона дела.

При работе над настоящей, второй—третьей книжкой редакцией приняты меры к тому, чтобы придать ей возможно более изящную внешность. С своей стороны, и Белорусское отделение Государственного Издательства пошло навстречу университету в этом отношении. Редакционная Комиссия выражает за это благодарность руководителям Государственного Издательства Белоруссии.

Редакционная Комиссия считает не лишним подчеркнуть то, что ей представлялось само собою разумеющимся с самого начала: в университетском органе все статьи и исследования проходят под ответственностью, главным образом, их авторов. Лица, ведущие преподавание в университете, сами отвечают за свои труды, и роль редакции сводится лишь к тому, чтобы в общих чертах следить за характером помещаемых статей, за тем, чтобы статьи эти представляли собою оригинальные исследования или общие обзоры научного движения в той или иной области или были так или иначе связаны с преподаванием в университете.

В настояшее время Редакционная Комиссия пополнена представителем естествознания и состоит из трех лиц: *Б. М. Беркенгейма* (проф. химии), *С. Я. Вольфсона* (проф. исторического материализма) и *В. Н. Ивановского* (проф. философских дисциплин).

В. В. Лепешкин.

О свертывании белка.

1. Вступление.

Живое вещество каждого организма представляет собою многофазный коллоидальный раствор, в образовании которого самую важную роль играют белковые вещества. Они входят не только в состав растворителя (диспергирующей среды), но также и в состав растворенных веществ (диспергированных фаз), образуя вместе с липоидами и водою протоплазму и ее живые включения[1]).

Естественно, поэтому, что изучение физических и химических свойств белковых веществ является первостепенной задачей при разрешении физиологических вопросов. Вместе с тем, переход от состояния жизни к состоянию смерти сопровождается всегда раз'единением белковых веществ и липоидов, связанных в живом веществе, и свертыванием белковых веществ последнего. Поэтому об'яснение не только явлений жизни, но и явления отмирания приводит к необходимости изучения свойств белковых веществ и, в последнем случае, в особенности—к необходимости раз'яснения явления свертывания белков под действием различных факторов.

Свертывание (коагуляция) коллоидальных растворов может быть, как известно, обратимым, или необратимым. В первом случае коагулят (сверток, осадок) вновь растворяется после устранения фактора, вызвавшего свертывание; во втором случае—растворение невозможно. Некоторые авторы склонны считать коагуляцией только второй случай. Однако, такое мнение вряд ли справедливо, потому что существует, как мы увидим в дальнейшем, плавные переходы между коагуляциями первого и второго рода. Так, коагуляция альбумина куриного яйца под действием большого количества соли—обратима; но, прибавляя к раствору все большее и большее количество кислоты, мы постепенно превращаем такую коагуляцию в необратимую. Спирт может вызывать сначала

---

[1]) См. мои работы, напечатанные в 1910–1913 г. г. в Berichte d. deutsch. bot. Gesellsch и Kolloidzeitschrift. См. также мои статьи: „О живом и мертвом" (Учен. Записки Казанского Универс., 1910 г.) и „О строении протоплазмы" (Протоколы Общ. Естеств. С.П.Б., 1911 г.)

только обратимую коагуляцию белка, но постепенно выделившийся осадок теряет способность растворяться. Наоборот, осадок, вызванный в растворе белка сулемою, не растворяется в воде (после удаления сулемы), но он растворяется в ней после прибавления поваренной соли.

Мы остановимся в этой статье прежде всего и главным образом на коагуляции, вызываемой в белковых растворах нагреванием. Это наиболее важная коагуляция; раз'яснение ее позволит нам об'яснить многие неясности, запутывающие наши представления о процессе коагуляции белков под влиянием различных реактивов.

В заключение должен, к сожалению, отметить, что отсутствие в моем распоряжении иностранной литературы за последние годы не позволило мне сделать полный обзор работ, посвященных вопросам свертывания белковых веществ.

2. О свертывании белка под действием нагревания.

Краткий исторический очерк.

Со времени появления в свет работ *Шмидта* (W. Scmidt) и его учеников *Аронштейна* (B. Aronstein), *Гейнзуса* (Heynsus), *Кизерицкого* (W. Kieseritzkij) и *Розенберга* (Al. Rosenberg)[1]) известно, что свертывание раствора белка, очищенного от солей диализом, при помощи нагревания не удается. Однако, стоит прибавить к такому раствору солей,—и коагуляция нагреванием делается вновь возможной. Свертывание также происходит, если к нагретому и охлажденному раствору прибавить солей. В виду этого *Розенберг* высказал предположение, что альбумин превращается нагреванием в какое-то неизвестное тело, нерастворимое в слабых растворах солей. Впоследствии *Гарди* (Hardy) рассматривал коагуляцию белков нагреванием, как совокупность двух процессов: 1) денатурации белка и 2) агглютинации денатурированного белка. *Михаэлис* (Michaelis) пришел к заключению, что свойства белка меняются после нагревания таким образом, что из эмульсоида он превращается в суспензоид, коагулирующий уже от незначительного количества электролитов. Исследования *Чика и Мартина* (H. Chick and C. I. Martin) подтвердили такое заключение, причем показали, что денатурация белка возможна только в присутствии воды. Они рассматривают этот процесс, как химическую реакцию между белком и водою, не решая вопроса о природе такой реакции.

Что денатурация является химической реакцией, следует уже из того, что она не протекает моментально, а требует известного

---

[1]) Все цитированные в этой статье работы приводятся в конце работы в отдельном списке.

времени, находящегося в аналогичной зависимости от температуры, как скорость химических реакций. Попытку определить зависимость между скоростью денатурации и температурою сделал впервые Буглиа (Buglia), причем найденная зависимость оказалась логарифмической. Подобный же результат был получен также *Чиком и Мартином*. Согласно их данным, скорость денатурации возрастает в 1,3—1,9 раз при увеличении температуры на 1°С.

Что касается второго процесса, слагающего коагуляцию белка нагреванием, то он, по мнению *Гарди*, наступает, когда частички белка делаются изоэлектричными по отношению к растворителю. Небольшие количества щелочи или кислоты действуют, напротив того, растворяюще на белок, причем частицы его заряжаются отрицательно или положительно, что обнаруживает катафореза. В этом случае при коагуляции имеют большое значение электролиты; именно, при отрицательном заряде белка—катионы, при положительном заряде—анионы, причем имеет значение, согласно *Гарди*, только их валентность, как это наблюдается и для других гидрофобных коллоидов (суспензоидов). Некоторую путаницу в сначала казавшиеся ясными воззрения на коагуляцию белка, денатурированного нагреванием, внесли исследования *Паули* (Pauli Wo.) над белком, названным им амфотерным. Этот белок, казалось, освобожденный от электролитов, мог коагулировать однако от нагревания; прибавление же кислоты делало его неспособным к такой коагуляции.

Мы остановимся сначала на первом процессе, слагающем свертывание белка при нагревании,—на денатурации.

О денатурации белка нагреванием.

Выше мы видели, что природа денатурации белка при нагревании оставалась не выясненной. Что вода необходима для денатурации, подтвердили и мои исследования. Поэтому, оставалось только решить вопрос, является ли денатурация присоединением воды, (т. е., гидратацией), или же после присоединения воды происходит распад образовавшегося продукта, (т. е., гидролиз). Так как вследствие большой молекулы белка такой вопрос невозможно решить химическим анализом, то оставался лишь косвенный путь к его разрешению: именно, изучение влияния на денатурацию кислот, оснований и солей.

Для определения скорости денатурации я пользовался, в качестве индикатора, появлением мутности определенной густоты в растворе белка, содержащего достаточное количество солей. При таких условиях коагуляция белка при температурах денатурации происходит моментально, и ход ея вполне соответствует ходу денатурации. Обыкновенно изследуемый белковый раствор наливался в небольшой сосудик, сделанный из двух покровных стекол,

приклеенных с двух сторон к латунной рамке (с тремя сторонами и ручкой); толщина сосуда не превосходила 1 мм., высота—20 мм. и ширина 10 мм. Сосудик помещался в воду термостата, где колебания температуры не превосходили 0,01°—0,02° [1]).

Наблюдения над раствором происходили через одну из двух противолежащих стеклянных стенок термостата при помощи косо поставленной горизонтальной черной трубы. Мутность раствора сравнивалась с рядом стоящим куском матового стекла, одинакового размера с сосудиком (на черном фоне, при боковом освещении электрическою лампою).

Прежде всего были определены температурные коеффициенты денатурации. Среднее время денатурации (обыкновенно среднее из шести наблюдений во всех опытах) для профильтрованного белка куриного яйца было найдено равным: при 63,01°C—40 секундам, при 62,01°—97 сек., при 61,02°—230 сек., при 60,03°—595 сек., при 59,03°—1535 сек., при 58,01°—3720 сек., при 57,04°—9520 сек., при 56,00°—22600 сек. [2]) Температурный коеффициент, вычисленный для повышения на 1°C, был, следовательно 2,5 (для повышения на 10°, как это обыкновенно принимается для химических реакций, он равен $2{,}5^{10}$=9530!). [3]) Тот же коеффициент для 3% раствора яичного альбумина (Kahlbaum, 1914), долгое время диализированного, к которому прибавлялось 0,4% $(NH_4)_2SO_4$, равнялся 1,5. Для 2,5% раствора долго диализированного альбумина крови (Kahlbaum, 1914) с 0,7% KCl он=1,6. Наконец, для кристаллического альбумина яйца (1% раствор), он=2,3. В пределах исследованных температур 55°—75° температурный коеффициент одного и того же раствора варирует не более, как на 5% своей величины, и зависимость времени денатурации от температуры может быть выражена формулой $T = a - b \lg_{10} Z$, где постоянная a очевидно равна температуре, при которой денатурация происходит моментально, т. е., так наз., „температуре коагуляции.“

Рассмотрим теперь влияние на денатурацию кислот, щелочей и солей.

---

[1]) Термостат описан подробно в моей статье „О химических реакциях при разбухании крахмала“, напечатанной на французск. яз. в Bull. d. société botanique de Genève 1922. Sur les reactions chimiques pendent le gonfl. d. l'amidon. Contribution au probleme des coefficients de temperature extrement grands., а также давно сданной в редакцию „Русского ботанического журнала“ в Петрограде.

[2]) При определении времени денатурации из полученных величин вычиталось 20 сек., необходимых для восприниятия жидкостью в сосудике температуры воды термостата.

[3]) Причина подобного громадного температурного коеффициента лежит, как я это об'яснил уже в выше цитированной работе о разбухании крахмала, в гетерогенности среды, в которой происходит химическая реакция.

Влияние кислот, щелочей и солей на скорость денатурации.

Чик и Мартин указывают на ускоряющее действие кислот на денатурацию, об'ясняя это образованием соединений белка с кислотами, легче реагирующих с водою. Мои опыты подтвердили ускоряющее влияние кислот. При этом оказалось, что уже содержание 0,00016 Mol. азотной кислоты вызывало значительное ускорение денатурации. Так, денатурация 0,66% раствора яичного альбумина, предварительно долго диализированного, к которому для возможности коагуляции прибавлялось 0,8% $(NH_4)_2SO_4$, продолжалась при 63,00°—2440 секунд, в то время как денатурация того же раствора, но в присутствии 0,00016 Mol. кислоты, происходила 1550 секунд. Вместе с тем исследования Гофмана (F. A. Hoffmann) показывают, что такая небольшая концентрация кислоты—недостаточна для образования соединений белка с кислотою. Это находится в согласии и с установленным теперь фактом, что альбумин обладает слабо кислыми свойствами (приблизительно 0,00001 норм. конц. ионов водорода). Таким образом, ускоряющее действие кислоты нельзя об'яснить в этом случае образованием соединений белка с кислотою. Остается лишь одно об'яснение: денатурация представляет собою слабый гидролиз белка, ускоряемый ионами водорода.

Действительно, если исследовать действие различных кислот в одинаковых молекулярных концентрациях, то оказывается, что ускорение денатурации происходит пропорционально содержанию ионов водорода. Так, денатурация упомянутого выше раствора альбумина требует при 53,00°C в присутствии 0,016 Mol азотной, соляной, серной и уксусной кислот последовательно 167 сек., 170 сек., 98 сек., и 1350 сек.

Известно, что гидролиз сахара при незначительном содержании кислоты в растворе ускоряется в высшей степени солями причем это ускорение тем более чувствительно, чем меньше концентрация кислоты. Так, согласно Аррениусу (Arrhenius) скорость инверсии увеличивается на 35—40% после прибавления 0,4 Mol KBr, если концентрация кислоты 0,002 норм., но скорость увеличивается на 200—240%, если концентрация кислоты 0,0005 норм. Здесь имеет место увеличение каталитической силы водорода солями. Подобное же явление наблюдается и в случае денатурации. После прибавления кислоты к раствору альбумина, содержащему достаточное количество соли, скорость денатурации увеличивается далеко не так сильно, как концентрация ионов водорода. Так как растворы не измененного яичного альбумина, (хорошо диализированные), содержат ионы водорода в концентрации приблизительно 10^{-5} норм. (Эта концентрация не изменяется после прибавления сернокислого аммония), то последняя увеличивается при прибавлении 0,00016 Mol. азотной кислоты в 15 раз, тогда как денатурация ускоряется, как мы видели, только в 1,6 раза. После прибавления

0,00032 Mol. кислоты концентрация ионов водорода увеличивается вдвое, а скорость денатурации, как показывают мои опыты, увеличивается еще только в 1,3 раза; после же прибавления 0,002 Mol. кислоты—еще в 4 раза. Только по следальнейшего прибавления кислоты наблюдалась пропорциональность между скоростью денатурации и содержанием ионов водорода. Однако, белок начинает соединяться с кислотою, (Гофман) и скорость денатурации начинает расти быстрее, чем концентрация ионов водорода, так как образовавшиеся соединения реагируют легче с водою, чем свободный белок.

Аррениус показал, что ускоряющее действие солей на гидролиз находится не только в зависимости от содержания кислоты, но и от содержания соли, именно: при увеличении содержания соли ускоряющее ее действие возрастает. Вместе с тем в альбуминном растворе имеются, как было указано выше, ионы водорода. Поэтому ускорение денатурации при увеличении концентрации соли должно наблюдаться и в отсутствии кислоты. Действительно в моих опытах 0,66% раствор альбумина яйца был денатурирован при 70,00°C в 932 секунд, если к нему прибавлялось 0,03 Mol. $(NH_4)_2SO_4$ и тот же раствор был денатурирован при той же температуре в 180 сек., если в нем растворялось 0,06 Mol. той же соли и т. д.

Соли увеличивают, как известно, скорость инверсии сахара в различной степени,—именно, в согласии с их лиотропными свойствами, которые при кислой реакции определяются анионами (см. Spohr). Сернокислые соли ускоряют слабее хлористых, а эти последние слабее роданистых ($SO_4 < Cl < Br < SCN$). Мои опыты показывают, что денатурация белка ускоряется солями совершенно таким же образом. Так, денатурация 0,41% раствора альбумина яйца совершалась в присутствии 0,01 Mol. азотной кислоты при 50,00° в 13 секунд, если к раствору прибавлялось 0,083 Mol роданистого калия,—в 3300 сек., если прибавлялось 0,083 Mol KCl и —в 4650 сек., если прибавлялось 0,083 Mol K_2SO_4. [1])

Так как действие соли состоит в усилении каталитических свойств иона водорода, то совершенно понятно, что альбуминные растворы, не содержащие таковых, будут показывать денатурацию в одно время, не смотря на различие ионов прибавленных солей. Действительно, мои опыты показали, что денатурация слабо щелочных растворов требует одинакового времени, не смотря на состав соли.

Хотя соли и увеличивают каталитическую силу ионов водорода, но в больших концентрациях они уменьшают электролитическую диссоциацию и поэтому замедляют инверсию сахара. Подобное же

[1]) Разница не получалась столь заметная, если для опытов брался долго диализированный альбумин и кислоты не прибавлялось, что и понятно, т. к. в таком растворе альбумина слишком мало ионов водорода.

явление найдено мною и для денатурации. Так, денатурация 0,66% раствора альбумина яйца происходила, как мы видели, при 70,00° в 932 сек. при содержании 0,03 Mol $(NH_4)_2SO_4$ и в 180 сек. при содержании его 0,06 Mol. Если соли содержалось 0,12 Mol, то денатурация происходила в 190 сек., при содержании 1,0 Mol соли—в 270 сек. и при содержании 1,32—в 605 сек. По данным *Чика* и *Мартина*, соли мало влияют на денатурацию, если содержатся в концентрациях 0,1—1 Mol, и уменьшают ее скорость при больших концентрациях.

Таким образом, действие солей вполне соответствует предположению, что денатурация представляет собою гидролиз, ускоряемый ионами водорода. Однако, этот гидролиз возможен и в отсутствии названных ионов, хотя идет в этом случае страшно медленно. *Чик* и *Мартин* показали, что прибавление к нейтральным на лакмус растворам кристаллического альбумина небольшого количества щелочи (концентрация ионов гидроксила $10^{-3,8}$) сильно замедляло денатурацию. Дальнейшее увеличение концентрации щелочи вело в опытах тех же авторов к увеличению скорости денатурации почти до прежней величины, что можно об'яснить образованием соединений белка с щелочами, (алкалиальбуминатов), реагирующих с водою быстрее, что и делают названные авторы. Во всяком случае ионы гидроксила, как таковые, реакции не ускоряют. Мои опыты показали, что дальнейшее увеличение их содержания в жидкости не имеет в этом отношении никакого эффекта. Не смотря на повышение концентрации едкого кали в растворе альбумина с 0,006 Mol до 0,4 Mol, денатурация требовала почти одинакового времени, именно, наблюдалось небольшое замедление ее (около 10 проц.), об'ясняемое повышением внутреннего трения. При производстве опытов с действием щелочей нужно иметь ввиду, что присоединение альбумина к щелочи требует некоторого времени, и поэтому скорость денатурации одного и того же раствора делается постоянной только через несколько часов после прибавления щелочи.

Температурные коэффициенты денатурации соединений альбумина с кислотою и щелочью, как показали мои опыты, всегда меньше коеффициентов денатурации свободного альбумина. Так как вместе с тем скорость денатурации в отсутствии щелочи больше, то постоянная *a* в выше данной формуле (см. стр. 4),—т. е., так наз., «температура коагуляции»—у щелочных растворов всегда больше. В кислых же растворах, несмотря на меньший температурный коэффициент, денатурация идет настолько быстро, что эта температура меньше, чем у нейтральных растворов.

Так, постоянная *a* у щелочных растворов альбумина крови была, в моих опытах, 86—91, у кислых—60—65, у нейтральных (лакмус)—80—83 и т п.

Хотя денатурация является гидролизом, однако ничего нет удивительного в том, что вода действует отчасти субституирующе

на меркаптанные группы серусодержащих аминокислот и производит выделение сероводорода, на что указывалось и раньше (Moll, Hopkins). Что же касается указываемого в литературе увеличения щелочности после денатурации, то, как показали *Чик и Мартин*, здесь происходит лишь уменьшение кислотности в растворах с преобладающим содержанием водородных атомов, тогда как в щелочных растворах происходит уменьшение щелочности. Такой результат мне представляется вполне понятным. Белок в кислых растворах соединяется с кислотою еще до денатурации, последняя же уносит в осадок образовавшееся соединение, почему в растворе и уменьшается кислотность. Аналогичное явление происходит и в щелочных растворах.

В заключение нельзя не отметить необыкновенно ускоряющее действие солей щелочно-земельных и тяжелых металлов на денатурацию. Так, в моих опытах денатурация 0,3% раствора диализированного альбумина яйца требовала при 75,00° при содержании в растворе 0,1 Mol KCl—2090 секунд, при 0,1 Mol $BaCl_2$, она происходила моментально, при 0,003 Mol $BaCl_2$—90 сек, при 0,0001 Mol $HgCl_2$—50 секунд и т. п.

Такое необыкновенно ускоряющее действие можно об'яснить образованием соединений между указанными солями и белком, легче реагирующих с водою, или, может быть, также усиливающим их действием на каталитические свойства ионов водорода [1]). Обратимся теперь ко второму процессу, слагающему коагуляцию белков нагреванием—к коагуляции денатурированного белка.

О коагуляции денатурированного белка.

Выше мы видели, что между различными исследователями не достигнуто еще соглашение в вопросе о возможности коагуляции денатурированнного белка в отсутствии электролитов. Если денатурированный белок образует гидрофобные растворы (суспензоиды), то, по аналогии с другими подобными растворами, скорее можно ожидать, что электролиты должны будут иметь решающую роль при их коагуляции. Ввиду этого данные Паули несомненно нуждаются в проверке.

Прежде всего обращает на себя внимание, что в своих опытах Паули пользовался «амфотерным белком» (amphoteres Eiweiss), полученным диализом кровяной сыворотки быка; диализ продолжался 6 недель, после чего раствор оставался в течение 3—5 месяцев. Всякий химик, имевший дело с растворимыми в воде органическими соединениями, должен признать, что при таком долговременном воздействии воды и воздуха белок мог химически измениться. Поэтому, какое белковое тело имел в своем распоряже-

[1]) К сожалению, в литературе не имеется данных, касающихся действия солей названных металлов на гидролиз сахара.

нии Паули, нам вряд ли известно. Кроме того, сам Паули допускает возможность примеси липоидов к своему белку. Паули, вероятно, намеренно и не называет последний альбумином. Хотя белковое тело Паули не обнаруживало катафорезы («амфотерный б.») и проводило электрический ток не сильнее дестиллированной воды, имевшейся в лаборатории Паули (см. выше), однако определения содержания золы не производилось. Вместе с тем соли могли находиться в адсорбированном состоянии на поверхности частичек белка, а после денатурации—освобождаться и поэтому могли быть не обнаруженными электропроводностью и все же иметь значение при коагуляции.

Во всяком случае вряд ли можно об'яснить способность свертываться при нагревании более тщательным очищением белка Паули от солей, по сравнении с белком, не коагулировавшим в опытах Аронштейна, Розенберга, Чика и Мартина и моих. Это доказывается тем, что прибавление солей к белку Паули вызывало лишь увеличение «температуры коагуляции», а не прекращение ее. Последнее производили лишь роданистые и иодистые соли, отсутствующие в белках.

В моих опытах я предпочел пользоваться чистыми продуктами. Как исходный материал для их получения служили мне яичный альбумин и кровяной альбумин, полученные до войны от Кальбаума. Сначала я опишу свои опыты с яичным альбумином.

Растворы белка (5—10%) повторно центрофугировались и фильтровались до совершенной прозрачности. Реакция растворов на лакмус—щелочная. Высушивание в вакууме и сжигание остатка показало, что альбумин, содержавшийся в таких растворах, содержал 3% золы в сух. вещ., большая часть которой (2%) растворялась в воде (KCl, $NaCl$, K_2HPO_4, K_2CO_3). Все растворы свертывались при нагревании.

Диализ производился в моих опытах при помощи самой тонкой пергаментной бумаги в закрытых сосудах.

После 24 часов диализа, во время которого дестиллированная вода в диализаторе сменялась каждые 2 часа, растворы делались нейтральными (лакмус) и теряли способность свертываться при нагревании. После диализа растворы вновь центрофугировались и фильтровались до совершенной прозрачности. Содержание зольных элементов в растворенном альбумине и концентрация их в растворе были следующие:

Начальная конц. альбумина	Продолжительн. диализа	Содержание золы в альбумине	Концентрация солей в растворе
10%	1 день	1,8%	0,05%
4,9%	2 дня	1,1%	0,02%
4,1%	5 дней	1,2%	0,01%

Для дальнейшего диализа растворов, в качестве антисептика, я пользовался тимолом. К растворам обыкновенно прибавлялась эмульсия расплавленного тимола в воде. Диализ продолжался 3 недели. Полученные растворы—центрофугированные и профильтрованные—коагулировали при нагревании.

Один из таких растворов содержал 0,99% альбумина, который после высушивания в вакууме и сжигания обнаружил 0,8% золы в сухом веществе, половина которой была растворима в воде. Следовательно, если предположить, что эта часть золы находилась в растворе альбумина, то концентрация солей в последнем была около 0,008%. Раствор не обнаруживал катафорезы. Катафореза исчезала обыкновенно уже после 5 дней диализа, не смотря на то, что альбумин не коагулировал еще при нагревании. Электропроводность все время уменьшалась и через три недели диализа не превосходила таковой дестиллированной воды, имевшейся долгое время в стеклянном сосуде в лаборатории. Таким образом, полученный раствор альбумина по свойствам сильно напоминал «амфотерный» белок Паули.

Без прибавления солей полученный альбуминный раствор давал мутность, отвечающую мутности матового стекла (см. выше), при 75,00° в 27 секунд. После разбавления его вдвое водою, та же мутность при 75,00° появлялась через 700 секунд. После разбавления раствора в 5 раз водою помутнения не наблюдалось даже при кипячении. Если к такому разбавленному раствору предварительно прибавлялся $(NH_4)_2SO_4$, то коагуляция нагреванием вновь появлялась. Раствор мутнел также, если после кипячения и охлаждения к нему прибавлялась та же соль. Не подлежало поэтому сомнению, что коагуляция белка, полученного долгим диализом, после его денатурации нагреванием происходит под влиянием солей, присутствующих в нем и освобождающихся при денатурации. Таким образом приходилось предположить, что коагуляция денатурированного альбумина имеет две наиболее благоприятные зоны концентрации солей; именно, коагуляция происходит при концентрации солей большей 0,1%, и между 0,001% и 0,008%. Однако, такое предположение опровергается тем, что прибавление небольших количеств какой угодно соли (даже роданистой) к долго диализированным «амфотерным» растворам, вызывало не прекращение коагуляции, как следовало ожидать, а наоборот, ускорение ее. Коагуляция этих растворов происходит без прибавления соли настолько медленно, что скорость ее меньше скорости денатурации, и помутнение не может уже быть признаком, позволяющим установить скорость денатурации, а температурный коэффициент соответствует коагуляции, а не денатурации. Так, один из полученных долгим диализом растворов давал необходимое помутнение (после разбавления вдвое водою) при 80,0° через 370 секунд, при 75,0°—700 сек., при 70,0°—1260 сек. Следовательно, температурный коэффициент=3,4 (для денатурации он=58—9530,

см. выше). После прибавления около 0,01 Mol KCl коагуляция начинает опять происходить значительно быстрее денатурации и температурный коеффициент повышается, что видно из следующего сопоставления, где дается время коагуляции, выраженное в секундах для различных концентраций KCl.

	Без прибавления соли	0,0035 Mol	0,01 Mol	0,02 Mol	0,1 Mol
При 70,0°C	1260	1140	600	290	280
« 75,0°	700	540	130	58	55
« 80,0°	370	230	30	10	28
Темпер. коефф. =	3,4	4,8	19,4	29	28

Только роданистый калий при очень больших концентрациях вызывает замедление коагуляции, что сейчас же отражается и на температурном коеффициенте. Так, после прибавления 2,5 Mol KCNS при 70,0° коагуляция требовала 2100 секунд, при 75.0°—1600 сек. и при 80,0°—1220 сек., т. е., температурный коеффициент делался вновь равным только 1,7.

Обратимся теперь к опытам с альбумином крови. 5% раствор этого альбумина (препарат Кальбаума 1914 г.) центрофугировался и фильтровался до совершенной прозрачности. Полученный слабо щелочный на лакмус раствор коагулировал при нагревании и содержал 3,07% альбумина. После высушивания раствора в вакууме сухой альбумин содержал 8,4% минеральных солей, из которых три четверти растворялось в воде ($NaCl$, KCl, Na_2CO_3 и пр.).

После 20 часового диализа раствор потерял способность коагулировать при нагревании, реагировал нейтрально и содержал 2,4% альбумина, в котором сжигание открыло приблизительно 3% минеральных солей. После прибавления солей к раствору свертывание при нагревании делалось опять возможным. Дальнейший диализ, если даже он продолжался одним днем больше делал вновь возможным коагуляцию без прибавления солей. После 6 недель диализа это свойство не исчезало.

Содержание минеральных солей в сухом альбумине уже после 5 дней диализа делалось приблизительно постоянным, именно около 1,4%, из которых половина приходилась на соли, растворимые в воде. После 6 недель диализа это содержание не изменялось. Температурный коеффициент раствора после такого долгого диализа был и на этот раз низким (1,6), что указывало на то, что скорость коагуляции была менее скорости денатурации. Прибавление солей (даже роданистых) вызывало вновь ускорение первой, и температурный коеффициент делался высоким, т. к. коагуляция начинала происходить значительно скорее денатурации (при содержании 0,1 Mol KCl).

Результаты, полученные с альбумином крови, были следовательно схожи с результатами, описанными для альбумина яйца. Разница заключалась лишь в том, что растворы альбумина крови

отдавали свои минеральные соли при диализе значительно скорее, чем растворы альбумина яйца. Кроме того, исчезновение коагуляции при нагревании наблюдалось у альбумина крови уже при содержании 0,03—0,07% солей в растворе, тогда как у альбумина яйца—при 0,01—0,05%.

Таким образом, мы должны признать, что в обоих случаях альбумин, подвергавшийся очень долгому диализу, не идентичен с альбумином, диализированным сравнительно короткое время. В то время, как первый после денатурации коагулирует уже при наличии очень незначительного количества солей, второй требует для этого большей концентрации последних. Другими словами, альбумин под действием очень долгого диализа приобретает большую чувствительность по отношению к солям. Где находится причина такого изменения свойств? Очень вероятно, что она лежит в изменении дисперзности раствора; дисперзность последняго делается, повидимому, с течением времени меньше. Уменьшение дисперзности сопровождается как раз увеличением чувствительности к солям после денатурации.

Лилли (Lillie) показал, как известно, что соли значительно понижают осмотическое давление растворов альбумина, т. е., уменьшают его дисперзность. В то же время мои опыты, в согласии с данными Лилли, показывали, что присутствие уже 0,01 Mol KCl в растворе альбумина значительно ускоряет его коагуляцию солями после денатурации. Так, 1% раствор диализированного альбумина, не обнаруживавшего коагуляции при нагревании, после кипячения, охлаждения и прибавления к нему равного об'ема 0,2 нормального раствора KCl (следов. конц. соли=0,1 норм.) коагулировал при 75,0° через 1380 секунд, тогда как тот же раствор, к которому заранее прибавлялось 0,01 Mol KCl, после кипячения, охлаждения и прибавления к нему равного об'ема 0,19 нормальн. раствора KCl (следов. конц. соли=0,1 норм.) коагулировал при 75,0° в 225 секунд.

Мы приходим, следовательно, к заключению, что «амфотерный» альбумин, полученный при помощи долгого диализа, который не в состоянии освободить его от солей, отличается от первоначального альбумина своей большой чувствительностью к солям, которая, вероятно, обусловливается уменьшением дисперзности раствора. Что же касается указаний Во Паули, что соли повышали температуру коагуляции его «амфотерного белка», то возможно, что содержание солей в нем было таково, что после денатурации и освобождения последних (они были адсорбированными) коагуляция этого белка протекала скорее, чем денатурация, и прибавление солей сказывалось только на последней. Соли, как мы выше видели, в больших концентрациях задерживают денатурацию. Кроме того, нужно принять во внимание ранее высказанные соображения относительно возможного изменения альбумина воздухом и водою в опытах Паули.

Таким образом, приобретаемое альбумином при долгом диализе свойство коагулировать без прибавления солей не доказывает еще возможность коагуляции белка при нагревании в отсутствии электролитов. Непосредственно проверить ни на чем не основанное утверждение, что такая коагуляция возможна, нельзя по той простой причине, что совершенно освободить белок от солей не удается. Даже кристаллизованный два раза альбумин яйца, с которым производили свои опыты *Чик* и *Мартин*, содержал 0,1°/o золы, т. е., менее, чем содержится в альбумине, подвергнутом диализу без предварительного его осаждения сернокислым аммонием. Вместе с тем, растворы перекристаллизованного альбумина не коагулируют при нагревании без прибавления солей. Что же касается данных Гарди относительно выпадения денатурированного альбумина после правильной установки реакции его раствора, то нужно, конечно, иметь в виду, что уже такая установка реакции вводит электролиты в раствор.

Если соли являются необходимыми для коагуляции белка после денатурации, то можно спросить сколько же соли нужно для того, чтобы достигнуть максимальной скорости коагуляции, или же последняя увеличивается все время с повышением содержания соли.

Для выяснения этого вопроса мною были поставлены опыты с альбумином яйца, диализированным до исчезновения коагуляции при нагревании. 2,85% раствор альбумина кипятился, охлаждался и смешивался с 4 об'емами растворов сернокислого аммония различной концентрации. Полученные растворы содержали 0,025; 0,05; 0,1 и 0,15 Mol названной соли в литре и коагулировали при 47,0° последовательно через 10600 секунд, 1620 сек, 40 сек и 17 сек. Дальнейшее увеличение концентрации соли лишь очень незначительно ускоряло коагуляцию, концентрированные же растворы вызывали даже небольшое ее замедление. Роданистые и иодистые соли замедляли ее при большой концентрации сильнее других солей. Растворы, насыщенные роданистым калием, не коагулировали даже при кипячении. Но такие растворы коагулировали при прибавлении сернокислого аммония.[1])

Таким образом, коагуляцию денатурированного альбумина солями нельзя рассматривать просто, как электрическое разряжение частичек альбумина адсорбируемыми ионами. Она сопровождается, очевидно, образованием более или менее прочных соединений осаждающих электролитов с частицами белка. Возникающие тела могут, конечно, иметь иные коллоидальные свойства, быть то более, то менее чувствительными к солям. Все это подтверждается в опытах с действиями различных ионов на денатурированный белок.

---

[1]) Замедляющее действие больших концентраций солей на коагуляцию денатурированного белка отмечено также и *Чиком* и *Мартином*.

Действие различных ионов на скорость коагуляции.

Рассмотрим сначала действие ионов водорода. 2,07% раствор яичного альбумина, диализированного до исчезновения коагуляции при нагревании, кипятился и после охлаждения смешивался с 4 об'емами воды или азотной кислоты различной концентрации. После этого ко всем растворам прибавлялось 0,083 Mol сернокислого калия. Коагуляция таких растворов при 75,0°C требовала следующее время, выраженное в секундах:

Концентрация азотной к-ты в гр. мол. в литре	0	2.10^{-5}	5.10^{-5}	10.10^{-5}	20.10^{-5}	1000.10^{-5}
Время коагуляции	2700	1800	90	225	190	моментально

В концентрированной азотной кислоте денатурированный белок растворяется. Поэтому азотная кислота, несомненно, образует различные соединения с денатурированным белком, имеющие неодинаковые коллоидальные свойства и различную чувствительность к солям. Могут ли такие соединения коагулировать без солей, является весьма сомнительным, так как белок нельзя освободить от солей, и опыты, в которых коагуляция происходит только с прибавлением одной кислоты, не доказательны. Во всяком случае для коагуляции без прибавления солей необходима гораздо большая концентрация кислоты. Мои растворы не коагулировали без прибавления соли, если они содержали 0,0001 или 0,0002 Mol азотной кислоты. Но они коагулировали без соли, если содержали 0,1 Mol кислоты (при кипячении раствора). *Чик* и *Мартин* не могли наблюдать коагуляции своего денатурированного кристаллического альбумина без прибавления солей, даже при содержании большого количества кислоты в растворе.

Соединения азотной кислоты с денатурированным альбумином, как показали мои опыты, повидимо не идентичны с денатурированными соединениями той же кислоты с альбумином. Это видно, напр., из следующего опыта. Раствор альбумина, к которому после кипячения и охлаждения было прибавлено 0,0002 Mol азотной кислоты и 0,083 Mol сернокислого калия, коагулировал при 65,0° в 240 сек., тогда как тот же раствор, к которому перед кипячением было прибавлено 0,0002 Mol азотной кислоты, а после кипячения и охлаждения—0,083 Mol сернокислого калия, коагулировал при 65,0° в 400 сек.

Так или иначе, денатурированные соединения альбумина с кислотами или соединения денатурированного альбумина с кислотами, как мы видели, гораздо более чувствительны к солям, чем свободный денатурированный альбумин. Это зависит от их более сильных гидрофобных свойств; действительно, температурный

коэффициент их коагуляции приближается к коэффициентам коагуляции таких типичных гидрофобных коллоидов, как сернистый мышьяк. Так 0,57% раствор яичного альбумина после кипячения и охлаждения (коагуляция отсутствует) и прибавления к нему 0,025 Mol $(NH_4)_2SO_4$ коагулировал при 80,00° в среднем через 170 сек., при 75,0°—400 сек., при 70,0°—940 сек, при 65,0°—1920 сек, при 60,0°—2800 сек.. Следовательно температурный коэфф. (70°—80°)=5,5 или (при 60—70°)=3. Если же к тому же самому раствору прибавлялось 0,01 Mol азотной кислоты, то температурный коэффициент понижался до 1,2. Для сернистого мышьяка температурный коэффициент найден мною равным 1,3—1,6, тогда как у лецитина, с более гидрофильными свойствами, он равен 1,8—2,4.

Особенностью температурного коэффициента коагуляции альбумина, связанного с кислотою, является сравнительно малое его изменение с температурою. Так, альбумин яйца денатурированный нагреванием, содержавший 0,0002 Mol азотной кислоты и 0,08 Mol K_2SO_4, коагулировал при 65,0°—240 сек, при 55,0°—485 сек. при 45,0°—1080 сек., при 18°—16200 сек. След. температ. коэффиц. был при 55°—65,0 равен 2, при 45°—55°—2,2, при 18°—45°—2,7. В противоположность этому у свободного денатурированного альбумина температурный коэффициент при низких температурах значительно больше, чем при высоких. Так, денатурированный яичный альбумин, содержавший 0,1 Mol $(NH_4)_2SO_4$, коагулировал при 50°,0-30 сек., при 45,0°—45 сек, при 40,0°—105 сек, при 35,0—310° сек., при 30,0°—800 сек., при 15,0°—90000 сек. Таким образом температ. коэфф. был при 40—50°—3,5. при 30—40—7,6, при 15—30°—29. На подобное увеличение температурного коэфф. при низких температурах указывали также *Чик* и *Мартин*. Оно, несомненно, указывает на какую то химическую реакцию между денатурированным альбумином и осаждающими его солями, которая идет уже при низких температурах с заметною скоростью, при высоких же—моментально.

Обратимся теперь к влиянию ионов гидроксила на скорость коагуляции. Это влияние прежде всего замедляющее. Вместе с тем, оно является, несомненно, следствием образования соединений денатурированного альбумина с щелочами. Эти соединения вместе с повышением в них щелочи, делаются все менее и менее чувствительными к солям, представляя плавный переход от суспензоидов к эмульсоидам. Денатурированный белок растворяется легко и в едких щелочах. Из такого раствора белок может быть выделен прибавлением сернокислого аммония. Образовавшийся коагулят вновь растворяется в едкой щелочи, но может быть выделен снова прибавлением еще большего количества соли. Полученный коагулят может быть еще раз растворен в более концентрированной едкой щелочи и осажден большим количеством

соли и т. д. О том, как замедляется коагуляция едкими щелочами, можно судить из следующего опыта: 3,29% раствор яичного альбумина (диализированного до исчезновения коагуляции) кипятился, охлаждался и смешивался с 4 об'емами отчасти воды, отчасти растворов аммиака. После чего ко всем растворам прибавлялось 0,06 Mol сернокислого аммония. Без аммиака коагуляция происходила при 70,0° моментально, при содержании 0,0018 Mol NH_4OH—в 330 сек.; при 0,018 Mol NH_4OH—730 сек.; при 0,2 Mol—2000 сек.

Мы видим, следовательно, что соединения денатурированного альбумина с щелочами занимают промежуточное место между суспензоидами и эмульсоидами. Это подтверждается также и сравнительно большими температурными коэффициентами коагуляции (3 до 10).

При изучении действия ионов солей на коагуляцию денатурированного альбумина было в особенности интересно проверить выше указанное правило Гарди.

12,8% раствор яичного альбумина, диализированный в течение 6 дней и не коагулировавший при нагревании, не обнаруживал катафорезы, после же нагревания, (т. е. денатурации) обнаруживал уже через час заметное передвижение к аноду (110 вольт, расстояние между электродами 20 сант.). Таким образом, после денатурации белок оказывался как бы заряженным отрицательно. Согласно правилу Гарди нужно было ожидать при коагуляции такого белка действия катионов сообразно их валентности (значности). Однако оказалось, что ионы одновалентных металлов действовали с такою же силою, как и ионы трехвалентных. Белок оказался наиболее чувствителен к ионом двухвалентных металлов. Вместе с тем выступали также лиотропные свойства солей, и не только соответственно их катионам, но и—анионам, которые, по Гарди, не имеют никакого значения. Такое лиотропное действие анионов делалось в особенности сильным, если к раствору прибавлялась едкая щелочь и альбумин передвигался быстро к аноду.

Так, коагуляция 0.5% альбумина яйца в присутствии 0,1 Mol различных солей без прибавления щелочи требовала при 75,0°—при KCl 2100 сек, при NH_4Cl—1450 сек, при $NaCl$—1180 сек, при $LiCl$—1057 сек., при $BaCl_2$—она происходила моментально, также и при $MgCl_2$, в присутствии же $FeCl_3$ требовала 1080 сек., в присутствии $AlCl_3$—2540 сек. С другой стороны, если раствор содержал 0,1 Mol KCl, то он коагулировал в 1000 сек., при 0,1 Mol K_2SO_4—в 215 сек, при 0,1 Mol KNO_3—в 1070 сек., при KBr—в 1400 сек, при KJ—в 1826 сек и при $KCNS$—в 3826 сек.

Если же к раствору денатурированного альбумина прибавлялось 0.001 Mol KOH, то коагуляция при 85,0° происходила в присутствии 1 Mol солей: при K_2SO_4 - моментально, при KCl—60 сек., при KNO_3—360 сек., при KJ—несколько дней при $KCNS$—не наблю-

далась, и только при содержании 2 Mol KJ—1100 сек., 2 Mol KCNS—несколько дней.

Таким образом, осаждающее действие катионов: Li>Na> NH_4>K, Fe>Al Ba>Mg. Осаждающее действие анионов: SO_4> tartr.>Cl>Br>J> Rhod.

Мои опыты показывают, следовательно, что соединения щелочей с денатурированным альбумином, не смотря на то, что они при малом содержании щелочи еще очень чувствительны к солям, уже обнаруживают свойства эмульсоидов по отношению к различным ионам.

Если к раствору денатурированного альбумина прибавлялось 0,0002 Mol азотной кислоты, то ряд анионов не изменялся, но разница между отдельными ионами делалась менее значительной. Так, коагуляция денатурированного яичного альбумина при 75,0° требовала при содержании 0,083 Mol солей и 0,0002 Mol HNO_3 при K_2SO_4—220 сек., при KCl—1650 сек., и при KCNS—2960 сек. При такой незначительной концентрации азотной кислоты соединения с кислотою еще мало отличаются по своим свойствам от свободного белка. Но при концентрации 0,004 Mol и больше лиотропный ряд анионов делается неясным; вместе с тем начинает выступать валентность ионов. Таким образом, соединения денатурированного белка с кислотами обнаруживают и в этом случае их гидрофобно-коллоидальный характер.

Переход от гидрофобных к гидрофильным свойствам всегда сопровождается увеличением внутреннего трения раствора, что указывает, несомненно, на увеличение об'ема колоидальных частичек на счет воды; последние при сильной щелочности раствора делаются очевидно почти жидкими. Частицы же нейтрального денатурированного альбумина имеют, повидимому, желатинозную консистенцию, а частицы кислого альбумина—при максимальной их чувствительности к солям ($5{,}10^{-5}$)—почти роговую.

3. О свертывании белка под действием солей.

Растворы белков свертываются, как известно, под влиянием солей щелочных металлов обратимо, т. е. образовавшийся коагулят растворяется в воде. Так как, вместе с тем, для подобного свертывания требуется значительная концентрация соли, то некоторые авторы считаю его отсаливанием. Однако, свертывание белка солями щелочно-земельных металлов необратимо, хотя и требует большой концентрации соли. С другой стороны, и коагуляция солями щелочных металлов в присутствии кислоты делается необратимой. Кроме того, соли тяжелых металлов вызывают необратимую коагуляцию белков, хотя образующийся коагулят, не растворяясь в воде, растворяется в солях щелочных металлов и в избытке солей тяжелых металлов, вызвавших его образование. Все подобные

явления не поддавались до сих пор об'яснению только потому, что, во-первых, обратимую коагуляцию считали совершенно особым явлением; во-вторых, природа коагуляции нагреванием была не известна. Постараемся представить себе причину обратимой коагуляции и возможности перехода ее в необратимую (и наоборот) на основании всего сказанного относительно коагуляции белка нагреванием.

Микроскопирование осадков, получающихся при обратимой коагуляции белка избытком солей щелочных металлов, показывает, что коагулированный белок в этом случае по своему виду ничем не отличается от белка, коагулированного нагреванием, или от осадка, образующегося в растворах лецитина или сернистого мышьяка под действием солей, т. е., при необратимых коагуляциях. Во всех случаях коагулят состоит из очень маленьких, несомненно твердых зернышек. Возникновение осадка в растворах белка под действием избытка соли также совершенно походит на возникновение его в растворе, напр., трехсернистого мышьяка. В обоих случаях в начале прозрачный раствор делается сперва мутным, и только после этого образуются ясные хлопья об'емистого осадка. Несомненно, что раствор, напр., альбумина, к которому прибавлено большое количество соли, но который все еще продолжает быть прозрачным, не менее чувствителен к прибавлению соли, чем раствор сернистого мышьяка: капля крепкого раствора соли вызывает в обоих случаях коагуляцию. Поэтому, коллоидальное состояние таких двух растворов, в сущности говоря, одинаково. Можно предполагать, что постепенное прибавление соли к раствору альбумина делает его все более и более чувствительным к солям, т. е. сообщает ему гидрофобный характер.

Прибавление соли к раствору белка в избытке обезвоживает, очевидно, коллоидальные частицы, потому что вода, согласно закону распределения веществ между двумя растворителями, должна выходить из дисперзной фазы в дисперзирующую среду (из белка, в котором она растворена,—в соляной раствор). Вследствие такого выхождения воды коллоидальные частицы белка дожны приобретать более густую консистенцию и, в конце концов, делаться желатинозными, т. е., по своим свойствам приближаться к частицам денатурированного белка. Эмульсионный коллоидальный раствор превращается, следовательно, в суспензионный и коагуляция делается неизбежной, т. к. в растворе присутствует избыток соли.

Что коллоидальные частицы осадка, образующегося в белковых растворах под влиянием избытка солей щелочных металлов, действительно, обезвожены, доказывается тем, что белок в осадке денатурируется нагреванием гораздо скорее, чем тот же белок в растворе, несмотря на то, что избыток соли, как мы знаем, уменьшает скорость денатурации. Так как, вместе с тем, денатурация является, как мы видели, химической реакцией белка с водою (гидролизом), то сильное ускорение ее можно приписать

только увеличению содержания белка в коллоидальных частицах (денатурация ускоряется почти пропорционально содержанию белка), В моих опытах 0,6% раствор альбумина крови, диализированный в течение нескольких недель, разбавлялся двумя об'емами 0,3 норм. раствора сернокислого аммония. Через полтора часа нагревания при 70,0°С белок был лишь отчасти денатурирован. Тот же раствор альбумина разбавлялся двумя об'емами насыщенного раствора сернокислого аммония, и образовавшийся осадок нагревался при 70,0°С. Уже через 2 минуты осадок был полностью денатурирован.

Где же находится причина обратимости коагуляции белка избытком соли? Если вода действует на осадок, вызванный в белковых растворах избытком соли, то, согласно закону распределения вещества между двумя растворителями, вода должна вновь входить в коллоидальные частички белка, а соль, содержащаяся в них и на их поверхности (вследствие адсорбции при коагуляции),—выходить и растворяться в воде. Вследствие этого частички делаются вновь жидкими и образуют эмульсионный коллоидальный раствор.

Каким образом, однако, можно об'яснить, почему в присутствии достаточного количества кислоты (0,03 Mol. HCl) коагуляция белка из обратимой делается необратимой (см. Pauli)?

Выше мы видели, что кислоты в концентрациях (превосходящих 0,01 норм.) образуют с альбумином соединения, которые легче реагируют с водою, чем свободный альбумин (см. выше). Поэтому, коагулят, образованный в растворе альбумина, содержащем 0,03 Mol HCl, избытком соли, представляет собою соединение альбумина с кислотою, легче подвергающееся денатурации, которая ускоряется еще присутствием большего количества ионов водорода. О том, как сильно увеличивается скорость денатурации в присутствии 0,03 Mol соляной кислоты, можно судить из следующего опыта. 0,2% раствор альбумина крови, содержавший 0,2 Mol $(NH_4)_2SO_4$ и 0,03 Mol HCl, показывал денатурацию уже при 29,0°С в 1300 секунд, тогда как тот же альбуминный раствор, но не содержавший кислоты, при 29,0° не мог быть совершенно денатурирован. При 70,0° этот раствор обнаруживал денатурацию в 1300 секунд. Если принять во внимание, что температурный коеффициент денатурации был равен 1,5 для повышения температуры на 1° С, то можно приблизительно вычислить время, в течение которого могла бы совершиться денатурация того же раствора при 29,0°; именно оно равно $1300 \times 1{,}5^{41} = 1300 \times 16500000$ сек., т. е., около 400 лет. Однако, несмотря на такое ускорение денатурации белка в присутствии кислоты, пока альбумин находится в растворе, денатурация при обыкновенной температуре, т. е. при 17°, происходит еще слишком медленно, чтобы сделаться заметной (именно она происходив в $1300 \times 1{,}5^{12}$ сек.=47 часов). После осаждении же альбумина в кислом растворе денату-

рация его ускоряется еще в много тысяч раз и делается заметной уже при обыкновенной температуре. Следовательно причина перехода обратимой коагуляции альбумина солями в необратимую в присутствии 0,03 Mol кислоты заключается в его денатурации, т. е., в гидролизе его.

Обратимся теперь к рассмотрению необратимой коагуляции белков солями щелочно-земельных металлов. Прежде всего, нужно отметить, что по внешности эта коагуляция мало чем отличается от коагуляции солями щелочных металлов. Необходимая для коагуляции концентрация соли и в этом случае очень велика, именно, согласно *Паули* (Pauli), она колеблется между 3 и 8 нормальн. Только роданистый барий вызывает помутнение в белке куринаго яйца при содержании 1 Mol в литре, хотя помутнение появляется только через сутки. Кроме того, нужно отметить, что из опытов того же ученаго следует, что, как и в случае щелочных металлов, обнаруживаются при осаждении лиотропные свойства анионов CNS>J>Br>Cl. Вместе с тем, часть соли щелочно-земельного металла может быть заменена солями щелочных металлов: последние благоприятствуют коагуляции первой. Все указывает, следовательно, на идентичность обеих коагуляций. Остается только непонятным, почему в случае солей щелочно-земельных металлов коагуляция необратима. Однако, выше упоминалось уже, что соли щелочно-земельных металлов в высшей степени ускоряют денатурацию белка. Эти соли образуют с последним, повидимому, соединения, гораздо легче денатурирующиеся, чем свободный белок. Ускоряющее действие солей щелочно-земельных металлов мало уступает таковому кислоты. Вместе с тем, пока белок находится в растворе, денатурация при обыкновенной температуре еще мало заметна, но осаждение его вызывает его денатурацию.

Рассмотрим, наконец, действие солей тяжелых металлов на растворы альбумина. Прежде всего обнаруживается, что коагуляция, вызываемая ими, хотя и необратима, не похожа на коагуляцию белка солями щелочно-земельных металлов или солями щелочных металлов в присутствии кислоты. Прежде всего, коагуляция солями тяжелых металлов происходит уже при незначительном содержании соли в растворе. Кроме того, коагулят растворим в растворах осаждающих солей и солей щелочных металлов (*Паули* и *Феккер*—Pauli und Fecker). Мои опыты показали, что если осадок, полученный при помощи соли тяжелого металла (или раствор его в избытке реактива или в солях щелочных металлов) сильно нагреть, то происходит денатурация белка и, следовательно, необратимая коагуляция. Коагулят состоит при этом из соединения белка с солью тяжелого металла. Таким образом, осаждение белка солями тяжелых металлов само по себе не сопровождается денатурацией, несмотря на нерастворимость образовавшегося осадка в воде. Это осаждение мы должны себе представить следующим образом.

Белок образует с солями тяжелых металлов соединения, при незначительном содержании соли имеющие гидрофобный характер. Такие соединения после образования сейчас же коагулируют под влиянием остатка соли. Что здесь при коагуляции не происходит обезвоживания частиц, как в случае щелочных металлов, видно хотя бы из того, что лиотропных свойств анионов совершенно не заметно. Действуя на коагулят, избыток реактива вступает с ним в химическое взаимодействие, образуя сое инения с большим содержанием соли, которые обладают гидрофильными свойствами и поэтому вновь растворяются. Такими же свойствами обладают и двойные соединения с солями щелочных металлов (напр., двойное соединение сулемы, хлористого натрия и белка). После прибавления избытка сернокислого аммония к раствору осадка, образующегося в белковых растворах от сулемы, в хлористом натрии двойное соединение с белком выделяется вновь,—происходит коагуляция, и на этот раз обратимая. Таким образом, после растворения в поваренной соли соединения сулемы с белком теряют свой суспензионный характер и приобретают—эмульсионный. Нагревание раствора или осадка приводит к денатурации белка, содержащегося в этом войном соединении, и последнее вновь приобретает свойство суспензионных коллоидов, коагулируя уже при незначительном содержании солей в растворе. Вместе с тем, соли ртути (и вообще соли тяжелых металлов) сильно ускоряют денатурацию (см. выше); поэтому все осадки свободного или связанного белка, находящиеся в соприкосновении с солями тяжелых металлов, сравнительно быстро делаются нерастворимыми в воде и соляных растворах.

4. О свертывании белка спиртом и другими органическими веществами.

Прибавление достаточного количества спирта к растворам белка вызывает, как известно, коагуляцию последних. Очень короткое время после образования коагулят растворяется в воде, но скоро теряет эту способность, и коагуляция делается, следовательно, необратимою. Обыкновенно коагуляция белка спиртом приписывается уменьшению растворимости белка. Спиро (Spiro) рассматривает коагуляцию спиртом, как процесс аналогичный коагуляции солями, т. е., отсаливанию. Согласно Спиро, ничего нет удивительного в том, что осадок от спирта делается скоро нерастворимым в воде, потому что и осадок, вызванный солями, также может отчасти терять свою растворимость; подобное же происходит и с осадком окиси железа (l. c. p. 301—307).

Явление осаждения спиртом белка, как показали исследования Аронштейна (Aronstein, стр. 75). и Розенберга (Rosenberg, стр. 38), не удается, если раствор альбумина предварительно освобождается от солей диализом. В виду этого Розенберг пришел к

заключению, что альбумин превращается спиртом в какое-нибудь белковое тело, которое коагулируется солями и. может быть, иден-. тично с альбумином, образующимся при коаг уляции нагреванием Позднее Левис и Меллянбай (Lewis and Mellanby) предположили, что альбумин образует со спиртом соединение, которое растворяется плохо в воде.

Во всяком случае, трудно отрицать большое сходство между коагуляцией белков спиртом и коагуляцией нагреванием. Все факторы, которые благоприятствуют коагуляции нагреванием или, наоборот, препятствуют ей, аналогичным образом действуют и на коагуляцию спиртом. Альбумин, подвергнутый очень долгому диализу, приобретает, как мы знаем, свойство коагулироваться нагреванием без прибавления соли; он приобретает одновременно свойство коагулироваться также спиртом. Паули (Pauli) указывает также на связь, существующую между коагуляцией нагреванием и спиртом в отношении действия солей и кислот (Pauli III, стр. 6-8). Паули и Гандовский (Pauli und Handovsky II, 357-9) рассматривают обе коагуляции, как обезвоживающие процессы.

Спиро показал, кроме того, что метиловый и др. спирты, а также ацетон, прибавленные к белковым растворам, понижают «точку коагуляции». Этим ограничиваются все наши сведения об осаждении белка спиртом и др. органическими веществами.

Мои опыты показали, прежде всего, что постепенное увеличение концентрации спирта в растворе белка приводит к постепенному ускорению денатурации так, что при достаточном содержании спирта последняя протекает настолько быстро, что делается заметной уже при обыкновенной температуре. С другой стороны, температурный коэффициент денатурации остается одинаковым при всех концентрациях спирта. Это указывает на то, что химическая реакция между водою и белком не изменяется в присутствии спирта.

В моих опытах профильтрованный белок куриного яйца разбавлялся отчасти водою, отчасти слабым этиловым спиртом в десять раз; полученные растворы содержали 0, 4, 8 и 16 грамм спирта в 100 куб. сант. Растворы профильтровывались еще раз через 24 часа и подвергались исследованию по прежнему методу. Среднее (из шести опытов) время коагуляции было при различных температурах и концентрациях спирта следующее:

Время коагуляции в секундах.

	0	4%	8%	16%	спирта
60,00°	37	—	—	—	»
56,00°	295	—	—	—	»
55,00°	465	—	—	—	»
53,00°	1110	1035	—	—	»
51,00°	2760	265	75	—	»
49,00°	—	710	140	—	»

47,00°	—	1820	445	15	спирта
45,00°	—	—	1260	47	»
42,00°	—	—	—	200	»
40,00°	—	—	—	480	»
38,00°	—	—	—	970	»
Темп. коэфф. для темп. увел. на 1°	1,59	1,61	1,61	1,59	»

Схожие результаты мною получены также и в опытах с кристаллическим альбумином (0,7%, к которому для возможности коагуляции прибавлялось 0, 1 Mol $(NH_4)_2SO_4$. Температурный коэффициент был в этом случае при всех концентрациях равен 1, 7.

Мы видим, таким образом, что спирт оказывает сильное ускоряющее влияние на денатурацию. При очень большой концентрации спирта последняя начинает происходить так скоро, что делается заметна и при обыкновенной температуре. Если же принять во внимание, что в осадке белок денатурируется всегда скорее, чем в растворе (см. выше), то делается вполне понятным, что белок вскоре после осаждения спиртом теряет способность растворяться в воде, т. е., денатурирует. Что эта потеря является действительно следствием денатурации, доказывается тем, что температурный коэффициент превращения осадка, полученного в белковых растворах спиртом, в нерастворимую модификацию совершенно равен температурному коэффициенту денатурации. Так, в моих опытах коагулят, полученный в 0, 6% растворе альбумина крови прибавлением к нему равного об'ема спирта, терял свою способность растворяться в воде при 25,0° С втечение 25 минут, при 30,0° С—в 1½ минуты, т. е. температурный коэффициент для повышения температуры на 1° С равнялся 1,7.

Если, следовательно, потеря растворимости белка является следствием денатурации, то нужно об'яснить теперь, почему белок осаждается спиртом и почему для его осаждения необходимы соли.

Нужно иметь, прежде всего, в виду, что для осаждения белка спиртом нужно присутствие приблизительно такого же количества солей, какое необходимо для коагуляции денатурированного белка. Поэтому, необходимо предположить, что свойства раствора белка изменяются спиртом таким образом, что он теряет свойства эмульсоида и приобретает свойство суспензоида.

Выше было указано, что *Спиро* сравнивал осаждение белка спиртом с осаждением его избытком соли. Действительно, в том и другом случае коагуляция обратима. Таким образом, алькоголь действует на белок так же, как соли, т. е., отнимая от его коллоидальных частичек воду. Действительно, после прибавления спирта к раствору белка, вода должна выходить из частичек согласно распределению вещества между двумя растворителями, т. к. спирт не растворяется в белке, а вода, смешивается со спиртом во всех отношениях и лучше растворяется в спирте, чем в белке. Вследствие

такого выхождения воды вязкость вещества жидких частичек увеличивается, и при большом содержании спирта (40—45%) они могут сделаться, наконец, желатинозными или более твердыми, т. е. белковый раствор приобретает свойства суспензионного коллоидального раствора. Если в растворе имеется достаточное количество соли, то неизбежно наступает коагуляция. Если солей недостаточно, последняя происходит только после их прибавления. Вместе с тем, если спирт сравнительно короткое время действовал на образовавшийся осадок и денатурация еще не наступила, то действуя на него водою, мы заставляем ее вновь входить в частички белка и делать их жидкими, т. е., превращать белок внов в эмульсионный коллоид, растворяющийся в ней.

Обезвоживающее действие спирта на коллоидиальные частички является, вероятно, причиною ускорения денатурации, потому что последняя приходит быстрее при большем содержании белка (см. также стр. 23). Непонятным, может быть, кажется, почему соли щелочных металлов, которые действуют на белок обезвоживающе, не ускоряют вместе с тем денатурацию. Однако, надо принять также во внимание, что соли в таких больших концентрациях, какие нужны для осаждения белков, сильно понижают электролитическую диссоциацию, а следовательно и содержание ионов водорода в белковом растворе, что должно вызывать сильное замедление денатурации. Оба эти влияния приводят лишь к сравнительно слабому замедлению денатурации (см. выше), если белок еще остается в растворе,—к ускорению реакции, если белок уже так обезвожен, что переходит в осадок.

Все органические вещества, смешивающияся с водою в неопределенных отношениях, напр., метиловый спирт, ацетон и др. или легко в ней растворяющиеся, напр. хлорал-гидрат, действуют на белок, очевидно, совершенно так же, как этиловый спирт: они обезвоживают частицы белка, ускоряют денатурацию и приводят к образованию осадков, легко теряющих свойство растворяться в воде. Однако, такие смешивающиеся с водою вещества или в ней легко растворяющиеся, как глицерин и сахар, действуют иначе, потому что некоторые из них, напр., сахар, легко растворяются в белке, и таким образом коллоидальные частицы последнего не отдают воды, но последняя заменяется сахарным раствором; это не приводит к увеличению концентрации белка в частицах и вместе с тем не делает их твердыми. Глицерин же настолько повышает внутреннее трение жидкости, что никакое передвижение частичек, а следовательно, и их слипание для образования коагулята делается невозможным. Глицерин сильно уменьшает, а при больших концентрациях даже останавливает коагуляцию денатурированного белка. Из других органических веществ, легко растворяющихся в воде, мочевина действует на белок, как щелочь, образуя с ним соединения, имеющие аналогичные свойства, как и соединения с щелочами, т. е., эмульсоиднаго характера.

Органические вещества, плохо растворяющиеся в воде, такие, как напр., эфир, бензол, хлороформ образуют в воде, как показали мои исследования еще не опубликованныя, только коллоидальные растворы. Вместе с тем, на границе воды и органической жидкости белок сильно конденсируется (благодаря адсорбции) и может, благодаря этому, денатурировать. На границе белковых растворов с эфиром, хлороформом и др. при стоянии действительно образуются адсорбционная пленка, нерастворимая в воде. Поэтому после прибавления их к растворам белка скорость денатурации увеличивается. Но такие мало растворяющиеся в воде жидкости, как бензол, для того, чтобы вызвать заметное его действие, приходится предварительно взбалтывать с белковым раствором.

Список цитированных работ.

Aronstein. B. Pflüg. Archiv. Bd. 8. 1874. p. 75.
Sv. Arrhenius. Żeitschr. f. phys. Chemie Bd. 4 (1889) p. 239
Buglia. Żeitschr. f. Chemie u. Ind. d. Kolloide. 1909. Bd. 5, p. 291
Chick. H. and Martin C. I. 1 Iournal of Physiology. Vol 40 (1910)
II „ „ „ Vol 43 (1911-12)
III „ „ „ Vol 45 (1912-13)
Hardy. I Journal of Physiology. Vol 24 (p 1899) p. 158
II Zeitschr. f. phys. Chemie. Bd. 33 (1900) p. 385-400
III Journal of Physiology Vol. 30 (1905-6) p. 251-337
IV Proc. Rojal Soc. 44 vol. (1900) p. 110
Heynsius Pflüger's Archiv Bd. 9 (1874) p. 514
Hoffmann. F. A. Żentralblatt f. Klinische Medizin. 1889 p. 793 u. 1890 p. 521
Kieseritzky. Die Gerinnung etc. Dissertation. Dorpat. 1882
Lillie. American. Journ. of. Physiol. Vol. 20 (1907) p. 127
Michaelis. Phys-chem. d. Kolloide. Richter-Karangi's Hdb. II p. 397
Rosenberg Al. Vergleich. Unters. betr. Alkalialbuminate etc. Dissertation. Dorpat. 1883.
Pauli, Wo. I Pflüger's Archiv. Bd. 78. p. 315
II Beitr. ż. chem. Physiol. u. Pathol. Bd V. 1904, p. 47-52.
III Kolloidzeitschrift Bd. III (1908) p. 2-10
Pauli, Wo. und Fecker Leo. Biochemische Żeitschrift. Bd. 41 (1912) p. 502
Pauli, Wo und Handovsky H. Hofmeister's Beiträge. Bd. 11 (1908) p. 415. Biochem. Żeitschrift. Bd 18 (1909) p 340
Spohr Żeitschrift f. pzys. Chemie. 4. (1889) p. 237
Spiro. Beitr. z. chem Phys. u Pathol (Hofmeister's) Bd. IV. 1904, p. 300.

М. П. Соколовский.

К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.

(*Из лаборатории общей патологии Саратовского унив. проф. А. А. Богомолец*).

I.

Целью настоящей работы является изучение путей распространения инфекции из брюшной полости.

Если защитные средства организма в борьбе с бактериями внутри брюшной полости хорошо изучены целым рядом выдающихся ученых конца 19 и начала 20 века, то относительно путей распространения бактерий из брюшной полости имеется сравнительно немного работ. Между тем, изучение этого вопроса имеет большое практическое значение.

Задача хирурга у постели больного перитонитом заключается в том, чтобы помещать распространению инфенкции по всей брюшной полости.

Местные перитониты всегда протекают лучше, чем перитониты захватывающие всю брюшную полость. В виду этого приобретает бо ьшое значение детальное знакомство с теми путями, по которым распространяется инфекция и изучение условий борьбы с инфекцией внутри брюшной полости.

Лимфатическая система брюшной полости является, если можно так выразиться, естественным дренажем, который должен, казалось бы, принимать участие в процессе элиминации бактерий.

Поэтому изучение значения лимфатических сосудов при элиминации микроорганизмов из брюшной полости казалось особенно важным.

Но при знакомстве с литературой данного вопроса было установлено, что до сих пор физиология лимфатической системы

не изучена во всех деталях с исчерпывающей полнотой. Так, например, в настоящее время нет единой общепризнанной теории лимфообразования.

Из трех господствующих в физиологии теорий лимфообразования (Ludvig'a, Heidenhain'a и Ascher'a) каждая имеет своих сторонников, которые в виду малочисленности исследований о физиологии лимфатической системы стараются почерпнуть доказательства в пользу своей теории из каждого прочно установленного экспериментального или клинического факта.

Все попытки до Людвига построить теорию лимфообразования были основаны исключительно на умозрительных, не основанных на фактах и достаточно не проверенных, экспериментальных данных.

Ludvig на основании своих работ и на основании целого ряда исследований своих учеников (Noll, Krause, Schavand, Tomsa, Lesser, Zawilsky, Пашутин, Emminghaus) разработал фильтрационную теорию лимфообразования. Основывается она на следующих эксприменталъных данных.

Лимфатические сосуды представляют такие же сосудистые сети, как и кровеносные сосуды. Лимфатические сосуды начинаются в лимфатических щелях, куда изливается жидкость из кровеносных сосудов и куда поступают продукты обмена веществ тканевых клеток. Лимфа течет в своих сосудах постоянно, очень оживленно и под небольшим давлением. Этот ток лимфы, по Ludvig'у подвергается изменениям в зависимости от кровяного давления. Доказывает это Ludvig таким опытом, произведенным им совместно со своим учеником Tomsa.

В лимфатический сосуд семенного канатика вставлялась тонкая канюля, соединенная со стекляной трубкой, на которой были нанесены деления.

Таким образом, определялось количество лимфы. Затем вены семенного канатика постепенно стягивались, и отмечалось количество лимфы.

Найдено, что в среднем на 3 опытах количество лимфы, при сужении просвета в венах семенного канатика, увеличивалось на 59% по сравнению с нормой. Если же совершенно перевязать эти сосуды, ток лимфы увеличивается только в 3,7 раз.

Для изучения влияния кровяного давления на лимфоотделение Ludvig и Tomsa вводили через сонную артерию тонкий резиновый баллон в аорту. Наполняя баллон жидкостью, можно совершенно прекратить ток крови в аорте. Если ток крови был прекращен совершенно, то, как правило, лимфа не выделялась совсем. При незначительном уменьшении давления, соответственно уменьшается и ток лимфы.

Ludvig, разбирая выше изложенные опыты, приходит к заключению, что разница давления в кровеносных капилярах и лим-

фатических щелях обусловливает поступление жидкой части крови в лимфатические щели. Механизм перехода жидкости из крови в лимфатические щели лучше всего может быть об'яснен фильтрацией. Действительно, в лимфе количество белка менее, чем в крови.

Schmidt, фильтруя белковые растворы через сердечную сорочку, получил в фильтрате белка на 0,3—0,8% менее, чем в фильтруемой жидкости. Подобно тому, как Tomsa у убитой собаки пропускал через сосуды яичка сыворотку, взятую от другой собаки, нашел в жидкости из лимфатических сосудов белка меньше на 0,65—1,9%. Целый ряд других исследователей, из которых могу указать на Роговича и особенно Colson'а установили полную зависимость между давлением в артериях и лимфообразованием. Colson пользовался методом, разработанным в лаборатории Ludwig'а. В ductus thoracicus у места его впадения в v. jugularis вставлялась канюля, в аорту вводился резиновый баллон, который наполнялся водой до прекращения пульса в бедренной артерии. Как только ток крови в аорте был прекращен, через одну минуту прекращался и ток лимфы из ductus thoracicus. На основании всех вышеприведенных работ в физиологии до 90 годов, как говорит Heidenhain, физическая теория лимфообразования была общепризнана, основания ее твердо установлены, и Heidenhain считал излишнем их экспериментальную проверку,

Между тем, некоторые факты, добытые Ludwig'ом и его учениками не могли быть удовлетворительно об'яснены фильтрационной теорией, например Lesser'ом установленный факт, что у животного при полной остановке сердца, следовательно после смерти, лимфа выделялась в течении 69 мин. Противоречивые наблюдения Пашутина и Emminghausen'а о лимфоотделении при увеличенном поступлении крови в артерии и другие факты заставляли сомневаться в правильности этой теории и вносить в нее те или другие поправки.

Пашутин, по признанию Heidenhain'а, первый указал на значение живых клеток сосудистых стенок, которые захватывают жидкие составные части кровяной сыворотки. Но от этого предположения было еще далеко до стройной секреционной теории лимфообразовании Heidenhain'а.

Секреционная теория лимфообразования Heidenhain'а основана на большом количестве экспериментальных фактов и до настоящего времени, несмотря на ряд возражений, имеет своих многочисленных сторонников.

Исследования Ludwig'а и его учеников послужили основанием для представления об образовании лимфы из крови.

Лимфа есть фильтрат крови, и ее количество увеличивается и уменьшается в зависимости ет величины D-d. D обозначаетт

давление крови внутри кровеносных капилляров, а d давление лимфы в тканевых щелях, окружающих капилляры.

Действительно, из прежде цитированных работ видно, что образование лимфы увеличивается, если давление в лимфатических щелях понижается вследствие уменьшения в них жидкости или если давление в капиллярах повышается вследствие с'ужения или замыкания вен. Heidenhain задался целью установить зависимость тока лимфы из ductus thoracicus от артериального давления.

Раньше было упомянуто, что Colson опубликовал работу, целью которой было изучить влияние артериального давления на лимфообразование. Он вводил в аорту резиновый баллон и наполнял его водой до тех пор, пока прекращался пульс в art. femoralis.

По его исследованиям, как только прекращался ток крови, прекращался и ток лимфы из ductus thoracicus.

Colson на основании своих опытов пришел к заключению, что активность циркуляции лимфы прямо зависит от кровяного давления в артериях. Гейденгайн пользовался этим же методом для уменьшения или полного прекращения тока крови в аорте. Вставив катетер в аорту, в него впрыскивали воду и по манометру Гюртля наблюдали падение давления в бедренной артерии. Кровяное давление не всегда падает до нуля. Не редко можно наблюдать повышение пишущего пера, после того как оно пало уже до абсциссы. Зависит это от того, что, несмотря на прекращение тока в верхней части аорты, при посредстве коллятералей в позвоночнике небольшое количество крови доставляется в брюшную аорту. Особенное внимание нужно обратить при подобных опытах на положение катетера. В единичных случаях, говорит Гейденгайн, я видел, как и Кольсон, что почти непосредственно после наполнения разинового баллона ток лимфы из грудного протока останавливается совершенно. Эта остановка вызывается механическим сдавливанием грудного протока. Если катетер, вставленный через правую сонную артерию потянуть вверх, а вставленный через левую втолкнуть внутрь, тотчас лимфа опять закапает из канюли. Опытов с уменьшением или полным прекращением тока крови в аорте Гейденгайном поставлено шесть. Прежде всего, установлено, что, вопреки мнению Кольсона, лимфа отделялась 1—2 часа после полной закупорки аорты. Можно было бы, предположить как думал Лессер, что изливающаяся после закупорки аорты лимфа, есть собранный до сих пор запас, который мало по малу выливается вследствие сжатия стенок лимфатических сосудов. Но этому предположению противоречит тот факт, что состав лимфы после закупорки аорты значительно изменяется. Вначале лимфа, бывшая до сих пор светлой, посли закупорки аорты, как правило, мутнеет. Эта муть зависит не от увеличения жира, а происходит от молекулярной мутности (moleculäre Trübung), зависящей от присутствия в ней очень плохо преломляющих свет, плохо ограничен-

ных маленьких глыбок, которые под микроскопом придают лимфе совершенно мутный вид и состоят пз альбуминатов. Лимфа имеет подобный вид все время закупорки аорты. К концу долго продолжающейся закупоркой аорты лимфа становится слегка желтой или красной. Кроме изменения внешняго вида отмечается увеличение процентного содержания твердых и органических составных частей лимфы—в некоторых опытах почти вдвое. Затем при обтурации аорты уменьшается способность лимфы свертываться. До закупорки аорты достаточно нескольких минут, чтобы лимфа совсем свернулась. После закупорки лимфа в течении ближайших дней остается еще жидкой. Гейденгайн заключает, что при остановках тока крови в аорте изливается не прежде образованная лимфа, но образуется новая лимфа. Для указания на те изменения, которые производит закупорка аорты на ток лимфы, приведу один из протоколов опытов Гейденгайна.

Опыт 3. Полная обтурация грудной аорты собаки 9, 6 к. веса.

Время, Лимфа.	Лим. в 10 мин.	Процен. содержание	Давление.	Замечания.
1) 9 ч. 13 м.—35,8	3,8 к. с.	6,11%	90—100	Введен и наполнен.
2) 10 ч.—30 м. 2,6	0,86 к.	—	0	баллон.
3) 30 м.—40 м. 4,0	4,0	6,60%	0	белая
4) 40 м.—50 м. 3,0	3,0	7,89	0	
5) 50 м.—60 м. 2,2	2,2	—	—	
6) 11 ч. 6 м.—16 м. 2,8	2.8	—	—	
7) 11—21 м. 1,9	1,9	—	—	
8) 21—31 м. 1,5	1,5	—	—	
9) 31—41 м. 2,0	2,0	9,59	—	
10) 41—51 м. 1,5	1,5	—	87	

Наблюдаемое замедление тока лимфы после введения баллона вызывалось механическим сдавлением резиновым баллоном.

Из других пяти опытов ясно, что не существует никакого параллелизма между давлением крови и лимфообразованием.

Если закупоренную аорту через известное время освободить, то вначале происходит более или менее значительное ускорение тока лимфы, но потом опять происходит замедление. При этом в лимфе отмечается больше красных шариков, т. к. кровеносные капилляры вследствие долгой анемии менее удерживают красные шарики. Процентное содержание твердых составных частей увеличивается еще более. Гейденгайн на основании этих опытов считает,

что трудно об'яснить при помощи фильтрационной теории тот факт, что при понижении артериального давления до 0, ток лимфы продолжается еще в течение двух часов. Правда, количество лимфы постепенно уменьшается, но зависит это от того, что лимфа не фильтруется капиллярными стенками. При помощи их она отделяется, подобно секрету желез. При задержке тока крови в аорте секреторная способность капиллярных стенок постепенно парализуется, как можно наблюдать при аналогичных условиях, например, на слюнной железе.

Если предположить, что лимфа фильтруется, то непонятно, с физиологической точки зрения, увеличение процентного содержания твердых веществ в лимфе при минимальном артериальном давлении.

При искусственном венозном застое, вызванном перевязкой vena porta и vena cava inferior, Heidenhain также получил значительное увеличение количества лимфы из грудного протока.

Заслугой Heidenhain'a является открытие им особых веществ, вызывающих ускорение тока лимфы—эти вещества названы им „лимфагога". Лимфагога разделяются Heidenhain'ом по роду их действия на две различные группы: на лимфагога первого и второго ряда.

Лимфагога первого ряда увеличивают лимфообразование вследствие увеличенного поступления жидкости из крови в лимфатические пространства.

Лимфагога второго ряда вызывают усиленный переход воды из тканевых элеменгов (клеток, волокон) в лимфатические пространства.

Heidenhain относит лимфагога первого ряда к энзимам. Он об'ясняет их действие таким образом.

На слюнные железы, желудок, pancreas оказывают известное постоянное действие некоторые субстанции; точно так же и на лимфообразование действуют некоторые вещества, после ин'екции их в кровь.

Природа и состав их неизвестны.

К лимфагоге перваго ряда Heidenhain относит мускулы рака, голову и тело пиявки, тело речной раковины, кишки и печень ксобаки, пептон и куриный белок.

К лимфагога второго ряда относятся виноградный сахар и растворы солей NaCl, $NaNo_3$, Na_2SO_4 и Na.

При впрыскивании в кровь лимфагога, ток лимфы во много раз увеличивается без какого-либо изменения со стороны кровяного давления.

Этот факт никаким образом не может быть об'яснен с точки зрения фильтрационной теории. Итак, Heidenhain утверждает, что в процессе лимфообразования главное участие принимают живые

эндотелиальные клетки капилляров; кровяное давление не является движущей силой при лимфообразовании, так как совершенно невозможно об'яснить механической фильтрацией образование лимфы при давлении в аорте, равном 0 или близком к 0.

Heidenhain считает, что при некоторых условиях физические законы диффузии и фильтрации при лимфообразовании имеют место.

Так, например, увеличение тока лимфы из грудного протока при перевязке воротной вены может быть об'яснено фильтрацией составных частей крови в лимфатические щели; но при всех других условиях и в здровом организме, клетки сосудистого эндотелия играют активную роль, захватывая из крови и переводя в лимфатические щели вещества, нужные для того или другого органа.

Механизм действия открытых Heidenhain'ом лимфагога, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор еще удовлетворительно не об'яснен.

Вообще можно сказать, что и после Heidenhain'a многое еще осталось темного и неясного в физиологии лимфатической системы.

Противнику секреторной теории Starling'y удалось установить важный факт, который безусловно лег в основу дальнейших исследований ученика Starling'a Bainbridge'a и особенно Ascher'a.

Starling, изучая действия лимфагога первого порядка, заметил, что, если предварительно перевязать главные лимфатические сосуды печени, лежащие на vena porta, то пептон, экстракт мускулов рака не действует совсем или мало действует лимфогонным образом.

Следовательно, в печени образуется та лимфа, которая изливается из ductus thoracicus при внутривенном введении лимфагога первого ряда. От этого наблюдения недалеко было до предположения, что образование лимфы связано с работой органов. Затем Hamburger установил, что при работе мускулов количество лимфы увеличивается.

Опыты более старых исследователей—Ludwig'a и его школы подтверждают этот факт.

Ascher вместе со своими учениками (Barbera, Gies, Busch, Erdely, Kusmine) разработали так называемую клеточно-физиологическую теорию лимфообразования.

Основанием для нее послужил ряд фактов, добытых теми же авторами, из которых можно было заключить, что лимфа является продуктом жизнедеятельности тканей.

Была установлена связь между работой органа и отделением лимфы, что особенно хорошо можно демонстрировать на

слюнной железе. Если у собаки вызвать усиленное отделение слюны, вложив ей в рот фильтровальную бумагу, смоченную кислотой, то из шейного лимфатического сосуда наблюдается увеличение тока лимфы. Затем внутренние ин'екции желчи, которая, как известно, повышает работу печени, вместе с тем вызывают увеличение тока концентрированной лимфы из грудного протока.

И обратно, при впрыскивании лимфагога, например, пептона одновременно увеличивается и отделение желчи.

Итак, в физиологии в настоящее время имеются три вышеизложенные теории лимфообразования. Старая фильтрационная теория Ludwig'а еще до сих пор имеет своих защитников, из которых могу указать на видного английского физиолога Starling'а.

Теории Heidenhain'а и Ascher'а каждая имеют своих многочисленных сторонников.

Следовательно, в таком важном кардинальном вопросе, как вопрос лимфообразования, в физиологии нет единомыслия.

Точно так же в настоящее время нет общепризнанного мнения относительно того, каким образом соединяются лимфатические сосуды с полостью брюшины.

Целый ряд исследователей, о чем будет подробно сказано дальше, высказываются за открытое соединение лимфатических сосудов с брюшной полостью.

Но с другой стороны, ряд других исследователей отрицают такое соединение.

Полость брюшины, как известно из эмбриологии, является отделом первичного кишечника. «Эпителий брюшины происходит из эпителия первичной кишки. Всасывательная способность, соответственно такому происхождению серозных мешков, остается за ними в высокой степени в течение всей жизни; в такой же степени присуща им способность к сильной выделительной деятельности»—говорит Раубер.

При всасывании жидкости и при элиминации бактерий из брюшной полости, какое участие принимают лимфатические сосуды, которые являются естественными дренажами лимфатических щелей и серозных полостей, по удачному выражению Heidengain'а?

По этому вопросу точно так же имеется несколько противоречивых исследований, которые будут изложены в обзоре литературы.

Целью моей работы было исследовать пути распространения инфекции из брюшной полости; но так как роль лимфатических сосудов при всасывании из брюшной полости еще недостаточно выяснена, то изучение участия лимфатических сосудов при явлениях всасывания казалось особенно важным.

Для осуществления этой задачи мы были поставлены в особенно неблагоприятные условия.

Настоящая работа была начата за два года до всемирной войны.

Будучи призванным на военную службу и находясь полных три года в действующей армии, мы не могли продолжать начатое научное исследование.

Продолжение настоящей работы совпало с революцией, гражданской войной и последующей всеобщей разрухой. Последняя особенно сказалась на возможности вести какую-либо научную работу.

Благодаря отрезанности России от всего мира, я мог пользоваться литературными источниками, кончая 1914 годом. Затем я имел возможность получать нужные мне книги только в библиотеке Саратовского Университета, в которой не имеется полных комплектов даже самых распространенных журналов, особенно за старые годы.

Поэтому с большинством очень важных работ приходилось знакомиться по рефератам, не имея под руками оригиналов этих работ.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, может быть, в ниже приведенном литературном обзоре кое-что и упущено; но это произошло не по вине автора.

(Продолжение следует).

В. Н. Ивановский.

Логика истории, как онтология единичного.

(*Окончание*) [1]).

XI.

Перейдем теперь ко взглядам автора на *историю*, *как науку*. В противоположность философии истории, история, как наука, имея предметом тот же исторический процесс, состоит „не в истолковании его онтологического носителя, а в изображении этого процесса в его эмпирическом обнаружении" (стр. 24).

По следам Бернгейма, автор различает „три ступени в образовании исторической науки: 1) историю повествовательную, или реферирующую, 2) историю поучающую, или прагматическую, 3) историю развивающую, или генетическую" (или, как далее предлагает автор, „об'яснительную", а также „научную".) [2])

Между „прагматической" и „об'яснительной" историей автор „констатирует один переходный тип истории", который он предлагает назвать *моментом*, *или стадией философской*

---

[1]) См. № 1, стр. 14—25.

[2]) Вряд ли можно считать обоснованным утверждение автора, будто в «научной истории (в силу того, что она «предполагает уже соответствующее понимание своего предмета») на первом плане стоит идея единства человеческого рода». Простая фактическая справка показывает не только то, что «научную историю» можно строить и не на «всемирно-историческом» принципе, выражающем «единство человеческого рода», но и то, что современные научные построения в истории преимущественно исходят из иного—местного, территориального начала. На памяти нашего поколения велись интересные и поучительные споры о значении в научной истории этих двух принципов, и «научная» история связывалась, в противоположность взгляду автора, скорее с началом местным. Кроме того, нам не ясно, почему автор полагает, будто «название истории «генетической» совершенно предвзято и подсказывает биологические или органические аналогии, что не только само по себе подвержено сомнению, но сильно может стеснять свободу и непредубежденность дальнейшего анализа». Что касается до меня, то я не нахожу, чтобы в значение термина «генетический» входили какие-либо специфические ассоциации биологического характера.

истории (стр. 26) [1]). На этой „философской стадии", по автору, постепенно—на основе сначала „чисто отрицательной работы разграничения и отделения—намечается положительный результат, точная формулировка или сознание которого уже приводит к научной, об'яснительной истории" (27). Автор не подтверждает этой своей схемы ни одним конкретным примером, ни одним историческим фактом; между тем, по смыслу этой схемы она как будто бы имеет своим предметом фактический ход развития историографии.

Не подтверждает автор фактами и дальнейших своих, уже *чисто фактических*, *исторических* утверждений. А именно: «в исторической науке, говорит он, это методологическое самоопределение начинается с отграничения исторического метода и исторического предмета прежде всего от методов математического и естественно-научного. История представляется тогда как исключительная область чистой эмпирии». В дальнейшем «самым важным является отделение методов *сравнительного* и исторического в применении к предмету социального». Наконец, «история перестает быть философской историей и становится историей научной, когда она выделяет из себя, в виде особой и самостоятельной дисциплины, *философию истории*» (27—28), и периодом философской истории автор считает XVIII век, в частности, эпоху просвещения.

Мысли эти вызывают некоторые замечания. Ведь ряд более или менее удачных и плодотворных попыток философского конструирования и истолкования истории проходит через все века в виде то религиозных схем истории (от пророка Даниила, через Августина до Боссюэ), то различных научных теорий исторического процесса, развитых со времен Гоббза и других мыслителей XVII века, кончая основоположниками главных направлений социологии в XIX-м веке...

---

[1]) Не ясно, почему автор полагает, что «этот момент философской стадии есть момент собственно исторический для науки истории, в противоположность прежнему, до-историческому»...Точно так же не улавливаем мы и отчетливого смысла двух следующих фраз: «Этот момент характеризуется некоторой дифференциацией сперва неопределенного по составу знания, так что из него выделяется некоторая об'единенная и однородная система. В исторической науке этот момент наступает тогда, когда она достигает стадии спецификации своего предмета и след. приходит к идее какого-то особенного методологического единства». Ведь, во-первых, казалось бы, то или иное „особенное методологическое единство» есть условие и основа всякого вообще типа истории, в том числе и повествовательного, и прагматического. А затем неясно, что представляют собою эти «стадии»; если это моменты, фазисы эволюции действительного развития историографии,-то тут в области фактической историографии, дело, конечно, обстоит и гораздо сложнее, и гораздо разнообразнее в зависимости от массы условий времени, места, момента, личностей историографов, их тенденций и т. д. Если это—фазисы какого-то, так сказать, идеального типа развития историографии, то в истории—всякой, в том числе и в истории историографии—такие схемы развития имеют очень ограниченную и условную ценность.

Внешним признаком «наступления и наличности в исторической науке периода философской истории» автор считает «прежде всего стремление обнять свой предмет во всей его конкретной полноте и всеобщности. Поэтому это есть период по преимуществу *всеобщих*, или *универсальных* историй» (30). И хотя, «как констатирует историография, на ряду с стремлением к универсальности всегда обнаруживается также стремление к составлению историй национальных, народов и государств, но опять-таки «в целом», в их конкретном единстве». Как в универсальных, так и в частных историях на этой стадии воздвигается та или иная идея», или «точка зрения».

Все эти положения, не подкрепленные историческими фактами развития историографии, кажутся нам и не совсем ясными, и не обоснованными, и наконец бесплодными. Историю историографии надо не конструировать таким путем, как это пытается делать автор, а изображать на основании фактического изучения материала. Автор этого не делает, и отсюда ряд недоумений.

«Стадия философской истории», период «универсальных историй» характеризуется у автора тем, что в течение этого периода 1) пишутся как всеобщие, так и частные истории, 2) что в тех и других проводится «идея, или точка зрения». Нам кажется, что оба эти признака приложимы почти ко *всякому* пери ду: всегда могут писаться, и почти всегда писались, истории обоих типов, всегда имелась (даже еще у Геродота) «точка зрения». Какие же признаки характерны для периода философских историй? И в каком смысле можно назвать периодом универсальных историй тот период, когда, «*как констатирует историография*», пишутся и частные истории? И действительно ли историю историографии можно разделить на такие, *по существу* один от другого отличные периоды?.. На все эти вопросы у автора ответа нет.

Позже, по автору, «для философов философская история сменяется *философией истории*, когда удается подметить идею и смысл исторического процесса не путем внешнего привлечения «точек зрения», а путем имманентного раскрытия смысла самого предмета, а для историков философская история сменяется научной историей, когда ее об'яснение и теории проникаются сознанием своей специфичности» (31) [1]. «Философия истории, заключает автор этот параграф, берет тот же предмет, что и наука истории, но «не в его эмпирической данности, а в его идее или в его идеальной данности».

---

[1]) Так как здесь уже из прямой формы выражения видно, что идет речь о *фактах*—о том, что происходит с „философской историей“ для *философов* и для *историков*, то тут особенно нужно было бы фактическое обоснование. Нам кажется, что и здесь фактически дело обстояло сложнее: были философы и философы, историки и историки—для одних было так, для других иначе, и вряд ли такие общие формулы могут охватить все важнейшие факты.

Что же такое теперь эта «идеальная данность предмета истории»? Автор лишь мимоходом намекает на содержание этого понятия, упрекая в след. параграфе тех, кто «под философией истории понимают не метафизическое или онтологическое изучение исторического процесса, а изучение исторического познания, т. е. или соответствующей психологии, или соответствующей логики и методологии» (31—32).

Итак, во-первых, «идеальная данность» предмета истории, фигурирующая в философии истории, не связана ни с психологией, ни с логикой и методологией исторического познания. Оставляя в стороне психологию, мы никак не можем согласиться с устранением логики и методологии от «идеальной данности» предмета истории: мы убеждены, что эта идеальная данность есть предмет и логики, и методологии, так как все утверждения относительно *бытия* суть *утверждения* относительно бытия, и всякая метафизика и онтология есть одно из решений известной методологической задачи. Автор, напротив, в противоречие со своими прежними заявлениями относительно логики, как основной философской науки, тут противополагает логику и методологию истории «метафизическому или онтологическому изучению исторического процесса». Вообще и этот пункт для нас не ясен.

Итак, повидимому, по автору, «философия истории» есть „метафизическое или онтологическое изучение исторического процесса." Такому пониманию его мысли отвечает и дальнейшее содержание 1-й части его исследования: он ищет зародышей метафизики, или рационалистической онтологии, единичного (или индивидуального) в сфере социальной действительности.

XII.

Коснемся теперь еще вопроса о логическом типе исторических утверждений, как его понимает проф. Шпет.

Полемизируя с Г. Риккертом, он указывает, что в истории нет, правда, законов, но что отсюда вовсе еще не следует, чтобы в ней все сводилось на «ценности»—на теоретическое отнесение к ценностям, как понимает сущность исторических изысканий Риккерт. Помимо законов и ценностей, по словам автора, есть еще одна логическая категория,—это *теории* (об'яснительные). И „неизвестно, почему об'яснительная теория должна принять форму установления закона?" (55). Так, напр., все «теории о происхождении Руси формально-логически сходны в том, что не устанавливают естественно-научных законов, но все являются причинно-об'яснительными гипотезами и теориями».

Нам кажется, что автор неправильно противополагает «об'яснительные теории» «законам (естествознания)». Это понятия диспаратные, но отнюдь не исключающие друг друга. Важнейшая часть «законов» реальных номотетических наук выставляется как

раз в качестве «об'яснительных" гипотез и теорий, и таким образом эти последние имеют своим содержанием именно *то самое*, что гласит закон. Об'яснительная гипотеза (или теория) и закон-это частию два фазиса, частию две стороны одного и того же логического процесса. Все науки для „об'яснения" непосредственно воспринимаемого то и дело создают такие об'яснительные гипотезы, часто становящиеся потом теориями и законами...

Далее, обозначение исторических построений такого типа, как „теории о происхождении Руси", именем „причинно-об'яснительных гипотез (или теорий)" не должно закрывать от нас очень важного различия между историческими и естественно-научными „причинными" об'яснениями. В естественно-научных об'-яснениях мы об'ясняем известные *общие наблюдаемые* явления глубже их лежащими, *прямо не наблюдаемыми* фактами; таково, напр., об'яснение наблюдаемых явлений света ненаблюдаемыми прямо колебаниями эфира или движениями электрических частиц. Напротив, в исторических „причинно об'яснительных гипотезах и теориях" мы имеем предположительное *установление смежного* с данным и „причинно" с ним связанного *однократного события*, *по сущности своей бывшего вполне доступным наблюдению* и лишь „случайно" не зарегистрированного никем из фактических его свидетелей. Это предшествовавшее данному событие будет по отношению к нему, конечно, *в известном смысле* „причиной", но отнюдь не об'яснением его в смысле естественно-научных „об'яснений". Все вообще реальные науки устанавливают *факты*—либо единичные, либо общие. Общие факты об'ясняют единичные (и сами об'ясняются из более *глубоко лежащих или более общих*). Из единичных фактов предыдущие в известном смысле тоже „об'ясняют" последующие. Но это два совершенно различных типа „об'яснения". „Об'ясняющие" *исторические* факты столь же *единичны*, как и те, которые ими об'ясняются; и подтверждаться окончательно они должны также как *единичные* факты (т. е. свидетельствами и т. д.), а не вводиться, в качестве *общих* гипотез и теорий, проникающих в *глубину* явлений, как это имеет место в „естественных" (точнее было бы сказать: в реальных номотетических) науках. И когда свидетельства в пользу таких предыдущих исторических фактов недостаточны, они *конструируются в той же* плоскости действительности, в какой лежат и об'ясняемые ими факты, а *не позади*, не в том другом, „номотетическом" плане события.

Поэтому мы не можем согласиться с автором в данном вопросе: „причинно-об'яснительные гипотезы и теории" в истории (в том смысле, в каком их понимает автор: напр., теории о происхождении Руси) имеют единично-фактическое, историческое, а не номотетическое содержание. При этом они, конечно, не исключают, *для своего собственного об'яснения*, и сведения на „естественно-научные законы", на номотетические элементы. Так,

теории о происхождении Руси могут сами опираться на законы антропологии, географии, языкознания, социологии и других номотетических дисциплин, могут на них сводиться, на основании их конструироваться.

XIII.

Взляды автора на *принципы* исторических об'яснений сводятся к следующему. Автор разделяет взгляд Риккерта, что «философия истории, как наука о принципах... не может говорить не только о законах, по и о тк. наз. *общих факторах, или силах*, исторической жизни. Все эти факторы... в конце концов являются *только условиями* [1]), без которых не могли бы совершаться исторические события, и именно потому они не представляют интереса ни для историка, ни для философа истории» (55—56). «Общие факторы, или силы исторической жизни» ничего не об'ясняют... Однако, тут же (56) автор признает значение для истории «внутренних факторов исторического процесса, которые берутся как действующие силы»... Но ведь, казалось бы, и эти «внутренние» факторы суть также «общие факторы, или силы исторической жизни», значение которых только что было отвергнуто...

В связи с понятием «внутренних факторов» автор строит свою концепцию исторического процесса. «Содержанием процесса, говорит он (143), является раскрытие и осуществление внутреннего основания вещи, состоящее в актуальном обнаружении тех существенных свойств и особенностей предмета, которые для принципиального анализа выступают как чистые возможности».

Этот взгляд мы находим у автора и во многих других местах его книги, — и с ним связано все истолкование рационализма XVIII в и его отношения к истории,—отделы, составляющие в принципиальном отношении центральную часть сочинения. Так, в главе III, посвященной Хр. Вольфу, автор многократно подчеркивает, что, по Вольфу,—«об'яснить значит увидеть в существенной и разумной связи» (207), что у Вольфа было «об'яснение из сущности», которое потом отверг Кант, так что осталось «только об'яснение из внешних причин» (209, а также 228,238 и мн. др.). Приведем из той же главы еще одно резюмирующее место (243): «сохраненное и подкрепленное Вольфом усмотрение зависимости модусов явления от сущности давало возможность искать об'яснение, наряду с механистическим об'яснением из причин, в их (его? т. е. явления? *В. И.*) сущности и, так обр., открывало перспективу *специфичности* также в научном историческом об'яснении. Самым ценным во всем этом является то, что история не только

---

[1]) Автор предлагает еще называть их „об'яснительными причинами"—только „*не производящими* исторический процесс, а внешними для него" (56). Нам эта номенклатура представляется не совсем удачной.

получает право быть включенной в ряд других эмпирических наук, но и в ряд наук, выходящих за пределы одного только «описания» и принципиально требующих также теоретического (рационального) об'яснения»,

Таким образом, автор понимает «об'яснение из причин» как внешнее и механистическое и признает (на ряду с таким об'яснением) возможность иного—обяснения из «сущности» исторического явления. Такова принципиальная позиция автора, поскольку она выразалась в I томе его труда. Она вызывает на следующие размышления.

Прежде всего, понятия «внешнего» и особенно «механистического» в данном контексте страдают нежностью. Что значит «внешний» в применении к причине? Как понимает автор «причину», раз он признает ее «внешнею»?. Ведь вполне возможно понимать «причину» как совокупность всех, положительных и отрицательных. условий явления—как предыдущий (по отношению к следствию) момент данного явления, *как целого*. А в таком случае вряд ли можно называть «причину» чем-то внешним явлению... Далее, понятие внешнего (явлению) не применимо без оговорок даже и по отношению (условно говоря) к «причинам», приходящим действительно *извне*, ибо всякая, «внешняя» по отношению к историческому явлению «причина» бывает таковою лишь в момент своего появления, а затем она немедленно входит в «сущность» данного сочетания. Какую «причину» можно назвать более „внешней» *для состояния того или другого общества*, чем напр., завезенную из далеких стран эпидемию или нашествие другого народа? И тем не менее, разве не вошли в «сущность» общественного строя Зап. Европы последствия великой чумы XIV века? Разве не изменило самую «сущность» хода истории многих стран «великое переселение народов» или нашествия арабов на западную Азию, северную Африку, Испанию, или турок на Византию, татар на Русь? Ведь всякая большая война вызывает неисчислимые и самые *глубокие* перемены в жизни народов, несомненно, затрагивающие «сущность» этой жизни (греко-персидские войны, пунические, походы Александра Македонского, наполеоновские войны, мировая война 1914—18 г.г. и т. д.)

Неясно и значение термина «механистический» в применении к «об'яснению из причин»; но мы не будем гадать о том, в каком смысле понимает его здесь автор.

С другой стороны, что такое «об'яснение исторических явлений из их внутренней сущности», противополагаемое об'яснению из причин? На это мы опять имеем только намеки. Так, говоря (55-56) о «внутренних факторах исторического процесса, которые берутся как *действующие* силы», автор прибавляет: «для философии истории, как и для науки истории, не безразлично, будут ли этими факторами развитие производительных сил или социальная психология масс; но если только они понимаются как вну-

тренние факторы исторического процесса, логически они являются совершенно законными факторами в об'яснительных теориях».

Нам не ясно основание противоположения «внутренних факторов» (очевидно, включаемых автором в «сущность» явления) и «внешних, механистических причин». Почему «факторы» нельзя назвать в то же время и «причинами»? Почему нельзя сказать, что такие-то общественные явления *причинно* обусловлены такими-то событиями в ходе развития «производительных сил» (т.е. «фактора»)? И обратно, почему, напр., нельзя в числе «факторов» поставить «соревнование с другими народами», под каковое понятие подойдет и всякая война с ея «механистическими» следствиями? В чем состоит та особая, никакими «причинами» не обусловленная «сущность» исторического процесса, которая должна составить область «действующих» сил, «внутренних факторов», а не «внешних, механистических причин»? Не является ли «фактор» всего лишь обобщенным и отвлеченным названием для множества однородных «причин»? Наконец, нам кажется, что сами факторы в том смысле, в каком их понимает автор, часто, так сказать, пускаются в действие или, наоборот, отменяются «причинами»... Конечно, рост населения, напр., имеет некоторые внутренно в нем заложенные, имманентные ему тенденции социального развития; но будет ли в данном обществе население расти или убывать, это часто может зависеть от *причин*—либо географических, либо от социальных условий жизни *других* обществ (т. е. опять чего-то *внешнего по отношению к данному обществу*).

Вопрос этот требует, конечно, обстоятельного разбора. Интересно, как отнесутся специалисты-историки к этой идее об'яснения исторических явлений из их *сущности*, из внутренних факторов—в противоположность об'яснению из «причин».

XIV.

Как мы уже упоминали, главное содержание книги состоит не в теоретическом анализе вопросов в роде отмеченных до сих пор, а в обзоре «материалов» по логике истории-и преимущественно из XVIII века.

При этом, как отмечает сам автор (VI), ему «пришлось жертвовать законченностью и симметрией плана», чтобы выдвинуть и осветить с его точки зрения тех мыслителей, которые оставались ранее в тени или истолковывались, по его мнению, неправильно. «В результате привычные нашему уху имена едва называются, говорит он, или я останавливаюсь на них мимоходом, а «мелкие», и след. менее знакомые, имена надолго требуют к себе внимания».

Особенно много внимания уделяет автор мыслителю, которого самого по себе нельзя назвать мелким, но который для логики истории, как таковой, сделал конечно, очень немного. Это Хр. Вольф.

Первая глава сочинения посвящена «англо-французскому Просвещению». Не смотря на ее абсолютно довольно значительные размеры (100 стр.), изложение взглядов английских и французских мыслителей (в котором автор, как он отмечает, «опирался на руководства в роде «Истории философии истории» Флинта) довольно суммарно. Между тем, если взять, напр., хотя бы Юма,—мы найдем у него не только слабую «Историю Англии», но и глубокомысленную «Естественную историю религии», положившую начало современным исследованиям в этой области и implicite заключающую в себе ряд важных положений для «логики» истории вообще.

Вторая глава («Рационализм XVIII в.»), занимающая 82 стр., почти целиком посвящена Хр. Вольфу. При этом оказывается, что собственно для логики истории, как таковой, Вольф не сделал почти ничего; но он дал общую теорию ratio, разумного основания, и признал, что «опыт подлежит разумному об'яснению». Поэтому самое большее, что автор говорит о значении Вольфа для логики истории,—это то, что его «рационализм не исключает принципиально истории из ряда наук, а напротив оставляет ей определенное место в этом ряду». Таким образом, идея «рационального об'яснения единичного»—вот что привлекает автора к Вольфу. «Рационализм со своим учением об essentia и ratio не нуждается в искусственных теориях «обобщения», которое будто бы является источником и основою научного познания. Через понятие ratio рационализм так же устанавливает нужную для научной работы „внутреннюю связь“ конкретного и индивидуального, как и общего. Об'яснение поэтому не необходимо должно быть «выведением из общего», но оно должно быть необходимо констатированием внутренней связи,—конкретной ли или общей, вопрос второй, а на первом месте *существенной*. Об'яснить, след., значит увидеть в существенной и разумной связи; и вопрос о «повторяемости», «закономерности» и пр. появится только как спецификация самой связи» (206-207).

В этих словах выражен лейтмотив теоретической стороны сочинения, и эти положения автора дали нам основание характеризовать его логику истории, как (рационалистическую) онтологию единичного. Временные моменты исторического процесса связаны друг с другом существенной, «необходимой, *разумной*, *индивидуальной связью*, которая совершенно *не зависит*, в своей разумности, существенности и необходимости, *от общего*, от повторяющегося, от единообразий, «законов», от «об'яснений из причин». Это совсем особое об'яснение из «сущности» (essentia), из «разумного основания» (ratio).

По нашему мнению, это, в сущности, продолжение риккертовской борьбы против «номотетического» понимания истории, против общего, «законов»; это как бы комбинация идеи риккертовской школы об «индивидуальной причинности» с пониманием такой причинности в духе рационализма Вольфа.

Отметим здесь одно важное соображение, говорящее против всякой формы «индивидуальной причинности». Предположение такой причинности оставляет совершенно неясным вопрос об элементах, отдельных тенденциях, ингредиентах и т. д. общественного состояния, как целого, и о границах между этими элементами. В этом отношении тенденции «номотетического» понимания истории более глубоки, более научны; там необходимо ставится вопрос: *что же именно повторяется?*—вопрос, ведущий к разложению целого на элементы, частию повторяющиеся, частию строго индивидуальные. Напротив, всякое «идиографическое» понимание естественно предрасполагает к признанию содержания всякой «истории» (конкретного, единичного, случайного, «вытекающего из произвола» и т. д.) за что-то простое, не разложимое, не допускающее сведения на взаимодействие и взаимоограничение отдельных элементов и тенденций. И борьба против «номотетизма» приводит к игнорированию тех закономерностей, какими *связуются из элементов* действительно неповторимые конкретные целые. Мы убеждены, что не следует недооценивать регулятивного для исторического познания значения «номотетических» тенденций, как это делает автор.

XV.

С этой борьбой против применимости «законов» в истории, против «повторяемости», как основания об'яснения, у автора связывается аргументация против «феноменизма», к которому он чувствует решительное нерасположение. «История, говорит он (81), является самым сильным аргументом против феноменизма». «Эмпиризм, в силу своей внутренней логики, переходит в феноменализм... и попадает в конфликт с «историей», поскольку *действительность* об'екта последней идет прямо против феноменалистических схем» (79; то же 382). На стр. 437 и 438 автор указывает и основание для такого приговора. «Феноменализм вынужден искать опоры для науки прежде всего в *повторяющихся* явлениях... История, имеющая дело с неповторяющимся, с непостоянным, с случайным, или должна быть лишена своей специфичности (сведена к другим наукам, напр., психологии, биологии), или должна быть выключена из ряда наук. Data истории (полагает автор) должны быть кошмаром для всякого феноменализма, ибо на почве феноменализма никак нельзя понять ни того, как устанавливается реальность неповторяющегося и неповторимого, ни того, как придти к реальному определению коллектива, не сводимого к простой сумме элементов восприятия». Особенно же «уничтожающим аргументом» является история против принципов Канта, «так как здесь не только не может быть речи об априорных синтетических суждениях, но—что еще, может быть, важнее—здесь ни с какой стороны не может быть приложен критерий истины в виде необходимости и общегодности суждений»...

Нам кажется. что автор не совсем прав, полагая, что факт *науки* истории опровергает «феноменализм». Существует *несколько* типов наук, отличных друг от друга своими конститутивными признаками; иначе говоря, термин «наука» не всегда обозначает в точности одно и то же. И «феноменализм» по основному смыслу его может иметь место лишь в применении к *реальным номотетическим* наукам, но не к математике, напр., и не к истории—науке, хотя и реальной, но *идиографической*. И не имея никакого отношения к истории, феноменализм может быть (более или менеее) прав в своей специальной области (прав ли он фактически, это другой вопрос). Центральным пунктом здесь является, по нашему мнению, то, как мы понимаем «исторические» факты,—как некоторые неразложимые, элементарные целые, или же как сложные, до известной степени количественно определенные, результаты взаимодействия огромного количества соотношений более простых элементов. Если мы примем это последнее понимание (отрицающее «индивидуальную» причинность, как некоторый специфический тип причинного соотношения), то история, как наука, может совершенно не противоречить феноменализму: более простые и простейшие элементы сложных исторических фактов могут *повторяться*, а потому и законы их могут быть устанавливаемы «феноменалистически», сложные же *целые*, т. е. реально происходящие факты, могут быть *неповторяемыми*, строго единственными (а также и «случайными»—в меру непредусмотримости следствий психической, творческой причинности). Тогда история получит также „разумное основание" 1) через *номотетическое* (которое можно представить себе и *феноменалистическим*) обоснование *элементов* единичных фактов и 2) через *рациональный* подсчет *совокупного* действия этих элементов и его равнодействующей.

В отношении Канта (в «Критике чистого разума») автор, конечно, прав; но ведь и сам Кант, в конце концов, не смотрел на схему науки, данную им там, как на единственно возможную: в «Критике способности суждения» у него есть другая схема для другого типа науки (для биологии). Во всяком случае, верно, что *прямого* перехода от «Кр. ч. разума» к науке истории нет.

История есть, несомненно, *наука*,—но наука, отличная и от математики, и от реальных номотетических наук. Автор совершенно прав, считая историю наукой о полной действительности; но полную действительность свободно можно понимать как процесс, моменты которого связаны не особым ratio, разумным основанием *единичного*, а результатами сложного взаимодействия действующих в каждый момент более элементарных тенденций, соотношения между которыми сами по себе можно понимать как *повторяющиеся*.

Вопрос этот и важен, и интересен; но его более детальное рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи. Очень хорошие замечания о взаимопроникновении индивидуального и общего в

исторической науке можно найти в статье проф. *Д. М. Петрушевского* «О логическом стиле исторической науки».

XVI.

Перейдем к общей философской позиции автора. Во «Введении» он называет свою точку зрения «положительной философией», противополагая ей «философию отрицательную», [1]) под которой он разумеет, повидимому, (прямо и точно «отрицательная» философия у него не определена) вообще философию критичсскую, базирующуюся на гносеологии.

По мнению автора, в отрицательной философии «отрицание» всеобще («господствующая в настоящее время *отрицательная* философия... с отрицания начинает, на отрицании строится и к отрицанию приходит«, стр. 1). И он не жалеет порицательных слов для этой философии. «Схоластика», «философия слов», «философия ancillaris», «софистика» и «современная софистика», «выражение временной усталости», «старческие костыли», и т. д.... Впрочем, в других местах автор признает за этой философией и положительное значение—по крайней мере, в отношении постановки «новых проблем и освещения старых с новой точки зрения» (10). Мало того, он говорит, что и по существу в «отрицательной» философии «не все подлежит огульному осуждению,—у самых крайних представителей ее можно встретить не мало истинного» (7). Однако, если это так, если «отрицательная» философия ставит новые проблемы, а старые освещает с новых точек зрения, если в ней немало истинного, то как же можно называть ее «философией слов», «старческими костылями» и т. д. ? Мелькает у автора и мысль о *положительном* значении анализирующей, критической (т. е. «отрицательной») тенденции в философии вообще. «Если нас особенно интересуют пути познания, то это происходит в значительной степени в силу критического требования философии отдавать себе отчет в высказывании нашего знания и формах его выражения вообще», читаем мы на стр. 14. Наконец, на стр. 9 автор признает даже «одинаково необходимыми в каждой философской системе моменты положительные и отрицательные», что противоречит его прежним заявлениям.

«Положительную« философию автор характеризует (12 и след.) как «философию действительности», а эту действительность как «то, что нам дано, то, что, мы находим, то, что нам является, to phainomenon, наконец, то, что сознается нами, *сознаваемое*». В этом данном, по автору, „нам дано *вместе* и то, что есть, и

---

[1]) Это противоположение философии „положительной" и „отрицательной" (и сведение на борьбу между ними всей истории философии) есть уже у Шеллинга. Die ganze Geschichte der Philosophie zeigt einen Kampf der negativen und positiven Philosophie, говорил Шеллинг в Einleitung in die Philosophie und Mythologie (Werke, II Abt. I Bd, S. 461.)

то, что „кажется",—окружающая нас действительность в части своей есть, она истинна, а в другой части только „кажется", иллюзия (13).

Автор делает эти замечания мимоходом, не останавливаясь на анализе этих вопросов, и быть может поэтому замечания эти не совсем ясны. Неясны и основные термины: сознание, сознаваемое, феномен... Неясен и смысл выражения, что *«окружающая* нас действительность *в части своей есть»*, а в части иллюзорна. Здесь необходимы были бы пояснения, как понимает автор действительность, существование, истину и т. д.

„Действительность, продолжает автор, не стоит перед нами: все движется и меняется... Все во «всем» есть только стечение и случай... Вместе со случайным, со многим утверждается проникающее его необходимое и единое... Пункты тожества... выступают, как особый предмет и особое основание для познания—*ἰδέαι*. Образуется особый мир-идеальный»...

И эти миры—«действительный и идеальный одинаково суть миры сознаваемого. Сознание... является новым общим титлом для философской проблемы» (14). Однако, спросим мы, прав ли автор в таком отожествлении «сознаваемого» с «сознанием», и не попадает ли он здесь в опасную близость к столь ему несимпатичной «отрицательной» философии?

Впрочем, на той же (14) странице автор решает этот вопрос по другому. Уже не «сознание,» а «разум в широком смысле» есть тот «путь, каким мы приходим к утверждению действительного, как истинного, и идеального, как необходимого» (здесь, заметим кстати, «действительность» и «истинное» отожествляются, тогда как немного раньше часть действительности признавалась не истинной, «иллюзорной.» Вообще этот отдел у автора нас не удовлетворяет. В кратком обзоре книги не место перечислять все возникающие тут недоразумения (так, напр., на стр 15 автор говорит: «суждение вообще есть источник заблуждения, а не источник истины», и т. д.); в общем чувствуется какая-то недоговоренность...

«Отрицательная» философия, по автору, «принципиально отрицает непосредственную данность какого бы то ни было рода». И такое отрицание есть «отказ от выделения в окружающей нас действительности того, что есть, в противоположность тому, что кажется», и признание *всей* действительности за кажущуюся. Такую характеристику критической (пусть даже скептической) философии нельзя не признать всего лишь за очень и очень приблизительную: в ней не нащупываются основные мотивы и моменты великого аналитического подвига «отрицательной» философии. В конце концов автор указывает, что «приходится выбирать между двумя основными типами философского построения: между «теорией познаваемого» и «теорией познания» (20), и конечно,

высказывается за теорию познаваемого и против «теории познания».

В таких чертах, говоря вкратце, рисуется рационалистический реализм автора. Свое мировоззрение он склонен сближать с платонизмом. Нам кажется, однако, что дискурсивный рационализм столь высоко ценимого автором Хр. Вольфа совершенно не похож на настоящий платонизм, в котором на первом плане вовсе не тощая, в конце концов, рассудочность, а гениальная интуиция, поразительная сила анализа и высокий полет руководимого горячим чувством воображения. Вольф же, как был, так и сейчас остается всего только схоластизатором Лейбница и всего вообще нового физико-математического рационализма.

XVII.

Если касаться мелких недочетов книги, то мы указали бы на не вполне подходящий к серьезной научной работе тон отзывов автора о мыслителях, с которыми он не согласен. Так, Канта он обзывает «кенигсбергским софистом», философию его —«софистикой, имитирующей утверждение»... Или презрительный отзыв о Вольтере за то, что Вольтер «не продумал до конца отмеченного нами (т. е. автором книги) противоречия между организующим государством и воспитывающей национальной культурой» (130-131). Или такие выражения: «какой-нибудь Тюрго или Кондорсэ»...

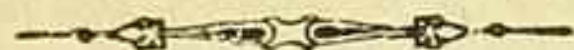
Не останавливаясь на других частностях, мы должны выразить наше убеждение в том, что к книге будут обращаться изучающие проблемы методологии истории. И конечно, ценность этого, первого тома сильно возрастет, когда будет окончено все сочинение. Поэтому и мы, исходя из убеждения в том, что одною из главнейших потребностей современной русской науки является создание независимой и серьезной научной критики, что такая критика исцелит нашу науку от многих раз‘едающих ее язв, сочли полезным поместить в научном журнале этот разбор, не смущаясь его значительными размерами и тем, что он появляется через 6 лет после выхода в свет разбираемой книги. Серьезные работы живут не одно десятилетие; а интерес к научно-критической литературе может служить мерилом культурности самостоятельно мыслящей части народа.

Наиболее интересными и ценными в сочинении представляются нам три последних главы: третья («Первый опыт логики исторических наук»), посвященная почти целиком методологическим воззрениям на историю Хладениуса; четвертая («Философия истории на почве рационализма»), где автор излагает философско-исторические концепции Изелина, Ветелина и Гердера, и пятая («Философия истории на почве критицизма»), в которой автор до-

казывает невозможность обоснования науки истории на кантианских предпосылках.

Книга обрывается на переходе к XIX веку, причем Шеллинга автор даже разрывает между этой, первой частью работы и имеющей за нею последовать.

Ценными для исследователей явятся и собранные автором «материалы».

В. Н. Перцев.

Социально-политическое мировоззрение Платона.

(*Окончание*) [1].

Имущественный коммунизм был первым принципом экономического учения Платона; вторым принципом этого учения было разделение труда. Централизуя народное хозяйство, требуя сосредоточения всех имуществ в руках государства, Платон в то же время считал необходимым дифференцировать народный труд и расчленить производство по отдельным самостоятельным отраслям. Принцип гармонии частей, из которых каждая должна исполнять только ей одной свойственную функцию,—принцип, который Платон положил в основание политической организации своего идеального государства, он хотел провести и в экономическую жизнь. Каждый гражданин, занимающийся хозяйственною работой, должен специализироваться на каком-нибудь одном деле (370, А—В; 370, С). Но так как «никто из нас не может существовать сам по себе, и каждый нуждается во многих других» (369, В), то при специализации занятий является потребность в таком сожитии людей, при котором каждый обслуживал бы всех и все—каждого. «Такое сожитие и получает у нас название государства» [2].

Современная хозяйственная жизнь слишком ярко доказывала Платону технические выгоды разделения труда, и при всех своих симпатиях к патриархальным формам хозяйства он не мог не заметить увеличения производительности при специализации занятий. Но это—самая крайняя уступка, которую Платон делал современному денежному хозяйству. Признавая разделение труда, Платон должен был допустить в своем государстве индустрию; он понимал также, что при специализации занятий непосредственный обмен товарами обратится в посредственный и будет совершаться при помощи класса торговцев [3]; допуская торговлю, он должен

---

[1]) См. № 1 стр. 74—91.

[2]) Taute te sunoikia ethemetha polin onoma (Ibid., 369 C).

[3]) Ibidem 371 C.

был примириться также и с существованием орудия посредственного обмена—денег [1]). Но и индустрию, и торговлю, и денежное хозяйство он ставит в условия, несовместимые с более или менее высоким экономическим развитием. Индустрию Платон находит необходимым ограничить производством только самого необходимого. Он разделяет «здоровый» город, в котором производство ограничивается предметами питания, одеждой, обувью и предметами, необходимыми для жилища, от города «лихорадочного» [2]), в котором «понадобятся и скамьи, столы и другая утварь, и мяса, и мази, и благовония, и наложницы, и пирожные и все это в разных видах», а также «живопись, расцвечивание материи, золото, слоновая кость и все тому подобное» [3]). Как видно из этого перечня, круг необходимых предметов производства настолько суживается Платоном, что о высоком развитии промышленности в его идеальном государстве не может быть и речи. Что касается до торговли, то Платон только терпит этот род занятий. Деятельность торговца сталкивается с интересами других; торговец получает тем большую выгоду, чем больший убыток терпят другие. Торговцев Платон называет «барышниками»[4]); «в благоустроенных городах они самые слабые телом и неспособны ни к какой иной работе»[5]). Над торговыми оборотами, поэтому, надо установить строгий контроль государства. Одним из главных бедствий олигархического государства Платон считает то, что «всякому в нем позволено свое продать, либо приобресть, что продает другой, и продавший живет в городе, не будучи никаким его членом: ни промышленник он, ни ремесленник, ни всадник, ни гоплит, но зовется бедняком и бобылем»[6]).

В другом месте Платон говорит о необходимости лишить частные сделки охраны со стороны государства. «Если бы тому, кто совершает сделки произвольно, предписывалось совершать их на свой страх (to hauto kinduno), то в городе барышничанье происходило бы с меньшим бесстыдством (chrematizanto men an hetton anaidos) [7]).Государство должно позаботиться о том, чтобы торговля имела только одну задачу—службу обмену, а не личное обогаще-

---

[1]) Ibidem, 371 B.

[2]) Phlegmainousa polis (Ibid., 372 E).

[3]) ...Klinai te prosesontai, kai trapezai, kai talla skeue, kai opsa de, kai mura, kai thumiamata, kai hetairai, kai pemmata, hekasta touton pantodapa (Ibidem, 373 A).

[4]) Kapelos (Ibidem 371 D).

[5]) En mentais orthos oikoumenais polesi, schedon ti hoi asthenesta toi ta somata kai achreioi allo ergon prattein (Ibid., 371 C).

[6]) To exeinai panta ta hautoú apodosthai kai allo ktesasthai ta toutou, kai apodomenon oikein en te polei, meden onta ton tes poleos meron mete chrematisten, mete demiourgon, mete hippea, mette hopliten, alla peneta kai aporon keklemenon (Ibid., 552, A).

[7]) Ibidem, 556 A—B.

ние торговцев. В «Законах» Платон более подробно, чем в «Политии» определяет, какие меры должны быть приняты государством, чтобы торговля приносила гражданам пользу, а не вред. Он советует, чтобы государство взяло на себя задачу определения справедливой цены товаров и заставило бы торговцев держаться этой оценки. Торговцев должно быть возможно меньше, и торговля должна быть поручаема людям честным [1]), которым нужно предоставлять только умеренную выгоду. Повидимому, идеалом Платона было превращение торговли в должность, а купцов—в чиновников, получающих вознаграждение от государства.

Деньги, по мнению Платона, должны быть только вспомогательным средством обмена и мерилом ценности, а ни в каком случае не самостоятельной продуктивной силой, не оригинальным средством обогащения. Поэтому Платон требует уничтожения процентов и сделок в кредит. «Ростовщики, погрузившись в рассчеты... всегдашнею ссудою наносят раны тому, кто приходит просить денег, и обременяя должников увеличенными процентами, будто порождением капитала—отца, разводят в государстве множество трутней и нищих» [2]). Торговые сделки должны совершаться с немедленной реализацией: если деньги отданы в рост, то должник имеет право не платить ни капитала, ни процента [3]). В «Законах» афинянин говорит: «деньги должны служить только для ежедневного обмена, чтобы платить должное художникам, давать плату наемникам, рабам и слугам. Для чего должна быть в государстве ходячая монета, которая не имела бы никакой цены для чужестранцев» [4]). Эта обменная монета должна быть, по мнению Платона, железной, потому что золото и серебро изгоняются им из государства [5]). Золотая и серебряная монета может употребляться только в тех случаях, когда приходится платить чужестранцам (в походах, путешествиях, в случаях посольств и пр.).

Платон мало говорит о сельском хозяйстве, но все его симпатии, очевидно, на стороне земледелия. Уже самое отсутствие законодательства относительно крестьян показывает, что Платон верил в их добрую природу и находил возможным поручить их самим себе. С другой стороны, стремление Платона возможно бо-

---

[1]) Nomoi, 919.

[2]) Hai de de chrematlstai egkupsontes... ton de loipon ton aei hupeikonta enientes argurion kai titroskontes, kai tou patros ekgonous tokous pollaplasious komizomenoi, polun tón kephena kai ptochon empiousi te polli (Politeia, 555 E).

[3]) Nomoi, 742.

[4]) ...nomisma d'heneka allages tes kath' hemeran, hen demiourgois te allattesthai schedon anagkaion, kai pasin, hoposon chreia ton toiouton misthous mistotois doulois kai epoikois apotinein. Hon heneka phamen to nomisma kteteon autois men entimon, tois de allois anthropois adokimon" (Ibid., 742 A).

[5]) Politeia, 422 D.

лее ограничить число ремесленников и торговцев доказывает, что он желал по возможности расширить круг лиц, занимающихся земледелием, как более благородным занятием.

Платон требовал от всех членов общества высшего напряжения их сил в работе на общее благо. Ни один гражданин, по мнению Платона, ни мужчина, ни женщина, не может остаться неиспользованным в государственных целях. Никто не должен быть потерян для государства... Поэтому от женщины Платон требовал такой же работы на пользу целого, как и от мужчины— «В отношении к охранению государства, говорил он, природа мужчины и женщины та же самая, кроме того только, что одна слабее, а другая сильнее» [1]). Поэтому Платон хотел привлечь жен. щин даже к военной службе: «пусть женщины принимают участие в войне и других, касающихся государства служебных занятиях и не делают иного» [2]). Он обязывал женщин водить за собой на войну и детей, чтобы те, будучи зрителями войны, приобретали надлежащую опытность в военном деле [3]).

Пред'являя к отдельным гражданам серьезные и трудные требования, Платон сознавал, что современные ему граждане не могут им удовлетворить и что для успеха его реформы надо прежде всего перевоспитать их. Народное воспитание было для Платона политическим и социальным вопросом, потому что только надлежащее направление этого воспитания могло для Платона служить ручательством успеха его социально-политических преобразований. Поэтому Платон не мог предоставить дело воспитания частному усмотрению и отдавал его всецело в руки государства. Брак, по мнению Платона, должен иметь целью только произведение детей, а не их воспитание. Нравственное значение брака Платоном совершенно отвергалось. Все родившиеся от «добрых» родителей дети [4]) должны быть взяты от матери и поселены в «огражденном месте», в „известной части города“ под надзором особых воспитателей и воспитательниц [5]). В качестве кормилиц, к ним должны быть приводимы их матери, но так, „чтобы ни одна из них не узнала своего дитяти» [6]). Особенно важным Платон считает воспитание до трех лет: в этот возраст не надо ни развращать детей потворством их желаниям, ни ожесточать грубым обращением.

---

[1]) Kai gunaikos ara kai andros he aute phusis eis phulaken poleos, plen hosa asthenestera e ischurotera esti (Ibidem, 456 A).

[2]) Kai koinoneteon polemou te kai tes alles phulakes tes peri ten polin. Kai ouk alla prakteon (Ibid., 457 A).

[3]) Ibid. 467.

[4]) Что касается до детей дурных родителей, то Платон говорит, что власти должны их скрывать „в тайном и неизвестном месте“ (460 С) и в дальнейшие подробности относительно их воспитания не вдается.

[5]) Ibid, 460 С.

[6]) ... hopos medemia to hautes aisthesetai (Ibid., 460 C).

После этого возраста надо обратить особенное внимание на развитие тела детей гимнастикой и на развите души—музыкой [1]). И гимнастическое, и „музыкальное" воспитание должно иметь, по мнению Платона, одну цель—гармоничное развитие души ребенка. Гимнастика нужна не столько для укрепления тела, сколько для того, чтобы дети не были „нежнее надлежащего" и приобрели необходимую пылкость темперамента [2]). Музыка же должна побороть в детях пылкость и жестокость. Таким образом, оба эти искусства дарованы людям „не для души и тела, но для гармоничного сочетания" гневной (thumoeides) и „философской" стороны человеческой природы [3]).

Платон требовал строгой цензуры со стороны государства над всеми рассказами, которые приходится слышать детям. „Надобно делать все, чтобы первые принимаемые слухом рассказы как можно лучше были применяемы к добродетели" [4]). В „Законах" афинянин говорит, что поэты не должны склонять по своей прихоти людей то к добру, то к злу, рисуя то первое, то второе привлекательным [5]). Он восхваляет Египет за то, что там законами определены те произведения поэтов, которые должны предлагаться юношам и которые не могут склонить ни к чему порочному [6]).

В другом месте афинянин говорит, что поэт не должен ничего творить „вопреки признанному самим правительством законным, справедливым, прекрасным и добрым и не показывать никому из частных людей своего творения до тех пор, пока оно не представлено избранным для этого судьям и не одобрено ими" [7]). Особенно предостерегал Платон от гомеровских поэм, в которых много рассказов, позорящих богов. В мифах надо проводить мысль, что Бог добр и причина не всего, а только добра [8]). Из этого видно, что идеалом Платона было установление института государственных поэтов, которые творили бы только то, что содействует предначертаниям государственной власти, и которым можно было бы прямо заказывать стихотворения, распространение которых государство находит полезным. Частные поэты, даже и подвергающие-

---

[1]) Под „музыкальным" воспитанием Платон подразумевает вообще заботу о душевном развитии ребенка.

[2]) Jbidem, 410 D.

[3]) Jbidem 411 E.

[4]) ...peri pantos poietcon, ha prota akououusin, hotikallista memuthologomena pros aretèn akouein (Jbid, 378 E).

[5]) Nomoi 656. C.

[6]) Ibidem, 656 D—E.

[7]) Ton poiétèn para ta tès poleôs nomima kai dikaia è kala e agatha meden poiein allo, ta de poiethenta me exeinai tôn idiôtôn medeni proteron deiknunai, prinan autois tois peri tauta apodedeigmenois kritais kai tois nomophulaxi diechthe kai arese (Jbid, 801 C—D).

[8]) Politeia, 370 B—C, 380 C.

ся государственной цензуре, только терпелись Платоном, как неизбежное зло.

Интересно то, что Платон подвергал совершенному осуждению все драматические и эпические произведения. В этих произведениях дурно, по мнению Платона, то, что в них автор или все время говорит от лица других (драма), или смешивает свой собственный рассказ с разговорами других лиц (эпос), т. е. или все время или иногда подражает другим; подражание же недопустимо, потому что каждый человек должен заниматься только своим делом. Подражатель, говорит платоновский Сократ, не знает ничего как должно, чему подражает, и подражание есть какая-то забава, а не серьезная работа" [1]). К тому же, подражая дурному, можно им и заразиться.

Платон требовал, чтобы особенное внимание было обращено на воспитание тех детей, которым предназначено в будущем быть стражами. Им надо изучить, во-первых, арифметику, побуждающую душу к деятельности разнообразным соединением чисел, с которыми приходится иметь дело; во-вторых, геометрию, которая очень полезна в воинском деле и вместе с тем развивает философское мышление; в-третьих, астрономию, которая возводит душу к высокому и истинно сущему; наконец музыку (в тесном смысле), исследующую разумом различные сочетания звуков и приучающую душу останавливаться на содержании возвышенных вещей. Наверху всех наук стоит диалектика, занимающаяся знанием тех вещей, которые не подлежат чувствам и могут быть постигаемы одним умом; другие науки служат только введением в нее. К ее изучению должны допускаться только избранные юноши. Выбор наиболее способных происходит тогда, когда юноши достигают 20 лет; для избранных преподаются сначала ,,подведенные под один обзор" [2]) те науки, которые раньше преподавались порознь, а затем и диалектика. Из этих избранных, когда они достигают 30 лет, надо сделать новый выбор и признанных мудрейшими упражнять в диалектике в течение 5 лет. Между 35 и 50 г.г. их надо допустить к исполнению общественных должностей. После 50 лет им становится уже доступна идея блага; они занимаются философией, чтобы открыть другим свет, и в то же время возводятся на самую высокую ступень общественного служения—становятся правителями.

Лучший образ правления, при котором правят мудрейшие, сам Платон называет аристократией. Все современные Платону образы правления он считал извратившимися и несовершенными; но аристократическому строю он не отказывал в историческом существовании и только отодвигал его к временам глубокой древ-

---

[1]) Ton te miemêtikon mêden eidenai axion logou peri hôn mimeitai, all'einai paidian tina kai ou spoudën tên mimêsin (Jbid,, 602 B).

[2]) Sunakteon eis sunopsin (Jbid., 537 C).

ности. Он приписывал его мифическим жителям острова Атлантиды и древним афинянам [1]), но более всего древним спартанцам и критянам. Идеализация древней Спарты, заключавшая в себе характер реакционной романтики, вообще была свойственна IV-му веку. В это время, когда экономические контрасты и деморализующее влияние богатства достигли особенной силы, в древней Спарте видели, вопреки истории, прототип аграрного коммунистического государства; повод к такому мнению о древней Спарте подала ее крайняя простота жизни, чрезмерное напряжение в ней государственного принципа и ее институт общественных сисситий.

Представителями этой социально-политической романтики, кроме Платона, были спартанский царь *Павсаний*, написавший сочинение, прославлявшее реформу Ликурга, ученик Аристотеля *Дикеарх* из Мессены, прославлявший натуральное состояние человеческого рода, как такое, при котором собственность не имеет никакого значения, *Исократ* (и его ученик Эфор), особенно выдвигавший момент хозяйственного равенства в древней Спарте, и многие позднейшие писатели (Плутарх, Полибий, стоики), пользовавшиеся для истории Спарты источниками из сентиментально-идиллической литературы IV и III в.в. Что касается до Платона, то он главным достоинством древней Спарты считал ее мнимый аграрный коммунизм [2]) и высокое уважение спартанцев к авторитету власти.

Веря в историческую реальность золотого века истинной аристократии, Платон признавал, что аристократический образ правления недолговечен, и что сами законы истории заставляют его извращаться во все более худшие формы правления. Этих худших форм правления Платон насчитывал четыре и располагал их в порядке постепенного их ухудшения таким образом: тимократия, олигархия, демократия и тирания [3]). Тимократия—это господство людей честолюбивых и воинственных. При тимократии правительственные места занимают не наиболее мудрые, а наиболее горячие и властолюбивые люди [4]). Мужество берет верх над мудростью, гимнастическое воспитание над музыкальным (в широком смысле). Этот образ правления Платон приписывал современной ему Спарте, главным недостатком которой он считал amathia —незнание истинно прекрасного [5]). За тимократией следует олигархия—господство богатых. При этой форме правления граждане выше всего ставят деньги, и на место честолюбивых людей появляются любостяжатели. Наряду с богатством возникает бедность,

---

[1]) В диалоге Критий.

[2]) Nomoi, 684 D—E.

[3]) Этот порядок не соответствует греческой истории, в которой, как известно, тирания всегда предшествовала демократии.

[4]) Politeia, 547 E.

[5]) Nomoi 688 E.

и таким образом создаются те экономические противоположности, которые Платон считал главным злом всякого хозяйственного порядка. Желание быть как можно богаче переводит олигархию в демократию. Бедные, число которых все растет, перестают выносить свое подчиненное положение и поднимают восстание; изгнав и истребив богатых, они делят поровну власть и правление между всеми гражданами. Водворяется всеобщее безначалие и своеволие, которые ведут к вырождению демократии в тираннию. Для об'яснения этого перехода Платон привлекает закон противоположностей. „То, что делается слишком, вознаграждается великою переменою в противоположную сторону; так бывает и во временах года, и в растениях, и в телах, — так, нисколько не менее, и в правлениях" [1]). Поэтому естественно, чтобы тирания, т. е. величайший деспотизм, проистекала именно из демократии, т. е. из величайшей свободы.

Менее обще Платон об'ясняет необходимость тираннического переворота таким образом. Чернь, опасаясь олигархических заговоров со стороны богатых (к которым они постоянно склонны, так как их постоянно грабят) ставит во главе себя для собственной защиты одного человека, наделяя его особенной силой. Естественно, что этот человек из представителя народных интересов пожелает сделаться тиранном. Тиранния, по мнению Платона, худший из всех образов правления, при котором никакой правовой порядок немыслим. Тиранну всегда необходима война—отчасти затем, чтобы иметь возможность погубить своих недругов, отчасти чтобы народ чувствовал нужду в вожде и, занятый войной, не имел времени злоумышлять против тиранна. Всех мужественных, богатых, умных, великодушных тиранн должен уничтожать, потому что они более других видят недостатки его правления. Только иноземцы и вольноотпущенные рабы захотят быть верными стражами тиранна. Тиранны по справедливости могут быть названы отцеубийцами, потому что они посягают на жизнь и достояние взростившего и воспитавшего их народа.

Несколько иную классификацию форм правления, построенную на принципе не исторической последовательности (как в «Политии»), а логического взаимоотношения, дает Платон в «Политике». «Иностранец» различает три рода государств: монархия—владычество одного, аристократия — владычество немногих, и демократия—владычество всех [2]). Монархия, при которой нет насилий, чрезмерного богатства и беззаконий, называется «царством» (he basilike); та же, при которой господствуют насилия и есть много богатых и совершенно лишенных имуществ, называется тираннией.

---

[1]) Kai to onti to agan ti poiein, megalen philei es tounantion me tabolen antapodidonnai en horais, te kai en phutais kai en sômati ka dê kai en politeiais ouch hekista. (Politcia, 564 A).

[2]) Politikos, 291 D.

Вырождением аристократии является олигархия; имя же демократии, управляет ли толпа людьми достаточными с соблюдением законов или нет, остается неизменным [1]). Из этих форм правления монархия, соблюдающая законы,—наилучшая, а тирання — наихудшая. [2]) Правление немногих следует тотчас же за царством, когда управляют мудрейшие; но при управлении неразумных оно хуже всех других форм, кроме тираннии. Что же касается до демократии, то она не способна принести ни большого зла, ни большого добра. Демократическое правление из всех этих форм правления, когда они следуют закону, будет самое худое; а если они все беззаконны,—оно окажется наилучшим. Таким образом порядок государственных форм, расположенных по степени их убывающего совершенства, оказывается в «Политике» таким: царство, аристократия [3]), демократия, олигархия, тиранния. Из этих форм правления Платон ни одной не считает совершенной: все они основаны на писаных законах, а не на истинном знании. Идеальный образ правления осуществился бы только тогда, когда нашелся бы человек, который бы «хотел и мог управляя добродетельно и со знанием, верно уделять всем справедливое и святое» [4]). Только потому, что теперь не родится такой человек, является необходимость «сходиться и писать законы, придерживаясь следов самого истинного правления» [5]).

Осуществления своей реформы Платон ожидал только на дороге абсолютизма. Он мало надеялся на народные силы и рассчитывал *только на революцию, произведенную сверху, влиянием одной личности*, облеченной полной властью. Действительность до некоторой степени могла питать эти надежды Платона. В некоторых государствах в IV веке [6]) монархия выступила в блеске внешних успехов и этим укрепила свой авторитет. Платону казалось, что, заручившись влиянием при одном из сильных дворов, он мог бы провести свою реформу сверху. Оптимизм Платона находил себе пищу в том обстоятельстве, что в древней Греции внешняя политика всегда имела большое значение для внутренней истории, и опираясь на внешнее могущество, можно было провести самую решительную реформу. Казалось, счастливый случай действительно представился Платону, когда в 387 г. он получил приглашение

---

[1]) Ibid. 291 E—292 E.

[2]) Ibid. 302 E.

[3]) Слово „аристократия", (как образ правления, при котором немногие правят, основываясь на писаных законах) в «Политике" имеет совсем не то значение, что в „Политии", где аристократия является идеалом государственного устройства.

[4]) Hôste ethelein kai dunaton einai meta areaês kai epistêmês archonta ta dikaia kai hosia dianemein orthôs pasi... Ibid., 301 D)

[5]) Sunêlthontas xunggammata graphein, hôs eoike metatheontas ta tês alêthestates politeias ichnê (Ibid.. 301 E)

[6]) Македония, Сицилия.

от Диона, близкого родственника (брата жены) сиракузского тиранна Дионисия Старшего, пожить некоторое время при Сиракузском дворе. Дион сам имел некоторое отношение к философии и был проникнут платоническим идеалом соединения философского знания и власти в одних руках. Он мечтал сделать Сиракузы свободным городом, подчинить их хорошим законам и освободить греческие общины Сицилии, сделавшиеся полуварварскими. Платон приехал в Сиракузы, но его первая попытка принять активное участие в политике окончилась очень печально для него. Платоновский идеал свободной общины, все члены которой сознательно служат общему благу, показался опасным тиранну; он велел арестовать философа, и только после некоторых опасных приключений Платону удалось вернуться в Афины. Несмотря на эту неудачу, через 20 лет после этого, когда умер Дионисий Старший, Платон снова поддался убеждениям Диона, приобревшего большое влияние на молодого преемника и сына умершего тиранна, Дионисия Младшего, и опять приехал в Сира узы. Дион представлял Платону радужные перспективы—возможность влиять путем организованной власти на судьбы сицилийских общин, подчиненных тиранну. Сам Дионисий Младший не имел ничего против того, чтобы явиться в глазах всей Греции в свете просвещенного и гуманного правителя, и Платон имел основания надеяться, что молодой и доброжелательный тиранн скорее поддастся его убеждениям, чем его суровый отец, презрительно смотревший на всех идеологов. Только эта надежда и заставила Платона променять обеспеченное положение всеми уважаемого и тогда уже знаменитого философа на случайности рискованного предприятия. Но из этой попытки ничего не вышло, отчасти вследствие ошибочного образа действий самого Платона. Вместо того, чтобы воспользоваться моментом, Платон стал настаивать на том, чтобы Дионисий изменил сначала свое поведение, очистился нравственно и потом уже приступил к реформам. Этим он сразу охладил реформаторское рвение не отличавшегося особенно строгой нравственностью молодого тиранна и дал ему повод к упрекам, что Платон отвратил его от лучших реформаторских планов. Неудачу довершило падение Диона: враги последнего уверили Дионисия, что Дион хотел низложить его и захватить в свои руки власть; при этом Платон выставлялся сообщником Диона. Дион был отправлен в изгнание, и скоро после этого Дионисий отпустил и Платона, расставшись с ним, впрочем, по-дружески. Скоро после этого (в 361 году) Дионисий опять привлек к своему двору Платона, убедивши его, что он искренне предался изучению философии. Но на этот раз Платон уже совершенно был лишен возможности влиять на судьбу сицилийцев: заступничество Платона за Диона сразу отдалило его от тиранна, который только после настойчивых просьб друзей философа согласился отпустить его обратно (в 360 г). Этот ряд неудач в Сицилии с очевидностью доказал Платону, насколько слабость человеческой натуры должна затормозить исполнение его идеалов. Платон потерял веру в самую

возможность появления таких правителей, которым бы можно было без всяких законодательных гарантий вверить полную и дискреционную власть над гражданами [1]; кроме того, он разочаровался и в поданных, сознав невозможность внушить всем идею о гармонии между интересами индивида и общества и сделать всех сознательными слугами общего блага [2]. Из этого двоякого разочарования Платона в правителях и подданных и возник проект второго по совершенству государства—проэкт, изложенный в „Законах".

В этом диалоге Платон, не полагаясь вполне ни на монархию, ни на демократию, комбинирует демократические и монархические элементы [3]. «Есть два образа правления, говорит афинянин,—монархия и демократия, от которых происходят все прочие...Для того, чтобы установить свободу, дружбу и мудрость, надо соединить их оба» [4]. Это сочетание демократии и монархии у Платона состоит в том, что граждане допускаются к избранию правителей и других высших должностных лиц, но зато избранным законодателям (Платон называет их законоблюстителями-nomophulakes) предоставляется громадная монархическая власть. Система выборов у Платона крайне искусственна, и политические права распределены неодинаково между различными общественными классами; поэтому политическая организация государства «Законов» находится в большой зависимости от организации социальной, и очерку первой надо предпослать обзор второй.

Сознание трудности внушения гражданам идеи о гармонии между интересами общества и индивида заставило Платона отказаться от имущественного коммунизма. Впрочем, этот отказ был не полным, а только частичным. Платон признает необходимость дележа земли между всеми гражданами, но настаивает на том, чтобы верховным собственником всей земли являлось государство, а частные лица владели своими участками на правах наследственного пользования. «Пусть дележ совершается с той мыслью, говорит Платон устами афинянина, чтобы получивший надел считал его общим для всего государства и, любя отчизну более, чем дети

---

[1]) Nomoi, 693 B

[2]) Jbid. 875 A

[3]) Возражение Аристотеля, что в государстве „Законов" нет монархических элементов, а есть только олигархические и демократические, не может быть признано справедливым, так как коллегия 37 законоблюстителей, с одной стороны, монархична, как обладающая верховной властью и не отдающая никому отчета, с другой—демократична, как выборная.

[4]) Eisi politeon hoion meteres duo tines. Ex hon tas allas gegonenai legon an tis orthos legoi kai ten men prosagoreuein monarchian orthon. ten d'au demkratian... Dei de oun kai onagkaion metalabein amphoin, tontoin, eiper eleutheriat, estai kai philia meta phronesios (Jbid. 697D)

любят свою мать, видел в ней верховную обладательницу» [1]. Верховное право государства на землю проявляется у Платона 1) в том, что государство постоянно поддерживает одно и то же число участков (5040) в стране (для этого Платон советует употребить все возможные средства: у кого много дочерей, выдавать их замуж, у кого много сыновей отдавать их для усыновления бездетным; затем государство должно убеждать граждан иметь не слишком много и не слишком мало потомства; если эти средства не помогут, надо выселять избыток в другие страны); 2) в запрещении продажи и покупки земельных наделов, а также и дробления их; 3) в ограничении права завещания. Относительно завещания Платон предписывает следующие правила: отец нескольких сыновей отдает избранному из них весь свой надел без раздела и принадлежащий к нему инвентарь; оставшееся имущество (движимое) делится между другими сыновьями, которые могут быть отправлены в какую-либо колонию для поселения; сыновья, которые вследствие усыновления их кем—либо уже имеют земельный надел, не могут получить от своего настоящего отца ни земли, ни движимого имущества; если у отца нет сыновей, то одна из дочерей должна избрать себе неимеющего собственного надела мужа, к которому и переходит отцовский участок; прочие дочери должны по возможности найти себе мужей, уже имеющих наделы; давать дочерям приданое в виде движимого имущества запрещается; не имеющий ни сыновей, ни дочерей обязан усыновить кого либо [2].

Такими ограничительными мерами Платон хотел парализовать вред индивидуального пользования землей и поддержать экономическое равенство среди граждан. Такое устройство, при котором каждый гражданин обладает одним наделом, равным наделам всех других граждан, не допускало ни богатства, ни бедности и вполне соответствовало экономическому идеалу Платона, выраженному в «Политии». В этом отношении уступка, сделанная Платоном действительности, как заметил уже Аристотель, была только кажущаяся. Зато гораздо более значительную уступку времени делает Платон в «Законах» относительно владения движимым имуществом. Он признает невозможным установить полное равенство в последнем и делит всех граждан по их движимой собственности на 4 класса. Минимальная стоимость движимого имущества должна равняться стоимости одного земельного надела; мак-

---

[1]) Nemesthon d'oun taiade dianoia pos, hos ara dei ton lachonta ten lexin tauten nomiżein men koinen auten tes poleos xumposes, patri, dos de ouses tes choras rherapeuein anten dei meiżonos e metera paidasto kai despoinan theon auten ousan thneton onton gegonenai (Jbid., 740A)

[2]) Интересна мотивировка ограничения права завещаний: „Я, как законодатель, говорит Платон, полагаю, что и вы сами не принадлежите себе, равно как ваше имение. Оно принадлежит целому вашему роду, прошедшему, настоящему и будущему, а еще более отечеству, которому принадлежит и весь род ваш, и все имение“.

симальная—стоимости 4-х наделов; подниматься выше этой границы никому не должно быть позволено [1]). Независимо от этих ограничений капиталистическое развитие в государстве «Законов» уже потому невозможно, что для внутреннего обмена дозволяется только медная монета, серебро и золото разрешаются исключительно для иностранных сношений. Граждане не свободны и в распределении сельскохозяйственных продуктов. «Все произведения страны должны быть разделены на двенадцать частей, и затем каждая из этих двенадцати частей должна быть снова разделена на 3 неравные части, из которых одна предназначается для свободных граждан, другая—для рабов, третья—для иноземцев [2]); никто не должен удерживать своих запасов дольше определенного государством времени и продавать более установленного [3]). Точно так же оффициально определяется и общее количество зерна, которое должно быть выработано. Вывоз сельско-хозяйственных продуктов запрещается безусловно.

В «Законах» более определенно, чем в «Политии», выясняются аграрные симпатии Платона. В «Политии», как мы видели, Платон не лишал класса торговцев и ремесленников, прав гражданства, хотя и требовал возможно большего численного ограничения этого класса. В «Законах» Платон наделяет всех граждан избирательными правами, но соответственно с этим пред'являет к ним гораздо более строгие требования, очищает гражданский состав своего общества. Так как Платон не надеется воспитать торговый и ремесленный классы в преданности государству, то он совершенно запрещает гражданам всякие другие занятия, кроме сельского хозяйства. «Никакой гражданин[4]) не должен быть в числе тех, которые занимаются ремеслом; также никакой раб гражданина. Ибо гражданин уже имеет занятие, требующее большого упражнения и изучения, занимаясь общим благоустройством города»[5]).В другом месте Платон говорит, что торговля должна быть предоставлена метекам и иноземцам; граждане не должны ею заниматься [6]). Они живут на счет сельского хозяйства, но землю обрабатывают не они сами, а несвободные работники—их рабы. Деятельности торговцев и ремесленников Платон придает подчиненное по отношению к земледелию значение: она должна быть направлена на то, чтобы доставить необходимые предметы и орудия для нужд земле-

---

1) 744 D—E,745 A.

2) 847 E—848A.

3) 849 B—C

4) epichôrios—туземец—здесь равносильно politês.

5)...epichorios mêdeis esto tôn peri ta dêmiourgika technêmata diapônountôn, mêde oiketês andros epichoriou Tèchnen gar hikanên pollês oskeseôs hama kai mathematôn pollon deomenên kektetai polites aner ton koinon tes poleos kosmon soson kai ktomenos (846D).

6) 920 A.

дельцев [1]). Как профессиональная деятельность, так и частная жизнь торгового и ремесленного класса ставится под строгий контроль государства. Ремесленники должны быть поселены особо от граждан—в предместьях; состояние ремесленников должно быть у всех на виду [2]). Цены на все товары утверждаются государством с тем рассчетом, чтобы торговцам была предоставлена умеренная выгода. За соблюдением цен должны смотреть особые торговые пристава. Продажа должна производиться только на рынке для каждого рода товаров на точно определенном месте. Торговые сделки, заключенные вне этих мест, лишаются охраны со стороны государства. Чтобы изгнать капитализм из торговли и промышленности, торговля разрешается только мелочная (kapeleia), а промышленность в виде ремесла. Против капитализма направляется и принцип разделения труда; запрещается одному лицу комбинировать в своих руках разные роды производства. Богатство торговцев и промышленников не должно превосходить двойной стоимости одного земельного участка [3]). Таким образом у купцов и ремесленников будет отнята возможность стать богаче граждан, которым разрешается приобретать движимое имущество в размере четверной стоимости надела. Кроме всего этого, купцам и ремесленникам (как иноземцам) запрещается жить в стране более двадцати лет; деям этот срок считается, начиная с 15-летнего возраста.

С особенным недоверием Платон относится к иноземцам, приезжающим в город для продажи продуктов своей страны на короткое время: они должны приниматься вне города; к ним должны быть приставлены особые начальники, которые смотрели бы за тем, чтобы они не попытались ввести «что-либо новое».

Очистив таким образом гражданский состав общества, Платон принимается за политическое устроение государства. При этом абсолютизм правителей, который в «Политии» ничем не ограничивался, теперь подвергается ограничениям в двух отношениях: во-первых, граждане, огражденные от опасностей торгово-промышленной жизни, допускаются к участию в законодательстве, суде и выборе правителей и высших чиновников; во-вторых, полная свобода действий правителей «Политии» заменяется в «Законах» подробным и мелочным законодательством. В «Политии» у Платона была одна задача: найти способ, посредством которого можно бы было поставить во главе государства истинных философов, которые не нуждаются для своей деятельности ни в каких законодательных указаниях. В «Законах» уже нет веры в непогрешимость правителей. Они низводятся с той мистической высоты, которая позволяла им созерцать «идею блага». Сословие философов и философское воспитание будущих правителей устраняется. О царстве

---

[1]) 920 B.

[2]) 850 A.

[3]) Приобревшие большее состояние подвергаются изгнанию.

«идей» в «Законах» уже нет речи; государство перестает быть отблеском небесных сущностей и становится под охрану обыкновенных, избранных правителей, которые нуждаются в своей политической деятельности в руководительстве писаных правил. Поэтому в «Законах» перед Платоном стоит двоякая задача: во-первых, установить самые власти, а во-вторых, указать законы для каждой власти [1]).

Особенно большое значение Платон придает выборам так наз. законоблюстителей, в руки которых он отдает громадную власть. Он предоставляет им значительное участие в законодательстве, так как частные законы они изменяют самостоятельно по докладу тех властей, ведению которых подлежит изменяемый закон; что же касается до основных законов, то и тут им принадлежит значительная роль, ибо такие законы не могут быть изменены прежде, чем на их изменение не дадут одобрения все высшие учреждения, весь народ, и не будут спрошены все оракулы; протест со стороны одного из этих элементов должен сделать невозможным изменение закона [2]). Кроме того, законоблюстителям предоставляется Платоном право назначения высших судей, право предложения народу для избрания стратегов, право надзора за всеми чиновниками, право наблюдения над соблюдением гражданами правил о границах личной состоятельности, заботы о поддержании числа граждан не выше и не ниже 5040, о соблюдении законов, право цензуры музыкальных и литературных произведений, высшего надзора над семейной жизнью и пр.

Число законоблюстителей Платон определяет в 37. В избрании их участвуют все носящие конное или пешее вооружение; они кладут записки с именами кандидатов в храме; из 300, получивших наибольшее число записок, вторым голосованием избираются 100, затем из ста—третьим голосованием—37. Блюстители законов должны быть не моложе 50 и не старше 60 лет.

Высшим совещательным учреждением является совет—boule. В выборах в совет Платон отдает явное предпочтение высшим классам пред нисшими: каждый класс выбирает по 90 человек, хотя первые два класса несравненно малочисленнее двух последних. Первые два класса обязаны участвовать в выборах, два другие могут и отсутствовать. Первый и второй классы выбирают кандидатов каждый из своей среды, третий—из первых трех, четвертый—из первых двух [3]).

[1]) 735 A.

[2]) ...Ean sumphonosi pantes, houto kinein. allos de medepote medemos, alla ton koluonta aei kata nomon kratein (772 D).

[3]) Оригинально оправдание Платона от упреков во внесении им такой системой выборов принципа неравенства в государство. Истинное равенство, говорит Платон, состоит в том, чтобы давать каждому сообразное с природой каждого, одному больше, другому меньше; нельзя наделять ленивого и прилежного, богатого и бедного одинаковыми правами, так как они по самой природе своей различны.

На высшие военные должности выборы происходят таким образом: в стратеги предлагают nomophulakes, избирают все участвующие или участвовавшие в войне; стратегов должно быть 3. Стратеги предлагают таксиархов (начальников отрядов), которых выбирают уже не все воины, а только носящие щиты, в числе 12. Двух гиппархов (начальников конницы) предлагают законоблюстители, избирает вся конница. Низших начальников назначают сами стратеги.

В «Законах» Платон различает три рода судов: суды третейские (для дел гражданских) с судьями по избранию самих тяжущихся, суды народные для уголовных и государственных преступлений с демократически избранными по филам судьями, и наконец высшие апелляционные суды (koinon dikasterion), в которые дела переносятся по жалобе одной из сторон; в члены этого суда назначаются законоблюстителями представители от всех высших учреждений государства. Во всех судах судопроизводство должно быть гласным, приговор—публичным (ten de psephon phaneran pherein).

Платон требует, чтобы при определении наказаний главное внимание обращалось на мотивы преступления. Законодатель, говорит Платон, должен отличать несправедливость (намеренное преступление) от убытка (ненамеренного преступления). Убыток надо вознаградить, несправедливость—наказывать. Для государства, накладывающего наказания, не должен иметь никакого значения размер ущерба, понесенного потерпевшим. Так, относительно воровства Платон говорит: «укравший что-нибудь общественное (demosion), большое или малое, должен подвергнуться одному и тому же наказанию. Ибо крадущий немногое украл столько только вследствие меньшей возможности, но имел одинаковое (с тем, кто крадет многое) желание» [1]. Уголовный кодекс Платона очень строг. В нем часто фигурирует смертная казнь (за святотатство, попытку ниспровергнуть существующий строй, за неумеренное стремление к богатству, неправильные понятия о божестве и пр.), телесные наказания и изгнание. Но земельное имущество граждан не подвергается конфискации, чтобы не нарушить равенства в земельных владениях. Нужно еще отметить то, что рабы, метеки и граждане подвергаются у Платона совершенно различным наказаниям за одно и то же преступление; так, за сокрытие кражи свободный подвергается только нравственному опорочению, раб же наказывается смертной казнью.

Некоторой заменой правительства философов является в «Законах» так называемый «ночной совет» (nokterinos sullogos) Этому «ночному совету» принадлежит у Платона предста-

---

[1]) Ean tis ti klepte demosion mega e kai smikron tes autes dikes dei Smikron te gar ho klepton eroti men tauto dunamei de elattoni keklophen"... (941 C).

вительство идеи государства по преимуществу. Задача ночного совета заключается в том, чтобы направлять все законы на одну цель (pros hen) — осуществление в государстве добродетели [1]. Он представляет единство в государстве в противовес всеобщему избирательному праву, об'единяет все действия магистратуры, направляет их к общему благу. Он подвергает своему обсуждению все высшие вопросы законодательства и управления, следит за тем, чтобы никем и нигде не нарушался принцип справедливости; он дает высшие наставления избранным им молодым людям от 30 до 40 лет (естественно, что эти лица, как признанные наиболее способными, будут избираться на высшие должности). Таким образом здесь Платон делает попытку восстановить философское воспитание правителей и правительство философов. Но ближайшие указания относительно средств, которыми «ночной совет» мог бы осуществить свою власть при существовании коллегии законоблюстителей и прочих властей,—у Платона отсутствуют. Членами «ночного совета» должны быть лучшие из законоблюстителей, затем наиболее украшенные заслугами, пожилые, много путешествовавшие и много видавшие люди.

Что касается до законов, то во «втором по совершенству» платоновском государстве ими не только регламентируется публичная жизнь, но и опутаны все частные действия граждан. В «Политии», как мы видели, Платон доказывает необходимость своих реформ ссылкой на их природосообразность. В «Законах» Платон не хочет отказаться от точки зрения естественного права и очень горячо аргументирует против тех, которые думают, что «величайшая и лучшая часть дел совершается природою и случаем, а меньшая—искусством» [2] и потому умаляют законы, как создание людского искусства. Законодатель должен заступиться за законы и доказать, что они «происходят от природы и не меньше природы, ибо они являются произведением ума»...[3] Законы даже первоначальнее природы, говорит Платон далее, потому что душа произошла прежде всех тел; следовательно и все родственное (suggene) душе—мнение, забота, разум, искусство и закон—первоначальнее всего физического [4].

---

1) 963 А. В «Законах» иной порядок добродетелей, чем в „Политии": Справедливость стоит только на третьем месте—за мудростью и умеренностью и образуется из смешения двух первых; мужество стоит на последнем, четвертом месте.

2) Eoike, phasi, ta men megista auton kai kallista apergazesthai phusin kai tuchen, ta de smikrotera technen... (889 A).

3) hos eston phusei e phuseos ouch hettoni, eiper nou ge esti gegnemata... (890 D).

4) Psuche hos en protois esti somaton emprosthen panton genomene kai metaboles te auton kai metakosmeseos hanases archei pantos mallon... Doxa de kai epimeleia kai nous kai techne kai nomos skleron kai molakon kai boreon kai koupnon protera an eie (892 A—B).

Платон не различал между этикой и политикой, нравственностью и законом. В этом смысле он был типичным представителем греческой философии, в которой закон понимался шире, а область индивидуальной свободы уже, чем у нас. Задачей политики он считал законодательство по нормам нравственного закона [1]). В таком законодательстве, опутывающем всю частную жизнь людей, он видел единственное средство спасения. Хотя Платон и находил необходимым предпосылать законодательным определениям советы и убеждения, доказывающие пользу и необходимость законов, однако он плохо верил в реальную силу этих увещаний и больше склонялся к мысли, что страх, а не совесть заставляют людей быть нравственными. В «Законах» Платон наделяет законодательные предписания таким же авторитетом, каким наделял он в «Политии» правителей-философов. «Закон, говорит он, иногда действующий убеждением, иногда вооружающийся на некоторых силою и наказанием, один закон может сделать государство сильным и цветущим» [2]). В другом месте Платон говорит: «там, где закон бессилен и находится в подчинении, я вижу гибель, уготованную для города; но спасение и все блага, какие только боги дают людям,—там, где закон властвует над правителями, и правители суть рабы его» [3]). (Припомним, что в «Политии» власть правителей возвышалась даже и над законами).

Когда мы говорили о платоновском воспитании детей, мы видели, каким стеснениям Платон подвергал в «Политии» и «Законах» поэтическое творчество. Платон требовал введения чуждого греческой истории института цензуры, которая бы запрещала все противоречащее принятому государством мнению о хорошем и добром; он даже мечтал об институте государственных поэтов, исполняющих по заказу власти „полезные" произведения.

Музыку без слов Платон вовсе не считал возможным допустить, потому что она не доводит до сознания слушателей этического содержания музыкальных произведений. Мелочность законодательной регламентации художественного творчества доходит у Платона до того, что он находит нужным запретить скульпторам работать над всяким другим материалом, кроме дерева и камня.

---

[1]) И так как всякое нравственное предписание находит свою опору в религии, то главные принципы своего учения Платон обращает в религиозные догматы.

[2]) .... ta men peithousa, ta de me hupeikonta peithoi ton ethon bia kai dike kolażousa ten polin hemin,.. makarian te kai eudaimona apotelei (718, A—B).

[3]) En he men gar an archomenos e kai akuros nomos, phthoran horo te toiaute hetoimen ousan en he de an despotes ton archonton, hoi de archontes douloi tou nomou, soterian kai panth' hosa theoi polesin edosan agatha gignomena kathoro (715 D).

Точно так же не допускал Платон никакой свободы и в области религиозных верований. Кто не верит так, как приказывает государство, тот подлежит сначала пятилетнему заключению в смирительном доме (sophronisterion), а затем, если и после этого не исправится,—смерной казни. Платон боялся не только сектантства,—он с подозрением относился и к оффициальным служителям религии—жрецам. Он требовал, чтобы они находились в полном подчинении у государства и избирались из простых граждан не более, как на 1 год. Такими мерами Платон надеялся предупредить эмансипацию жрецов из-под влияния государства и обратить их в простых чиновников.

Брачные отношения, как и в «Политии», Платон также не считает возможным предоставить на волю самих граждан. Вмешательство государства должно проявиться прежде всего в том, что оно доставит юношам и девушкам случай близко узнать друг друга. Затем оно должно смотреть за тем, чтобы браки заключались наиболее полезные для государства, а такими являются те, при которых происходит смешение состояний (богатых и бедных) и темпераментов (пылких и холодных). Наиболее подходящее время для брака Платон считает для мужчин от 30 до 35 лет, для женщин от 16 до 20 лет. Что касается до собственно брачной жизни, то государство отказывается от воздействия на нее, пока она течет нормально; но если отношения между мужем и женой принимают ненормальный характер, то должны вмешаться особые надзирательницы за брачной жизнью (kurial ton gamon; надзирательницы сначала прибегают к мерам увещания; только в случае безуспешности последних они делают доклады законоблюстителям, которые имеют право предать виновных суду.

Относительно воспитания детей главное отличие «Законов» от «Политии» заключается в том, что в «Законах» Платон не требует отобрания всех только что родившихся от их матерей для передачи в государственные воспитательные дома; публичное воспитание детей должно начинаться только после 3-х лет. От 3-х лет до шести дети должны собираться в местных храмах (каждый ребенок в храме своего селения) для полезных игр под надзором государственных воспитательниц. С шести лет оба пола разлучаются, и начинается правильное обучение детей гимнастике и музыке. Систематическое обучение чтению и письму должно начинаться с 10 лет и продолжаться до 13; с 13 до 16 лет дети должны учиться играть на лире. На все это никому не позволяется употреблять ни больше, ни меньше времени. Дальнейшему воспитанию должны подвергаться только особо одаренные. Главнейшим средством воспитания Платон признает те увещания, которые должны предшествовать всяким законодательным предписаниям. В этих предисловиях к законам должны быть изложены в поэтической форме основные принципы этики, а взятые в совокупности они должны представить из себя стройную и разработанную систему.

Таким образом в «Законах» Платон вторгается в область духовного творчества, морального и религиозного чувства, семейной жизни и частных привычек. Частную инициативу и свободную деятельность индивида Платон заменяет входящими в детали законодательными предписаниями; из общества он стремится сделать механизм, который, будучи раз заведенным, двигался бы вечно с неизменной правильностью. В области хозяйственных отношений он требует безусловного подчинения частных хозяйств установленным государством нормам; его идеал—всеобщее экономическое равенство; средства для достижения этого идеала—централизация земельной собственности в руках государства и государственный контроль над ремесленным производством, над торговым обменом и распределением всех хозяйственных продуктов. Он априорно конструирует свою экономическую теорию, как полную противоположность современным ему хозяйственным отношениям—мобилизации земельной собственности, раздроблению земельных участков и постепенному высасыванию торговлей и промышленностью земледелия. Аграрное коммунистическое государство, в котором жизнь индивидов подчинена властной опеке правительства—вот идеал «Законов», в сущности мало отличающийся от идеала «Политии», несмотря на указанные выше различия между обоими крупнейшими диалогами Платона. Сходство увеличивается еще и тем, что и там, и здесь речь идет о естественном, т. е. сообразном с разумом, порядке. И там, и здесь важнейшей задачей деятельности правителей является воспитание нравственности. И там, и здесь в основу положена идея идентичности, счастья и добродетели и мысль о гармонии между интересами индивида и государства.

Поэтому можно сказать, что Платон не отказывался в «Законах» от идеала «Политии», а только, не надеясь достигнуть последнего сразу, отодвигал его достижение в бесконечно далекое время и создавал в виде государства «Законов» подготовительную и легче достижимую ступень к нему. Говоря в «Законах», что идеальное государство доступно только «для богов и для детей богов», Платон употреблял эти слова не в буквальном смысле: он только хотел сказать, что идеал «Политии» недостижим для людей настоящего, но отнюдь не то, что он никогда не может быть достигнут. Государство «Законов» не заменяло идеального государства «Политии», а только подготовляло последнее, — которое никогда не переставало быть для Платона высшей регулирующей нормой. В этом смысле был прав Аристотель, говоря, что в конце концов, после некоторого обходного пути, Платон возвратился к своему первому проекту.

В заключение постараемся ответить на самый острый и самый интересный при окончательном суждении о Платоне вопрос: был ли он аристократом с монархическими симпатиями в душе, принимавшим к сердцу только интересы немногих, игнорировавшим

и даже презиравшим народные массы с высоты своего философского величия, или в душе его была и сильная демократическая струя, которая заставляла его не только считаться с интересами рядовых граждан, но даже и ставить их интересы во главу угла его социально-политического мировоззрения. От ответа на этот вопрос будет зависеть и наш окончательный приговор над Платоном. Большинство ученых—и притом с очень крупными именами—(Белох, Онкен и др.), как мы видели, склоняются к тому мнению, что Платон презирал народную массу и был заведомым сторонником аристократии. Я уже приводил то мнение Онкена, согласно с которым Платон «теоретически продолжал ту же борьбу с демократией, какую Антифон, Пизандр и Критий вели практически. Политические взгляды Платона действительно как бы вполне согласуются с этим мнением. Лучшим образом правления он называет то аристократию (в «Политии»), при которой правят мудрейшие, то монархию, при которой соблюдаются законы («Политик»). К демократии же относится то прямо отрицательно (в «Политии»), то холодно-индифферентно (в «Политике»). Кажется после этих суждений Платона трудно говорить о его демократизме. И действительно, если под демократией разуметь чисто политическое понятие—народовластие—то, конечно, Платон не был демократом. Народной массе он не доверял, народ он не считал способным к самоуправлению и к правильному пониманию собственных интересов. На этот счет двух мнений быть не может. Но делать из этого вывод, что Платон был совершенно равнодушен к интересам народной массы и все свои симпатии отдавал аристократическим классам,—нет, тем не менее, никаких оснований. Выше мы уже говорили, что Платон никогда не выражал своего сочувствия исторически существовавшим формам аристократии—особенно современной ему аристократии. Понятие аристократического строя было для Платона понятием не историческим, а идеальным. Он то отодвигал его к временам глубокой мифической древности (представление об Атлантиде в диалоге «Критий»), то приписывал его древним афинянам, древним спартанцам и критянам,—вообще тем народам и тем временам, о которых уже современники Платона не имели никаких достоверных сведений и в жизнь которых можно было вложить какое угодно идеальное содержание. Идеализируя спартанские порядки, Платон свои симпатии отдавал не современной ему Спарте, где, по его словам, господствует демократия, а не истинная аристократия, а древней, о действительном строе которой он так же мало знал, как и все его современники. Все это показывает, что платоновская аристократия совсем не та аристократия, которая в действительности существовала в его время, а какая-то особенная, им самим выдуманная и расписанная в стиле политической романтики того времени. Ничего общего с Критием, Антифоном и Пизандром Платон не имел и не хотел иметь. Те немногие или тот единодержавец, в руки которых Платон хотел передать управление го-

сударством, должны были выйти отнюдь не из рядов того богатого меньшинства, которое образовывало арестократию IV века, ибо в таком случае нарушился бы платоновский идеал абсолютной хозяйственной незаинтересованности правящего класса. Своему аристократическому правительству, понимаемому в смысле правительства немногих лучших людей, а отнюдь не в смысле правительства, вышедшего из среды экономически господствующих в данный момент классов, Платон дает совершенно демократическую задачу—уничтожения классовых контрастов, ликвидации бедности и богатства и водворения экономического равенства. Всего этого Платон надеялся достигнуть преобразованием общества в коммунистическом духе. Главным аргументом со стороны тех, которые хотят видеть в Платоне идеолога господствующих в его время классов, является то, что Платон, по их мнению, свои требования коммунизма и хозяйственного уравнения хотел ограничить только одним господствующим классом. Так, Каутский утверждает, [1]) что по Платону «коммунизм должен поддерживать государство. Он должен стать консервативным элементом, но только в виде коммунизма господствующего класса. Если частная собственность господствующего класса упразднена, то тем самым будет устранено для него всякое искушение эксплоатировать и мутить трудящийся народ». Если бы это было так, то Платона действительно можно было бы представить себе в качестве аристократа, который находил нужным оздоровить социальную жизнь господствующего класса, укрепить его положение реформами коммунистического свойства и этим путем только упрочить его власть над обездоленной народной массой.

В своей статье я старался показать, что это не так. Никаких привиллегий господствующему классу Платон не давал, и его идеалом было установление не частичного только коммунизма чиновников и военных, а общего коммунизма, который сравнял бы всех в пользовании экономическими благами и уничтожил бы хозяйственное преобладание одних над другими. Платон мечтал о том, чтобы не было «моего» и «твоего» среди всех граждан, а не среди одних чиновников, чтобы бедность и богатство исчезли из всех сословий государства, а не только из среды одних стражей, и потому нам нет оснований думать, что он презирал народную массу и не заботился о ней.

Но если это было так, если в хозяйственной области Платон был демократом, старавшимся поставить народную массу в такие хозяйственные условия, которые обеспечили бы счастье *всех*, то тогда зачем Платону было наделять политической властью *немногих?* Иначе говоря, как согласовался политический аристократизм Платона (господство немногих) с его экономическим демократизмом? Не стояло ли одно в непримиримом противоречии

---

[1]) Каутский, Предшественники новейшего социализма, часть I' стр. 8, СПБ., 1907.

с другим? Я думаю, что такого противоречия не было. Мне приходилось уже говорить в начале статьи, в каком полном несогласии с коммунистическим идеалом Платона находилась хозяйственная жизнь IV столетия до Р. Х. Идеал Платона—аграрное государство без общественных контрастов и экономических противоречий, с всеобщим согласием в мыслях и чувствах—настолько был несогласован с господствующими тенденциями его века,—классовой враждой, разгулом индивидуалистических тенденций и полной неспособностью тогдашнего общества к какой-либо коллективной солидарной деятельности, что установить новые порядки можно было только мерами крайнего принуждения и властного вторжения во все сферы общественной и частной жизни. Полицейские приемы управления диктовались полным расхождением между его идеалом и действительными хозяйственными отношениями его века. В идеале Платона были, с одной стороны, элементы архаического, уже давно пережитого хозяйственного строя (симпатии к аграрному быту), а с другой—элементы глубоко преждевременных экономических отношений (стремление к коммунистическому уравнению), к которым в реальной действительности IV века не было надлежащей подготовки. И возродить патриархальные отношения далекой старины, и организовать новое общество на коммунистических основаниях тогда было невозможно иначе, как в виде мер, основанных на полном недоверии к личности и ее естественным для того времени стремлениям. Иного пути к осуществлению *такого* идеала у Платона не было. Поэтому-то можно смело сказать, что политический аристократизм и экономический демократизм не находились у Платона в противоречии. Они составляли элементы одной и той же выдержанной во всех своих частях системы, взаимно друг друга обусловливали и дополняли. К полицейскому государству Платон пришел, исходя из идеалов коммунизма, водворить который, как это было ясно для него самого, было невозможно обычными средствами. Путь, которым шел Платон, был логически последователен, и не в недостатке логики можно упрекнуть великого афинского мудреца. Его нельзя упрекнуть и в сверхчеловеческом презрении к массам, ибо, как я показывал, счастье большинства, благо составляющих государство личностей было его конечной целью. И тем не менее, упрек, который мы можем ему послать, является быть может не менее существенным: у великого философа не хватало жизненного смысла и практического чутья действительности.

ОТ РЕДАКЦИИ. В № 1 указание принципов латинской транскрипции греческих слов было напечатано с погрешностями. Повторяем его здесь: *ипсилон* передается через u. *хи* через ch. *фи* через ph, *дзета* через z, *кси* через x, *тета* через th, *пси* через ps, *густое* придыхание через h. Передача *эты* через э с надстрочным знаком долготы, *омеги* через о с таким же знаком и подписной *иоты* через носовой звук польской азбуки оказалась невозможной по техническим условиям типографии.

Д. А. Жаринов.

Шляхетское представительство в конституционных проектах 1730 г.

Движение 1730 г. по справедливости считается одним из интересных моментов в истории русского общества XVIII в. С одной стороны,—здесь перед нами с редкой для русской истории отчетливостью выступают и классовые интересы русского рядового шляхетства, и уровень его общественно-политического самосознания; с другой—движение позволяет до некоторой степени подвести итоги петровской реформе и выяснить сумму и об'ем понятий и требований, которые обнаружились в результате своеобразного конгломерата старого и нового, московских традиций и новых петербургских веяний.

Движению 1730 г. посвящено несколько ценных и обстоятельных исследований. Из них наиболее содержательными следует признать: 1) С. М. Соловьев. История России, т. XIX, М. 1869, 2) Исторический этюд Д. А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» Каз. 1880 и 3) П. Н. Милюков. «Верховники и шляхетство»—первоначально в «Сборнике в пользу воскресных школ», М. 1894, потом в «Очерках по истории русской интеллигенции», Спб. 1902. Первые два труда, Соловьева и Корсакова, оперируют с архивными данными Госуд. Архива и Гл. Моск. Архива Мин. Иностр. Дел; в труде Милюкова есть ссылки на шведские источники, заимствованные автором из статьи Гаральда Иерне «Русские конституционные проекты 1730 г. по шведским источникам» (Harald Hjärne, Ryska constututionsproject, är 1730 äter svenska förebilder—Historisk Tidskrift, 1884). В книге Корсакова сделан обстоятельный историко-критический разбор имевшегося в распоряжении автора материала—литературы и источников, вкратце сделан такой обзор и у Милюкова. Мне остается лишь назвать в дополнение небольшую популярную работу М. М. Богословского «Конституционное движение 1730, Спб. 1918» и затем кое-что из вновь изданных источников. Так, в CI томе Сборн. И. Р. И. Общ., Спб. 1898, изданы «Протоколы, журналы и указы

Верх. Тайн. Совета 1729 и 1730» (здесь есть форма присяги, клятвенное обещание 18 февраля 1730 г.); в Русской Старине, 1893 г., ноябрь, напечатана «Депеша Виллардо кардиналу Флери от 30 января 1730 г.» (сообщил П. Пирлинг)—здесь несколько интересных черт по характеристике первых дней приглашения на русский престол герцогини Курляндской Анны; в Русской Старине за 1909 г., январь, февраль и март, изданы полностью (напечатанные в книге Корсакова в извлечении) «Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны (сообщ. В. Корсакова); наконец, в Русском Архиве за 1909 г., № 3 напечатан новый полный и исправленный перевод «Записок Дюка Лирийского».

В настоящей статье я не намерен подвергать новому пересмотру ход событий 1730, не ставлю своей темой ни замыслов верховников, ни обстоятельств их политической неудачи в столкновении с рядовым шляхетством. В движении 1730 г. я позволю себе остановиться на одной черте—как мне кажется, важной, но недостаточно исследованной—на понятии о представительстве, на характере и значении участия общества в управлении, сообразно с тем, как то и другое обрисовывается в представленных шляхетством проектах и челобитьях. С одной стороны, любопытно некоторое своеобразие понятия о представительстве, его об'еме и функциях, проглядывающее в проектах; с другой—небезинтересно выяснить источники этого своеобразия, повидимому, не находящего себе достаточного об'яснения ни в знакомстве участников движения с политической литературой, ни в копировании иностранных образцов.

Припомним, с интересующей нас точки зрения, содержание представленных в 1730 г. проектов. В настоящее время нам известно из них 8 представленных В. Т. Совету и 4 не представленных. Это—из первой серии: 1) Князя Черкасского, 2) И. П. Дмитриева-Мамонова, 3) С. Секиотова, 4) Алабердеева, 5) Максима Грекова, 6) гр. И. А. Мусина-Пушкина, 7) С. А. Колычова, 8) М. А. Матюшкина; из второй: 1) Конспект шляхетских совещаний, 2) проект тринадцати, 3) «Способы, которыми, как видитца, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное, толь важное и полезное всему народу дело» и 4) добавление к этим «Способам». В интересующих нас целях, к 12 проектам уместно присоединить записку Татищева о ходе шляхетских совещаний в доме сенатора Вас. Яковл. Новосильцева 2 февраля, челобитную о созыве шляхетского совещания, прочитанную тоже Татищевым 25 февраля, вторую челобитную этого же решительного дня, прочитанную кн. Антиохом Кантемиром и, наконец, «Форму присяги на верность Анне Иоанновне от имени Верховного Совета, сената, синода, генералитета и всего Российского народа, духовного и свецского всякого чина людей», составленную Д. М. Голицыным.

Наиболее обстоятельно ставится вопрос о представительстве и об активном участии общества, как в самом движении, так и в имеющей возникнуть новой форме правления, в проекте, записке и челобитье, связанных с именем Татищева. В «Записке» он развивает мысль, что по географическим условиям России свойственна «монархия», что «демократии» у нас препятствует «пространство великое государства», а встретившиеся в русской истории попытки ввести аристократию не увенчались успехом—они приводили или к внутренним смутам, или к ослаблению страны во внешнем отношении, или, наконец, к общему ослаблению власти. Но все же, когда царь не оставляет наследников, единственный путь к восстановлению правильного государственного строя—обращение к закону естественному, по каковому должно состояться избрание нового государя согласием всех подданных, «некоторых персонально, других через поверенных». Далее, критикуя образ действий верховников, Татищев в собрании у Васильчикова ставит им на вид самовольное похищение власти с выключением достоинств и преимуществ всего шляхетства и других чинов. Наконец,—общество в отдельных исключительных случаях может, по мнению Татищева, не только избирать царя, но и предпринимать нечто ему в помощь. Если, напр., на престол избирается, как это имело место в 1730 г., персона женская, ко многим трудам не удобная, не обладающая и достаточным знанием законов,—общественная помощь здесь необходима на время, «доколе нам Всевышний мужскую персону на престол дарует»; затем—издание новых законов: «лучше прежде издания рассматривать, нежели, издав, переменять, что с честию монарха не согласует», а между тем сочинение законов все равно «никак не возможно одному поверить: хотя б он искусен и в намерении никоея собственные страсти не имел, по природе легко погрешить может». Итак, подданным—не одному шляхетству, а, повидимому, и всем санам,—иным персонально, иным через поверенных—Татищев отводит двоякую роль: учредительную—избрание монарха по прекращении династии, и законосовещательную—когда монарх неопытен в делах и когда приходится издавать новые законы. Но записка заключает в себе теоретические соображения,—здесь Татищев еще не переходит на непосредственно практическую почву. Последнее имеет место в составленном Татищевым конституционном проекте, известном под именем проекта кн. Черкасского. Теория, в попытке более конкретного приспособления ее к практике, делает уступки—словно бы каким-то достаточно установившимся чужим взглядам, проторенным идеологическим колеям. В проекте Черкасского учредительная роль осуществляется особым собранием избранных—но уже только «всем шляхетством»—достойных людей, в числе не менее 100 человек; при том «сие все нужно, не упущая времени, начать, прилежно В. Т. С. просить, чтоб конечно того ж дня или на завтра, через герольдмейстера, шляхетству о собрании об'явить и покои для того назначить». Как понимать это оповещение

шляхетства о собрании? Идет ли дело о немедленном издании акта о созыве или о немедленном осуществлении самого созыва? Кое-какой свет в этом отношении бросает нам первая челобитная. Здесь, между прочим, имеется категорическое утверждение, что «большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства». Быть может, это просто фраза, выдвинутая для большей убедительности, но быть может, эта фраза навеяна и тем обстоятельством, что о «народе» шляхетство судило по самому себе, по настроению той своей группы, которая оказалась в 1730 г. в Москве и действительно переживала большие тревоги. «Жалостное же везде по городу видение стало и слышание—рассказывает современник Феофан Прокопович, очевидно подразумевая именно шляхетские круги: куда ни прийдешь, к какому собранию ни пристанешь, не ино что было слышать, только горестные нарекания на осьмеричных оных затейщиков»... Многие «особливо маломощные и в домах своих пребывать опасались; но с места на место переходя, в притворном платье и не в своем имени, по ночам только, куда кого позывала нужда, перебегали» [1]). Понятие «шляхетство» и даже «часть шляхетства» заменяется у авторов челобитной понятием «большая часть народа»; тем более ту же «часть шляхетства» можно было назвать «всем шляхетством». И когда Татищев в проекте Черкасского говорит о немедленном созыве через герольдмейстера всего шляхетства, не подразумевает ли он легко практически-исполнимого обращения к шляхетству, уже собравшемуся в Москву? Это предположение как будто подтверждается и дальнейшим анализом текста челобития. В последнем указывается, что именно собравшиеся в Москве уже подали В. Т. С. свое мнение, дабы по оному, яко по большему числу голосов, безопасную Правления Государственного форму учредить; но Совет не обратил на это мнение должного внимания—и вот, пусть же теперь императрица сама соизволит собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по два от фамилии. В практике петербургского правительства первой половины XVIII в. под генералитетом и офицерами обычно подразумеваются особы высших и офицерских чинов, имеющиеся в данный момент в столице—да и технически осуществить с'езд в столицу всего генералитета и офицерства можно было бы только по очередям, в течение срока, продолжительность которого едва ли соответствовала экстренности обстоятельств, среди которых приходилось действовать шляхетству в 1730 г. Что касается до приглашения двух (и именно, вероятно, не более двух) шляхетских представителей от фамилии, то это подсказано опасением чрезмерного влияния родовитого дворянства, успевшего сгруппироваться в 1730 г. около Долгоруких и Голицыных,—следовательно, и здесь челобитчики считаются, главным образом, с составом сословия, уже собравшегося в столицу.

---

[1]) Феофан Прокопович.—О воцарении Анны Иоанновны. Русский Архив, 1909, № 3, 434, 436.

челобитная заключается извинением перед императрицей в малом количестве подписей, но об'яснение этому дается в том, что составители челобитной «*собою собраться для подписи опасны*», т. е. опять и здесь подразумевается московская группа.

Итак, создается, думается мне, довольно основательное предположение, что на практике вопрос об общенародном представительстве всех санов, одних персонально, других через поверенных, сводится к представительству значительно упрощенному: признается достаточным выступить в роли учредительного собрания имеющемуся в Москве генералитету, офицерству и шляхетству, с присоединением сюда и части провинциального шляхетства, с'ехавшегося по случайному поводу предстоявшего бракосочетания Петра II с Ек. Ал. Долгорукой. А во второй челобитной, прочитанной Антиохом Кантемиром, московская группа и действительно выступает в роли представительницы всего русского народонаселения, ходатайствуя о восстановлении самодержавия в его прежнем виде, с применением выборного начала лишь к замещению упалых мест сенаторов, губернаторов и президентов коллегий.

Участие общества в самом государственном управлении в проекте Черкасского получает более детальное освещение, чем в записке, а вместе с тем, в свою очередь, *вводится* в довольно своеобразно-очерченные рамки. Известно, что в проекте Черкасского предусматриваются два верховных учреждения: «Вышнее правительство», или сенат, из 21 члена—и «Нижнее правительство,—осуществляемое очередными заседаниями разделенной на три группы палаты, 100 персон. Нижнее правительство ведает дела внутренней экономии. Три раза в год, а также в отдельных экстренных случаях собирается и вся палата, 100 персон целиком—для особо важных дел.—Но в последние входят не функции законосовещательные (законодательный почин принадлежит императрице, отсылающей проекты в коллегии, в свою очередь, передающие их на дальнейший пересмотр сенату), а главным образом, избирательные,—избрания, в совместном заседании с сенатом, президентами коллегий и генералитетом, кандидатов на «упалые места» в Вышнем собрании, сенате, на должности президентов и вице-президентов коллегий, губернаторов и вице-губернаторов и главных командиров войск: из трех избранных кандидатов одного утверждает императрица.

Из остальных проектов видную учредительную роль отводит обществу лишь радикальная записка одной шляхетской группы, так наз. «Способы, которыми, как видитца, порядочнее и т. д. можно сочинить и утвердить... полезное всему народу дело.» План государственного преобразования по этим «Способам» должен быть выработан и окончательно утвержден в комиссии из 20—30 дворян, избираемых в общем собрании «всего великороссийского народа шляхетства», с исключением иноземцев: впрочем, «все шляхетство» надо понимать опять-таки с каким-то ограничением, так

как предусматривается полное соглашение участников собрания «за себя и за отсутствующих». Избранные 20—30 человек получают от избирателей письменные наказы, и для наблюдения за порядком в заседаниях, для унимания крика, а особливо брани дополнительно избираются две особы, без права участия в прениях, но с правом предлагать все, «что к правлению государства принадлежит и что они вымыслить могут к пользе отечества». В обсуждении вопросов церкви, военного дела и торговли к комиссии шляхетских выборных присоединяются с правом решающего голоса выборные, в количестве 4—6 человек, от синода, военных и купечества, также с письменными полномочиями; при рассмотрении вотчинных дел и других специальных вопросов приглашаются, тоже с правом решающего голоса, президенты и от 2 до 3 членов соответствующих коллегий. Каждый вопрос, окончательно рассмотренный комиссией, пересматривается еще раз комиссией с участием сената, потом предлагается В. Т. С. для совместного обсуждения опять-таки с комиссией и сенатом; «а как выборные, сенат и Верховный Совет о каком деле все согласятца, и тогда—читаем в проекте,—послать с тем делом несколько особ к ее императорскому величеству и просить, чтоб конфирмовала».

«Способы», дополненные затем еще очень существенными просьбами об облегчении дворянской службы, о вольной торговле, об облегчении крестьянских податей, о самостоятельности архиереев по епархиям и самостоятельном распоряжении монастырей их имуществом, не были представлены В. Т. С. и стоят в движении несколько особняком, хотя и оказали некоторое влияние на «Форму присяги», составленную Голицыным[1]). П. Н. Милюков отводит главную роль и при составлении «Способов» Татищеву[2]). Особняком выступает и еще один проект—выработанный на совещании какой-то для нас неизвестной группы, так называемый «Конспект шляхетских совещаний». Здесь ничего не говорится об учредительной работе общества в установлении самого государственного строя, но зато «если что впредь окажется потребным к поправлению и пользе государственной» уже по установлении нового порядка правления—то, это—значится в проекте—«сочинить сейму и утвердить обществом». «Общество»—так и не определяемое точно в своем составе—баллотирует на убылые места в сенаторы, в президенты коллегий и в губернаторы.

В прочих проектах—и так называемого большинства (Секиотова, Алабердеева, Максима Грекова), и так называемого меньшинства (гр. Мусина-Пушкина, Колычева, Матюшкина), в проектах 25 и 13, форме присяги Голицына—роль общественных органов исключительно почти сводится к избранию членов верхов-

---

[1]) Д. А. Корсаков. Воцарение имп. Анны Иоанновны. Каз. 1880, Прил. 18.

[2]) П. Н. Милюков. Из истории русской интеллигенции. Спб. 1902, 38

ных учреждений и должностных лиц. В проектах Секиотова, Алабердеева и Грекова генералитет и шляхетство, в количестве не менее 100 человек, избирают членов Вышнего правительства, сенаторов, губернаторов и президентов коллегий; тот же генералитет и шляхетство, для важных дел, об'единяются в общее совещание с Вышним правительством и сенатом. В проекте Мусина-Пушкина и близко подходящей к нему одной анонимной записке требуется дополнить общим советом из фамильных и генералитета и из знатного шляхетства число членов В. Т. С. с 7 до 12, причем В. Т. С. переименовывается в «Верховное правление». В дальнейшем «общее собрание Верховного правления, сената и генералитета, военного и штатского» (с характерной оговоркой: «которые тогда в резиденции случатца»)—в отдельных исключительных случаях—„для совету и рассуждения, когда случится какое новое и важное дело"—пополняется знатным шляхетством или, в церковных делах, членами синода и архиереями и выступает в качестве законосовещательного органа, а в обычном порядке и составе ведает все те же выборы кандидатов на вакантные должности в Верховное правление и сенат. Особенность проекта Мусина-Пушкина та, что здесь фамильные особы отделяются от рядового шляхетства в особую общественную группу: Верховное правительство, как и сенат, состоит наполовину из фамильных, наполовину из шляхетства, и вакансии фамильных особ замещаются из фамильных, а на шляхетские вакансии выбираются из шляхетства. В проекте Матюшкина — общество, состоящее из военного и штатского генералитета и шляхетства, в количестве не менее 70 персон и не более 2 от каждой фамилии (немногочисленный состав „общества" и оговорка насчет фамилий. в свою очередь, склоняют к предположению, что здесь дело идет о шляхетстве, уже имевшемся в столице)—собирается как для особо важных дел, так и для выборов кандидатов в члены В. Т. С., сената, президентов коллегий и губернаторов. Приблизительно в тех же рамках очерчена работа общественного элемента и в проекте 13. В проекте 25 генералитет и шляхетство выбирают кандидатов в члены В. Т. С., сената, президентов коллегий и губернаторов, а для выбора вице-президентов, воевод и прочих гражданских чинов созывается особое собрание общества,—не менее, как из 50 персон. Что касается до „формы присяги", то она, как тщательно выверил Д. А. Корсаков, является в значительной части результатом уступки шляхетским мнениям [1]). Во главе управления остается здесь В. Т. С., на упалые места в котором—„ежели кого из того собрания смерть пресечет или каким случаем отлучен будет"—избираются кандидаты из первых фамилий, из генералитета и из шляхетства, людей верных и обществу народному доброжелательных, не

[1]) Д. А. Корсаков. Воцарение имп. Анны Иоанновны, Каз. 1880, стр. 182—188, Прил. 13—20.

воспоминая об иноземцах, т. е. с полным исключением их; избирательную коллегию составляет В. Т. С. в совместном заседании с сенатом. Затем—для решения всякого „нового и важного государственного дела"—опять-таки к В. Т. С. присоединяются сенат, генералитет, коллежские чины и знатное шляхетство, а в делах, касающихся церкви, синодские члены и архиереи.

Итак—участие общества в управлении безусловно выдвигается всеми проектами. И в то же время выступают, как мне думается, три главные особенности их содержания. Во-первых, во всех почти проектах представительные учреждения,—поскольку дело идет не об учредительной роли, а об участии в управлении, являются как бы дополнением существующих высших—Верховного совета, или Вышнего правительства, и сената, действуют при них, им в помощь, или в соединении с ними; участие в законодательной работе отводится для общественных органов только в экстренных особо важных случаях. Во-вторых самый термин «общество», «все шляхетство, генералитет, офицерство и пр.» не определяется детально ни в своем составе, ни в порядке представления ими чьих-либо общественных нужд; получается впечатление, косвенно подтверждаемое и некоторыми оговорками проектов, что под обществом и всем шляхетством чаще всего подразумевается лишь наличный состав дворянства, оказавшийся в 1730 г. в Москве. Наконец, в-третьих: главной функцией общественных органов проекты признают выбор кандидатов, как в члены верховных учреждений, так и на высшие должности, с дальнейшим затем утверждением одного из них верховной властью.

Откуда проистекают отмеченные особенности содержания проектов? Разумеется, в известной мере это проявление некоторой элементарности политического мировоззрения—отчасти такое впечатление оставляет все движение 1730 г. и у некоторых иностранцев. „Русская знать все еще не может придти к соглашению касательно формы изменений, которые ей хочется произвести—пишет английский уполномоченный Рондо 16 февраля 1730 г. Я видел несколько проектов, представленных в В.Т.С.; все они очень мало продуманы (ill digested), и ни один из них не мог быть вполне одобрен, хотя проекты эти и подписаны представителями знатнейших фамилий. Привыкнув к слепому повиновению воле самодержавного монарха, русские не составили себе ясного представления об ограниченном правлении".[1]) „Все русские вообще желают свободы, доносит прусский посол Мардефельд от 23 февраля; но они не могут согласиться относительно меры и качества ее и до какой степени следует ограничить самодержавие... Если императрица сумеет хорошо войти в свое новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в

[1]) Сб. И. Р. И. Общ. LXXVI, 136.

короткое время полное самодержавие, ибо русская нация, хотя много говорит о свободе, но не знает ее и не сумеет воспользоваться ею".[1]) Но, прежде всего, неподготовленность русских к решению политических вопросов, подобных тем, которые встали перед ними в 1730 г., повидимому, все же не являлось такой полной, как это показалось Мардефельду и Рондо: некоторым противовесом их известиям служат известия других иностранцев, не менее осведомленных. В среде верховников французский уполномоченный Маньян и саксонский, Лефорт, отмечают толки о разных пригодных для России конституциях—английской, шведской, польской и наконец об аристократической республиканской конституции без представителя, с передачей всей полноты власти В.Т.С.[2]) Эти рассуждения находили себе отголоски и в шляхетских кругах. 24 ноября (т. е. пять дней спустя после смерти Петра II)—сообщает шведский посол Дитмер—встретился со мной статский советник Татищев и сказал, что за день пред тем он читал кое с кем шведскую форму правления и в ней нашел ссылки на различные другие распоряжения и представления риксдагов, которых здесь не достанешь. Поэтому он просил меня добыть их, говоря, что охотно заплатит, что они будут стоить...[3]) Мелкое дворянство толкует о необходимости некоторых условий, которые предохранили бы его от деспотизма В.Т.С.—и опасность этого деспотизма весьма основательно мотивирует сосредоточением в Совете всей полноты законодательной власти [4]). Можно ли отмеченные нами особенности проектов об'яснять исключительно одной политической неподготовленностью? Мне кажется, что, получи последняя господствующее значение, она выразилась бы прежде всего в слепом копировании иностранных образцов с их терминологией, напр., польских или шведских; но только в одном „Конспекте шляхетских совещаний" мы встречаем термин „сейм": затем—неподготовленность, с торопливым и непродуманным занесением на бумагу всяких обрывков политических представлений, какие только подсказывала память, повела бы, думается мне, к большим разногласиям в содержании проектов. Правда, на Маньяна они и производили впечатление хаоса, [5]) но при ближайшем детальном изучении мы видим в них, наооборот, много настойчиво проводимых общих требований.

---

[1]) Сб. И. Р.И. Общ. XV, 44.

[2]) Сб. И.Р. И. Общ. LXXV. 459, 466: V, 345.

[3]) П. Н. Милюков. Из истории русской интеллигенции, Спб. 1902, 26.

[4]) Распространенность в России перв. пол. XVIII в. рассуждений о республике—„конечно далеко от того идела, к которому стремился Платон"—у Locatelli, Lettres moscvetes. Об общем стремлении дворян к конституции, особенно в богатых и зажиточных кругах—Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, Genève, 1867. I. 314, 315. Один из источников мемуаров—рассказы стариков-очевидцев, ch. I, 2.

[5]) Сборн. И. Р. И. Общ. LXXV,487.

Д. А. Корсаков тщательно обследовал все, как ему казалось, источники шляхетских проектов и личные впечатления некоторых авторов за время их пребывания за границей, и знакомство с иностранными конституциями, и сведения литературные. Иерне сопоставил кондиции и форму правления Голицына со шведскими „формами правления"[1]). Но действительно ли исчерпываются этим все источники проектов? Некоторые их черты не получают совсем или получают очень натянутое об'яснение из иностранных источников. Мне представляется, что и содержание, и характер проектов значительно выиграют в ясности, если мы будем искать раз'яснений не у „варягов", в иностранных источниках и влияниях, а в условиях самой русской действительности, в кругу тех политических навыков и представлений, которые, в русском шляхетстве XVIII в. являлись сложным и до некоторой степени уже органически—сросшимся наследием петровской реформы, с одной стороны, и московских традиций XVII в., с другой.

На этих русских источниках остановился в свое время довольно внимательно Е. Карнович в статье „Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г."—Отеч. Зап. 1872 г., 1—2. В самом деле,—практика думы и земских соборов, весь московский уклад XVII в. не настолько еще истерлись в памяти в 1730 г., чтобы не вызывать порой на размышления о возможности их возобновления. Ведь и Маньян отчасти истолковывает все движение 1730 г., как „стремление возвратиться назад, к своему прежнему положению и к своим старинным обычаям." [2]) Воспоминания о XVII веке могли обостриться с перенесением резиденции в Москву, в связи с той общей реакцией в центральном и областном управлении, которая характеризует царствование Петра II; и как раз около этого времени иностранцы подхватывают и заносят в свои работы о России сведения об ограничении власти Михаила Федоровича властью думы или земского собора.[3]) Кроме думы и земских соборов Карнович особенно подчеркивает влияние петровской реформы. „Трудно и невозможно"—читаем мы у Карновича—уловить момент переворота, совершившегося в общественном мнении. Несомненно однако, что такой переворот относительно понятий о государе и государстве был у нас при Петре Великом. Личность, в которой, наравне с грубым, ничем не удержимым произволом азиатского деспота, проявляется такой либерализм, каким редко отличаются

---

[1]) Д. А. Корсаков. Воцар. имп. Анны Иоановны, 279—293; П. Милюков, Из истории русской интеллигенции, Спб. 1902, 8-11.

[2]) Сборн. И. Р. И. Общ., LXXV, 467. В одной из первоначальных редакций „формы присяги" на полях приписано пожелание: „шляхетству все должно быть в почтении и снабдить рангами против прежнего от столяников до жильцов-(Д. А. Корсаков. Воцарение императрицы Анны Иоанновны, Каз. 1890, Прил., стр. 16).

[3]) С. Ф. Платонов. „Московское правительство при первых Романовых". Статьи по русской истории, Спб. 1912, 356—359.

даже современные монархи Европы,—не могла исчезнуть, не оставив после себя глубоких следов. Люди, стоявшие около Петра, из собственных распоряжений его как самодержавного государя, не могли не заключить, что он на всех ступенях государственного управления считает единоличную власть недостаточной, и такой взгляд могблыть применен потом и к верховной власти, когда русский престол занимали Екатерина I и Петр II[1]).

Со времени 70-ых годов в русской историографии много было сделано для выяснения и структуры и политического значения как думы, так и земских соборов; с другой стороны, нам тщательнее удалось всмотреться в эпоху Петра Великого. Думается мне, настало время, при свете вновь добытых научных данных, пересмотреть более детально и вопрос о зависимости проектов 1730 г. от жизненного уклада и политических понятий, утвердившихся в среде русского общества задолго до волнений, вызванных восшествием на престол Анны Иоанновны.

Первая отмеченная нами особенность проектов—это подчиненное положение общественных органов и тесная их связь с В.Т.С. и сенатом. Подчиненное положение общественных органов по тексту «формы присяги» Иерне об'ясняет заимствованием из шведской «формы правления» XVII в.[2]). Но надо ли было московскому шляхетству делать такие изыскания в области шведской истории? Татищев пользовался, вероятно, «формой правления» 1720 г. Попробуем обратиться просто к практике московских земских соборов. Не получало ли и здесь народное представительство именно тот характер экстренного дополнения обычно действующих правительственных учреждений, какой нам бросается в глаза в проектах? Даже более того: не напоминает ли нам, в известной мере, практику земского собора и самый порядок подачи мнений по отдельным группам, как это имело место в 1730 г., в ответ на обращение к шляхетству кн. Д. М. Голицына, 3 февраля? «Политическое значение соборных совещаний—говорит о соборах Ключевский—зависело от участия в них Боярской думы с государем во главе. Здесь должно заметить двоякий порядок: дума действовала или совместно с выборными, или отдельно от них. В последнем случае бояре с государем присутствовали только при чтении собору правительственного предложения, но потом отделялись от собора, не участвовали в дальнейшей работе выборных. Впрочем эта работа ограничивалась *совещаниями по группам и подачей отдельных мнений* (курс. мой); но не составлялось ни общего заключительного заседания, ни соборного приговора. При таком порядке собор получал только совещательное или осведомительное значение: заявляемые выборными мнения государь и бояре

---

[1]) Е. Карнович. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. Отеч. Зап. 1872, I, 220.

[2]) П. Милюков. «Из истории русской интеллигенции», 14.

принимали к сведению, но законодательный момент удерживали за собой» [1]). Так, на соборе 1642 г. было подано до 11 отдельных письменных речей или сказок. В ответ на запрос Голицына к собравшимся в Москве сенаторам, генералитету и шляхетству составить и от их лица проект нового государственного строя, для общей государственной пользы и благополучия, было представлено 8 проектов, и было бы, может быть, представлено еще несколько, если бы В. Т. С. не прекратил их принятия, под предлогом, что на подачу мнений нет, будто-бы, воли государыни: «а от многих и мнений подписанных не принято—жалуется шляхетство в челобитной—а об'явлено, что того без воли Вашего Императорского Величества учинить не возможно».[2]) Но если традиции земского собора могли всплыть до известной степени перед шляхетством 1730 г. в самом процессе выработки и представления проектов, то и содержание проектов, в свою очередь, ставит народное представительство в условия работы, напоминающие земский собор—как в том его виде, когда выборные подавали высшим учреждениям только свои мнения, так и в том, при котором, по выражению Ключевского, «соборные выборные получали более прямое участие в законодательстве». Только в XVII в. в состав собора такого типа входил и царь, а для придания законной силы всему тому, что решалось на совместных совещаниях Вышнего собрания, В. Т. С. и других с выборными по проектам 1730 г. дело ограничивалось санкцией императрицы.

Далее проекты оставляют впечатление, что дворянство, имевшееся в 1730 г. в столице, рассматривает себя, как представителя интересов и всего остального русского дворянства, и даже отчасти всего русского народа (ссылка в первой челобитной на недовольство верховниками всего народа). Не подтверждается ли и это впечатление какими-либо чертами русской политической практики предшествующего периода? Припомним в высшей степени интересные наблюдения В. О. Ключевского над составом представительства земского собора 1566. г. На соборе, как известно, оказалось 97 столичных дворян I-й статьи, 99—II статьи, 3 торопецких и 6 луцких. Чрезвычайно сомнительно, полагает Ключевский, чтобы эти дворяне были «выборными людьми специально уполномоченными представлять избирателей, выражать их мнения на этом только соборе и только по вопросу, для обсуждения которого он был созван: но попав на собор по назначению, все же эти дворяне-участники собора могли, согласно выводам Ключевского, представить и мнение провинциальных дворянских обществ, так как в значительном большинстве оказываются записанными в «Тысячную книгу» Ив. Грозного, принадлежали к высшему «выборному» (мы бы сказали «отборному») разряду уездных слу-

[1]) В. О. Ключевский. Курс русской истории, М. 1908, III, 256.
[2]) Д. А. Корсаков. Воцар. имп. Анны Иоанновны, 277.

жилых людей и, составляя в мирное время московскую царскую гвардию, возвращаются в уезды для командования дворянскими сотнями своих уездов [1]. Являлась ли выборность, в правильном понимании смысла этого слова, единственной основой соборного представительства, по политическим понятиям XVI в.? «В то время—говорит Ключевский—это едва ли считалось существенным условием. Столичный дворянин, командовавший дворянами своего уезда, считался их представителем по положению, а не по выбору... Правительство ли призывало голову уездной дворянской сотни представителем на собор, или сама сотня выбирала его своим депутатом, это было, в сущности, все равно, как скоро то и другое совершалось в силу взгляда на сотенного голову, как на естественного и непременного представителя сотни во всех случаях, когда она нуждалась в представителе; как корпоративный выбор ничего не прибавлял к представительному значению избранного, так и правительственный призыв не отнимал такого значения у призванного» [2] Итак, — на соборе 1566 г. присутствует почти исключительно столичное дворянство; и столичное дворянство Московской Руси, в значительной мере происходя из лучших провинциальных дворян, переведенных еще при Иоанне Грозном в столицу. сохраняет связь с провинцией, выполняет там разнообразные правительственные поручения [3], что и дает правительству некоторое право заменять ими провинциальных представителей. На следующих соборах, 1598 и других уже XVII в. появляется, как известно, и выборный элемент, и в общем можно уловить тенденцию к постепенному усилению провинциального представительства над столичным; но столичное дворянство все же, относительно, всегда почти бывает представлено сильнее провинциального (в столице больше «чинов») [4] и, вместе с тем, оно иногда и в XVII в. также рассматривается, как представитель дворянства в целом. Особенно это проявляется в экстренных случаях, подобных и 1730 году, при выборах новых государей, когда эти выборы приходится производить в спешном порядке. Летом 1610 г., по свержении Шуйского, кн. Ф. И. Мстиславский с товарищами ра-

---

[1]) В. Ключевский. „Состав представительства на земских соборах древней Руси“.—Опыты и исследования, 446—461.

[2]) Опыты и исследования, 459—460.

[3]) М. Клочков, при пересмотре взгляда В. О. Ключевского в отношении состава представительства собора 1566 г., приходит к выводу, что источником полномочий могли служить и не местные связи служилых людей, а просто самый факт выполнения ими правительственных поручений. (М. Клочков. „Дворянское представительство на земском соборе 1566 г.“. Вестник Права, 1904, ноябрь). Но понимание Клочкова, как увидим ниже, еще более подходит к сближению движения 1730 г. с земским собором, чем взгляд Ключевского.

[4]) На соборе 1648 г. было всего 6 представителей столичного дворянства и более 150 провинциального: не стоит-ли это в связи с московскими смутами этого года? С. Ф. Платонов. К истории Московских земских соборов—Статьи по русской истории, Спб. 1912, 326.

зослали было окружную грамоту по городам с приказом прислать к Москве «изо всех чинов выбрав по человеку»; но, не дождавшись выборных, присоединили просто к властям и думе Московских дворян и людей придворных чинов, да 40 дворян с городов, которые служат по выбору и которые, вероятно, находились тоже в это время в Москве, наконец выборных от Московского же торгового и тяглого населения. В таком составе — замечает и Платонов—«собор оказался, по старым понятиям, правильным и правомочным» [1]) На соборе 1613 г. было 119 служилых Московских чинов и только 41 служилый человек от городов; и из служилых людей от городов группа торопчан уехала, не дождавшись избрания. Наконец, вот как пересказывает историк своеобразно-патриархальную обстановку избрания на царство Петра Великого в 1682 г.: 27 апреля три удара в большой соборный колокол возвестили московскому населению о смерти Феодора. «Начался печальный обряд прощания с почившим царем. В числе прощавшихся упоминаются члены Боярской думы, придворные чины, столичное и городовое дворянство, а также высший разряд торговых людей—так называемые гости. Поклонившись праху почившего, прощавшиеся подходили к присутствовавшим здесь царевичам Ивану и Петру Алексеевичам и целовали у них руку. Затем патриарх, высшее духовенство и члены Боярской думы собрались в передней палате Кремлевского дворца, и здесь происходило совещание, кому из обоих царевичей быть на царстве... Раздались голоса, что этот вопрос может быть решен только собранием представителей от всех сословий или «чинов» Московского государства, т. е. земским собором. Такой собор был тотчас же созван на площадке перед переднею палатою дворца у дворцовой церкви Спаса, что на Бору. На нем присутствовали служилые люди разных чинов, которые только что прощались с государем, высшие торговые люди Московского государства —«гости», затем купцы, составлявшие две особые почетные гильдии, носившие название «гостинной и суконной сотен»: представителями всей массы московского населения были призваны старосты «черных сотен и слобод»... Когда патриарх Иоаким с высшим духовенством и боярами вышел на крыльцо, что перед Переднею палатою, к собравшимся на площади у Спаса чинам— земский собор оказался в полном своем составе, так как обычно в состав земского собора входили: высшее духовенство, боярская дума, представители от служилых чинов и представители от посадского торгово-промышленного населения. [2]) По мет ому замечанию Сергеевича, московское правительство, стремясь осуществить на соборах представительство каждого чина, вовсе не считало не-

---

[1]) С. Ф. Платонов. К истории Московских земских соборов. (Статьи по русской истории), Спб. 1912, 306. Сравн. В. Ключевский. Курс русской истории, III, 248.

[2]) М. Богославский. Петр Великий и его реформа. М. 1920, стр. 6.

обходимым «иметь представителей от каждого чина из каждого отдельного пункта населения». [1]) Столичные чины могли представить пр винциальных—и едва ли в XVII в. это имело место не на том же основании, по какому служилые люди московской тысячи выступали на соборе 1566 г. Ключевский указал в свое время на интересное свидетельство Маржерета о том, что в Москву, кроме дворян, живущих в ней постоянно, «набирают главнейших дворян от каждого города, под которым у них есть земли, и этих дворян называют выборными. От города, сообразно его величине, бывают по 16, по 18, даже до 20 и даже, пожалуй, до 30 дворян; живут они в Москве в течение трех лет, потом получают отпуск и заменяются новыми выборными. В результате всегда имеется на лицо известная конница, и царей, в большинстве с учаев, сопровождает при выездах от 18 до 20 тысяч коней» «Отправляя очередную службу в столице—добавляет Ключевский—городовой выбор, вместе с тем, служил постоянным запасом, из которого пополнялось столичное дворянство: лучших слуг этого разряда возводили в столичные чины».[2])

Ясно, таким образом, что состав московского служилого класса имел некоторые основания считать себя представителем провинции, и на соборе 1682 г. не было произведено никаких нарушений вполне допускаемого обычая. Известны речи Софьи на похоронах Феодора, как их передает современник: она обвиняет своих врагов в отравлении Феодора, говорит, что вот, старший брат наш Иван не выбран на царство, но ни словом не обмолвливается по поводу незаконности самого способа избрания. [3]) Со времени Петра Великого в состав столичного дворянства притягивается, повидимому, еще больше провинциальных элементов, чем ранее. В 1712 г. предписывается переселиться к Петербургу, на Котлин, остров, «тысяче шляхетским домам, купетским лучшим пяти стамы средним пяти же стам, рукомесленным всяких де тысяче домам —и сей выбор людей—выражается указ характерным термином XVII в.—надлежит без поманки выбрать». [4]) Так и в XVIII в. в столице оказывается отборная тысяча дворян, по примеру тысячи, вызванной в XVI в. В I-й гл. воинского устава 1715 г. читаем: «шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии.»[5]) Неволей или волей провинциальный элемент должен был потянуться в столицы —в Москву или Пет рбург, сообразно с резиденцией двора: кр.

---

[1]) В. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. Спб. 1910, 188.

[2]) Capitaine Margeret. Estat de l' Empire de Russie et Grande duche de Moscovie. P. 1669, 70. В. Ключевский. Опыты и исследования.

[3]) С М. Соловьев. История России с древнейших времен, III, XIII стр. 892-893

[4]) П. С З., IУ, № 2467, п. 14.

[5]) П. С. З. V, № 3006.

ме прямого привлечения к столичной службе и переселения на жительство, действовала и новая возложенная на дворян повинность—учебная, удачно отбыть которую подчас было возможно только в столице и которая косвенно могла привлечь к той же службе в столицах. При Петре обычно практикуется рассылка из столицы по провинции гвардейских офицеров и солдат с самыми ответственными поручениями: не пережиток ли это положения, по которому столичные московские чины имели живую связь с провинцией? «Стольники и дворяне московские в мирное время— опять-таки говорит Ключевский—были вечно на посылках; их назначали управителями второстепенных московских приказов, воеводами во второстепенные города, в свиту к послам, отправляемым к иностранным дворам, их посылали и для производства следствий по важным уголовным делам в различные части государства, словом—на них возлагались все особые административные и дипломатические поручения». [1]) Подобного же рода поручения возлагались и на петровскую гвардию,—и если в петровское время мы уже не встречаем соответствия между землевладением дворянина и намечаемым для него кругом действий, то во-первых, такое соответствие не вполне подтверждается и практикой Московской Руси, [2]) а во-вторых—даже при отсутствии связи с местностью выполнение столичными чинами различных поручений в провинции могло создать и новый источник мнения, что за действия провинции отвечает столица, что голос столичного дворянства, в конечном счете, может и даже должен покрывать голос провинции. [3])

Но в Москве в 1730 г. оказывается не одна гвардия и не одно московское дворянство. По случаю бракосочетания Петра II с Екатериной Долгорукой в Москву были собраны и армейские полки с их генералами, полковниками и офицерами; туда же стремилось и провинциальное шляхетство, служащее и не служащее, ради предстоявших торжеств. К сожалению, сделав попытку исчислить все дворянство, находившееся в Москве в начале 1730 г., Корсаков не выясняет, кто из дворян принадлежит к столичным жителям и кто прибыл на время из провинции. Под присягой на верность Анне подписи, по замечанию Корсакова, занимают 92 страницы—это дает около 2000 человек; подписи принадлежат в большинстве случаев военным, а затем: 1) около 40 смоленским шлахтичам, 2) небольшой группе шляхетства, служившей на гражданской службе, 3) придворным чинам и 4) трем шляхтичам в старинных московских чинах жильца, стольника и комнатного

---

[1]) В. Ключевский. История сословий в России, М. 1913, 130.

[2]) М. Клочков. Дворянское представительство на земском соборе 1566. Вестник права, 1905, ноябрь.

[3]) О служебных поручениях, выполняемых гвардией. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого, М. 1902, 311—321.

столника. [1]) Здесь преобладало, повидимому, московское шляхетство, но все же оно действовало в сотрудничестве и с довольно заметным контингентом дворян, приехавших из провинции. Некоторые из дворян приехали просто из любопытства, по своему почину; но армейские генералы и офицеры были вызваны с полками,—прибытие по вызову составляло некоторое подобие вызова в качестве представителей сословия или, по крайней мере, военной части. Не забудем, что кое-кто из военных побывал, вероятно, к 1730 г. и в своем провинциальном именье, если не успев воспользоваться для этого указом об ежегодном отпуске 1/3 дворян 20 декабря 1729 г., то хотя бы в силу указа 24 февраля 1727 г., о предоставлении временного отпуска по деревням 2/3 шляхетства.[2]) К дворянам, прибывшим на бракосочетание, могли присоединиться и еще два контингента дворян, которые до некоторой степени, в общей обстановке московского с'езда 1730 г., имели основание счесть себя представителями области. По указу 27 июня 1729 г. в Москве оказались в декабре того же года присланными из губерний провинциал-фискалы и фискалы, которых частью назначил «по своим прихотям» обер-фискал Нестеров, частью определяли «собою» губернаторы и воеводы. Вызванные подлежали разбору в Сенате и, в части, принадлежавшей к шляхетству, имели быть отданными в военную службу. В приложении к протоколу В. Т. С. от 23 декабря 1729 г., изданном в CI томе Сб. И. Общ., имеются подробные curricula vitae этих представителей тайного государственного контроля в провинции. Их явилось от Петербургской губернии 1, от Московской 5, от Воронежской 6, от Архангелогородской 5, от Белгородской 9, от Смоленской 1, от Нижегородской 1—всего 28 человек. Все это, по большей части, почтенные старцы дворянского происхождения, вынесшие на своих плечах очень безпокойную и пеструю карьеру; но начинали ее 11 человек в звании жильцов, (причем 3 бывали вместе с тем в стряпчих и стольниках), 2 служили в выборных ротах и 1 просто в «выборе», 1 служил в 1678 г. городовым дворянином и был в разных

---

[1]) О количестве всего московского столичного дворянства в XVII в. дает представление роспись 1681 г.; по этой росписи, „всего стольников и других московских чиновных людей считалось 6305 чел.; из них 3761 человек рассеяны были по полкам провинциального дворянства в офицерских должностях; 262 входили в состав московского гвардейского корпуса „царева полка“.—В Ключевский. История сословий в России, М. 1913, 131. Сколько было всего шляхетства в перв. пол. XУIII в.? По Манштейну, в 1745 г. численность русского дворянства, с его семействами, доходит, вероятно, до пятисот тысяч душ: („Записки о России“, Спб. 1875, 294.) Цифра эта, вопреки мнению А. В. Романовича,-Славатинского (Дворянство в России от нач. XVIII в., К. 1912, 535), повидимому, не очень преувеличена: по разработанным Шторхом данным 4-й ревизии (1783 г.) всего в России привиллегированных сословий, дворян, духовенства и чиновников—310880 душ. м. п., что составляло 2,4 проц. населения; если для определения количества всего дворянства, помножим 310880 на два, получим 621760.

[2]) П. С. З. VII, 5016 и 5017; VIII, 5492.

городах на службах. В Смоленской губ. провинциал-фискал Афанасий Михайлов сын Софнов с 205 (1697 г.) служил по определению из разряда с выборным шляхетством города Вязьмы и бывал в полковых службах по нарядам везде безотлучно по 719 г., а в том году из Смоленской губернской канцелярии бывшим в Смоленске вице-губернатором князем Гагариным определен в Вязьму фискалом, а в 722 г., со смотра Правительствующего сената определен в тот же город фискалом же, а в том же году бывшим обер-фискалом Нестеровым определен в Смоленскую губернию провинциал-фискалом». [1]) Подписей этих лиц мы не находим ни под проектами, представленными В. Т. С., ни под челобитиями; [2]) но во-первых, подписывались далеко не все, «маломощные люди», как эти фискалы, могли, вероятно, прямо уклониться от подписей; не все подписывались и на земских соборах, и всегда ли это было по безграмотности—остается вопросом [3]); во-вторых, по отношению к «Конспекту шляхетских совещаний», проекту 13, а также «Способам» мы не знаем и состава подписавшихся.

Далее, имелись, быть может, в Москве лица, вызванные в связи с кодификационными работами первой половины XVIII в. Еще указом 14 июня 1728 г. было предписано выслать в Москву для сочинения нового уложения, за выборами от шляхетства, из офицеров и дворян добрых и знающих людей из каждой губернии, кроме Лифляндии, Эстляндии и Сибири, по 5 человек. По неизвестной причине В. Т. С. остался не доволен контингентом выборных; в мае 1729 г. постановлено было «отпустить в дома их попрежнему, а на их место уже губернаторам обще с дворянами выбрать новых». Является вопрос:—раз'ехались ли из Москвы в 1730 г. все дворяне выборов 1728 г., забракованные советом в мае 1729 г.? При отправлении в Москву они получили вперед жалованье за полгода из расчета по полтине в день, а потом вообще получали от Камер-коллегии, из доходов, которые в штат не положены, столько же, «покамест они у того дела будут». С другой стороны, хотя указ о присылке в Москву новых выбор-

---

[1]) П. С З. VIII, 5431; Сборн И. Р. Ист. Общ. т CI. 371—372. О назначении в городовые фискалы выборных от населения, может быть, в соответствии еще со старыми традициями выбора приказных М. Богословский, Областная реформа Петра Великого М. 1902, 299—300 и Б. Чичерин. Областные учреждения России в XVII в М 1856, 103. Ср. такж жалобу указа 21—22 октября 1737 г П. С. З. X 7410 В губернии и провинции в секретари едва не все такие произведены, которые нигде инде в службе не были, кроме тех мест где они родились.

[2]) Имеются следующие совпадения фамилий (но не имен и отчеств): Аристов, Данилов, Макаров, Веревкин. Языковы (Иван и Николай) Богдановы (Григорий и Яков). Д. А. Корсаков. Воцарение императрицы Анны Иоанновны, стр. 170—172, прил. стр. 20—63.

[3]) Ср. напр., избирательный собор 1613. - С. Ф. Платонов, Статьи по русской истории, 315.

ных по плану 1729 г. последовал только 19 июня 1730 г., но самые выборы по указу должны были состояться ранее,—и не могли ли дворяне и из числа вновь избранных оказаться на бракосочетании? В конце 1730 г., опять-таки в новой комиссии по Уложению, созданной при Анне уже указом 1 июня 1730 г., где члены назначались по усмотрению сената, оказывается 5 человек высланных от губернии—вероятно, именно по указу 20 декабря 1729 г. Среди них от Воронежской губ. жилец Федор Лутовинов; в подписях под проектами, поданными в В. Т. С., как и под челобитными нет ни Федора Лутовинова, ни остальных четырех; но двое Лутовиновых—Василий (в 1727 г. бывший воеводой в Устюжне) и еще какой-то Иван—подписались под проектом Сеniотока (большинства); и в то же время некоторые из подписавшихся, а также лиц, носящих одинаковые с ними фамилии, оказываются назначенными в Аннинскую комиссию для составления Уложения указом 10 декабря 1730 г. [1]).

Дворянство, оказавшееся в столице в 1730 г., мало занималось вопросом, как осуществить свое сословное представительство: этот вопрос представлялся для него уже достаточно решенным самой обстановкой и характером сложившихся в Москве событий: перед составителями проектов стал, в этот момент решения судьбы престолонаследия близкий, по традициям знакомый образ—московского избирательного земского собора, с довольно обычным в нем порядкам представительства—от чинов, а не от мест.

Не столько старыми, московскими, сколько более новыми, петровскими традициями навеяна третья отличительная черта проектов—то первостепенное значение, которое отводится в проектах участию общества в выборах должностного персонала, хотя, надо заметить, внимательное исследование все больше и больше обнаруживает связи между петровскими порядками и порядками Московской Руси. [2])

Выборное начало издавна не было чуждо нашим дворянским корпорациям, и выборные дворянские окладчики XVI в. являлись, по выражению Ключевского, «как бы коллегией уездных предводителей дворянства».[3]) В руки дворянства, еще в XVI в., переходит губное управление, — дворяне избирают из своей среды городового приказчика, а нередко и губного голову или старосту,—хотя этим и обходится обычное требование губных грамот о выбо-

---

[1]) Алексей Баскаков, Алексей Зыбин, Федор Наумов, Иван Вельяминов (Вельяминов-Зернов?); из однофамильцев, подписавшихся встречаем в числе членов комиссии Потемкиных, Засецкого, Савеловых, Вельяминовых. П. С. З. VIII 5287, 5412, 5577, 5654.—Д. А. Корсаков, Прил. 20—63.

[2]) См. напр. Н. Н Ардашев. „К вопросу о коллегиальности приказов".—Труды VIII Археолог. с'езда в Москве 1890 г., т. III, М. 1897. Вл. Огородников. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом. Каз. 1917.

[3]) В. Ключевский, История сословий в России, М. 1913, 144.

ре губных старост городским и сельским обществом. [1]) Обращение к выборному началу подсказывается московскому правительству соображениями, главным образом, слабости центральных органов, неспособностью их руководить всей жизнью общества из центра: с одной стороны, в сфере прежде всего областного управления не хватает правительственных чиновников, с другой—если и оказываются чиновники, они требуют неусыпного контроля. И замена чиновников, и контроль над ними осуществляется за счет привлечения к этим функциям местных обществ. Северная война, как известно, сильно расшатала наши центральные органы, и естественно, Петр стремится усилить выборное начало в областном управлении. По именному указу 10 марта 1702 г., должность губных старост и сыщиков упраздняется: постановлено „ведать всякие дела с воеводы дворянам, тех городов помещикам и вочинникам... по выбору тех же городов помещиков и вотчинников, в больших городах по четыре и по три, а в меньших по два человека... а одному воеводе без них, дворян, никаких дел не делать" [2]) В 1713 г. следует учреждение при губернаторах коллегии ландратов; между 1719 и 1723 гг. издается несколько указов о выборах комиссаров от земли по сбору подушных денег, с целым рядом дополнительных, довольно важных функций. [3]) Но реформа же выдвигает необходимость и возрождения централизации и сама же подготовляет этому почву, поскольку беспощадно расбрасывает элементы местных обществ сообразно с интересами не местной, а общегосударственной службы; общественная самодеятельность, поощряемая или насаждаемая в области, частью замирает, а частью переносится в те новые органы управления, которые руководят той же областью, но уже из центра. Указ 10 марта 1702 г. подлежал рассылке по городам из Судного приказа, как противовес общему ослаблению и судных, и других приказов. Но судное дело в 1717—18 г. снова получает для себя опору в центре:—все судные приказы—уже, следовательно, и с приданными к ним в помощь выборными областными органами—приказы Судный, Поместный, сыскной и Земский об'единяются в одну Юстиц-коллегию. [4]) По указу 12 января 1722 г., к выборам в президенты Юстиц-коллегии привлекается общество в несравненно более широком масштабе, чем при выборах в другие коллегии: „Понеже юстиц-коллегия касается до всего государства, и чтоб не нарекали, что выбрали кого по какой страсти: того ради кажется лучше учинить так, чтобы выбрали в кандидаты в сенате двух, или трех, всеми офицеры, которые здесь, трех же, также из дворян отобрать луч-

---

[1]) В. Ключевский. Состав представительства на земских соборах древней Руси.—Опыты и исследования, 519—520.

[2]) П. С. З. V, 2673.

[3]) П. С. З. УI 3295, 3720, 3901; УII, 4424, 4533.

[4]) С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. ХУI, 145.

ших человек сто, и им также трех, и когда выберут тогда назвать всех трех, кои выбирали кандидатов, в столовую и велеть баллотировать". [1]) От зоркого взгляда М. М. Богословского не ускользнула наличность параллели между этой сотней выборных дворян, баллотирующих кандидатов в президенты Юстиц-коллегии, и палатой ста персон, упоминаемой в проекте Черкасского, а частью и в трех проектах большинства. [2]) Более внимательное изучение условий и обстановки привлечения дворян к выборам согласно указу 1722 г. только подтверждает подмеченное Богословским.

Откуда должен был сенат отобрать этих „лучших человек сто"? Ответ на это мы получим, если вспомним, что на 1721—22 г. г., именно в связи с новым переустройством центральных и областных учреждений, назначен был поголовный смотр всем дворянам, служащим и отставным, имеющим явиться, во избежание остановки дел, в две смены; и на 31 января 1722 года назначен был крайний срок явки для ранее не осмотренных, а на 1 марта ранее осмотренным [3]) Из этого-то обширного и разнообразного контингента, очевидно, и предполагалось привлечь сто лучших представителей сословия к поддержке правосудия из центра, как по указу 1702 г. те же, может быть, «лучшие дворяне» поддерживали правосудие в области, в качестве выборных при воеводах. Но контингент 100 лучших дворян учреждается Петром и как постоянная группа, состоящая при Петербургском Нижнем Земском суде. Может быть, как раз в разъяснение указа 12 января последовал указ 17 января того же года: „когда в марте последних дворян пересмотрят, читаем мы в указе, и выберут лучших людей, и которые останутся от определения в чины, выбрать лучших человек сто и употребить пополам в надворный Нижний Суд в Петербург, переменяясь через год, а из половины оставлять *треть* всегда в другой год, дабы знали прошедшего года дела, сие для того, дабы всегда на упалые места знаемые люди готовы были всегда». [4]) Здесь, правда, можно только предполагать у дворян наличность избирательных функций: но зато отделение $^{1}/_{3}$ из очередной группы до некоторой степени напоминает разделение всей сотенной палаты на трети, как это мы читаем в Татищевском проекте. Ссылка на указ 17 января

---

[1]) П. С. З. VI 3877.

[2]) „Сточленная палата, долженствовавшая быть проводником дворянских интересов, не была изобретением проектов 1730 г. Проекты исходили здесь из недавней политической действительности. Такая палата из 100 дворян с избирательными функциями была учреждена и отчасти действовала при Петре Великом, не успев впрочем получить каких-либо законченных форм. Ее то и воскрешали теперь дворянские проекты. М. Богословский. «История России XVIII в. М. 1915. литогр. курс., изд. О-ва Взаим. студ. филол. фак. И. М. Унив, стр. 69.

[3]) П. С. З. VI, 3310, 3820, 3825, 3836, 3874.

[4]) П. С. З. VI 3878

имеется и в указе, вышедшем 17 лет спустя—23 июля 1739 г. 100 лучших дворян увеличено здесь до 120, хотя все же носит название „100". Эти лучшие, знатные и пожиточные люди состоят в ведении герольдмейстерской конторы и расписаны на две очереди по 60 человек в каждой, при чем 30 человек, имеющих деревни ближе к Петербургу, живут в Петербурге, а 30 имеющих деревни ближе к Москве, живут в Москве; по истечении года все отпускаются из столиц в отпуск и заменяются другими 60-тью, а в обезпечение своевременной явки последних с них полагается штраф на госпиталь в размере 5 р. за каждый просроченный месяц [1]).

На палате 100 персон особенно останавливается проект Татищева, человека, вообще сочувствующего петровским реформам и естественно могущего принять некоторые черты этих реформ в основу своих политических построений. Но были, может быть, и кое-какие специальные причины, сделавшие для Татищева особенно памятным порядок привлечения дворян к выбору персонала центральных учреждений в эпоху Петра. Татищев был близок к Брюсу, а между тем Брюс в 1717—18 г. должен был, по поручению Петра, собирать „всякие ведомости по сочинению коллегий [2]). Татищев как раз к этому времени вернулся в Россию из Германии, и едва ли Брюс не интервьюировал и его о заграничных порядках, в частности о коллегиях. Так был подсказан Татищеву интерес к организации коллегий. В мае 1718 г. Брюс уехал в Финляндию и отстранился от работы над общей организацией коллегий, хотя по возвращении в Россию и стал во главе Берг-и Мануфактур-коллегий, с присоединением к первой Артиллерийской канцелярии [3]). Татищев в 1720 г. был отправлен на розыски руды в Кунгур, но в 1721 был позван в Москву по доносу Демидова, и в феврале 1722 г., как раз вероятно, тогда, когда происходили выборы президента Юстиц-коллегии, уже оказывается в Петербурге. Не решаемся сказать, вошел ли Татищев в группу ста лучших дворян, отобранных в Петербурге для выборов в Юстиц-коллегию, но близость к Брюсу, солидность служебного стажа и научной к нему подготовки, принадлежность к одной из лучших фамилий как будто могут служить и достаточным основанием к предположению о принадлежности Татищева к группе 100, тем более, что к этому времени он был в столице не у дел и, имея ближайшее отношение к Берг-коллегии, наряду с этим, в виду вызова по доносу, мог иметь общение и с

[1]) П. С. З. Х. 7658.

[2]) Сб. И. Р. И. Общ. XI, 364.

[3]) П. Милюков. Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII столетия и реформа Петра Великого Спб. 1892, 590-591. В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, М. 1768 I стр. XXI, 507. Ср. Н. Попов. Татищев и его время. М. 1861, 18, 23, 33,-34, 37.

Юстиц-коллегией. Допустим даже, что Татищев не входил в коллегию 100, все же он мог интересоваться и процессом и исходом выборов в президенты; наконец, в президенты Юстиц-коллегии должны были во всяком случае избирать «все офицеры, которые здесь», а Татищев был в это время офицером. Заметим еще одно обстоятельство. В проекте Татищева палата 100 персон в своей обычной текущей деятельности ведает государственную экономию: не навеяно ли это мыслью, могшей придти в голову Татищеву еще в 1722 г., когда он бывал у Брюса и, беседуя с ним о функциях и значении хозяйственных коллегий, невольно, может быть, сравнивал порядки выборов президента в эти коллегии с порядками, принятыми для Юстиц-коллегии? Истинный птенец гнезда Петрова, Татищев, разумеется, был того мнения, что и хозяйственные коллегии касаются всего государства, и здесь тоже очень важно, чтобы, во избежание нареканий, никто не был выбран пристрастно. Чем, как не излишним пристрастием властей к Демидову, мог об'яснить Татищев возникшее у него с Демидовым кляузное дело?

Окончательное решение этого, как и многих других поставленных мною, вопросов осуществимо лишь в порядке соответствующего обследования архивного материала. Высказанные здесь предположения имеют значение только предварительных руководящих вех. Подведем в заключение итоги сказанному.

Дворянство в январе и феврале 1730 г., при своем с'езде в Москву, оказалось в обстановке и составе, с одной стороны, ответивших общему, свойственному этому времени интересу к возрождению московских порядков, с другой—возбудивших у некоторых еще вполне свежие воспоминания о петровских смотрах, в частности о смотре 1722 г. Мысль о московских порядках могла превратить с'езд, в представлении собравшихся, в нечто очень близко напомнившее земский собор; мысль о петровском смотре 1722 г. связывалась с мыслью об участии собравшихся в выборах главных должностных лиц; воспоминание при этом о группе 100 лучших дворян, призванных осуществлять избирательные функции, подогревалось наличностью—если не в полном, то в частичном составе—тоже группы в 100 дворян, состоявшей при Герольдмейстерской конторе на предмет пополнения ими разных упалых мест и в более позднее время. На этой-то отечественной канве сплело свои узоры и иноземное влияние; но узор этот, при всей своей внешней эффектности, далеко не покрыл всей канвы, которая и осталась главным фоном. Знакомая обстановка навевала шляхетству 1730 г. знакомые ассоциации, и ясностью этих всем хорошо известных ассоциаций об'ясняется, может быть, неясная и недостаточная разработанность некоторых важных сторон в проектах: недосказанное легко подразумевалось, хотя, разумеется, легко могло ускользнуть от иноземных наблюдателей.

Классическая работа Павлова,-Сильванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» окончательно рассеяла мнение о полном несоответствии петровских реформ общим интересам и стремлениям современного им русского общества. Найди себе окончательное подтверждение наши наблюдения, они указали бы, что и движение 1730 г. выросло, в значительной мере, на национальной почве. Кроме сближения с З. Европой путем заграничных поездок, знакомства с иностранными языками и литературой, размышлений над всякими западно-европейскими «формами правлений», имелись несомненно и собственные отечественные традиции—одни, завещанные непосредственно Московской Русью, другие, привитые хотя и с Запада, но задолго до движения 1730 г. и успевшие, в свою очередь, достаточно акклиматизироваться, чтобы действовать не в качестве иноземных влияний, а в качестве традиций. С такой точки зрения движение 1730 г., пожалуй, несколько меняет перед нами свой облик: программа его становится в наших глазах более узкой, тускнеет в отношении широты и смелости, возможности ее непосредственного сближения с конституционными движениями XIXв.: едва ли здесь можно подразумевать, напр., ограничение самодержавия в смысле, сколько-нибудь подходящем к современному. Но в то же время—проекты 1730 г. как бы разростаются перед нами в глубину, пускают корни, становятся крепче и основательнее—и мы с большей смелостью, чем раньше, можем увидеть в них интересный источник для характеристики русской шляхетской, в известной мере самобытной, идеологии средины XVIII в.

Смоленск, 23 марта 1922 г.

Н. В. Шаров.

Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева*).

V.

Как справился с задачей переводчика Тютчев?

Но прежде скажу несколько слов о роли переводчика.

Не предполагая здесь говорить о том, какие задачи вообще предстоят ререводчику, о том, каким может и каким должен быть перевод,—это завело бы нас слишком далеко от прямой цели,— отмечу лишь те необходимые условия, которым должен удовлетворять перевод стихотворных произведений с одного языка на другой—перевод, претендующий на художественное значение.

Художественный перевод, несомненно, должен возбуждать у читателя те же впечатления и те же эмоции, какие возникают и при чтении оригинала. Достигается этот эфект вовсе не дословной передачей оригинала, как думают многие переводчики, а сохранением в переводе тех сторон оригинала, которые порождают эти впечатления и эмоции,—то-есть сохранением образов и символов подлинника. Переводчику приходится не только заразиться духом автора, но усвоить и его технику и его изобразительные средства. При переводе стихотворных произведений необходимо особенное мастерство со стороны переводчика; кроме указанных качеств, ему приходится думать еще о сохранении и ритма, и строения всего стихотворения, ибо эта чисто внешняя сторона в стихотворении теснейшим образом связана с самым существом стихотворения. Здесь—более, чем в каком-либо другом случае, справедливо мнение, что форма всегда соответствует сущности вещи.

В том, чтобы совместить в своей передаче все эти качества, и состоит мастерство переводчика-художника. Таких мы до настоящего времени знаем очень мало.

Переводить Гейне достойным его образом—задача далеко не легкая, при своеобразии и оригинальности его музы, но и благодарная, если переводчик с ней справится успешно.

---

*) Окончание; см. № 1, стр. 139—147.

Изучая тютчевские переводы стихотворений Гейне, попутно будем отмечать шаг за шагом как сильные, так и слабые места перевода, особенно внимательно останавливаясь на отступлениях переводчика от оригинала. (Анализ стихотворений будет производиться в последовательности, установленной выше) [1].

I. а) 2 строчка (оригинала): энергическое и стремительное, яркое и резкое, чисто гейневское выражение «dränget»—«прорывается»—заменено в переводе мягким, расплывчатым, неопределенным словом «выплывает». Пропадает впечатление внезапности, характероое для данного стихотворения.

б) 3 и 4 строчки: гейневское—

«Also taucht aus dunkeln Zeiten
Mir ein lichtes Bild hervor,»—

то-есть в буквальном переводе: «так из тьмы времен передо мною возникает светлая картина,»—Тютчевым передано так:

«Так один в ночи былого
Светит мне отрадный луч».

Перевод в данном случае далеко не передает оригинала: ведь в последнем далее рисуются действительно картины милого прошлого. Тютчевское же выражение «отрадный луч» не дает даже и намека на дальнейшее. Поэтому первая строка перевода кажется совершенно независимою и самостоятельной, а не связанной органически с последующими. как это подчеркнуто в подлиннике. А это—типичная манера Гейне эпохи «Книги песен»: текущую действительность рассматривать сквозь призму прошлого или будущего или же облекать действительность в самые фантастические образы. Тютчеву эта манера чужда.

в) 7 и 8 строчки: у Гейне—

«Und die sommergrünen Ufer
glühn 'im Abendsonnenschein,»—

то-есть: «а зеленые по летнему берега пылали в вечернем сиянии солнца», у Тютчева звучат так:

...«Зеленеющие бреги
Перед нами раздались».

Яркая картина Гейне, почти осязательно конкретная в своей наглядности, в переводе совсем бледна, бескрасочна и тоже расплывчата; а старомодное «бреги» как-то дисгармонируют с общим интимным настроением стихотворения.

г) 13 и 14 строчки: у Гейне—

«Lauten klangen, Buben sangen—
Wunderbare Fröhlichkeit!»—

---

[1]) См. № 1 «Трудов», стр. 146.—Все цитаты из Гейне приводятся по изданию под ред. E. Elster—H. Heines Sämtliche Werke, Lpz. u. Berl., 7 Bande.

то-есть: «звучали лютни, пели мальчики—чудесное веселье!»—Тютчев переводит таким образом:

«Дети пели, в бубны били—
Шуму не было конца»...

Вместо элегической лютни, в переводе появляются шумные и звонкие бубны, вряд-ли гармонирующие с общим умиротворенным настроением. И уж, конечно, всего более оно нарушается резонерским замечанием переводчика, которое нимало не передает задушевного восклицания автора, вырвавшегося из глубины сердца при созерцании всей этой картины.

д) 18—20 строки: Гейне говорит:

«Berg' und Bürgen, Wald und Au'
Und das alles sah ich glänzen
In dem Aug'der schönen Frau»—

то-есть: «и я видел, как горы и замки, лес и луга и все вообще сияло в глазах красавицы». Тютчев передает их так: плыли мимо

...«Горы, замки на горах
И светились, отражаясь
В милой спутницы очах».

Опущены некоторые детали, правда, не очень яркие, но все-же живописующие более наглядно определенный пейзаж (рейнский). В переводе как-то почти незамеченным проходит то обстоятельство, что поэт не наблюдает пейзаж сам непосредственно, а созерцает его лишь по отражению в глазах своей спутницы. Опять таки это типичная манера Гейне, для которого как явления природы служат лишь символом людских отношений в мире людских страстей, так и душа и даже физическая организация человека являются лишь отражением природы в разных ее проявлениях. Вот почему Гейне читал природу, как душу, и душу, как природу. Тютчев видел за природой и за душой человека еще некую сущность, таинственную и грозную,—душу космоса. Но той гармонии между природой и человеком, которая грезилась Гейне, Тютчев не замечал.

Тютчев, видимо, старался в своем переводе сохранить тот об'ем, который был придан Гейне своему стихотворению: и подлинник, и перевод заключают в себе по 20 стихов.

Точно соблюден Тютчевым и стихотворный размер подлинника—четырехстопный хорей (полный в нечетных стихах, липометрический в четных). Точно сохранена и рифмовка по четным стихам,—мужская (односложная).

II. Тютчев ранее других русских переводчиков попытался передать на русский язык стихотворение Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam», ставшее вскоре знаменитым у нас в России, благодаря главным образом Лермонтову, давшему в своей «Сосне» не

столько перевод, сколько мастерскую вариацию на гейневскую тему. С этих пор стихотворение Гейне стало необычайно популярно у русских поэтов-переводчиков [1]) и у нашей читающей публики.

Как известно, это стихотворение Гейне имеет автобиографическое значение и символизирует скорбь и тоску разлученных друг с другом влюбленных: поэта и его кузины—Амалии Гейне.

Поэтому - то в стихотворении и противопоставляются друг другу «ein Fichtenbaum» и «eine Palme». Но передать точно по русски эту антитезу довольно трудно. Дело в том, что немецкое слово Fichtenbaum, символизующее самого поэта,—мужского рода; если же передать это слово соответствующим русским—«сосна», женского рода, то нарушится и самый смысл антитезы.

Лермонтов именно так и перевел его в своем стихотворении, но потому-то его стихотворение и принадлежит более переводчику, нежели автору. Другие переводчики заменили слово «сосна» словом «дуб». Благодаря этому смысл антитезы сохранился в общем, но утратил некоторую долю ярости: вечно зеленая и живая сосна, конечно, более соответствует и суровому северному пейзажу, и основной идее, заложенной в пьесе, чем дуб, замирающий на зиму.

Тютчев, как мне кажется, проявил в данном случае большее искусство, чем другие переводчики. Он заменил один образ другим, почти идентичным: в его переводе на месте немецкого гейневского «Fichtenbaum» является «кедр». Тогда, во-первых, сохраняется весь интимный смысл антитезы: мужское начало— кедр, женское—пальма, во-вторых, сохраняется полностью и местный, точнее, пейзажный колорит: вечно живой, хвойный кедр на суровом севере и юная стройная пальма на знойном юге.

Стихотворение Гейне поразительно своей необычайной сжатостью: нельзя ни прибавить, ни выкинуть ни одного слова, ни одной частички без того, чтобы не нарушить впечатления и не изменить настроения пьесы.

Оно замечательно и своеобразной ритмикой и построением стиха. Передать его на чужом языке—труд необычайный.

Пьеса Гейне так мала и ее художественный смысл так связан с каждым ее словом, что и в вереводе приходится следить слово за словом. Поэтому позволю себе привести en regard оригинал и перевод [2]).

---

[1]) Кроме Тютчевского, мне известны еще следующие переводы этого стихотворения: Лермонтова, Майкова (А. Н.), Фета, М. Михайлова, Мея, П. Вейнберга, Быкова. Есть и еще переводы.

[2]) Отступления переводчика отмечены чертой под соответствующими словами перевода.

Гейне.	Букв. перевод.	Тютчев.
Ein Fichtenbaum steht einsam Im Norden auf kahler Höh.	На севере, на голой вершине одиноко стоит сосна.	а) На севере *мрачном, на дикой* скале б) Кедр одинокий *под снегом белеет.*
Ihn schläfert; mit weisser Decke, Ümhüllen ihn Eis und Schnee.	Ей хочется спать; снег и лед облекают ее белым покровом.	в) *И сладко заснул он в инистой мгле,* г) *И сон его вьюга лелеет.*
Er träumt von einer Palme, Die fern im Morgenland Einsam und shwiegend trauert Auf brennender Felsenwand.	Она грезит о пальме, которая далеко в восточной стране одиноко и молча грустит на раскаленном утесе.	д) Про *юную* пальму все *снится* ему, Что в дальних пределях Востока Под пламенным небом на знойном *холму* е) *Стоит и цветет* одиноко.

Как видно из этого наглядного сопоставления, Тютчев не старался соблюдать особенную точность в своем переводе. Он ввел несколько не имеющихся в оригинале эпитетов (север—мрачный, скала—дикая, пальма—юная), прибавил от себя несколько новых образов (картина вьюги, сон, пламенное небо).

Все эти отступления не нарушают общей картины; они все дают лишь некоторые новые детали северного и южного пейзажа, усугубляя и без того резкую антитезу. Несколько дисгармоничными и противоречащими сами себе кажутся строки о *вьюге, лелеющей сладкий* сон. Вьюга—нечто бурное, порывистое—вряд ли может быть сочетаема с нежным, тихим леляньем. Это, конечно, некоторый художественный промах со стороны переводчика.

И в то же время Тютчев оставляет совершенно неотмеченной в своем переводе одну, мелкую на первый взгляд, но существеннейшую для понимания смысла всего стихотворения черту, на которую Гейне намекает всего одним словом: trauert, говорит Гейне о пальме. Значит, эта греза и эта тоска—взаимные. Если кедр мечтает о пальме, то и пальма грустит о кедре. И это понятно, если припомнить, как рисовал себе автор свои отношения с кузиной Амалией. Вот это-то взаимность и ускользает от читателя при чтении тютчевского перевода. А между тем, смысл стихотворения вовсе не в том, чтобы показать одинокость поэта, как можно заключить из перевода, а именно в том, чтобы еще лишний раз подчеркнуть трагичность разделенной, по не увенчанной любви двух существ: поэта и его избранницы. Это мотив очень частый у Гейне, но чуждый Тютчеву.

Художественная концепция перевода, следовательно, совсем иная, чем в подлиннике и, как мне думается, не к пользе перво-го: нарушена замечательно гармоническая планировка стихотво-

рения. Усилив одни детали, подчеркивающие одинокость, переводчик уже не имел возможности оттенить другую сторону оригинала. Может быть, этим фактом об'ясняется то об'стоятельство, что Тютчев не выдержал изумительной по художественному впечатлению лаконичности подлинника и сделал свой перевод несколько многословным.

А отсюда вытекает и несоблюдение стихотворной формы подлинника. Допустив некоторое увеличение словесного материала, переводчик не мог уже уложить его в те рамки, которые намечены подлинником.

Вместо своеобразного, сложного и смешанного размера Гейне, размера чрезвычайно музыкального и выразительного, Тютчев прибегнул в переводе к несколько растянутому гиперметрическому трехстопному амфибрахию для нечетных и липометрическому четырехстопному дактилю для четных стихов. Кроме того, Гейне дает лишь мужскую рифму для четных стихов, Тютчев же к мужской рифме нечетных прибавляет и для четных стихов женскую рифму.

Наконец, Тютчев (а может-быть и тот, кто поместил впервые его перевод в „Северной Лире", или сам редактор ее) дал стихотворению название, которого подлинник не имеет: «С чужой стороны».

Если название дано Тютчевым, то, быть может, в этом заметно некоторое желание поэта оттенить свою отдаленность, оторванность от родины и потому одиночество. Недаром же Тютчев помечает свой перевод заметкой: «Мюнхен». Говорят, что Тютчев не любил и не знал русской природы, предпочитая ей природу Италии и Швейцарии. Пусть даже и так. Но вряд-ли кто-нибудь станет отрицать его инстинктивную тягу к России. В таком случае этот перевод приобретает и известное биографическое значение для характеристики Тютчева. Тогда понятным станет и то опущение, о котором шла речь выше: Тютчев мог говорить за себя по отношению к России, но не за Россию в отношении к себе.

Правда, при таком допущении придется помириться с тем, что себя, фактически находящегося на теплом юге, поэт изображает под символическим образом северного кедра.

Пока это допущение остается лишь гипотезой—не более. Будем ждать документов, или подтверждающих или опровергающих ее.

Во всяком случае надобно отметить, что перевод Тютчевым и этого стихотворения Гейне вряд ли можно считать вполне удачным.

III. При переводе гейневского «Liebste, sollst mir heute sagen» Тютчев допускает следующие изменения.

а) 1 строчка: гейневское «Liebste,» конечно, нежнее и задушевнее тютчевского холодноватого «друг».

б) 3 и 4 строчки: у Гейне:

«Wie's in schwülen Sommertagen
Aus dem Hirn des Dihters quillt—

то есть, «как оно (привидение) возникает в знойные летние дни из мозга поэта» — у Тютчева передано словами:

«Как *выводит их порою*
Мозг поэта *огневой*».

Яркая картина знойного летнего дня, вызывающего в возбужденном и утомленном зноем мозгу почти горячечные видения, заменена бесцветной, бескрасочной, почти отвлеченной формулой. Правда, Тютчевым введен эпитет „огневой», очень резкий и сильный; но он применен не к тому, чему он должен был бы соответствовать по оригиналу. Ведь в оригинале связь между природой и человеком — прямая: то или иное состояние природы вызывает то или иное состояние человека. В переводе же эта связь нарушена: это сам мозг поэта творит видения, потому что он—огневой: у природы же своя жизнь. Эта манера типична для Тютчева, но не для Гейне.

в) строчка Гейне:

«Aber—nein! Ein solches Mündchen»...—

то есть «но нет!—такого ротика»... Тютчевым передана свободно, но без нарушения впечатления подлинника:

«Нет, неверно! Этих *щечек*»...

г) 10—12 строчки: подлинник:

«Lindenwürm und Ungeheu'r,
Solche schlimme Fabeltiere,
Die erschafft der Dichter's Feu'r»—

—то есть: „воображение поэта создает драконов, чудовищ и тому подобных злых сказочных животных"—у Тютчева звучит так:

«*Конь крылат* и змей *зубаст*—
Вот мечты его кумиры:
Их творить поэт горазд".

Как видим, Тютчев прибавляет здесь кое-что от себя, усугубляя еще более сильные и без того краски. Двенадцатый же стих, неуклюжий и тяжеловесный в переводе, совершенно не передает грациозной легкости подлинника. Одиннадцатый стих вовсе не находит себе аналогии в подлиннике.

д) 13-15 строчки: подлинник

„Aber dich und deine Tücke,
Und dein holdes Angesicht,
Und die falschen frommen Blicke"..—то есть „но тебя, твое лукавство, твое умильное личико и лживо-скромные взоры"... у Тютчева звучит так:

„Но тебя, твой *стан эфирный*,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор, лукаво—смирный"...

Прибавлены без особенной нужды две черточки к портрету героини; весь портрет получился в несколько напыщенных тонах: „стан—эфирный", ,,сих," ,,ланит". Гейне, умевшему говорить о самых возвышенных материях житейским языком, эта напыщенность в старом духе совершенно чужда.

Одна черта, опять-таки отмеченная Гейне как бы совершенно мимоходом—одним словечком—falsch,—но существеннейшая в стихотворении, опущена. Смысл и значение стихотворения радикально меняются.

Тютчев сохранил об'ем стихотворения—16 строчек, так же, как и стихотворный размер—четырехстопный хорей—и рифмовку —женскую по нечетным, мужскую по четным стихам.

IV. Значительно легче было перевести знаменитое стихотворение ,,Вопросы" (,,Fragen"), хотя бы уже по одному тому, что оно написано вольным размером и белыми стихами. Тютчев, однако, позволяет себе и в этом случае некоторые отступления от подлинника.

а) 3 строчка: Гейне:

„Die Brust voll Wehmut," то есть—,,душа полна уныния". Тютчев:

,,В груди тоска".

Переводчик значительно усиливает настроение подлинника.

б) 9—11 строчки, подлинник:

Häupter in Turban und schvarzem Barett,
Perückenhäupter und tausend andre,
Arme, schwitzende Menschenhäupter"—

то есть, ,,головы в тюрбанах и черных беретах, в париках и еще тысячи других бедных, потных человеческих голов"... В переводе:

В чалмах и *в митрах* и *в скуфьях*,
И с париками, *и обритых*—
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися *и сохли* и потели.

Как видим, Тютчев несколько дополняет данный Гейне перечень людей, мучимых ,.проклятыми вопросами",—и пополняет, как мне кажется, удачно—представителями Востока, этой страны исконных искателей вечной мудрости.

И уж конечно, Тютчев не обходится без того, чтобы и в данном случае не сгустить несколько краски (,,кружилися и сохли"...)

в) за то 17 стих—

—,,Es blinken die Sterne, gleichgültig und kalt"—то есть: „звезды мерцают равнодушно и холодно"—передан Тютчевым несколько смягченно:

,,И звезды светят холодно—ясно".

Перевод сделан белыми же стихами и вольным размером. Но Тютчев несколько удлинил свой перевод в сравнении с подлинником. Наш поэт и здесь не смог передать чудесной сжатости и энергии гейневского стиха.

V. 1) 1—4 строчки. Оригинал:

„In welche soll ich mich verlieben,
Da beide liebenswürdig sind?
Ein schönes Weib ist noch die Mutter,
Die Tochter ist ein schönes Kind".

то есть: „В которую из двух мне влюбиться? Ведь обе достойны любви. Мать еще прекрасная женщина, дочь—прекрасное дитя".— Перевод:

„В которую из двух влюбиться,
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь—и мать прекрасна,
Различно обе, но равно".

Конечно, немецкое шаблонное выражение ich soll вовсе не имеет того фатального смысла, который звучит у Тютчева—„моей судьбой мне суждено". С другой стороны, смягчено противопоставление, очень заметное у Гейне,—противопоставление красоты зрелой женщины красоте юной, только еще расцветающей дочери.

б) В третьей строфе 9—12 стихи:

„Es gleicht mein Herz dem grauen Freunde,
Der zwischen zwei Gebündel Heu,
Nachsinnlich grübelt, welch von beiden
Das allerbeste Futter sei"—

то есть „сердце мое подобно тому серому приятелю, который глубокомысленно раздумывал между двумя вязанками сена о том, какая из них лучше". Тютчев несколько конкретизует оригинал и расшифровывает намек, сокрытый в нем:

В раздумьи, *хлопая ушами*,
Стою, как *Буриданов* друг
Меж двух стогов стоял, глазея,
Который лакомей из двух".

Тютчев персонифицирует отвлеченные понятия; центр тяжести с изображения чувства или душевного состояния он переносит на суб'ект, на лицо чувствующее. Вместо гейневского „сердца" у Тютчева видим уже „я", и простая фигура сравнения превращается у переводчика в целый самостоятельный образ. Поэтому-то переводчику пришлось его несколько распространить и обогатить новыми деталями. Отсюда выражение, не имеющееся у Гейне: „хлопая ушами".

О'бем подлинника—12 строчек—сохранен и в переводе. Соблюдены и размер оригинала—гиперметрический четырехстопный ямб в нечетных и чистый четырехстопный ямб в четных стихах, и римфмовка—мужская по четным стихам.

VI. Заглавие гейневского стихотворения—«Der Schiffbrüchige»—буквально: «Потерпевший крушение». Тютчев переделывает его просто в «кораблекрушение». Оно, правда, короче, но вряд ли удачнее гейневского; оно возбуждает не совсем соответствующие ожидания со стороны читателя, вызываемые ассоциациями, связанными с самим этим словом. В стихотворении Гейне ведь нет ни слова о кораблекрушении. Потерпевший кораблекрушение—лишь символ; это—сам поэт, лишившийся своих надежд и мечтаний.

Вряд ли удачнее заглавие, придуманное Р. Ф. Брандтом [1]) для этого стихотворения Гейне: «Крушение». Оно, правда, по лаконизму подходит к любимой манере Гейне. Но оно—плод творчества самого профессора и в общем обиходе как-будто до сих пор не встречалось.

Допущенные Тютчевым отступления таковы.

а) 2 строчка:

«Und ich selber gliech einer Leiche»—

то есть—«а сам я,—словно труп»—у Тютчева:

«И сам я *бледный*, *обнаженный* труп».

Придав два конкретных эпитета, Тютчев конкретизовал и самый образ, а опустив частичку «словно», придал символу реальность. Стихотворение от того несколько меняет свой смысл, не говоря уже о том, что переводчик и в данном случае еще усилил и без того густые краски оригинала.

б) 16 строчка:

«Die Wogen murmeln, die Möwen schrillen»—

то есть «волны рокочут, чайки кричат»—Тютчевым передана бледно и несколько растянуто:

«Волна шумит, морская птица стонет».

Прекрасная звуковая картина подлинника (murmeln—schrillen) в переводе совсем исчезла.

в) 22 строчка:

«Die schlanke Zypressengestalt,»,—

то есть—«стройный, как кипарис, стан», у Тютчева:

«Ее, как пальма, стройный стан».

Один образ заменен другим, хотя и без особенной нужды, но не неудачно: замена не противоречит оригиналу и довольно близко передает его впечатление.

г) 23 строчка:

«Umschliesst ein lüstern weisses Gewandt»—

то есть: «облекает воздушно белая одежда»; у Тютчева:

«Обхвачен белой *сладострастной* тканью».

---

[1]) Р. Ф. Брандт. Материалы для исследования. Ф. И. Тютчев и его поэзия. Изв. отд. рус. языка и слов. Акад. Наук 1911 г. кн. 2 и 3 и отдельно.

Переводчик заменил один эпитет другим, но далеко не идентичным; тютчевский эпитет вносит даже оттенок совершенно противоположный тому смыслу, который дан в подлиннике.

д) 24—27 стихи:

«Die dunkle Lockenfülle, wie eine selige Nacht,
Von dem flechtengekrönten Haupt sich ergiessend,
Ringelt sich träumerisch süss
Um das süsse blasse Antlitz.—

то есть: «темная волна кудрей, как блаженная ночь, спускаясь с убранной в косы головы, вьется задумчиво-мило вокруг милого бледного лица». Тютчев:

«Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь *богов* блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в *легких кольцах тихо веет*
Вкруг бледного, умильного лица».

В переводе заметен некоторый перебой: идет речь о легких кольцах и «темной волне роскошных кудрей». В подлиннике этого нет, потому что нет и самых «легких колец». Этот образ изобретен переводчиком, и, как видим, не особенно удачно.

е) 32 стих:

«O du, schwarze Sonne!»

то есть: «о, черное солнце!», Тютчевым переведен еще ярче:

«О, черно—огненное солнце!»

Эпитет «огненное» взят переводчиком из предшествующего 30-го стиха:

«Gross und gewaltig strahlt ein Auge»,

при чем в 30 стихе перевода эпитеты «gross» и «gewaltig» опущены.

Стихотворение написано белыми стихами и вольным размером.

VII. Это не столько даже перевод, сколько подражание; не даром же при появлении впервые оно названо—переводчиком или редактором «Зари»—«Мотивом Гейне».

Отличия перевода от подлинника таковы:

а) 1—2 стихи,

«Der Tod das ist die kühle Nacht,
Das Leben ist der schwüle Tag»—

то есть: «смерть—это прохладная ночь; жизнь—знойный день».— У Тютчева:

«Если смерть есть ночь,
Если жизнь есть день»

Вместо реальности введена условность; опущены эпитеты, очень обычные у Гейне.

б) 5—7 стихи:

«Ueber mein Bett erhebt sich ein Baum,
Drin singt die junge Nachtigall,

Sie singt von lauter Liebe;
Ich hör es sogar im Traum»,

то есть: «над моим ложем возвышается дерево; на нем поет молодой соловей; он поет об одной лишь любви; я слышу это даже во сне». У Тютчева:

«Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму:
Где-то там, над ней ясный день блестит,
И незримый хор о любви гремит»...

Эта строфа содержит в себе мало гейневского. Даже соловей, этот излюбленный у Гейне вестник любви, заменен собирательным «хором.» Традиционный образ заменен оригинальным, это правда. Но, с другой стороны, в таком качестве хор выступает, кажется, лишь у Тютчева, и читателю не совсем понятен этот символ, редкий и исключительный.

Отсюда и другие отступления от гейневского текста. Вместо нежной мелодии соловья, не могущей нарушить чуткого сна поэта, у Тютчева *гремит* хор. Вряд ли громовые раскаты хора гармонируют со сном. Замена неудачна.

Опущены детали, придающие картине реальность. И оттого картина становится отвлеченной. Та чудесная способность сплетать простейшие и обычнейшие явления обыденной жизни с глубочайшими и сложнейшими вопросами философии, которой в высокой мере отличался Гейне, у Тютчева отсутствовала. Вот почему наш поэт и не любил повседневную жизнь. Мысль—вот основная стихия поэзии Тютчева. Жизнь для него нужна лишь постольку, поскольку те или иные ее явления можно использовать, в качестве символа. И Тютчев берет такими символами не заурядные и не повседневные события, а исключительные и редкие (гроза и низверженный ею дуб; mal'aria; океан и т. д.)

В данном случае из всей гейневской концепции Тютчев воспользовался только одним моментом: смерть—ночь—сон; жизнь—день—суета, и его положил в основу своего стихотворения, придав этой теме свою собственную трактовку и направление.

Своеобразный размер этого стихотворения, не укладывающийся в рамки правильных метров, Тютчевым заменен другим, тоже смешанным, но не гейневским по структуре.

Вместо мужской рифмы по начальным и конечным стихам (1—4,5—8) каждой строфы Тютчев ввел более сложную рифмовку. Рифмовка всюду мужская; но в первой строфе рифмуют друг с другом 1 и 3 стихи и 2 и 4, а во второй 1 и 2, 3 и 4 стихи. Об'ем стихотворения—8 строчек—переводчиком сохранен.

Суммируя теперь результаты наблюдений над переводческой работой Тютчева, попытаюсь классифицировать произведенные им отступления от подлинника.

Тютчев допустил при переводе упоминавшихся семи стихотворений свыше 30 текстуальных отступлений от подлинника. Эти отступления влекут за собою и большее или меньшее изменение смысла и художественного впечатления оригинала.

По своему характеру отступления эти таковы:

1. В семи случаях (I б, г; II б; III в; V б; VI в; VII б) переводчик заменил один образ другим, при чем три из этих замен мне кажутся удачными[1]), четыре решительно неудачными.

2. В семи случаях Тютчев ослабил гейневские краски, смягчая таким образом и впечатления оригинала (I а, в; III а, б; IV в; V а; VII а).

3. В шести случаях наш поэт, напротив, усилил краски оригинала, от чего соответствующим образом изменилось и художественное впечатление (II а; IV а; V а; VI а, г, е).

4. В шести случаях переводчик совсем опустил те или иные черты оригинала, иногда и самые поэтические образы, что вряд ли можно признать вполне удачным приемом перевода (I д; III д; V а; VI б, е; VII б).

5. Восемь раз (II в, г, д, е; III г, д; IV б; VI в) Тютчев позволил себе добавить или отдельные детали, или даже целые поэтические образы.

В пяти стихотворениях (I, III, IV, V, VI) Тютчев сохранил размер и рифмовку подлинника, в двух изменил (II, VII).

Обозрение переводов Тютчева из Гейне окончено. Теперь остается подвести общие итоги.

VI.

Итак, Тютчев понимал свою задачу переводчика довольно широко, считая себя в праве придерживаться оригинала лишь в общих чертах и текстуально, и в стихотворной форме.

На примере Тютчева еще раз подтвердилась справедливость мнения, что переводчиком в полном смысле этого слова может быть поэт или конгениальный тому, творения которого переводятся, или заранее согласившийся подчинить свой талант воздействию оригинала. Поэтому поэты с ярко выраженной творческой индивидуальностью редко бывают хорошими переводчиками.

Так случилось и с Тютчевым.

Тютчев—поэт с совершенно своеобычной творческой физиономией. В силу тех или иных обстоятельств поэзия Гейне заинтересовала его, и заинтересовала настолько, что он счел

---

1) Подчеркнуты чертой в перечислении.

необходимым передать и по-русски несколько стихотворений немецкого поэта.

Но своей индивидуальности Тютчев не отдает даже в угоду такому поэту, как Гейне. Недаром же Тютчев не всегда указывает (II) оригинал своего перевода, а однажды просто даже называет свое стихотворение «Мотив Гейне» (VII). При переводах же русский поэт оставлял за собою известную свободу.

Одним словом, интерес к Гейне, зародившийся в совсем еще юном Тютчеве (в 1823 году Тютчеву было всего лишь 20 лет), впоследствии при личном знакомстве поэтов еще усилился, быть может, под влиянием некоторой общности поэтических запросов друзей. Но он не перешел в увлечение, как это было с другими переводчиками Гейне. И Тютчев сохранил всю свою независимость по отношению к гениальному немецкому собрату. В его оригинальных стихотворениях трудно уловить отзвуки гейневской лиры. Разве только «Сон на море» [1]) как будто чем-то напоминает гейневский цикл «Северного моря.» Но по времени создания «Сон на море» относится, повидимому, к тому периоду, когда Тютчев был еще близок к Гейне.

Характерен самый подбор оригиналов для перевода. Из огромной сокровищницы гейневских творений Тютчев выбрал очень немногие и при том такие, которые отражают творческую личность Гейне лишь с одной стороны.

В самом деле, о чем говорят выбранные для перевода стихотворения?

Любовь, философские размышления о жизни—вот две темы этих стихотворений. Они теснейшим образом связаны друг с другом у Гейне, потому что для него эти стихотворения—страницы автобиографии. А в жизни Гейне любовь—один из основных стержней. С ней связываются у поэта все его переживания, мечты, действия и настроения.

Но Гейне умеет разнообразить свое чувство. И в его поэзии мы найдем громадное количество самых разнородных мотивов. Правда, они все в целом дают картину миросозерцания поэта. Но и каждый из них, взятый самостоятельно, имеет свою самодовлеющую ценность.

Характерна та манера, с которой Гейне дает читателю свои настроения и переживания. Он дает обыкновенно рядом два образа: один реальный, в большинстве случаев взятый из мира природы, другой-психологический, предоставляя читателю уже самому выводить отсюда те заключения, которые подсказывает ему сердце.

---

[1]) Полное собрание сочинений, XXIX, стр. 65.

Гейне, однако, берет образ не во всем его об'еме и не во всей его сложности, а только одну или несколько сторон, которые в данный момент производят на поэта особенное впечатление; вернее, он дает даже не столько образы, сколько их впечатления. Вот почему у Гейне душа является в большинстве случаев аналогом природе. Но Гейне избегает сам делать какие-либо выводы из своих сопоставлений. Поэтому для читателя и комментатора Гейне всегда есть некоторая возможность свободы толкования его произведений.

К этому надобно прибавить, что в силу-ли нациальных особенностей своего характера, в силу-ли неискоренимой инстинктивной тяги, свойственной известному направлению немецкой романтики, Гейне испытывал особенное пристрастие к ярким краскам. Отсюда такие поразительные по своей смелости и неожиданности образы, отсюда небывалое богатство эпитетов.

Эта сторона дарования Гейне пугала одну часть его современников, привлекала другую. Именно благодаря этому Гейне и был мало понятен для современников. Но тем выше оценило его потомство. В нем оно увидело провозвестника позднейшего романтизма, романтизма конца века, столь непохожего на своего родоначальника—романтизм первых десятилетий прошлого столетия—и тем не менее идущего от одного с ним корня.

Гейне, так ядовито издевавшийся над романтизмом, сам, в сущности, был его кровным детищем. Но в романтизме он пошел одной дорогой, которой его современники романтики в большинстве чуждались и избегали. Ей суждено было найти себе литературное признание чуть ли не полвека спустя после смерти Гейне. Это дорога импрессионизма. Потому то, быть может, особенно любил Гейне покойный Блок.

Для России 30-ых годов это направление было еще более необычно. Это была пора, с одной стороны, пышного расцвета романтизма, с другой—первого мощного пробуждения реализма. Но наш эклектический романтизм не был еще способен усвоить вполне то новое, что только еще намечалось и в самой Западной Европе. Тютчев в те дни был со своей своеобразной поэзией новинкой, необычайной в русской литературе.

Но Тютчев оказался гораздо воспримчивее своих современников к новым веяниям. Он уловил то новое, еще небывалое, что назревало в западной поэзии, особенно в лирике Гейне.

Ревниво охраняя свою поэтическую индивидуальность, Тютчев выбирает из стихотворений Гейне такие, которые имеют наиболее общее значение и наименее запечатлены интимными, чисто гейневскими настроениями, Мы уже видели, что затронутые в указанных стихотворениях Гейне мотивы свойственны в большой

степени и музе Тютчева, да и других поэтов. Тютчев не взял ни тех произведений, в которых любовь Гейне рисуется в неприкровенных и чисто личных чертах, ни тех, в которых сказываются другие суб'ективные настроения немецкого гения: злая ирония, беспощадный скептизм, негодование и т. п.

Думается, что Тютчев делал это сознательно. Не подчинившись обаянию Гейне, он выбирал, во-первых, то, что более или менее гармонировало с его поэтическими тенденциями, во-вторых, то, что могло представлять интерес общего порядка.

Но поступая таким образом, Тютчев должен был усвоить себе и манеру избранного писателя. Он ее и усвоил, однако с несколькими особенностями, обусловленными его собственными поэтическими устремлениями.

У Гейне образ преобладал над мыслью. У Тютчева мысль над образом. Для Гейне форма—один из существеннейших моментов поэзии. Для Тютчева форма—лишь подсобное средство. Для Гейне поэзия—автобиография в полном смысле этого слова, для Тютчева она—летопись его духовной жизни. Но и для того, и для другого поэзия—единственное средство выявления их истинной личности.

Этим и об'ясняются взаимоотношения двух знаменитых поэтов—русского и немецкого.

История этих взаимоотношений приподнимает несколько завесу над некоторыми темными страницами деятельности Тютчева.

В частности, она помогает хотя бы до некоторой степени уяснить тайну возникновения Тютчева. Русская поэзия обязана его появлением не русской, а западной почве. Не даром же наш поэт лучшие годы своей молодости и зрелости провел за границей. Она обогатила его ум множеством наблюдений, а его чувства—множеством впечатлений, которых на родине он никогда не встретил бы. Она подвела его к самому источнику романтизма и помогла ему выбрать то, что было как раз в меру его сил и дарований. Иными словами, Западная Европа помогла ему поэтически определиться. И в этом отношении немалую роль играл Гейне.

Конечно, Гейне был не единственным вдохновителем Тютчева на этом пути. Более детальные изучения откроют, быть может, еще и другие воздействия на Тютчева со стороны иных поэтов. Но это дело дальнейших изысканий.

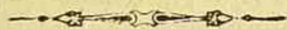
Некоторые критики упрекали Тютчева в том, что он, проведя почти полжизни за границей, утратил чувство родины и связь с ней, и подтверждение своему мнению хотят найти в его поэзии.

И действительно, в редких—и, к слову сказать, далеко не в лучших его стихотворениях—уловишь связь с современной поэту

эпохой. Но ведь не только в том заслуга поэта, чтобы отражать фотографически действительность, а в том. чтобы наметить и пути будущего.

Тютчев именно тем и замечателен, что, не зная текущей русской жизни, но почерпая вдохновение в чужеземных источниках, дает удивительный, чисто национальный вариант своеобразнейшего и интереснейшего ответвления романтизма—импрессионизма. В этом его связь с будущим русской литературы.

Задача будущих историков литературы состоит в том, чтобы установить и уследить эту связь вполне точно.

М. Г. Сыркин.

Донателло и раннее Возрождение.*)

II.

ДОНАТЕЛЛО.

Донато или, как его фамилиарно-ласкательно называли, Донателло, был сын народа, как все художники того времени. Он родился во Флоренции, в семье чесальщика шерсти Николо ди Бетто Барди, между 1382 и 1387 г. г. Уже в 1406 г. мы находим его имя в записях соборного строительного комитета (Opera del Duomo): он сработал тогда для северного портала две небольшие декоративные, сохранившиеся и поныне, статуи молодых пророков. Умер Донателло в 1466 г., можно сказать, с молотком в руках, и за этот долгий период создал целый мир произведений по всей средней и северной Италии, чем, при его гениальности, и об'ясняется его влияние. Если бы Мазаччио суждена была такая же долгая жизнь, мы без сомнения имели бы картину искусства, еще более богатую и разнообразную в стилистических элементах.

Чрезвычайно важный вопрос возникает уже в самом начале всякого исследования о Донателло:—у кого и особенно где он учился и как пришел в соприкосновение с миром древних памятников? Ибо нужно тут же сразу определить центр исторического значения Донателло и главный признак его стиля: он был первым серьезным и самым могущественным носителем и проводником античных элементов в изобразительных искусствах своего времени, иначе говоря,—вместе с Брунеллеско,—творцом специфического ренессанса.

Антонио Манетти, биограф Брунеллеско и один из первых историков италианского искусства вообще, заставляет обоих друзей (дружба Брунеллеско и Донателло находит документальное подтверждение в занесенных в записи многочисленных общих их работах для собора и др.) после исхода известного конкурса на вторые двери Флорентийского Баптистерия в 1402 г. уехать вместе в Рим и там на многие годы погрузиться в изучение остат-

*) Продолжение. См. № 1. стр. 116-128.

ков древности. Это, однако, противоречит документам и даже возрасту Донателло; может быть оба великих инициатора движения были ограничены в своем первом знакомстве с древностью сравнительно немногими и не очень значительными образцами ее, существовавшими тогда во Флоренции и ближайших местах Тосканы. Первое достоверное пребывание Донателло в Риме относится к 1433 году.

Другие соображения также говорят против вероятия ранней Римской поездки. Такой путь учения не был еще в духе времени. Гуманисты тогда обращали мало внимания на пластику. Решающим моментом в этом направлении является 1414-ый год, когда Поджио Браччиолини удалось открыть манускрипт Витрувияно и затем до Л. Б. Альберти едва ли какому-либо меценату или интеллектуальному руководителю талантливых юношей могло придти в голову направить их нарочно в Рим; сами же они, не получившие гуманистического образования, стоявшие всецело в бытовых рамках своего класса, вынужденные зарабатывать свое пропитание, не могли самостоятельно напасть на мысль обратиться к древним памятникам, как к источнику новых вдохновений. Тем менее могли они отдать им несколько лет своей молодой жизни, когда окружающие условия были так заманчивы, так благоприятны для немедленного приложения их сил и талантов. Для искусства было тогда много места в жизни; всякий новый сколько-нибудь самостоятельный молодой талант мог рассчитывать на радушный прием; была широкая возможность в ожидавших художника практических задачах осуществить все его новые стремления в самый момент их зарождения, при всеобщем одобрении со стороны внимательного, благорасположенного общества; не было, следовательно нужды, не могло быть и охоты убегать от жизни и зарываться в уединение.

Интеллектуальный толчек в сторону древности мог исходить только от гуманизма; даже у Брунеллеско мы до 1420-го года не находим признаков появления нового стиля. Донателло же в 1402 г. был еще мальчик и должен был упорно работать над овладением техникою своего дела: идея учиться на обломках была ему, очевидно, совершенно чужда. Если бы он действительно в пору самой свежей юношеской впечатлительности вел в продолжение нескольких лет жизнь крота-археолога, преисполненного фанатизмом древности, и затем вдруг, почувствав себя достаточно вооруженным, бросился в практическую художественную работу с тем жаром и продуктивностью, какие мы находим у него, мы именно в первых произведениях нашли бы особо выпуклые признаки античных влияний. И вот, факты говорят другое. В непрерывном ряде его творений обнаруживается явно и очевидно, что Донателло шел вместе с веком, хотя и впереди его, проделывая постепенное нормальное развитие, без скачков и изломов, психологически немыслимых тогда в условиях времени.

Это время вообще еще не созрело для сколько-нибудь прочного и последовательного доктринерского насилия. В первых своих произведениях Донателло очень далек от антиков и вполне «готик».

Но нужно определить, в чем именно состояла сущность того искусства, которое Донателло застал при своем выступлении как художник и в первые ряды которого стал, реформируя его лишь исподоволь, по мере выяснения своих внутренних стремлений и усиления общего направления умов в сторону воскрешения античной культуры.

Всякий стиль имеет свой «классицизм». Средневековое искусство, особенно в Италии, также переживало время, когда после первого появления главных характерных стилистических признаков творчество принимается за сводку воедино и выпуклое, полное выражение лежавших в заданиях возможностей. Все пережитки и остатки старого в этой стадии органически вытесняются; новому же еще нет места среди всепоглощающей работы над достижением известного ограниченного идеала совершенства в пределах данных руководящих, исключительных по своей природе идей. За достижением цели, согласно исторически выясняющимся законам психологии творчества, следует ощущение недостаточности задач, глухого недовольства, томление по новой работе, духовный голод, требующий удовлетворения в новых созданиях, среди совершенно иной группы мотивов, внутренно сродных между собою, но непременно резко контрастирующих с «отработанною» стилистическою группой.

Таков общий характерный необходимый исторический процесс. Различия его по времени и месту, в сущности, сводятся только к продолжительности периодов смен и большей или меньшей бурности явлений при них.

Понятие прогресса в искусстве вообще имеет совершенно другое значение, нежели в жизни. Состоятельность и абсолютная ценность различных стилистических видов его независимы от содержания и даже от сравнительной зрелости последних. Зрелость скорее дело жизни, которую обслуживает искусство. Красота не увеличивается при расширении захвата. Конечно, высоко организованная жизнь психологически и фактически нуждается в искусстве, допускающем большую сложность мотивов при своей работе; но расширение само по себе не есть мерило достоинства. Ценность всякого искусства должна быть только наквысшею, и при правильных условиях этот одинаково высокий уровень может быть сохранен во всех сменах. Эти смены совершаются не во имя улучшения: в противоположность науке и материальной культуре, в искусстве последующее не должно быть лучшим, а только иным, нежели предыдущее. Всякое стилистически правильное искусство дает красоту, ибо красота есть не что иное, как творчество по непогрешимому инстинктивному стилистическому чувству. Все рожденные таким

чувством формы хороши безусловно в своей наивно сложившейся необходимости. Без стиля нет искусства; стиль же обозначает ограничение; таланты только отгадчики новых возможностей, непроизвольно складывающихся в замкнутые в себе системы.

В состоянии непроизвольного зачатия такой именно необходимой смены и находилось искусство при вступлении в жизнь Донателло. Логика очереди требовала реализма, как той группы мотивов, которой суждено вытеснить средневековый идеализм. Не то, чтобы такие огромные категории, как стилизация, идеализм и реализм, могли быть исчерпаны тремя сменами, хотя бы и в самой плодотворной среде; в этом смысле они неисчерпаемы; бесчисленные их возможности появляются все вновь и вновь в бесконечных, неповторяемых, калейдоскопических комбинациях, образуя бывшее и будущее содержание жизни искусства. История движется по кругам, а прогресс—по винтовым спиралям, на которых однородные явления соединены вертикальными линиями. Исчерпывался не идеализм вообще, а частное, ограниченное, временное его выражение. Назревшая новая необходимость нашла свое простейшее, непосредственное выражение в лице группы Пизанелло и Кастаньо. Но тут на сцену выступает многосложность интеллектуальных пружин жизни эпохи; простота и отчетливость возникновения новых явлений по их внутренней очереди затемняется, и рядом с естественною полярностью реализма продолжается старая нить обобщения форм, досрочно обновляемая и отчасти переводимая на высшую историческую ступень в стиле Кверчиа и Гиберти. Мы увидим, какую необыкновенную позицию над всеми этими течениями, но в силу той же необходимости, занимает Донателло.

Готическая пластика, в сущности, уже до нового движения заключала в себе некоторую тайную неразорванную традицию от античной древности. В силу этой традиции она содержала в себе естественное стремление к округлой, полной, плавной линейной красоте. Особенно отчетливо это выступает в рисунке драпировок, даже в самых одичалых формах глухого безвременья. Одежда главных персонажей священной истории всегда оставалась отвлеченно-античною,—этого требовало церковное благолепие. Непрерывные воздействия с востока, где античная традиция была еще сильнее, оживляли ее и на западе. Таким образом, в условном готическом классицизме XIV-го и начала XV-го веков мы находим много черт, наружно сближающих его с античным чувством форм. Но общая формула наружного плавного благообразия и богатых красивых драпировок вне времени не покоится тут, как в древности, на серьезных технических основах, а представляет больше приятную линейную каллиграфию, мягкую деликатно-нежную музыку, доведенную у Гиберти до высокого эстетического достоинства—без полной внутренней перестройки на основании нового глубокого изучения природы. Несомненно, что сверх традиций на Гиберти действовали уже непосредственные впечатления от сохранившихся

памятников. Иным путем шел Яконо делла Кверчиа, помимо антиков перешедший от готических формул к своему мощному, массивному рисунку.

Этой же идеалистической реформе последней фазы средневекового классицизма отдается в своих ранних работах и Донателло, но уже сразу с большим знанием и чувством природы.

В начале XV-го столетия Флоренция, раздираемая ужасными междоусобицами и жестокой классовою борьбою партий, как бы об'единяется в своей общенародной жизни и лучших своих чувствах заботами о чтимых городских святынях. Нет таких жертв, которые были бы слишком тяжелы, раз дело идет о благолепном изукрашении церквей и монастырей города, где покоится прах предков и где всякий сам найдет вечный покой. Тут сказывается не только религиозное, но бессознательно и чувство теплой, неподдельной привязанности к родине. За право тратиться на святыни спорят большие фамилии, честолюбивые и властолюбивые, ненавидящие друг друга, старающиеся взять верх не только убийствами, нападениями, возбуждением волнений и интригами, но и блеском своих иждивений на церковные постройки, обстановку и утварь. Но могущественные оптиматы, лишенные уже политических привилегий и скованные по рукам и ногам подозрительным недоверием массы простых граждан, не допускаются к наибольшим святыням; сам народ, организованный в промышленные корпорации,—«Arti»,—ревниво охраняет в свою пользу право заботиться об них. Святыни поделены между цехами; самые могущественные, Arte della Seta и Arte della Lana (шелковая и шерстяная промышленность), взяли на себя Баптистерий и Собор, прочим же корпорациям предоставлено поставить по статуе своих святых патронов в ниши высокочтимого «Or-San-Michele» (храм св. Архистратига Михаила). Целая армия мастеров всякого рода искусств ютится вокруг этих благочестивых городских предприятий. Ответственные корпорации в лице своих выборных входят в самые мелочные детали, желая непременно иметь самое лучшее и дорогое, что только есть на свете по этой части, полагая в том наиболее важное общественное дело. Крупнейшие силы привлечены к делу; они щедро оплачиваются, но им не оказывается полного доверия, а все обстоятельно обсуждается сообща; назначаются конкурсы, комиссии экспертов и т. п., и решают в конце концов общие собрания или большие строительные комитеты с участием всех нотаблей города. Для художников устраиваются на городской счет мастерские, где их работы находятся под постоянным наблюдением, с доставкой материалов и даже с'естных припасов и поштучною и поденною оплатой труда. Порой все это хозяйничанье становится мелочным и придирчивым; не очень интеллигентный гнет ложится на творчество; мощные индивидуальности вынуждены приспособляться к условиям мещанской среды, не говоря уже о дореформенной закорузлой церковности, с которою впрочем искус-

ство прекрасно уживается без видимого сопротивления. И все это вместе в конечном результате дает, однако, такую картину процветания всенародного искусства, такую гармонию среды и творческих сил, что является поучительнейшим указанием того, что собственно нужно пластике.

Около двадцати лучших лет отдает Донателло святыням своего родного города. Он так занят ими, что не может принимать ни одного постороннего заказа. На этих работах он развивает первый и второй свой стиль. Начав двумя робкими статуэтками без определенного характера, он в конце выходит из этого несколько тесного круга деятельности первым художником Италии. И только теперь (другие в его годы и на его месте выяснились и закончились бы вполне, давая далее,—хотя бы и ценнейшие,—повторения достигнутого) он начинает совершенно новое поступательное движение,—третий и окончательный свой стиль, увлекающий по его следам целую страну и создающий мировую эпоху.

Первая крупная работа, колоссальная сидячая статуя Св. Евангелиста Иоанна для фасада собора, открывает собою и первый характерный стиль. Тут, а также в Св. Марке для Or-San-Michele, мы видим резюмэ и кульминацию того, что дано достигнуть готическому классицизму в пределах его стилистических границ, когда в них вступает личность такой мощи и огромного темперамента. Это еще фигуры вообще, вне определенного времени, среды и этнической характеристики,—собирательные типы человеческого благородного благообразия; они взяты в наиболее благоприятных гармонических мотивах движения и падения складок, какие выработаны в древности и традиционно перешли или вновь поверхностно подсмотрены в этот момент. Гиберти тут и остановился, смягчив все линии в своей нежности и прелести. Но Донателло был не тот человек, который в состоянии долго оставаться в пределах, где так мало места для новых созиданий. В 1415 г. Corazzai,—флорентийские панцырники,—заказывают ему для Or-San-Michele статую св. Георгия. В этом произведении перед нами один из редких в истории случаев, когда можно пальцем указать точку, от которой берет начало новая эра. Тут уже не средние века. Искусство с пожирающим любопытством присматривается к человеку и открывает в интимных наружных проявлениях его физической и психической природы новые мотивы для себя, коренящиеся уже не в собирательных, а в различительных признаках. Эстетический момент кроется при этом в художественной привлекательности проникновения в моторную логику чувств и ощущений, на которые реагирует тело. Но это огромная область и творчество безнадежно потерялось и расплылось бы, если бы без руководящей нити беспорядочно набросилось на нее в надежде обнять и исчерпать все ее содержание. Тайный стилистический такт здоровой, наивной эпохи круто сдерживает фантазию

и направляет ее не на обще-интеллектуальные, а на специфически пластические цели строго определенного, изнутри ограниченного вида. Тот же такт не дает новой группе мотивов, даже в момент увлечения при открытии, ускользнуть из связи с прочими необходимыми элементами истинного искусства и охраняет стилистическую гармонию целого. Новые индивидуалистические мотивы, при всей их резкости, идут поэтому у Донателло рука об руку с привлекательнейшею характеристикою линий и форм, с новою музыкой ритма, и это еще знаменательнее для сущности нового стиля. С огромною по времени смелостью, святой уже не стоит у него в обязательной, единственно приличествующей предмету «красивой» позе, образуя телом и одеждой богатые волнообразные линии. Художник увлекся каким-нибудь живым закованным в латы юношей, который вдруг остановился, оперся о свой длинный щит и пытливо вглядывается в даль. Модель не имеет ни малейшего подозрения, что на нее смотрят; а художник залюбовался богатою, выпуклою мускульною логикой, лежащей во всей позиции, в напряжении членов молодого, упругого тела под влиянием сосредоточенности духа на одном акте. Неиз'яснимая, тайная прелесть лежит в прямо некрасивом мотиве, с одинаково наступающими, растопыренными в виде равнобедреного треугольника ногами, в его прямолинейной жестоковатой и суховатой, но почему-то обворожительной грации. Голова и лицо отроческой худобы, с заостренным носом и подбородком, напряженным взглядом и наморщенным лбом, явно указывают, что автор совершенно забылся и по детски отвлекся от своей прямой религиозной задачи под гипнозом того нового, что открылось его внутреннему зрению в обыденнейшем и однако так никем и никогда не виданном явлении. Ошеломленному зрителю не доводилось еще встречаться с такою правдой; слепым глазам раскрывалась действительность, и в ней оказывался новый источник подлинной красоты. Но в то же время это было сурово и строго, девственно чисто, целомудренно сосредоточено в себе: внешний мир, другие люди, которые могут осудить или одобрить, возвысить и убить, для автора не существовали.

Новое было далеко от совершенства. Оно носило на себе следы жестокой борьбы, в которой победа еще не одержана. Но все же мы имеем тут одну из вех искусства, кульминацию человеческой силы, новое гениальное слово, осчастливливающее впечатление. Тайная неловкость из недостатка превращена систематикою стилизирующего чувства в художественное достоинство.—из нее родится то особое изысканное линейное ощущение, которое отныне составляет отличительный признак раннего Возрождения и нашло такое симпатичное воскресение в наши дни в искусстве Пювис-де-Шавана и Данте Габриеля Россети.

Начиная с св. Георгия, в творчестве Донателло бегут рядом две струи, не смешивающиеся между собою, как воды Роны в Же-

невском озере. Он любит одновременно и с одинаковою силой гибкую, плавную линию молодости и красоты и жесткую, характерную корявость человеческого безобразия. С бешеным восторгом он буквально купается в изысканном уродстве совершенно исключительных типов и этой своей чисто художественной страсти не стесняется давать разыгрываться на ряде изумительных статуй для колокольни собора; вместе со своею публикою он не имеет, очевидно и тени подозрения, что такая трактовка неуместна и стоит в крайнем несоответствии с предметом,—изображением ветхозаветных пророков. На первом месте в этой серии разнообразнейших уродливых голов на гибких, сильных телах стоят «Давид», или «Цукконе» («Плешивый»), и «Иеремия»: какие именно пророки имелись в виду, теперь неизвестно, так как статуи впоследствии переставлялись и пьедесталы с надписями были перепутаны.

Это направление нельзя, повидимому, не назвать реализмом, и даже крайним, потому что в качестве художественной проблемы тут поставлено новое воплощение человека в его конкретных, даже исключительных, удаляющихся от нормы чертах. Художник предается восхищающей его игре вариациями, пикантно и остро выявляющими материальную логику природы. Но в то же время это реализм абстрактный, при всей кажущейся странности сопоставления этих слов: ибо индивидуализирование тут заходит за край, не стесняясь явлениями действительности, в которой самые уклонения подчиняются видовым законам, где и конкретные типы сортируются в фамилии, а отдельная физическая личность приурочивается к месту, классу, племени, образу жизни и бесчисленным другим, очень отчетливым, хотя и микроскопическим, влияниям и условиям. Вот почему реализм Донателло так непохож на наивный, черпающий прямо из действительности реализм поздней северной готики. В этот блестящий период нарождения портретного искусства Донателло не произвел никогда ни одного настоящего портрета, ибо даже бюст так называемого «Никколо да Уццано» —не портрет: это—явно вольная гениальная композиция, хотя, может быть, и на тему какого-нибудь действительно жившего человека; но художник так видоизменил, так вновь перевоплотил модель, что отражение стало глубже и шире, жизненнее жизни, правдивее действительности,—сверхчеловеком и сверхуродом, чисто артистическим явлением, изолирующим нас от реального, чтобы погрузить в исключительное восхищение радостями чистого искусства.

При всей огромной оригинальности „Уццано", в посадке головы и профиле чувствуется уже влияние римских портретных бюстов, а с этим начинается, около 1425—1430 г.г,, та ограниченная и своебразная рецепция античного стиля, которая составляет особенность третьего и окончательного стиля Донаттело и всего Возрождения, оправдывающую до некоторой степени это слово. Этот момент совпадает с окончанием главных работ для церкви и

с вступлением Донателло в товарищество с одним из симпатичнейших художников эпохи, Микелоццо. Договор был заключен на условиях равенства; оба мастера не были новичками и влиять друг на друга не могли. Их отношения в высшей степени любопытны с бытовой стороны, бросая яркий свет на тогдашнее положение искусства. Вероятно, было установлено кое-какое разделение труда. Товарищество исполняло и церковные заказы, если они поступали (бронзовая статуя св. Людовика Тулусского, один из двух внутренних балконов для певчих в соборе, внешний круглый балкон для собора в Прато, рельефы и статуэтки для купели в Сиене); но главным делом фирмы предполагалось, повидимому, сооружение надгробных памятников, для чего кроме мастерской во Флоренции, была оборудована другая в Пизе, поближе к источнику мрамора в Карраре и в видах удобства экспорта морем. Сверх того, с этого именно времени из мастерской Донателло стали выходить многочисленные рельефы Мадонны для домашних капелл. Целям более интимного благочестия в богатых домах служили также статуи небольших размеров особо чтимых во Флоренции святых, как св. Иоанна Крестителя и Давида... Особенно знаменательна для нового направления Донателло бронзовая статуя юноши Давида, сработанная для Козимо Медичи. Таким образом, круг задач теперь расширяется и становится более разнообразным; выход из несколько однообразного типа статуй в нишах, какой требовался для собора, освежил, очевидно, воображение и способствовал созреванию нового стиля.

Наиболее благодарною, однако, для развития стиля оказалась одна работа для церкви,—скульптурная декорация ризницы Сан-Лоренцо, одно из благоуханнейших произведений Брунеллеско и архитектуры вообще. Она сводилась преимущественно к рельефам. Рельеф в скульптуре раннего Возрождения играет огромную роль, и на нем в значительной степени воспиталась даже живопись. Уже у Гиберти центр тяжести творчества лежал в этой специальности. Теперь и Донателло взялся за рельеф, и его создания получили тут совсем особое, еще гораздо более влиятельное значение, нежели у его соперника. Из его стиля теперь вдруг исчезает то резко выраженное характерное безобразие типов которое так поражает в статуях Кампаниле. Его заменяет особый, своебразно подчеркнутый драматизм и энергическая жестикуляция. Все у него оживляется. Художественное любопытство, в поисках новых ощущений, направляется уже не на пикантное сочетание линий в неправильных чертах спокойных лиц и тел, а на уловление закона в резких движениях мускулатуры под влиянием сильных душевных аффектов. Тут Донателло является продолжателем Джиотто. Снова артистическое увлечение заносит художника за пределы требований задач.

В сюжеты, вместо ангелов, врываются шумной толпой, с хохотом и плачем, обыкновенные человеческие дети, и его творческая

страсть находит в них неиссякаемый источник новых мотивов; вскоре они наводнят все искусство. Страсти Христовы дают повод захватить в сети восторженного пластического созерцания человеческое тело в исступленных корчах от физических и душевных мук. С бессознательно бесчувственным, но пожирающим профессиональным интересом он ловит на лету лица и телодвижения, подмечает, как извиваются, рвут на себе волосы, стонут, плачут и прямо ревут его художественные жертвы, как неистовые дергания мускулов сгибают суставы и кладут в складки молодую эластичную или старую, сухую, пергаментную кожу, как вихрем разлетаются одежды и какой энергический силуэт дает вся эта бешеная галоппада форм и линий.

И снова кажется, что такая, извлеченная однако из произведений, словесная характеристика может относиться только к художнику, положившему в основу своего творчества ничем не обусловленный реализм для реализма. Однако, и на этот раз такое предположение не оправдывается: нет самого реализма, как полного и исключительного отражения действительности. Явления вырваны из громадного обусловливающего аппарата жизни, изолированы и утрированы, но подчинены другому началу,—чисто пластическому интересу и сдерживаются безошибочным художественным чувством. Наперекор внешнему неблагообразию, целое с сонамбулически бестрепетным, точным инстинктом истины ограждается от опасностей по избранному новому пути и направляется исключительно к восхищению пластическою красотою. Как и раньше, мотивы неблагообразия составляют только одну сторону; они прекрасны, верны и сильны сами по себе, что бы ни говорили многочисленные отталкиваемые, подавленные их нестерпимою мощью зрители; но на помощь человеческой слабости приходит другая сторона,—дивное линейное чувство Донателло: как ни чужда с виду эта черта его жажде характерного à tout prix, обе группы образуют на деле совершенно своеобразный, неразложимый, абсолютно гармонический внутренний контрапункт.

Эту двойственность Донателло необходимо осилить всякому, ищущему ключ к его искусству. Во всем он имел равноценных соперников и предшественников, но его эстетика безобразного принадлежит ему одному, и это—огромное художественное открытие. Красота широка и не измеряется одним благообразием. Сила тут в прочувствованности правды, в собственном интересе человеческой физики и психики для искусства, безотносительно к какому-либо другому их значению. Правда отыскивается не ради ее этического смысла, а для восторга перед ее логикой, для восхищения специфическим сцеплением причины и следствия. Пластика занимается видимым миром; поэтому для нее главное—закон тяготения, игра пружин и рычагов, импульса и движения. С этой логикой природы сочетается музыка форм, мелодика и ритмика протекания линий. Донателло открыл новое соотношение элементов; он показал, что

музыка ничуть не страдает от введения разнообразных, энергических мотивов, что ритмика способна на интереснейшее развитие и обогащение прерывистыми синкопированными кадансами, что сладость плавного протекания мелодии стимулируется минутными пикантными оскорблениями слуха и зрения. Он с равною силой владел благозвучием и диссонансом и, когда хотел, достигал такой красоты контура, „красоты" в обычном смысле,—что оставлял далеко за собою лучших чистых идеалистов.

На линейной стороне искусства Донателло необходимо остановиться с самым пристальным вниманием. Она, несомненно, античного происхождения и развивается вполне только в третьем стиле. Но Донателло никогда не теряет своеобразия, и в конечном результате усвоение античных образцов дает нечто совершенно новое. Чувство форм греко-римского искусства, даже в самых деликатных образчиках, сохраняет характер монументально грандиозного, выдержанно плавного, густого потока мелодии. Канон пропорций в наиболее стройных фигурах не выходит за пределы действительности. Но между древностью и Возрождением лежит христианская культура умов и чувств, и для человечества стало невозможным полное возвращение к суровой красоте, не смягченной так или иначе интимными ритмами. Самоощущение стало сложнее, богаче внутренними колебаниями и рефлективными противоречиями; оно не могло уживаться a la longue с цельною простотою древности. Вот почему даже у великих классиков cinquecento чувство форм ясно различимо от античного.

Очевидно, и у раннего Возрождения не могло быть речи о простом перенятии рисунка антиков. Этому препятствовала уже недостаточность технической подготовки в смысле полного владения анатомией, хотя именно тут Донателло стоял далеко впереди века и особенно своих непосредственных преемников. Но в искусстве знание не совпадает с красотою; недостатки рисунка становятся рессурсами пластики, если они проходят сквозь стилизирующую обработку, руководимую бессознательным инстинктом прекрасного. Непосредственно правда действительности не интересует искусства, и лишь в качестве мотива в новом синтетическом целом, она приобретает вдруг особое специфическое значение. Пластика требует полной свободы в обращении с природой. Лишь в самой форме пользования этой свободой наступает творчество красоты. Неумелость есть тоже своего рода свобода, развязывающая руки для перевоплощения жизни в искусство. Вот почему так увлекательно хороши все примитивы. Конечно, осложнение и созревание стиля идет об руку с наростанием умения, но, как уже указано было, нельзя смешивать стилистическую культурность с художественным совершенством.

Рисунок Донателло стал языком форм Возрождения, пока его не изменили классики последнего. Он отличается определенным, четко отчеканенным характером. Как своего рода почерк, он име-

ет особый изгиб, свой galbe, тайный закон протекания. В связи с ним стоят растянутые, преувеличенно стройные, гибкие пропорции,—школа впоследствии доводила это иной раз до карикатурного. Сам Донателло никогда не выходил из известных пределов, и только сравнением можно уловить у него систему. Всего характернее рисунок в драпировках. Вначале они носят общий характер; складки ложатся богатыми крупными линиями, материал—плотный и толстый. Но в третьем стиле Донателло переходит к легким мягчайшим тканям, заставляя их развеваться по ветру или от быстрого движения, а порою и без такой мотивировки разлетаться во все стороны. Тут он, инстинктом отгадывает, мотивы настоящей аттической пластики времен Фидия, с ее обворожительным просвечиванием тела, хотя в знакомых ему римских копиях мало следов этого приема. Бесчисленными мелкими острыми складочками прилегают одежды к телам, как бы смоченные потом и смятые быстрыми движениями; линии больше прямые и мелкие, подолы закрученные, зигзагообразные; рукава, туники и плащи узкие, плотно прилегающие. Все формы молодо и гибко вырисовываются. Донателло любит отроческую угловатость телодвижений и даже в характеристике старости, с любовью останавливаясь подолгу на каждой морщинке, на каждой складочке сухой кожи, на всех выступах костей сквозь худую, изможденную мускулатуру, он забывает все это в контурах и общих линиях скелета. Поразительным примером является деревянная статуя Св. Иеронима в Фаэнце. Типы лиц в третьем его стиле теряют характерную индивидуальность второго и явно навеяны античностью, при особо одухотворенной тонкости черт.

Все следы влияния древности сосредоточиваются в деталях; в общих линиях композиции Донателло совершенно независим, и тут именно его творчество стало образцом для всего искусства Италии до классиков. Впрочем, он испробовал и путь более полного подражания в мраморных медальонах двора палаццо Медичи во Флоренции, с успехом стараясь уловить античный характер рельефа; отсюда пошел даже целый особый уголок в искусстве времени, преимущественно в мелкой скульптуре из бронзы. Но это было не более, как упражнением. Композиция поля, выполнение рамы линиями—вот что характерно в рельефе Донателло, а после него составляет интимную суть стиля раннего Возрождения.

Мы видели, что вместо полной красоты, основанной на анатомических знаниях и абсолютном владении природой телодвижений, средневековый классицизм дает внешнее закругленное благообразие, un a peu prev, очень красивое и деликатное, но поверхностное художественное ощущение. Возрождение по следам Донателло со страстью отдается исканиям, базирующимся на интимном изучении жизни, но рядом с этим увлекается и линейной красотою и тесно амальгамирует обе тенденции ранее достижения полного успеха в овладении природой. Единство восстанавливается

тончайшею стилизацией целого, в которой условности рисунка становятся эстетическою характеристикой этого искусства. Первое впечатление сухости, жесткости и терпкости, угловатости и несвободы при более интимном проникновении превращается в особое ощущение тонкой выразительности в движении линии, приятного аромата ее «филирования». Еще ощутительнее этот характер, если брать не только единичные фигуры и даже не отдельные произведения, а целые архитектурные ансамбли, так редко, к сожалению, дошедшие до нас в нетронутом виде. Как всякое народное, т. е. полное и здоровое искусство, стиль раннего Возрождения по преимуществу декоративный, рассчитанный на значение деталей в общем целом. Всякая фигура компонована для ниши, венчания или рамы, предназначенных, в свою очередь, акцентуировать несущие или давящие массы сооружения. В древней Греции было то же самое, но нездоровые условия римской эпохи в значительной степени разрушили это положение; разрозненность дошедших памятников довершала заблуждения теоретической эстетики, изолировавшей произведения и воспитавшей современное общество в привычке рассматривать их вне времени и места. Чувство линий и форм академического классицизма, вошедшее почти в плоть и кровь нашего времени,—плохая подготовка для оценки стилистических особенностей примитивных школ. Прежде, чем научиться постигать интимную прелесть суховатой музыки Донателло, нужно принять в соображение, что она в значительной степени определяется архитектурностью замысла. Архитектура времени, при всей точности усвоения античных деталей, была в целом, может быть еще более отлична от римской, нежели изобразительные искусства. Ей присущ был характер обворожительной, чистой, девственной сдержанности, скромности и тишины. Ее привычные схемы сводились к обрамлениям, к строгим горизонтально-вертикальным пересечениям, акцентуированным в подходящих местах умеренными кругами архивольт и медальонов. В этих схемах сочный, округлый взмах линий в фигурных выполнениях был бы неуместен. Но, разумеется, тут не было какого-либо гнета со стороны архитектуры, а только одно общее стилистическое переживание в братских, совместно развившихся искусствах. Преобладали интимные, деликатные с виду, однообразные ритмы, и общая тенденция была к прямолинейному протеканию главных проходящих линий в связи с обрамлениями. Композиция декорации направлена была к равномерному наполнению поля рамы уравновешенными, симметричными в своих вариациях массами.

Как техник, Донателло стоял на высоте своего времени. Огромнейшую роль в складе всего характера искусства играло то обстоятельство, что художники не были белоручками, а все основательно и практически знали технические приемы, имевшие тогда применение в строительном деле, частями которого в сущности были отдельные искусства. Во время войны Флоренции с Луккой

в 1430 г. Брунеллеско выступил с предложением затопить враждебный город, направив на него воды Серкио. Муниципальные стратеги,—i dieci di balia,—тотчас же согласились, и первым делом Брунеллеско было пригласить себе в сотрудники Донателло и Микелоццо, с которыми он уже неоднократно работал вместе над задачами, по нашим понятиям совершенно чуждыми искусству. Художник был то, что в старой Руси называли «розмыслом», т. е. инженером. Он брался за все, что так или иначе входило в обширный круг строительно-декоративных работ, и не стеснялся техникой. Двадцать лет Донателло работал, сколько нам известно, исключительно в мраморе, а потом, очевидно только по техническим условиям заказов, перешел преимущественно к бронзе и терракоте, Нет сомнения, что он принял бы, как впоследствии Микельанджело, и выгодное предложение на постройки и на фресковую их роспись с такою же легкостью, с какою живописцы Гиберти и Браманте стали один скульптором, а другой архитектором.

Любопытны отношения Донателло к архитектуре—точнее,—к тектонике. Близкий друг Брунеллеско и будто бы даже спутник его по изучению древних памятников, Донателло показывает в встречающихся в его произведениях архитектурных фонах большое перспективное воображение, а в орнаментальных деталях совершенно особый, несколько дикий вкус, нашедший однако своих любителей, хотя и вытесненный вскоре строгим стилем Брунеллеско. Прекрасное «Благовещение» в Санта-Кроче, около 1433 г., заключено в архитектурную раму, особенно характерную для этого вкуса. Около этого времени мастерская Донателло и Микелоццо была завалена заказами. Микелоццо, перешедший впоследствии окончательно к архитектуре, брал, очевидно, на себя эти детали заказов, но иногда и сам Донателло бывал вынужден прилагать руку. Получались курьезные явления. Так по каким-то причинам Микелоццо исполнил архитектурные части не того балкона для певчих в соборе, который был заказан Донателло, а того, который достался Луке делла Роббиа; в то же самое время он работал над архитектурой балкона в Прато. И вот, тогда как обе работы Микелоццо показывают восхитительнейшую античную грамматику форм во вкусе Брунеллеско, балкон Донателло исполнен в самом причудливом «капустном» стиле; этот стиль восхитил кого-то так, что мастерская должна была выпустить повторение балкона без скульптуры для Сан-Лоренцо. Мраморные косяки-табернакли к двум бронзовым дверям Донателло и его же орнаментальная баллюстрада перед алтарем в ризнице той-же церкви так мало вяжутся с формами Брунеллеско, что это было замечено еще в XV ст. и подало повод к анекдоту о ссоре между друзьями. Архитектурно-орнаментальный вкус Донателло не остался без влияния; принадлежащие Возрождению части палаццо Вителлески в Корнето выдержаны, по моему, в этом вкусе; Жан Фуке также увлекся именно им во время своего пребывания в Италии в

1445 г., как это видно по многим деталям a l'antique, которые он вводит потом в свои произведения; наконец, рукописная хроника Британского музея с иллюстрациями руки Мазо Финигверра также полна вычурными орнаментами в этом жанре.

В изобразительных искусствах влияние Донателло было поражающим. Достаточно было самых коротких его появлений в Сиене, чтобы без остатка покорить ему «*под нози*» эту могущественную школу. В 1443-м г. его приглашают в Падую, и он остается в Северной Италии целых десять лет, развивая на старости лет совершенно неимоверную деятельность и создавая главные свои произведения, как колоссальную бронзовую конную статую Гаттамелата перед «Санто» и особенно бронзовый же большой алтарь этой монастырской церкви,главной святыни Падуи. Уже раз до того этот город явился воротами, в которые в лице Джиотто проникло Флорентийское искусство и приобщило Ломбардию в художественном отношении к Италии. То же теперь повторилось еще с большею силою. Как Кверчиа не мог удержать за своим искусством Сиены, так и Пизанелло был совершенно вытеснен из своей родины. Побледнели и другие флорентийские влияния, незадолго до появления Донателло начавшие оказывать здесь заметное действие. В Падуе, как известно, много работали Паоло Учелло и Пиеро делла Франческа; тут же долгое время жил фра Филиппо Липпи: мы увидим впоследствии, что этот очень мало святой, но гениальный монах был главным посредником между Донателло и живописью его родины,—весьма вероятно, что он подготовил почву для него и в Падуе. Но к этому придется еще вернутся при изложении распространения стиля.

По возвращении во Флоренцию старый исполин и не думает складывать оружия. Возникают вещи такого значения, как два бронзовых амвона в Сан-Лоренцо,—самый горький, но едва ли не самый гениальный плод вдохновения этой несокрушимой силы. Если не считать анекдотов, мы в сущности знаем очень мало о личности Донателло, о человеке в нем. Но несомненно, что бытовые рамки начинают становиться психологически уже тесными для него. Творчество при всей бессознательности настолько интеллектуализируется, что начинает терять тот счастливый вид природного процесса, каким оно кажется наблюдателю народного искусства. И тут Донателло является прототипом Микель-анджело, хотя характерная психика последнего у него во всяком случае еще в зачаточном состоянии. Черты этого настроения известны. Созидание становится источником мук. Замыслы опережают силы души; рефлексия начинает свое разлагающее действие, широкий захват раскрывает ядовитые интеллектуальные антиномии. Еще далеко до полного развития всего этого в анархию пластики нашего времени, но один своеобразный симптом освещает на миг глубины души гениальнейших художников Возрождения: Донателло, как и Брунеллеско, Лука делла Роббиа, Боттичелли, Леонардо

и Микель-анджело остались безбрачными, и женщина, повидимому, не играла роли в их жизни. Симптом весьма знаменательный во время, когда устои всенародного быта так прочно еще покоились на вековых религиозных началах. Потребность в уединении отвечала, очевидно, глубоким, тайным ранам неудовлетворенного и неудовлетворимого духа...

(*Окончание следует*).

А. А. Савич.

Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков.

I. Униатские школы для западно-русского юношества до брестской церковной унии *).

Главным деятелем унионального просвещения в Западной Руси в 80-ых годах XVI столетия становится известный иезуит Антоний Поссевин. В конце 1581 года он из с. Бор (между Новгородом и Псковом) шлет в Рим проект просвещения русских, который имел в виду не столько поднятие их умственного уровня, сколько приведение этих «жителей северных стран» к послушанию папе.

Этот проект, или «Rationes promovendae in Moscoviam catholicae religionis», в качестве первой меры для успешной пропаганды католичества на Руси, считает открытие для русских специальной семинарии. «Во-первых, пишет Поссевин папе, должна быть учреждена семинария, которая всему миру свидетельствовала бы об отеческой любви вашего блаженства к русским. Если бы такая семинария была устроена в Риме при апостольской кафедре, или при греческой (афанасьевской) коллегии, это было бы весьма полезным для русских. Но должно принять во внимание и некоторые неудобства этого. Это—во-первых, путевые расходы и дальность расстояния, во-вторых, то высокомерие, которое может возникнуть у этих жителей северных стран, и вследствие которого они станут считать за нечто должное то, что делается им исключительно из милости» (quod ex charitate fit).

Поссевин проектирует учредить в пределах Литвы для русского юношества особое учебно-воспитательное заведение, где несостоятельные юноши, в видах испытания их способностей и настроения, в продолжение некоторого времени получали-бы основное образование; и только более избранных и немногих можно будет затем посылать в Рим.«Тем более, говорит Поссевин, безрезультатными представляются труд и издержки, если посылать в Рим

---

*) Продолжение. См. № 1, стр. 164—175.

тех, которые, прежде чем заняться латинским или греческим языком, должны изучать сначала итальянский язык; для этого необходимо употребить много времени, как это и случилось с тем московским юношею, которого я три года тому назад привел к вашему блаженству, возвращаясь с несколькими русскими в Рим из Швеции».

Где же лучше всего учредить такую семинарию? На это Поссевин отвечает так: Вильна—митрополия Литвы; в ней коллегия и университет нашего общества (иезуитов), утвержденные вашим блаженством, имеют доброе количество учащихся. Но сюда для образования стекается немного русских (Rutheni nonnulli confluunt); да и те, если они оказываются людьми несостоятельными (а таковых весьма много), занимаются только теми науками, которые им кажутся более нужными для практической жизни (privatae rei procurandae videant esse commodiora); если же они более или менее богаты, то заботятся о другом, а не о том, чтобы свои труды направлять на предметы божественные. Великий московский князь, говорит Поссевин дальше, никому до сих пор не позволял для образования (ad litteras addiscendas) отправляться за пределы своего государства; верю, что таким образом он будет поступать и в дальнейшее время; особенно же он будет препятствовать отправлению юношей в Литву, с которою у него происходят непрерывные войны, или несогласия. Но с другой стороны, если бы нужно было избрать место, где должна быть учреждена семинария для русского юношества, то, говорит Поссевин, я сказал бы, что для русских юношей государства польского, а также для тех, кои в эту трехлетнюю войну взяты в плен из Московии, удобнее всего учредить семинарию в Вильне или Полоцке. Что же касается тех юношей, которые будут приведены из Московии теперь, то их должно посылать в Ольмюц или в Прагу, в папские семинарии, в которых вследствие родства местного языка с языком русским им легче будет усваивать науки. Заботу об образовании русских юношей Поссевин советует поручить какому-либо верному и мудрому лицу. Когда же эти юноши будут достаточно обучены, их должно будет посылать в различные места, как бы в виноградники для делания, а вакансии их в семинарии предоставлять другим юношам из тех же северных и восточных стран [1]).

Как можно видеть, Поссевин в своих проектах проводил основную идею папы Григория XIII,—что лучшим проводником католичества в народные массы может быть только латинская наука. Но эту идею Поссевин развил дальше. По его мысли, дело распространения католичества пойдет успешнее тогда, когда доступнее

---

[1]) Ad de Starczewski. Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI, t II, p. 284—286; Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a collegio archaeographico edita, 1848, p. 35—36.

будет источник латинской науки. А это, в свою очередь, последует тогда, когда латинские семинарии будут учреждены в тех же странах, для которых они и предназначаются.

Эту же мысль о необходимости устройства в пределах Руси специальной латинской семинарии для образования русского юношества—Поссевин доказывал и в своем письме к папскому секретарю кардиналу ди Комо от 14 января 1582 года[1]). Идеи Поссевина вполне соответствовали планам папы, а посему были встречены в Риме сочувственно, 5 февраля 1582 года папою Григорием XIII была издана булла об учреждении в Вильне семинарии «для русских и москвитян. страна которых в продолжение многих уже лет пребывает в холоде и мраке». Насколько члены христовы дальше отстоят от своей церковной главы, говорит папа, настолько сильнее должно согревать их жаром веры. Желая, сколько это возможно, придти на помощь русским и москвитянам, он, папа, в Вильне, главном городе Литовской провинции. учреждает коллегию, или семинарию по образцу других папских коллегий—семинарий, существующих в Чехии, Польше, Германии и Трансильвании. В этой семинарии «русские» и московские юноши будут изучать истины римско-католической религии (fidem ipsam catholicam), христианское учение (doctrinam christianam) и добрые науки (ac bonas litteras), а также будут обучаться добрым нравам и дисциплинам. Указывая затем на выдающиеся заслуги иезуитского ордена в деле утверждения юношества в благочестии и добрых нравах и распространения католичества, папа поручает открываемую им семинарию попечению и управлению ректора виленской иезуитской коллегии, который или сам лично должен был ведать ею, или мог поручить надзор за нею какому-либо иезуиту. Папа предоставил новоучрежденной семинарии все привилегии льготы, права и полномочия, дарованные всем папским семинариям подобного типа. Таким образом виленская папская семинария была совершенно уровнена с прочими.

На содержание новой семинарии папа назначил ежегодную (в продолжение пятнадцати лет) сумму в размере 1200 скути золотом, [2]) свободную от всяких налогов и обязательств, сверх всяких других денежных доходов, которые откуда-нибудь могли бы поступать на эту семинарию. [3])

---

[1]) Supplementum ad Historica Russiae Monumenta № 30, p. Здесь дата письма указана днем раньше (13 января), чем следует (14 января) Сборн. Россия и Италия, т. II, выпуск I, стр 212.

[2]) Скути равнялось приблизительно полурублю.

[3]) Рукописный сборн. Виленской Публ. Библ. Б. 53. 37. На первой странице этого сборника помещены «Bulla erectionis Seminarii Wilnae pro Ruthenis» (копия 1741 г.) В этом сборнике находятся и другие документы, относящиеся к истории этой же папской семинарии, особенно касающиеся внутренней жизни этого учреждения.

В Риме виленской папской семинарии уделяли много внимания и возлагали на нее большие надежды. Осенью того же 1582 года Антоний Поссевин работал в Риме над составлением проекта диплома на семинарию. Результатом этой работы Поссевина явились его: Rationes seminarii pontificii Wilnae instituendi. В этих «Rationes» Поссевин провел те же взгляды на задачи и цель папской семинарии в Вильне, которые он высказал в своем первом проекте этой семинарии (1581 г).

Виленская семинария, по мысли Поссевина, на первых порах должна была быть не столько самостоятельным учебно-воспитательным заведением, сколько испытательным учреждением для бедных учеников из русских областей Польши и Московии (domus adprobanda Ruthenorum et Moscorum) для определения их способностей. Выдержавшие искус могли надеяться, что они не будут оставлены милостями св. отца (папы). Стол для учащихся должен быть казенным, но одеваться они обязаны были на свои средства. Только наиболее бедные, но даровитые юноши могли получать некоторое пособие.

Лица, коим папою поручено будет попечение о новооткрытой семинарии, должны соблюдать экономию при покупке даже самых необходимых вещей, избегать долгов, стараться покупать все возможно дешевле, чтобы в случае задержки в высылке положенной суммы из Рима, ученики не были вынуждены прерывать свои занятия. Возможно, говорит Поссевин, что и папа умрет, а тогда своевременная высылка денег, пожалуй, особенно затормозится.

Папа, по словам «Rationes», учреждает все подобные семинарии с целью распространения католической веры среди еретиков и схизматиков, которые обычно уклоняются от посещения католических (иезуитских) школ; посему принимать в виленскую папскую семинарию надлежит преимущественно юношей из среды еретиков и схизматиков. В исключительных случаях разрешалось принимать туда и юношей р.-католического вероисповедания, но только тогда, когда они будут подавать большие надежды.

Чем более взрослыми будут поступать ученики в семинарию, тем лучше это будет для дела.

При раздаче казенных стипендий в семинарии рекомендовалось соблюдать величайшую осторожность. Лица, сомнительные в том или другом отношении, в течение трех месяцев должны были содержаться в семинарии на собственные средства. В это время начальство внимательно должно было присматриваться к способностям и нраву учащихся. Только юноши, бежавшие в семинарию от своих родителей—еретиков или схизматиков, могли расчитывать на казенное содержание после некоторого предварительного испытания. Однако, если бы в течение шести недель они не удовлетворили правилам и требованиям устава, то должны были оставить семинарию.

Лиц, заметно расположенных к принятию священного сана и отличающихся способностями, «Rationes» разрешают, в случае надобности, снабжать и одеждой под условием возвращения семинарии издержек, если впоследствии эти воспитанники оставят свое первоначальное намерение и пойдут по другому пути. Такие казеннокоштные клирики должны одеваться прилично, но скромно; одежду они должны носить не схожую с одеянием клириков виленского епископа, так как предназначение тех и других не одинаково.

Во время составления Поссевином положений относительно новой семинарии еще не было выяснено, где эта семинария будет помещаться; посему Поссевин рекомендует временно содержать воспитанников или в епископских бурсах, или в каком либо другом месте, пока все не выяснится и не наладится, как следует.

Могло случиться так, что в семинарии оказались бы юноши добрых личных душевных качеств, но не способные к наукам. Таких юношей Поссевин рекомендует, в целях предохранения от нового впадения их в ересь, помещать в какие-либо мастерские, пристраивать к домам католиков дворян или более видных представителей духовенства. Хозяева этих мастерских на праздники должны были бы отпускать их в семинарию для наставления в делах веры, а также для месячной исповеди.

При поступлении в семинарию, согласно «Rationes», каждый юноша в особой книге должен был сделать заявление о том, что он вступает в семинарию по своему желанию, с целью защиты веры всеми способами и средствами, что веру он исповедует согласно булле папы Пия IV, что не отступит от нея ни на волос, в противном случае заранее обязуется вернуть семинарии сделаные на него затраты. Если поступающий в семинарию малолетен, то эту подписку дает за него тот, кто приведет его в семинарию, или, в крайнем случае, разрешалось подождать. пока поступивший не придет в возраст и сознательно даст требуемое обязательство.

Провинциал может посылать воспитанников из виленской папской семинарии в другие такие же семинарии, напр. в брунсбергскую или трансильванскую. К этому могут побуждать разные соображения или обстоятельства,—если напр., будет основание опасаться дурного влияния на воспитанника близости его родни, или будет найдено полезным обучение его в низших классах (существовавших при брунсбергской или трансильванской коллегии), или же будет признано желательным или необходимым ознакомить воспитанника с языком и обычаем других народностей. И наоборот, окончившие низшие классы (humaniora) в брунсбергской и трансильванской семинариях для дальнейшего прохождения курса могут посылаться в виленскую папскую семинарию. Расходы на переезд воспитаников оплачиваются из семинарских сумм.

Наиболее зрелые умом и возрастом воспитанники должны, согласно «Rationes», привлекаться к участию в управлении семинарией,—что даст им некоторый административный опыт, когда они сами будут заведывать церквами, коллегиями или школами. [1])

Окончательная редакция «Rationes» Поссевина падает на первые числа декабря 1582 года. Таким образом, в 1582 году семинария в Вильне еще не была открыта[2]); не определилось еще и место, где она должна была находиться. Только в 1583 году, 6 февраля, будучи в Кракове (вторично отправленный из Рима в Польшу еще в начале декабря 1582 года, после составления известных нам «Rationes») Антоний Поссевин писал, что семинарии папские в Трансильвании, Прусии и Литве «открываются» (instituuntur). [3])

Взгляды исследователей относительно времени открытия виленской папской семинарии не совпадают. Некоторые из них по данному вопросу высказываются кратко и неопределенно [4]); другие все дело сводят к одному лишь совету Поссевина открыть для русского юношества семинарию в Вильне [5]). Митрополит Макарий полагает, что виленская папская семинария была основана папою Григорием XIII в 1582 году, но просуществовала она не долго, потому что преемники его (папа Григорий XIII умер в 1585 году) перестали высылать на содержание ее ту сумму денег, которую назначил и высылал папа—фундатор [6]). Подобного

---

[1]) Сборник «Россия и Италия», т. I, выпуск 2, стр. 177-183.

[2]) Следовательно, замечание Litterae annuae S. I. (1582, p. 256) о том, что Поссеевин открыл папскую семинарию в Вильне до своего возвращения в Рим (в сентябре 1582 года) не соответствует действительности. Будучи в декабре 1582 г. в Варшаве и пред'явив королю Баторию папскую буллу на открытие симинарии в Вильне (очевидно, известную нам буллу от 5 февраля 1582 г.) и деньги, отпущенные на эту семинарию папою, Поссевин советовался с польским провинциалом относительно способов открытия ее (Perling, Bathory et Possewino, N N 65 i 72 ср. Wilewicki, Scriptores rerum polonicarum, УII, 26, 28, 39.)

[3]) Perling. Bathory et Possewino, N 65 i 72.

[4]) Rostowski: желание папы Григория XIII основать в Вильне семинарию для русских юношей осуществил (perfecit) Антоний (Поссевин). Lituanicarum Soc Jesu, Historiarum prowincialium, pars I, Vilnae, p. 113.

[5]) Крашевский, напр. говорит, что Поссевин между другими своими проэктами, направленными к соединению церквей, советовал королю Стефану позволить иезуитам основать в Вильне школу для обучения в ней детей греческой религии на основах католичества. Но проэкты Поссевина не осуществились, и он, подготовивши смуту (przygotowawszy rozruchy) уехал (Wilno od początków jego roku 1750, t, I, p 301.) В другом месте тот же автор говорит, что Поссевин исходатайствовал при посредстве кардинала Гозия иезуитам право учреждать школы для обращения в католичество детей иных вероисповеданий, и особенно русских. На это была назначена денежная сумма, и дело было доверено иезуитам (ibid, t II, p. 422.

[6]) История русской церкви, т. IX, стр. 407—408 Митр. Макарий в данном случае ссылается на Ростовского (цит. соз. стр. 113-157), Ярошевича. (Obraz Litwy, t. III,p. 87) Поссевин. Suppementum ad Hist.Russiae Monum p. 35-39; 70; 402-403 и некот. др. авторов.

же взгляда держался и иезуит Велевицкий. [1]) Некоторые исследователи брестской церковной унии относят открытие виленской папской семинарии к самому концу ХУІ столетия, ко времени уже после смерти папы Григория XIII. [2])

Как же в действительности обстояло дело с открытием папской семинарии в Вильне? В Риме предполагалось открыть семинарию в следующем за изданием папской буллы году, т. е. в 1583 году.[3]) Посему Поссевин в декабре 1582 года, будучи в Кракове, мог говорить, что папские семинарии в Трансильвании, Пруссии и Литве «открываются» (instituuntur).[4]) Есть, впрочем, и прямое указание на то, что виленская папская семинария была открыта в 1583 году, В докладе прокуратора польской иезуитской провинции иезуита Павла Боксы генералу иезуитского ордена Клавдию Аквавиве о ревизии виленской папской семинарии в 1601 году говорится, между прочим, что эта семинария при незначительном количестве учащихся начала функционировать (aliqua tenua initia habuerit) в 1583 году, но полный комплект учащихся (plene inchoatum fuit) был набран Поссевиным в 1585 году, 10 июля; в это время семинария была передана в руки иезуитского ордена.[5])

Таким образом мы видим, что в открытой в 1583 году виленской папской семинарии правильные занятия не начались сразу, а отодвинулись на более позднее время, именно на 1585 год.[6])

[1]) Велевицкий в своих Scriptores rerum polonicarum (VII, 80) говорит о папе Григории XIII по поводу его смерти, что он (Григорий) воздвиг (excitawit) несколько семинарий; между этими семинариями упоминается и виленская.

[2]) Протоиерей Янковский П. годом открытия виленской папской семинарии считает 1595 г. (Литовские Епарх. Вед. 1863 г. № 6). Этого взгляда держатся и проф. Н. И. Петров (труды Киевской дух. акад. 1870, II, 469 стр.)

[3]) На книге ,которая должна была находиться при семинарии, согласно проэкту Поссевина, и в которой должна быть изложена история учреждения виленской папской семинарии, по указанию „Rationes" вытесняется следующая надпись: „Seminarium Vilnense Pontif. Gregorii XIII, pont max Anno 1583". Копия этой книги должна быть выслана в Рим, „чтобы поддерживать интерес папы к виленской семинарии" (Сборник Россия и Италия, т. I, вып. 2, стр. 183.)

[4]) Perling, цит. соч. № № 65 и 72.

[5]) Сборн. Россия и Италия, т. I, вып. 2, стр. 186.

[6]) Сохранилось письмо провинциала иезуитского ордена П. Кампана к польскому королю от 3 апр. 1584 года из Ярославля (в Галиции). Извещая короля о результатах своей поездки в Трансильванию, Кампан пишет: в настоящее время я провел с собою из Трансильвании восемь учащихся юношей (просивших меня об этом,; четырех из них я посылаю в виленскую семинарию или для начала там занятий, или для увеличения числа учащихся (quatuor ad Seminarium Vilnense vel inchoandum vel augendum mitto), остальные четверо были посланы в Брунсберг" Отсюда видно, что в 1584 году Кампан не знал достоверно: начались ли занятия в виленской папской семинарии, или таковые только предполагается открыть, когда найдется достаточное количество учащихск („Россия и Италия", цит. сборник, т. II, вып. I, стр. 88).

Главною причиною этого, без сомнения, было то, что не сразу нашлось достаточное количество желающих учиться в ней, и апостолу унии Поссевину, очевидно, стоило большого труда подобрать достаточный комплект учащихся; это Поссевину удалось сделать лишь в 1585 году. С достоверностью можно сказать, что правильные занятия в виленской папской семинарии начались не позже 1585 года, так как с этого года сюда стали поступать в алюмны литовцы, русские, шведы, востафальцы и др. В числе поступивших в 1585 году алюмнов упоминается некто Иаков Лаврентиев, который впоследствии в сане священника был послан в пределы Московии. Повидимому, это был один из пленных москвитян[1]). В 1586—1587 годах виленская папская семинария во всяком случае уже пользовалась известностью, так что в Вильну приехал для образования в папской семинарии один любекский юноша.[2])

Но все же несомненно и то, что виленская папская семинария скоро пришла в упадок, и этот период упадка ее наступает вскоре же после смерти папы Григория XIII, т. е. после 1585 года. Вполне вероятно, что причина этого упадка кроется в недостатке материальных средств, так как после смерти папы—фундатора произошла задержка в высылке назначенной на семинарию денежной суммы. В свое время мы упоминали, что возможность этого печального явления предвидел в 1582 г. Поссевин, когда советовал будущей администрации виленской семинарии соблюдать экономию. Но можно думать, что юная семинария не встретила сочувствия и доверия среди русского населения, на которое она была главным образом расчитана, и что не всегда находились желающие учиться в ней [3]).

В 1600 году папская виленская семинария упала окончательно, так что этот факт стал серьезно беспокоить апостольскую столицу. Папа Климент VIII, при котором произошла западно-русская церковная уния (1596 г.), в письме к виленскому епископу Бенедикту Войне от 9 сентября 1600 года настойчиво убеждает его, во имя блага унии, всеми мерами позаботиться об учреждении в Вильне коллегии для русских. Недостатка в средствах для этого, по мысли папы, не должно быть, так как их накопилось достаточно при виленской кафедре в течение нескольких вакантных лет. В своих действиях епископ Бенедикт Война должен был руководиться распоряжениями и декретами Александра

---

[1]) Ibidem, т. I, вып. 2, стр. 183-191.

[2]) Litterae annuae S. I. 1586—1587 г. p. 138—140.

[3]) С 1587 по 1590 год в виленской папской семинарии обучались богословии, философии, и даже гуманитарным наукам с большою пользою для той страны 24 юноши из Швеции, Германии, Англии, России и Литвы В это время означенная семинария находилась в попечении и административной зависимости (sub cura et disciplina) от виленской иезуитской коллегии (Сборн. „Россия и Италия“, т. II, вып. 1, стр. 161--163).

Комулея, который несколько лет пред тем ревизовал виленскую епархию [1]).

Епископ Война понимал важность возложенной на него папою миссии и удачно выполнил ее. Обращение его к виленской капитуле от 11 декабря 1600 года с предложением учреждения семинарии или школы для детей униатов встретило сочувствие, и детище папы Григория XIII, вскормленное Поссевиным, в начале XVII в. было передано униатам, как живой памятник униатских идей в прежние годы [2]).

Во внутренней своей жизни,—как учебной, так и воспитательной, виленская папская семинария близко подходила к другим папским семинариям, поскольку у всех их была одна и та же цель, одинаковые задачи и учебно-дисциплинарные средства [3]).

Но, несомненно, идеальным типом, к которому должна была приближаться виленская папская семинария, была афанасьевская коллегия в Риме.

Частная, как учебная, так и воспитательная жизнь виленской папской семинарии определялась правилами, изданными для нее самим основателем ее папою Григорием XIII, вскоре же после буллы 5 февраля 1582 года.—Начальствующие в семинарии, говорится в этих правилах, прежде всего должны быть людьми благочестивыми, усердными в деле спасения душ и весьма ревностными о славе божественной. С большим разбором они должны принимать в семинарию юношей, а принятых неукоснительно и тщательно утверждать в страхе Божием. Без всякого замедления они должны исключать из семинарии тех, кои не обнаруживают усердия к благочестивой жизни и не особенно склонны к добродетели. Под угрозою суда Божия, говорит папа, мы приказываем, чтобы упомянутые три требования были достоянием сердца начальствующих в семинарии (§ 1). Для испытания поступающих в семинарию алюмнов папа назначает шесть месяцев. Но этот срок не должен стеснять администрации семинарии. Если начальствующие заметят, что поступающие юноши оказываются пригодными «для занятий божественными предметами», они могут до-

---

[1]) Theiner Wetera monumenta, op cit t III, № 207, p. 275.

[2]) Описание рукописей виленской публичной библиотеки. Выпуск I прилож. № 205 стр. 74. Выпись из протоколов виленской капитулы.

[3]) Согласно учредительной булле папы Григория XIII, от 5 февраля, 1582 г. виленская семинария устроилась по образцу других папских семинарий. Павел Бокса, ревизовавший в 1601 году виленскую папскую семинарию, составил правила для воспитанников ее. На подлинном списке этих правил есть две пометки такого рода: «Eadem sunt Brunsbergae» и Leges seminariorum pontificorum Wilnae et Bounsbergae». Из этого видно, что составленные Боксою правила предназначались для двух указанных семинарий, очевидно, что жизнь их текла по одинаковому руслу, созданному рукою Рима. Преимущественное же сходство виленской папской семинарии с брунсбергскою вызывалось, вероятно, их сравнительною близостью и сходным составом учащихся.

пустить их в семинарию и раньше вышеуказанного срока. Но за то юноши, которые не подавали надежды на усовершенствование в благочестии, никоим образом не могли оставаться в семинарии, чтобы один злой алюмн случайно не нарушил доброго преуспеяния многих. Наказывать какими-либо суровыми мерами таких порочных лиц, по мысли папы, не имеет смысла, но лучше всего немедленно удалять их из семинарии (§ 2). Одна наука без благочестия, по мысли папы, недостаточна. Усердие к наукам должно сопровождаться соответствующими подвигами благочестия. Посему алюмны, хотя и преданные наукам, но нерадивые в религиозной жизни и могущие дурно повлиять в нравственном отношении на своих товарищей, должны немедленно исключаться (§ 3). Алюмны семинарии должны находиться под постоянным надзором как со стороны администрации, так и взаимным. Алюмны сами должны были следить друг за другом. Это оказывало большое содействие семинарному начальству, так как устанавливался надзор даже там, куда с большим трудом мог проникнуть взор администрации. С целью такого взаимного надзора и контроля правила семинарии запрещают алюмнам выходить из интерната без особого «спутника», назначаемого начальством для каждого отправляющегося в город воспитанника. Выход «без спутника», или устранение последнего за стенами семинарии и совершение чего-либо тайно от «спутника» влекло немедленное исключение виновного из семинарии (§ 4). Решительными и суровыми мерами преследовалось пьянство как в семинарии, так и вне ее (§ 5); точно так же преследовались и другие пороки, напр., безнравственная переписка, раздоры, противление начальству и т. д. Предписывалось немедленно исключать из семинарии тех, кто тайно, без согласия начальства, хранил у себя деньги, кто позволял себе браниться постыдными и обидными словами, производил возмущение или драку и т. д. Таких лиц правила семинарские сравнивают с моровою язвою по их разрушительным действиям (§ 6). Воспитанник семинарии постоянно должен был помнить, что будущее его служение должно проходить в священном сане. Естественно, что степенью пригодности алюмна к принятию священного сана измерялось его личное достоинство. Отсюда понятен тот параграф семинарского устава, согласно которому неспособный к священным должностям или недостойный их ни в коем случае не мог быть допущен к прохождению наук в семинарии (§ 7).

Как будущие служители церкви, алюмны должны были воспитываться в глубоком благоговении к церкви. Посему алюмн, учинивший какой-либо оскорбительный по отношению к церкви проступок, выразивший непочтение к церкви или словом или делом, киванием головы или каким либо двухсмысленным неблагоприличным взглядом, должен был подвергнуться немедленному удалению из семинарии (§ 8). Точно так же правила семинарии предписывают исключать из семинарии тех, кто упорно станет пренебрегать изучением церковных обрядов, уклоняться от испол-

нения церковных обязанностей, посещения церкви и участия в церковном хоре (§ 9).[1])

Как мы можем видеть из этих правил, от воспитанника семинарии требовалась религиозная настроенность и безусловное послушание начальству. В течение шести месяцев поступающего тщательно испытывали, и только удовлетворяющий всем требованиям мог рассчитывать на зачисление в алюмны семинарии. Во время своего пребывания в семинарии алюмн должен был всегда и во всем обнаруживать благочестие и покорность начальству. Даже незначительное уклонение от этих качеств (нескромный взгляд или кивок головы) влекли за собою исключение виновного из семинарии. Само собою понятно, что в такой атмосфере формировались верные сыны Рима по духу, хотя по имени и формально они могли числиться и православными и протестантами. Нельзя обойти молчанием одного пункта приведенных правил виленской папской семинарии. Алюмны по окончании курса должны были принимать священный сан. Рим прекрасно понимал, что воспитанные в духе латинства русские священники будут лучшими проводниками на Руси и католичества и латинской культуры. С другой стороны, это показывает вполне определенно и характер созданного в Вильне папою Григорием XIII учебно-воспитательного учреждения. Добавим, что для возбуждения и укрепления среди учащихся добрых навыков при семинарии было учреждено братство по образцу иезуитских школ [2]).

На первых порах в виленскую папскую семинарию поступали светские юноши с обязательством по окончании курса принять священный сан; но после брестской унии, уже в начале XVII столетия, сюда могли поступать для образования и молодые монахи-униаты [3]).

С такими широкими заданиями была создана виленская папская семинария, имевшая крупное значение в истории западно-русского школьного просвещения в XVII и XVIII в.в. Впоследствии мы неоднократно будем касаться этого рассадника римской науки в западно-русском крае. Добавим, что как внешняя организация ее, так и школьная дисциплина были строго и точно рассчитаны на осуществление той важной миссии, какую она, по мысли папы Григория XIII, должна была нести в русском крае и среди русского населения [4]).

---

[1]) Цитирован. рукописный сборник виленской публичной библиотеки Б. 53. 37. (Excerpta ex Bulla Gregorii XIII в 9-ти пунктах, копия 1741 г.).

[2]) Litterae annuae J. I. 1609 стр. 442.

[3]) Theiner (Die neuesten Zustände der katholischen Kirche Ausburg 1841, Dokumente N IX, s. 49—51) полагает, что виленская папская семинария была рассчитана на 4 монашествующих лиц и 16 из белого духовенства.

[4]) Недаром в апреле 1582 г. в письме к папе Григорию, Король Стефан Боторий с торжеством заявлял, что новооткрываемая семинария в Вильне будет весьма полезна для королевства, для Московии и для всей схизматической Руси (Theiner Annales ecclesiastici, III, № 28 1582 г.).

II. Западно-русские униатские школы от начала церковной унии до учреждения базилианского ордена (1596—1617 г.).

ГЛАВА I.

Таким образом, хотя церковная уния в западной Руси стала историческим фактом лишь в самом конце XVI века и благодаря отчасти случайному стечению обстоятельств, однако, церковно-политические горизонты там не были чистыми и до 1596 г. Стрелка барометра предвещала бурю, и чуткий слух тех, коим дороги были интересы православной веры, в нежной папской заботе о православных западно-руссах и в иезуитских проектах просвещения мог улавливать шорох крадущегося вора. Чем ловушка незаметнее, тем она коварнее. Хотя искусно замаскированные проекты Рима не всегда выдавали тотчас свою подлинную цель, однако, зловещие раскаты грома указывали на близость грозы.

Заботы Рима о привлечении православных западно-руссов в ограду костела, с одной стороны, с другой—желание польского правительства изолировать своих православных подданных от тяготения к Москве, как религиозному центру, и создать религиозное единство в польско-литовском государстве [1],—все это, подогреваемое незримыми интригами иезуитов,—совпало с униональными замыслами некоторых из православных западно-русских епископов, искавших в унии личных для себя выгод (получение сенаторского звания). В печальном для православной церкви результате этой религиозной и политической интриги и явилась брестская церковная уния, повлекшая за собою двухвековую бесцельную борьбу в семье одного и того же западно-русского народа, наделавшая столько бед православной части населения на западной окраине России и превратившая в руках иезуитов в простую игрушку не одну даровитую и просвещенную личность. [2]

---

[1] Напр., Стефану Баторию было известно, что во время войн его с Московским государством (1578—1582 г.г.) православное население русских земель, принадлежавших тогда Польше, молилось о даровании побед Московскому государству, как единоверному с ним Suplementum ad Historica Russiae Monumenta, (№ II, стр. 2).

[2] Вот какой безотрадный, но глубоко честный отзыв об унии дает один, беспристрастный польский писатель. Городская власть не думала об урегулировании и примирении партий, но только о помощи иезуитам и униатам, производящим совращения и мятеж. Отнимались у греков (православных) церкви, подвергались нападениям соборы и типографии. Молодежь католическая, воспитанная иезуитами, преследовала иноверцев, по улицам и домам, непрестанно происходили схватки и кровавые диспуты. Вся литература того времени посвящена религиозной полемике, не столько догматического, сколько пасквильного характера, и была полна аргументами ad hominem. Исторические дан-

Униженное коленопреклонение пред папою Климентом VIII Поцея и Терлецкого было неожиданным и приятным событием для Рима. Папа, конечно, ожидал унии; иначе римская пропаганда не стала бы создавать школьную науку в униально-католическом духе и тратить на нее большие средства, но во всяком случае, эта ожидаемая уния отодвигалась на более или менее отдаленное будущее.

Из сказанного видно, что вызванная политическими соображениями польско-литовского правительства и личными рассчетами некоторых западно-русских епископов Брестская церковная уния нашла униатские школы уже существующими. Но хотя униатское образование было старее самой унии и не обусловливало ее возникновения, однако, в дальнейшей истории западно-русской униатской церкви эти первоначальные униатские школы имели большое значение, выполняли и старались выполнить планы дальновидных своих основателей. Уже с самого начала исторического существования церковной западно-русской унии на нее слагается неодинаковый взгляд: а) со стороны православных и б) униатов. Около 1600—1605 года вышло в свет характерное историко-политическое исследование о начале и распространении унии в Литве и Западной России и о действиях ее поборников, в предостережение православных («Перестрога»). Автор сильно скорбит о ненормальном положении вещей в Западной Руси, печалится по поводу введения унии и унижения православия и пытается выяснить причину унии. Во всем он винит недостаток у православных просвещения. Много повредило панству русскому, говорит он далее, то, что они (т. е. паны) «не могли школ и наук посполитых розширяти, и оных не фундовано: бо коли бы науку мели, тогды бы за неведомостью своею не пришли до таковые погибели». Были великие ревнители между князьями, которые, с великими издержками церквей и монастырей намуровали и маетностями их снабдили, золотом и серебром украсили, но, что было всего потребнее, школ постоянных не фундовали. Польские школы сделали свое дело. Вместе с наукою, дети русских и «веры их (латынян) навыкли», так что как бы никогда «не знался быти потомками благочестивых прародителей своих». Настали, продолжает наш автор, и нерадивые епископы; порядки церковные пришли в упадок, книги покрылись пылью [1]).

Отсюда следует, по мысли автора этого сочинения, что уния —естественное возмездие для западно-руссов за нерадение их о

ные в доказательство того или другого положения приводились в искаженном виде. Ужас охватывает, когда случается читать это, и жаль становится не одной сильной личности и незаурядных талантов, которые в этой борьбе потратили свои силы, стоющие более лучшего применения. S. I. Kraszewskiego—Wilno od początkow jego do roku 1750. t. I, p 321.

[1]) Акты Западной России т. IV, № 149.

просвещении как церковного клира, так и дворянства в прежнее, до-униатское время. Правильно организованные латинские школы и коллегии вместе со школьною наукою внедряли в сознание учащихся и латинские идеи, и печальные результаты этого не замедлили сказаться. Действительно, на церковную унию православные и смотрели, как на результат религиозного и книжного невежества, господствовавшего почти во всех классах Западно-русского общества XVI в. [1]) Впрочем, должно оговориться. Православные школы в западной Руси в период, предшествовавший унии, существовали, хотя и в ограниченном количестве. Делались энергичные попытки поднять просвещение как со стороны западно-русских братств, так и отдельных ревнителей православия и православной науки. Только православные просветительные средства оказались значительно ниже и беднее тех, которыми владели враги православия—латиняне, посему они и не смогли предотвратить угрожавшей православной западно-русской церкви опасности, происходившей, впрочем, далеко не вследствие одного лишь торжества римской науки [2]).

В то время, когда некоторые православные в совершившейся унии видели справедливую кару Божию за прежнее нерадение о православной науке, и стали заботиться о поднятии этой науки путем учреждения новых школ, чтобы таким образом бороться с унией, униаты были исполнены самых лучших надежд и видели в унии источник всех благ для западно-русской церкви. До нас дошло послание Владимира-Волынского и Брестского епископа Ипатия Поцея к князю Константину Острожскому с убеждением его к принятию унии. В нем недавний изменник православию яростно упрекает в невежестве греческую церковь его времени. Пессимистически смотрит он и на ее будущее. Чем дальше, тем хуже в ней дела, тем больше в ней грубости, невежества и грубых пороков. И не думают греки об исправлении, скорбит Поцей. «О науках в письме светом и в иных свецких письмах ку оздобе и цвиченью людскому, где первей цвет самый был, того вже, а ни пытай; учителей, казнодеев добрых межи ними и з свечкою не найдешь, и овшем, казанья за ересь папежскую себе почытают, покрываючи свою неуметность и грубиянство». Яростно обрушивается Поцей на греческую иерархию, которую он считает виновником всех зол, неодобрительно отзывается о шляхетстве, критикует монашество. Вообще же греков Поцей ха-

---

[1]) В конце XVI и начале XVII в. заметно оживляется школьно-просветительное дело в западно-русской православной церкви, появляются люди „в письме учоные", лица, как духовные, так и светские „для науки школьной до проповеди слова Божого, до науки детей и т. д." (Акты Зап. Рос. IV, № 19); встречается множество книг не только на славянском и греческом языках, но и на польском и на латинском (см.. напр. у Голубева—Петр Могима № 21, каталог книг львовской братской библиотеки)

[2]) Харлампович. Op. cit. стр. 479.

рактеризует, как народ «гнюсный», взьгаржоный, а в сцызме праве заматерелый». Если таковы учителя в вере, но не лучше их оказываются и ученики. Действительно, о русском народе Поцей отзывается крайне пессимистично: «хто-ж не ведает, яко великое грубиянство, упор и забобоны суть в народе московском».

Где же искать выхода из такого тяжелого положения? По мысли Поцея, ответ может быть только один. «Как для греков, так и для русских,—спасение в единстве с Римскою церковью, которая владеет полнотою просветительных средств и не в меру подает дары премудрости и разума всем, кто с сыновнею почтительностью прибегает к ее материнской помощи [1]). Можно было, следовательно, думать, что для западной Руси, с введением унии, настанет период расцвета науки, и западно-русская церковь, дотоле пребывавшая «во стране и сени смертной», ставшая униатскою, получит от Рима в изобилии все источники религиозного и вообще научного ведения. Но так было в теории.

Уния, как известное церковное общество, начавшее свое самостоятельное историческое бытие в Западной Руси со времени брестского собора 1596 года, естественно, должна была заботиться и о выработке определенных форм своей жизни внешней и внутренней—как церковной, так и общественной. Без сомнения, униатская церковь отличала себя от церкви римско-католической, поскольку она все же была проникнута духом и традициями Востока; но не смешивала себя она и с православными—«дизунитами», так как последние в глазах ее были схизматикмми, почитавшими для себя безумием то, что приняли, как догмат, униаты, —т. е. приматство римского первосвященника. Таким образом, униаты. насколько чувствовали себя чуждыми духу римского католицизма, настолько должны были порвать связь и с восточным православием. Униаты почувствовали свою обособленность очень скоро после введения унии, когда, с одной стороны, на них обрушилась православная устная и письменная полемика, а с другой, иезуиты стали далеко не двусмысленно заявлять о превосходстве латинского обряда пред восточным. Здесь сказалась вся трагедия унии. Несомненно, ненавистная для православных, как поругание отечественного восточного православия и знамя страшных притеснений и страданий, уния не была любима также истыми католиками-латинянами, поскольку печать схизмы, хотя и внешним образом, лежала на униатах. Как искусно замаскированная подставная полумера, уже по самому существу своему обреченная на временное лишь существование, уния переживала жалкую, превратную и полную тяжких духовных страданий судьбу в течение целых $2^1/_2$ веков. Она должна была вести борьбу и с православием, как с душепагубной схизмою, но в то же время отстаивала свою самобытность и от латинства. Между тем, с этим последним про-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. России т. I, стр. 280—289.

тивником, который в течение продолжительного времени медленно пожирал ее, западно-русская униатская церковь по своей идее должна была находиться как во внутреннем догматическом единстве, так и во внешней иерархической зависимости. Униаты, обособляясь от чистого латинства в особое, самостоятельное церковное общество, конечно, не замечали, что они становились в противоречие с основною идеею унии. Уния—единение, а единение, чем полнее, тем совершеннее. Посему униатская церковь в конце концов должна была ассимилироваться с римским костелом.

Прежде всего, униаты почувствовали нужду в собственном, униатском просвещении и в своих школах. Они видели, что необходимо было на научной основе создать апологию унии, разрабатывать униатскую богословскую науку; далее, нужно было озаботиться о надлежащей подготовке униатского духовенства, а для этого, следовательно, учредить специальные униатские школы. Наконец, необходимо было думать и об устройстве школы для шляхетского юношества униатского исповедания по примеру школ православных и католических. Но в области научного просвещения униаты очутились в полном смысле слова между Сциллой и Харибдой. Православные школы, как схизматические, уже принципиально не могли привлекать к себе изменников православия; к тому же в них последние, как ренегаты, могли на каждом шагу встречать тайные и явные укоры совести. Но и латинские школы, по крайней мере, на первых порах исторического существ вания унии не в состоянии были удовлетворить всем жизненным запросам юной униатской церкви. Во-первых, потому, что униаты были русскими по национальности; богослужение у них совершалось на церковно-славянском языке; не успели еще истребить творцы унии и восточные церковные обряды, традиции, предания русской глубокой старины и русские обычаи. Во-вторых, латинские школы были недостаточны еще потому, что, несмотря на унию с Римом, для западно-русских униатов все же оставался еще дорогим и греческий язык, как подлинный язык новозаветного св. писания и восточной святоотеческой литературы, искони любимого чтения и западно-русского народа. В латинских же школах, существовавших тогда в западной Руси, русский и церковно-славянский языки не всегда входили в учебную программу; а греческий язык занимал второстепенное место, при господствующем положении языка латинского [1]). Отсюда, вполне естественно, в униатской церкви возникала ощутительная потребность в устройстве собственных школ, которые скорее и больше, чем латинские, удовлетворяли бы религиозным и церковным потребностям униатов - западно-руссов.

---

[1]) Только в некоторых католических латинских коллегиях, напр., в Луцкой, в целях привлечения сюда русского юношества, повидимому хорошо преподавался греческий язык. Там же, в Луцке, преподавался и славянский язык. Харлампович, op. cit. 74—76.

В числе условий («артикул») соединения церквей, которые были подписаны 1-го июня 1595 года сторонникам унии: митроп. Рагозою и тремя западно-русскими епископами (владимирским, луцким и пинским), была поставлена свободадля униатов в учреждении собственных типографий, школ и семинарий греческого и церковно славянского языков. «Да позволено будет нам, говорится в одном из пунктов этих артикулов, иметь семинарии и школы греческого и славянского языка, также типографии для печатания книг, под надзором митрополита и епископов, без позволения которых ничего не должно быть издаваемо». [1]). Такое справедливое желание западно-русских иерархов встретило сочувствие и поддержку в королевской власти. Король Сигизмунд III 2-го августа 1595 года особым «листом» обещает, в случае унии, охранять права церкви греческого обряда, находящейся в единстве с Римом, запрещает монастыри и церкви греческого обряда обращать в костелы и оставляет в прежней силе братства со всеми их полномочиями и правами. Вместе с сим, король обещает униатам право «закладанья школ и семинарий греческого и словенского языка», сооружение своих типографий («друкарни свои мети») под надзором своих митрополитов и владык, с тем только условием, чтобы там не печаталось ничего противного римскому (повшехному) костелу [2]).

Можно было ожидать, что западно-русская униатская церковь, с первых времен существования унии, будет иметь свои школы хотя бы в больших городах и местечках, тем более, что сама уния на оффициальном языке ее творцов и инциаторов своею задачею ставила вывести западно-русский народ из мрака невежества и церковных настроений, происходивших от отсутствия религиозного просвещения. Однако, в действительности, как мы увидим ниже, этого не было. Почему в таком печальном положении находилось в униатской церкви просветительное дело на первых порах ее существования,—думается, ответить не трудно. Последние годы XVI и начало XVII веков были начальным периодом

[1]) Theiner Wetera monumenta, op. cif III. № 185. И еще раньше на брестском соборе 1594 г. (24 июня), который был одною из подготовительных стадий к окончательному введению унии, митр. Михаил Рагоза и епископы Терлецкий и Поцей обнаруживают заботу о поднятии просвещения в западно-русской церкви. В четвертом и пятом пункте грамоты м. Рагозы о постановлениях брестского собора 24 июня 1594 года читаем: две «соборнейшие» школы в Вильне и Львове остаются, новые школы в подрыв этим, учреждать воспрещается. Только при каждой церкви священникам дозволяется иметь небольшие школы для 2—3 детей. Типография Львовская остается, но без благословения архиерейского не может выпускать книг.. Арх. ун. Митроп. кн. II, № 55 по «списанию Рункевича: I том, № 154, сравн. ibid № 168; Акты западной России т. IV, №48».

[2]) Архив Юго-Зап. России ч. I. т. VII, 627—630 стр. Акты Западной России т. IV, № 79. Памятники Полемич. Литер. II. 1144.

исторического бытия западно-русской церковной унии. Это было время, когда не только два вероисповедания, но и две культуры—восточная и западная—стояли одна перед другою, лицом к лицу, чтобы при первом случае начать решительную битву за свое существование. Преждевременным было думать о детальной внутренней организации унии, когда последней еще предстоял роковой вопрос: быть или не быть. И действительно, лишь только была решена в положительном смысле церковная уния с Римом, поднялись горячие протесты против нее. Инициаторы унии должны были выдерживать жестокие столкновения с противниками их унионапьных замыслов, особенно же с белым духовенством, не сочувствовавшим унии. Естественно, что первым делом западно-русской униатской иерархии было введение и укрепление унии среди подчиненного ей церковного клира и упрочение своих колеблющихся кафедр. Борьба с соборным «крылосом» или капитулою, постепенное умаление ее церковно-административного значения, создание крепкого оплота для унии в лице базилианского ордена—вот что занимало умы униатских иерархов до конца первой четверти XVII века. Правда, униаты отнимают у православных вместе с церквами и школы, но это последнее обстоятельство не вытекало исключительно из просветительных стремлений униатов. Православные школы существовали при церквах, следовательно, они должны были разделять участь этих церквей. Во-вторых, захватывая православные школы, униаты тем самым старались обезоружить своего врага, лишая его просветительного средства. Только впоследствии, когда защиту унии приняли на себя базилиане, и когда, следовательно, с внешней стороны положение унии было упрочено базилианским орденом, униатская духовная власть начинает заботиться о правильной организации школьного образования.

На первых порах исторического бытия унии мы видим лишь слабые попытки со стороны светской польской власти и отдельных представителей униатского духовенства создать свою униатскую школьную науку, но и эти попытки носили внешний, чисто механический характер. Отнимались школы у православных, и в них униаты старались упрочить свою науку. Но при наличности школьных зданий, униаты не всегда имели достаточно духовных и материальных средств для того, чтобы заменить своею школою существовавшую раньше школу православную. Прежде всего, у униатов не было преподавательского персонала из среды своих же униатов. И действительно, были случаи, что просветительная деятельность униатов заключалась только в том, что они разрушали православные школы, не создавая взамен их своих. Туманно занималась заря школьного просвещения в западно-русской униатской церкви.... Примером сему может служить история Брестской школы.

Брестская школа.

Брестское училище было основано в г. Бресте [1]) при братстве церкви св. Николая. В 1590 году «бурмистры, райцы и мещане православные берестейские, яко ктиторове и дозорцы вшелякихъ порядков церкви соборной берестейской», обратились к епископу Мелетию Хребтовичу с просьбою дозволить им «мети школу свою вольную мескую посполитую и дьяка албо двух ку науце сынов их власных и инных, хто бы колвек и сторонны який се дети свои до той школы на грунте меском дованной и науку давать хотели для вшелякого порадку и опатрованя церкви божой потребных». [2])

Епископ Мелетий благословил это благочестивое желание и разрешил им в г. Бресте «школу свою русскую грецкие науки при церкви соборной на грунте меском збудовати и дьяка своего албо колко их собе потребовати будут», содержать при этой школе [3]).

Грамота епископа Мелетия была представлена королю Сигизмунду, который своею жалованною грамотою от 11-го октября 1592 года утвердил братство берестейское и позволил ему «для науки детей народу хрестьянского всякого стану... мети школу греческого, латинского, польского и русского языка, и людей ученых в тых школах вольно ховати духовного и светского стану» [4]).

Программа брестской школы, таким образом, была сравнительно широка; в нее входили оба классические языки; кроме русского языка изучался и польский язык, знание которого было, очевидно, принадлежностью каждого образованного западно-русса. Несомненно, в брестской православной школе должны были, по идее ее учредителей, преподаваться и другие науки, если бы нашлись лица, способные преподавать эти науки. Во всяком случае, православное братство позаботилось бы о должной высоте учебной программы своей школы, если бы неблагоприятные исторические обстоятельства не прекратили юную жизнь этого рассадника просвещения.

Со введением унии Брестская школа была отнята униатами у православного братства, и это было санкционировано светскою властью. 26-го июня 1597 года на имя Ипатия Поцея последовала королевская грамота, по которой школа русская Брестская передается ему с тою целью, чтобы в этой школе «лепший по-

---

[1]) Б. Гродненской губернии.

[2]) Арх. Соборн. т. XI, № 6, 8—10 стр.; Акты Западн. Рос. т. IV, № 28 стр. 37

[3]) Ibidem

[4]) Акты Южной и Западной России т. I, № 206; Акты Западной России т. IV, № 28.

рядок и наука быти могла», а для содержания учителей и учащихся, детей несостоятельных родителей, на нужды школы и для поддержания порядку в ней король пожаловал ей села Торокань и Лесну (в воеводстве брестском), раньше принадлежавшие монастырю Жидичинскому, но за то «наука добрая там (в школе) и порядок слушный во всем должен быть». [1]) Все же, несмотря на королевскую грамоту, Брестская школа не была открыта и в 1599 году. По крайней мере 23 августа 1599 года король, утверждая по просьбе Ипатия Поцея за Петром Аркудием село Торокань и освобождая это последнее от всякого рода повинностей, говорил, что «кды коллегиум альбо семинариум для науки людей молодых религеи греческой там заложено будет (за указаньем себе слушного вызованья кроме доходов села Тороканя), повинен будет научати их»[2]).

Этого кандидата в наставники предназначенной к открытию Брестской школы Ипатий Поцей вывез из Рима в Западную Россию действовать на пользу унии. Аркудий и раньше был в пределах Западной России и много трудился для пропаганды католичества, обратив в унию и самого Поцея [3]).

---

[1]) Акты Зап. Рос. т IV. № 122; об этом и в рукоп. Императ. Публ. библ. Польск. F I. № 49 л 60. Informacya o Opactwach Wilenskim, Minskim, Ławryszowskim, Mscislawskim, Pustynskim; o Dobrach Torokaniach.

[2]) Акты З. России, т. IV, № 142; См. также и в цит. рукоп. Имп. Публ. Библ. Польск. F. I, № 49, л. 60 Несмотря на то, что Торокани были отданы Аркудию „do życia jego" королевскою властью, однако, владение это не было прочным. Епископ Львовский Гедеон Балабан, еще в 1597 году получивший титул патриаршего экзарха и, таким образом, ставший во главе всей западно-русской православной церкви, в 1600 году устранил Аркудия из Торокани, как фундации Жидичинского монастыря, до унии находившегося во владении Балабанов, сначала Львовского епископа Гедеона, а с 1589 года его племянника Григория. Но Аркудий, ссылаясь на грамоту короля Сигизмунда III, вызвал Балабана в суд Как долго тянулся процесс, данных не сохранилось. Однако, можно думать, что Аркудий чувствовал себя неспокойно до самой смерти Балабана († 1607 г.) Не этим ли между прочим объясняется то, что Аркудий как то безпечно отнесся к возложенной на него миссии наставника брестской униатской школы.—(Сведения о борьбе за Торокани между Аркудием и Балабаном можно находить у проф. П. Н. Жуковича. Сеймовая борьба, цит. соч. вып. II, стр. 42—43; см. еще статью Малевича „Древняя Жидичинская архимандрия на Волыни"—Волынск. Епарх. Вед. 1901 г. № 10).

[3]) Петр Аркудий, родом грек, уроженец острова Корфу. Возвратившись в 1613 году в Рим, он все остальное время провел на службе в Ватиканской библиотеке. Его ученые труды в защиту унии следующие: 1) Антиррисис (Antirresis) против Апокризиса Христофора Бронского 2) De concordia Ecclesiae Occidentalis*) 3) Opuscula aurea theologica (1629 г.) и нек. др. (см. у Харламповича, цит. соч. стр, 492 и 493).

---

*) A orientalis in septem sacramentorum administratione (написано в 1624 или в 1625 г.)

Однако, можно думать, что педагогическою деятельностью Аркудию не пришлось заниматься в Брестской школе; по крайней мере, нет решительных данных утверждать обратное. Повидиму, роль Аркудия ограничивается положением его, как секретаря при Поцее. В 1601 году 6 августа он присутствует при Поцее и скрепляет архиерейскую присягу священноинока Гедеона Брольницкого, нареченного на полоцкую, витебскую и мстиславскую архиепископию [1]).

Нет ни намека на педагогическую деятельность Аркудия в королевской жалованной грамоте от 4 мая 1601 года, по которой «аж до живота» (до смерти) дается ему Лавришовская архимандрия [2]).

В «листе» короля Сигизмунда III от 3-го марта 1603 года, в котором разрешается Аркудию совершить обмен пинского протопопства на кобринское архимандритство, также ни слова не говорится об учебных занятиях Петра Аркудия [3]). Важно в данном случае и письмо епископа Войны к папе от 1-го марта 1609 года. Аттестуя Аркудия с самой лучшей стороны и называя его весьма полезным человеком для унии, еп. Война ничего не говорит об Аркудии, как педагоге [4]).

Ясное дело, что обучение униатского юношества не входило в число заслуг ученого корцирянина. Аркудий владел Тороканями лишь до 1611 года [5]); после этого времени его в Западной России не оказывается, и в 1612 году, 16 июня, Поцей отдает Лавришевский монастырь, как вакантный, «на выхованье» Иосифу Вельямину—Рутскому [6]).

С полным правом можно заключать, что униатской школе в первом периоде унии в г. Бресте не было в действительности, а она только проектировалась. В жалованной подтвердительной грамоте короля Владислава IУ униатскому Троицкому Виленскому монастырю от 15 марта 1633 года, на тороканскую волость приводятся грамоты Сигизмунда III-го от 20-го декабря 1613 года и другая от 2-го сентября 1621 года—тому же Троицкому мона-

---

[1]) Описание документов архива з. русских униатских митрополитов т. I № 248 Присутствующий при этом Аркудий называется пресвитером греческим, философии и богословия доктором.

[2]) Акты Зап. Рос. т. IV, № 155. Лавришовский монастырь (близь Новогрудка, Минск. губ.), основанный в 1226 году Елисеем сыном литовского князя Тройната. (Акты Южн. и Западн. России т. I, № 7), стал униатским в первые же времена унии. Очень рано, как мы видим, Лавришовский монастырь стал архимандрией.

[3]) Акты Южн. и Западн. Рос. т. II, № 13.

[4]) Theiner wetera monumenta, III, № 245.

[5]) Цит. рукоп. Имп. Публ. Библ. Польск. F, I, № 49 лист 60.

[6]) Описание документов архива з. русских униатских митрополитов I, № 334; Акты запад. Рос. т. IV, № 185.

стырю на тороканский фундуш, где сказано, что Ипатий Поцей «упросил был у нас Тороканы на школу Берестейскую, которое то школы не заложивши с сего света зшол, а за его смертью тая школа в Берестьи фундована быти не могла» [1]). Преемник Поцея Иосиф Вельямин Рутский все свои силы и заботы направлял к устроению и образованию униатского монашества, в котором он видел залог могущества и славы униатской церкви; поэтому к судьбе Брестской школы он отнесся индифферентно, и мы не видим, чтобы Рутский предпринимал какие-либо попытки к открытию этой школы.

Тиким образом первые шаги униатов в области школьного просвещения ознаменовались лишь тем, что они уничтожили уже существовавшую школу. Отнявши ее у православных, униатские духовные власти не смогли (да и не хотели) воспользоваться ею для униатского просвещения [2]).

---

[1]) Акты зап. Рос. т. V, № 6.

[2]) Стебельский полагает, что брестская униатская школа предназначалась для священнических сирот. (Dwa wielkie swiatla—Opisanie awtorow znaczniejszych y ich xsiąg... Arkudiusz Piotr). Тоже говорил и А. Сосновский (записка „о средствах умножения в греко-униатском духовенстве просвещения) АВАК т. XVI, № 233 и примеч. 57 (на стр. 541—542). Правда, есть некоторые намеки на то, что Брестская школа, захваченная униатами, повидимому, функционировала в качестве униатской школы или семинарии для белого духовенства, В об'яснениях Брестского униатского капитула на вопросные пункты митр. Булгака говорится между прочим, что „добра Тороканские“, отданные королевскими привиллегиями на семинарию для светского (белого) униатского духовенства, находились в заведывании Аркудия, посланного (в З. Россию) из Рима для учреждения семинарии. После возвращения его (Аркудия) в Рим базилиане и семинарию и имение это (Торокани) под свое управление захватили, и ныне, вместо белого духовенства, там учатся молодые люди монашеского звания“ (А.В.А.К. т. XVI, № 231, стр. 490). После приведенных нами точных исторических свидетельств и соображений о том, что отнятая униатами братская Брестская школа не была открыта и не функционировала, трудно допустить обратное. Мысль в приведенных словах брестского капитула, очевидно, та, что базилиане, с учреждением их ордена в западно-русской церкви, захватили в свои руки все заботы об униатском просвещении и средства, отпущенные на этот предмет духовным и светским правительством. Но базилиане чрезвычайно небрежно относились к просвещению белого духовенства, лучшие места в школах предоставляя членам своего ордена. Под „семинарией“, которую присвоили себе базилиане, можно разуметь просто здание, где прежде помещалась братская Брестская школа, захваченная униатами. По крайней мере не видно еще из указанных слов брестского капитула, чтобы „семинария“, присвоенная базилианами, представляла учебное заведение с известною программою и составом учащихся. Думается, что здесь выражается такая мысль. Базилиане взяли на себя заботу об открытии Брестской школы, предназначенной для образования белого духовенства, но за это присвоили себе все фундуши, данные в разные времена Брестской школе. Впоследствии, когда орден открыл в Бресте свою школу, то учиться в ней стали преимущественно члены этого ордена. Wołyniak („Z przeszłosci Zakonu Bazylianskiego na Litwie i Rusi“—статья помещена в журнале

Владимирская школа (на Волыни).

Она так же, как и Брестская братская школа, была отнята униатами у православных. При соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы (иначе наз. «Мстиславов храм»), при епископской кафедре в г. Владимире—Волынском, еще задолго до введения з.-русской церковной унии была учреждена школа. Можно думать, что первоначальною и основною задачею ее было приготовление грамотных священно- и церковно-служителей; но. разумеется, в ней могло черпать учение книжное и светское юношество. Безусловно, общее направление в этой школе было церковное, как и в других братских школах того времени, и образование в ней не возвышалось над умением читать и элементарным знанием церковного устава, т. е., короче, над простою грамотностью. Впервые об этой школе находим упоминание под 1586 годом. Тогда же при этой школе существовал, в качестве учителя, «уставник» соборной церкви [1]).

Само собою понятно, что такой педагог не мог поставить школьное дело на более или менее широкую дорогу, хотя общество хотело видеть во Владимиро-волынском училище нечто большее, чем элементарную школу грамотности. И действительно, уже в 1588 году староста владимиро-волынский—князь Константин Константинович Острожский позаботился о преобразовании братской школы в училище с греческим языком и двумя «бакалярами». В этом году соборное духовенство и местный епископ Феодосий Лазовский отвели под школу «избу мурованную в замочку (епископа), а другую избу деревеную бакалярам до мешканья». В этой избе должны были обитать два «бакаляра» Владимиро-волынской школы. Один из этих бакаляров должен был учить воспитанников греческому языку («по грецку»), а другой славянскому языку («по словенску»). Означенные педагоги были, повидимому, довольно хорошо обезпечены, так как для содержания их были назначены «все люди епископские у месте Володимери» [2]).

В 1595 году владимиро-волынский епископ Ипатий Поцей обращался к королю Сигизмунду III с просьбою о некоторых милостях владимиро-волынской братской школе. Согласно королевской привиллегии, данной на имя Поцея, на содержание «школы и казнодея при церкви столечной епископии Володимирское»

„Przewodnik naukowy i literacki 1904 г. t 32, рад. 261) говорит, что Аркудий ревностно трудился на педагогическом поприще в г. Бресте. Однако, с этим мы не можем согласиться, так как труд вообще, а тем более еще ревностный, Аркудий не мог проявить в школе, которая не открывалась для учения после захвата ее униатами.

[1]) Ор. Левицкий. Историческое описание Владимиро-волынского Успенского храма. Киев. 1892 г. стр. 75

[2]) Архив Юго-Западной России ч. I т. I стр. 237.

должны были поступать доходы с монастыря св. Спаса во Владимире и из принадлежащих ему имений: сельца (фольварка) Янова и земель («грунтов»): Подгайцы и Радочиж, с подданными крестьянами [1]).

В 1596 году владимиро-волынский владыка принял унию. Для того, чтобы иметь при себе вполне надежных людей, сочувствующих его униональным действиям, Ипатий Поцей в 1598 году 20 февраля преобразовал местный соборный крылос в капитулу на подобие латинской («прикладом духовенства римского»). Такое преобразование было вызвано тем, что прежний крылос, существовавший при епископской кафедре, мало разделял латинские взгляды своего владыки, своим же устройством и деятельностю он напоминал ненавистные Поцею времена православия. Новая капитула должна была состоять из протопопа, священника соборного и архидиакона. Эти лица должны были находиться в полном послушании своему епископу, тщательно заботиться о церковном порядке и охранять церковное имущество, а особенно после смерти епископа. На содержание своей капитулы Поцей отдал владимирский Спасский монастырь с прилежащими к нему селами и имениями, который раньше был «фундован на школу и казнодию на церковь столечную епископии владимирское» [2]). В своем «листе» по поводу преобразования соборной капитулы и фундуша на ее содержание Поцей ни слова не говорит относительно содержания Владимиро-волынской школы, в пользование которой три года тому назад был отдан тот же Спасский монастырь. Чем об'яснить такое молчание,—сказать трудно. Естественнее всего предположить, что кой какие части монастырских доходов были оставлены и на долю школы; на эти крохи она и должна была существовать, хотя нельзя думать, чтобы такой ограниченный фундуш (если только и таковой оставался) давал возможность Владимиро-волынской школе не испытывать ограничений, стеснений и лишений. Это ясно видел и сам Ипатий Поцей. Посему уже в следующем, 1609 году, он считает необходимым более обеспечить владимиро-волынскую школу. 19-го апреля этого года он записывает фундуш на владимирскую школу при соборной церкви Успения. Продав церковное имение Илинщизну за $3^1/_2$ тысячи злотых, часть этой суммы (одну тысячу злотых) Ипатий Поцей отдает на некоторые нужды соборной Владимирской церкви, а остальную сумму (две с половиною тысячи польских злотых) он назначает на школу при этой церкви.

Чтобы обезпечить эту школьную сумму, и чтобы после смерти его она не разошлась по рукам («lada jako nie rozoszta sie»), Поцей от ал ее в долг пану Василию Коптю под залог одного

---

[1]) Ibidem ч. I, т. VI, № 84, стр. 210.

[2]) Труды К. Д. Акад. 1869 г. II, 498—512 стр. Об учреждении Ипатием Поцеем униатской капитулы в Владимире-Волынском Н. Петров. (особенно приложен. I); Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI. стр. 210—211.

села „Каленники“ в его имении «Верховичи» (Брестского уезда), которое давало в год дохода 250 злотых польских. Эта сумма целиком должна была идти на школу Владимирскую, находящуюся при церкви соборной, т. е.„na bakalarza jakiego dobrego y na oprawie szkoly samey“. Ежегодная сумма 250 злотых распределялась таким образом: 200 злотых шло «бакаляру» и 50 злотых на другие школьные нужды „na sprawe szkoly samey“. Клятвою обязывает Поцей не обращать этой суммы на что-либо другое, но только «на школу и на бакаляра, добраго при церкви Владимирской теперь и на будущее время, пока Господь Бог не укажет для этой школы чего либо большего од кого либо или от преемника моего или от какого либо благочестивого человека» [1]).

Из этих слов фундации видно, какие скромные требования вред'являл Поцей к владимирской униатской школе. Образование в ней не превышало элементарного („jakę taką“), и только в будущем фундатор, сам сделавший посильное, от своих преемников ожидает лучшего.

Через некоторое время такие ревнители просвещения действительно оказались. После смерти епископа Поцея († 1613 г.), 3-го июня 1614 года Владимиро-волынскую епископскую кафедру занял Илья Мороховский, бывший королевский писарь, а потом в 1608 году секретарь митроп. Поцея, получивший при посвящении в епископский сан (м. Рутским) имя Иоакима. Это был весьма деятельный и преданный унии иерарх. Он прежде всего обратил свою заботу на окончательное довершение начатой его предшественником реформы соборной капитулы и улучшение учебного дела в местной униатской школе [2]).

Иоаким Мороховский был, по всей очевидности, человеком чисто-латинских убеждений, и идеалом школьного образования для него были иезуитские коллегии. Можно догадываться, что он получил образование и воспитание в какой-либо иезуитской коллегии, так как своими современниками характеризуется, как человек «в философии и в богословии искусный—vir doctissimus» [3]).

---

[1]) Архив Юго-Зап. России ч. I, т. VI, № 152 стр. 389. Труды К. Дух. Акад. 1869 г. II, 531—534 прилож. 8. сравн. Рукоп. Акад. Наук (еп. Павла Доброх.). Врем. №XII, 262 гл Благодаря тому, что, согласно воле Поцея, денежная сумма Владимирской униатской школы (2.500 злотых) обычно отдавалась в долг одному к.-л. лицу под залог недвижимой собственности, она действительно «не разошлась по рукам», Владимирская школа пользовалась ею и в 1726 году, когда она была отдана воеводе Влодавскаму и Ружанскому и гетману Виленскому Людовику Констанцию под залог имения его Ружаны.

[2]) M. Harasiewicż. Annales Eccl, Ruthenae, Leopoli, 1862. p. 317—318; I. Stebelski. Pvżydatek do Chronologii. Wilnae, 1783 r. p. 218.

[3]) Harasiewicz Annales—p. 317 Донесение еп Якова Суши в Рим в 1664 г.

По образцу римско-католических иезуитских школ Иоаким Мороховский преобразовал Владимиро-волынскую униатскую школу. Есть основания думать, что такая реформа этой школы в смысле приближения к общему типу иезуитских и вообще з.-европейских школ произошла около 1616 года.

В 1616 году, 23 июля, епископ владимирский Иоаким Мороховский и ректор местной униатской школы диакон Феодор Мелешкович принесли в городской уряд жалобу на шляхтича Соколовского по поводу грабежа и насилий, учиненных последним над студентами Владимирской школы «католицкой“ во время торжественного шествия их „ad virgatum“ в день Марии Магдалины „рымского свята“ (22 июля) [1].

Этот документальный памятник некультурной выходки грубого человека по отношению к беззащитным школярам несколькими штрихами рисует кое какие стороны жизни Владимиро-волынской униатской школы. Сама школа называется „католицкою“, конечно, не по составу учащихся (з.-руссов—униатов), а по внешней форме и обычаям. Так, во Владимирской униатской школе соблюдаются праздники католической церкви (например, как это видно из приводимого документа, день св. Марии Магдалины); воспитанники называются студентами, как и в католических, иезуитских школах, заводятся в ней и обычай западно-европейских и иезуитских школ, в роде процессий «ad virgatum». Сообразно с этим повышается и сословный уровень учащихся в этой школе. Так, например, избитые Соколовским школяры состояли из богатых и знатных мещан и шляхты; они одеваются в светские и богатые костюмы и некоторые имеют при себе сравнительно большое количество денег.

Из этого можно видеть, что во Владимирской униатской школе стали обучаться не только будущие священно- и церковнослужители, как это было раньше, но и дети светских лиц, не имевшие в виду духовной карьеры, быть может и р.-католики.

Улучшение школьного дела во Владимиро-волынской униатской школе влекло за собою много денежных расходов. Прежний школьный фундуш, само собою понятно, был недостаточным. В данном случае с материальною помощью этому рассаднику униатского просвещения шли прежде всего владимиро-волынские иерархи. В 1613 году 3-го февраля епископ владимирский Иоаким Мороховский составил завещание, в котором записал на школу владимирскую при соборной церкви 600 польских злотых с тем, чтобы проценты с них шли на «бакаляра»[2].

Сумму эту в 1613 же году, 26 марта, занял пан Адам (с Брусилова) Кисель Низкиницкий, с обязательством уплаты 8 про-

---

[1]) Архив Юго-зап. Рос. ч. I, т. VI, № 174.
[2]) Арх. Юго-зап. Рос. ч. I, т. VI, № 253.

центов в год бакаляру Владимиро-волынской школы. В этот же день, 26-го марта, он вручил за год вперед 48 рублей процентной суммы бакаляру о. Прокопию Хмелевскому [1]).

Феодор Мелешкович был ректором Владимиро-волынской униатской школы сравнительно продолжительное время. После смерти Холмского униатского епископа Афанасия Пакосты († 1625 г.), [2]) он прямо из бакаляров владимиро-волынской школы был назначен на холмскую епископскую кафедру. Это было в 1626 году; [3]) значит до 1625 года Феодор Мелешкович все время трудился на педагогическим поприще во Владимирской униатской школе. Сочинение против латино—униатов инока Винницкого монастыря «Jndićium, t.. j. pokazanie cerkvie pravdzivey" (1638 г.) сообщает, что после смерти Афанасия Пакосты (Холмского униатского епископа), холмскую епископскую кафедру получил „некто Феодор, человек мудрый и, по мнению света, ученый, владимирский бакалар». Афанасий Пакоста умер в первых числах сентября 1625-го года, а 28-го сентября на холмскую епископию была дана грамота Феодору (Феодосию) Мелешковичу. Но в день посвящения своего во епископа Феодор Мелешкович внезапно умер во время обедни и, по об'яснению Indicium'a, от падучей болезни [4]).

Бакаляр школы о. Прокопий Хмелевский был и ректором ее и. вероятно, занимал эту должность после ухода Феодора Мелешковича. Хотя в заемной записи Адама Киселя Низкиницкого он называется только «бакаляром» школы Владимирской [5]), но в 1639 году о. Прокопий Хмелевский является уже ректором Владимирской коллегии и 5-го октября этого года возводится в настоятели Дубенского униатского монастыря, после ухода из последнего известного ренегата православия, а затем и унии Кассиана Саковича [6]). Как увидим из дальнейшего, уже в первой четверти XVII века в западно-русской униатской церкви образовалась сплоченная корпорация и могучая организация в лице базилианского ордена. Базилианский орден в унии был главным руководителем униатского просвещения: в его ведение перешли

---

[1]) Арх Юго-зап. Рос. ч. I, т· VI, № 256.

[2]) В. М. Площанский. Прошлое холмской Руси. Вильна I, 278 стр.

[3]) Ibidem.... стр. 279—280

[4]) Арх. Юго-зап России ч. I. т. VIII, вып. I стр. 796, тоже у Головацкого. Библиографические находки во Львове (Записки Императ. Академии Наук, XXII, прилож. № 4, стр 9. сравн. Акты Виленск. Археогр. Ком. XXIII, № 62. 65—66, 68.

[5]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I, т. УI № 256.

[6]) Чтения в обществе Нестора Летописца кн. V. Материалы для истории Западно-русской церкви № 12; В Рукоп. Акад. Н. (Доброт.) Врем № XI. помещена презента Владислава Доминика Заславского Прокопию Хмелевскому на дубенско-спасскую архимандрию 5 октября 1639 года (№ 184 и др.)

все школы западно-русской униатской церкви, в том числе и Владимиро-волынская. Когда же именно перешла Владимиро-волынская школа к базилианам? Хотя, по свидетельству м. Льва Кишки, ректорами этой школы сначала были лица светские [1], по, вероятно, под этими «светскими» (saeculares) лицами должно иметь в виду представителей белого духовенства, так как исторически известны лишь ректоры в священном сане,—или же светская ректура существовала весьма непродолжительное время. Правда, в позднейшее время базилиане утверждали, что они трудились в области школьного просвещения во владимиро-волынских школах с 1616 года. В конце XVIII в. ректор владимирской базилианской коллегии Петр Лапинкевич, давая историческую справку относительно этой коллегии, писал между прочим так: «мы, базилиане, под благодетельным влиянием новых привилегий, воспитываем и обучаем латыни в местном монастыре Владимирском без всякого препятствия, начиная с 1616 года, даже до настоящего времени юношей обоих обрядов» [2].

Но это заявление представителя базилианского ордена во всяком случае должно принять с ограничением. Униатское монашество долго не могло упрочить своего положения во Владимире Волынском. Мы уже говорили, что Спасский владимирский монастырь, обращенный в унию около 1597 года сначала (еще в 1595 г.) был «фундован», согласно просьбе еп. Ипатия Поцея на местную соборную школу; затем, в 1598 году, 20 февраля он получил новое назначение: был назначен на содержание соборной владимирской капитулы, и только часть доходов с монастырских имений должна была направляться на собственно монастырские нужды [3]. Очевидно, члены соборной капитулы мало заботились о благе монастыря, так как уже преемник Поцея Иоаким Мороховский († 19 марта 1631 года) в своем завещании весьма мрачными красками рисует положение монастырской церкви св. Спаса и посему жертвует из своих средств на побудование (ремонт) означенной церкви 500 злотых [4].

Но такое частное и случайное пожертвование не могло поддержать падающее благосостояние Спасской обители. Члены капитулы не прилагали, очевидно, старания к поддержанию ее сущест-

---

[1]) Труды Киевск. Дух. Акад. 1870 г. II стр. 478. Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше Н. Петров.

[2]) Рукоп. Акад. Наук (еп. Павла Доброх.) Врем. № XII. p. 573—576.

[3]) Чтобы в монастыре сем „хвала Божая ведле звыклого обычаю, порядне справована была“, члены означенной капитулы обязаны были с тых доходов монастырь и церковь «опатровати» (Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I. т. УI, стр. 210-211). Труды Киевск. дух. Акад. 1869 г. II. 513—517 прил. I:

[4]) Церковь святого Спаса у Володимери бардзо зветшала, а отцове капитула через недостатки свои, до оправы ее прийти не смогут...“ Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I, т. УI, стр. 627.

вования. В 1633 году, согласно королевскому указу, владимирский Спасский монастырь со всеми имениями перешел в арендное пользование к Пахомию Оранскому, Жидичинскому архимандриту, для того только, чтобы прекратить запустение этой обители, и чтобы хвала Божия ежедневно в нем совершалась законниками св. Василия [1]).

Однако, и колляторы—арендаторы относились к Спасскому Владимиро-волынскому мон стырю небрежно, и в 60—70 годах ХУП столетия он пришел в окончательное разрушение. Таким образом, мы видим, что базилиане не имели во Владимире даже более или менее обеспеченного монастыря; тем более, значит, они не могли свободно и самостоятельно расширять свою деятельность, как воспитатели юношества.

Но если Владимиро-волынские базилиане не могли по недостатку средств открывать собственные школы, то можно думать, что они были приглашены, в качестве наставников, в известную нам бывшую соборную школу. И мы полагаем это на следующих основаниях. Епископ Владимиро-волынский Иоаким Мороховский, как известно, в 1616 году реформировал Владимирскую школу по латинскому образцу и вообще старался в своей епархии насаждать униатское просвещение. Где мог искать себе учителей Мороховский? Естественнее всего думать, что взоры его направлялись в сторону униатского монашества [2]). Ведь в католических и зап.-европейских школах наставниками были лица монашествующие, а эти школы, несомненно, были образцом для Мороховского. Кроме того, в это время, благодаря энергичной деятельности м. Рутского, среди униатского монашества существовало сильное движение в пользу просвещения. Среди питомцев Рутского еп. Мороховский мог найти образованных и вообще во всех отношениях достойных учителей для Владимирской школы. Посему, почитаем справедливым думать, что в качестве наставников во Владимиро-волынскую униатскую школу еп. Иоакимом Мороховским были приглашены иноки из нарождающегося в то время базилианского ордена. Если же так, то в вышеприведенных словах ректора Владимиро-волынской базилианской коллегии Петра Лапинкевича относительно заслуг базилиан в области школьного просвещения в городе Владимире-Волынском—есть доля исторической правды. Но преподавательские места во Владимирской школе в XVII столетии не замещались исключительно базилианами. Так, например, в 1648 году во Владимирской школе был учителем белый священник. о. Павел Гроновский, а перед ним здесь же учительствовал Захария-Афа-

---

[1]) Н. Петров. „Краткие сведения о монастырях Волынской епархии в настоящее время несуществующих. Волынск. Епарх. Вед. 1867 г № 5. стр. 78.

[2]) В это время реформированного м. Рутским по р.-католическому образцу.

насий Фурс [1]). Окончательно упрочили во Владимирской униатской школе свое положение базилиане не раньше второй половины XVII столетия [2]).

По внутреннему своему устройству и учебной программе Владимиро-волынская униатская школа на первых порах своего существования подходила к обычному типу элементарных западно-русских школ, и науку, преподаваемую в ней, сам Поцей характеризовал, как науку элементарную («nauka taka jaka») [3]). Школа эта, как мы в свое время уже говорили, главным образом, имела в виду подготовку достойных и грамотных священно-и церковно-служителей; поэтому общее направление в ней было церковно-практическое—применительно к потребностям будущих духовных пастырей и совершителей богослужения и таинств. Но как мы видели, уже в 1616 году характер и направление Владимиро-волынской униатской школы изменяется; повидимому, она приближается к общему типу католических школ и усваивает те обычаи, которые были созданы для этих школ иезуитами. Вполне возможно и допустимо, что вдохновителями еп. Иоакима Мороховского в реформировании последним Владимиро-волынской школы были иезуиты, поскольку «окатоличение» этой школы вполне входило в планы всесильного ордена и оправдывалось главным принципом о. иезуитов [3]).

В 1588 году, согласно желанию владимирского старосты князя К. К. Острожского, в Владимирской школе должно было быть два «бакаляра», из коих один учил бы «по грецку», а другой «по словенску». Но если так и обстояло дело во Владимиро-волынской школе до унии, то после 1596 года учебная программа в ней несколько падает; вместо прежних двух бакаляров упоминается один; о преподавании греческого языка в этой школе не говорится ни слова; очевидно, в это время изучался здесь только

---

[1]) О. Левицкий цит. сочин. стр. 80.—Об этих лицах подробнее речь будет в другом месте.

[2]) Н. Петров. Труды Киевск. дух. Акад. 1870 г., II, 478—479 стр. 1871 г., I, 302 стр. XII т. Арх. Сборн. Congr Torok 1600г, Congr Mińska 1690 г. ses 4, Congr Nowogrod 1703 у. ses 13; Подтверждение сказанного можно находить в часто цитируемой нами рукописи Имп. Публ. Библ. Польск. F. I, Nr 47—„Pominnik“, (где с 1686 по 1730 г.г.) встречаются отцы и братия базилианского ордена, имевшие то или другое отношение к Владимирской униатской школе. Особенно стр. 39—46 Pominnika о. м. Льве Зеленском.

[3]) Арх. Юго-зап. Росс. ч. I, т. УI, № 152.

[3]) Ratio studiorum Red prowine. 2. Monita „priwata“ рекомендуют иезуитам всячески устранять своих соперников в деле образования народов и одним ведать всем просвещением. История иезуитского ордена показывает насколько верны были иезуиты означенному принципу. А Павлович—„иезуиты, как воспитатели Польши и Зап. России в XУI веке (Вести Зап. России 1866 г. № 7, М. Ястребов, Иезуиты, их педагогическая деятельность в Польше и Литве (Труды Киевsk. дух Акад. 1869 г. № 2.) и мн. др.

один славянский язык. Со времени же Иоакима Мороховского в учебную программу Владимирской униатской школы вошло преподавание польского и латинского языка, так что школа даже на оффициальном языке носит название «католицкой» [1]). Очевидно, и все другие науки в названной школе преподавались такие, какие входили в учебную программу всех вообще католических школ Польско-литовского государства.

Дисциплина в школе поддерживалась внешними мерами и преимущественно телесными наказаниями, напр., розгами. На такую меру педагогического воздействия красноречиво указывает процессия «студентов» Владимиро-волынской школы «ad virgatum», т. е. к берегу реки, где росла гибкая лоза [2]).

Понятно, что и нравы школяров Владимирских стояли не высоко, и учащаяся молодежь для мирных жителей была истинным наказанием. Часто воспитанники Владимиро-волынской школы снискивали себе пропитание милостыней, «спевая под окны» зажиточных мещан [3]). Иногда, когда приток доброхотных даяний был скудным, школяры прибегали к грабежу [4]). Естественно, что со стороны местных городских жителей они не всегда пользовались симпатиями; бывали случаи, когда раздраженные горожане жестоко их избивали [5]).

ГЛАВА II.

Третью попытку со стороны униатской иерархии создать рассадник собственного униатского просвещения представляет униатская семинария при виленском Свято-Троицком монастыре. Уже по самому положению в столице Литвы виленская Троицкая семинария привлекала к себе все заботы и внимание своего основателя, митрополита Ипатия Поцея. Помещая ее в таком культурном центре Польско-литовского государства, как Вильна, в стенах древней обители, Поцей возлагал на Троицкую семинарию большие надежды. Она носила почетное название «митрополитального

---

1) Арх. Юго-запад. Росс. ч. I, т. УI, № 174.

2) Об этом обычае речь будет ниже, в главе о внутреннем состоянии униатских школ.

3) Op. Левицкий Историческое описание владимиро-волынск. Успенского храма. Op. cit. 79—80 стр.

4) Ibid стр. 83. Balinski i Lipinski „Starozytna polska" t. II p 872

5) У О. И. Левицкого (цит. сочинение) стр. 80 выписка из Актовой книги Киевск. центрального архива № 1026, л. 1464.

Владимиро-волынская униатская школа высшего своего расцвета достигла в самом конце XVII в. и особенно, в XVIII веке, когда она перешла в руки базилианского ордена. Дальнейшую историю этой школы мы будем излагать тогда, когда будем описывать базилианские школы.

коллегиума и семинариума» [1]). Но планы м. Поцея, как мы увидим из обозрения истории этой семинарии, не осуществились.

Когда и кем был основан Троицкий православный монастырь в Вильне, точно не известно. О существовании его в XIУ веке заключают по некоторым отдельным выражениям летописцев, но в XУ веке этот монастырь существовал несомнено [2]).

В 1584 году при обители св. Троицы было основано братство [3]), в этом же году православные вильняне получили от короля право «на сбудованье школ» [4]). Скоро, 3-го июня 1588 года братство и школа при виленском Троицком монастыре получили благословенную грамоту от патриарха константинопольского Иеремии [5]).

В 1589 году, 21-го июля, король Сигизмунд III дал свою привилегию виленскому Троицкому монастырю, подтверждающую правила или устав виленского Троицкого братства; в числе полномочий нового братства было упомянуто право церкви «фундовать и направовати людей в письме ученых, духовных и светских, до науки школьное и до ученья людей у церкви и до спеванья, под справою своею ховати, и книги всякие старого и нового закону так в науце школьней, яко и церкви потребные, по грецку, по словацку, по руску, по польску друковати». [6]).

[1]) Apf. Сб. т. IV, № 48 стр. 87; ibid. т. IУ, № 59, стр. 119.

[2]) О. В. Щербицкий. Виленский св. Троицкий м—рь. Вильно 1886 г. 16—17 стр. При написании этой главы первоисточниками служили: 1) некоторые данные архива униатских митрополитов, цитируемыя нами дальше; 2) Vita Iosphi Velamin Rutski—рукоп. Акад. Н. (Доброхот.) Врем. N IX, л. 205—253; 3) Informacja cerkwi S. Troycy Рукоп. Акад. Н. (Доброх.). Врем. N УI; 4) Informacja a opactwach Wilenskim Minskim. Рукоп. Импер. Публ. библ. Польск F. I. № 49; 5) Униатская брошюра, (Виленск. публ. библ.). Relacia y uwazenie postepkow niektorych około cerkwi ruskich Wileńskich roku 1608 y 1609, Wilnu wszystkiemu świadomych; 6) Акты Виленской Археографич. комиссии, т. УIII, IX, XI и др. 7) Виленский Археограф сборник документов, относящихся к истории сев.-зап. края т. УI, X и XII. 8) Некоторые другие печатные издания, напр. Арх. Юго-Зап. России ч. I, т. УII, Виленские грамоты, II, Акты Южной и зап. России, II. Акты Зап. Росс. III и IУ: 9) Archivum Sapiehanum, т. I. Из литературы, посвященной обозрению истории троицкого униатского м—ря и его просветительной деятельности в первые времена унии отмечаем следующие труды: 1) К. В. Харлампович. 3—русские школы, преимущественно православные, XУI и начала XУII ст. 2) Статья проф. П. Н. Жуковича.—„Последняя борьба духовенства митрополичьей епархии с Поцеем и унией“ (Хр. чт. 1901 г. авг. 258—291 стр и сентяб. 370 - 389. 3) Проф. П. Н. Жукович, Сеймовая борьба, цит. соч. Отд. III, гл. XI и XII, стр. 549—584. 4) Общие труды по истории унии: проф. М. О. Козловича „Литовская церковная уния“, М. Макария „История русской церкви“ т. X и др. 5) Соч. Крашевского „Wilno od początków iego. I—III т. и нек. др.

[3]) Арх. Юго-зап. Рос. ч. I, т. УII, 584.

[4]) Акты зап. Расс. III, № 144.

[5]) Виленские грам. II, № 3.

[6]) Акты Вилен: Арх. Ком. IX т. № 52. стр. 143; Акты г. Вильны ч. II № 4.

В 1592 году (9-го октября) тот же король дал Троицкому монастырю новую привилегию на основание при нем братства и открытие «школы греческой, русской, латинской и польской» и типографии. «Мают и вольны будут они, помененые братья братства церковного, говорится в этой привилегии, яко в монастыру святое Тройцы в месте Виленском на звыклом местцу схажки свои мети, где пред тем мевали, так и до того дому своего братского сходечися намовляти, и вшелякие потребы братства своего отпрововати, кды им того потреба окажет, также людей в письме ученых, духовных и светских, так много, колько того потреба окажет, ховати и школы братские, науку детем езыка греческого, русского, латыньского и польского в том дому своем братском мети, и книги ку науце детем и всего народу хрестианского и иные всякие справы духовные и светские письмом грецким, русским, латыньским, польским друковати и детей братьи уписное народу хрестианского, и вбогих сирот в школе их братской дармо учити»... [1])

В 1594 году, 29 сентября князь Александр Иванович Полубинский и его жена Софья Юрьевна, урожд. княжна Гольшанская завещали братству при виленском свято-Троицком монастыре свое имение Судервы (в Виленском повете) «на школу коллегиум их братского для твиченья и учения в оной школе детей у науках вшеляких, так езыка греческого и словенского, яко и иных...»[2])

Таким образом, виленская свято-Троицкая братская школа была сравнительно хорошо обеспечена в материальном отношении. До введения унии и в первые моменты ее в братской школе при св. Троицком монастыре трудился в качестве «дидаскала» Стефан Зизаний, ярый противник униональных замыслов митр. Рагозы. В 1596 году Зизаний должен был по воле короля оставить свою деятельность и жил, по всей вероятности, в одном из братских домов.

С началом унии для православной Троицкой обители в г. Вильне настала тяжелая пора.

В Вильне прочно укрепились иезуиты и давали по своему усмотрению ход всей религиозной жизни. Иезуиты и латинское духовенство сочувствовали унии, так как возлагали на нее большие надежды. Естественно, что когда уния стала историческим фактом, то на православных вильнян обрушились всевозможные репрессии, чтобы побудить их к принятию ее. Особенно в тяжелом положении оказалось белое духовенство, у которого не хватило сил и средств противостать своему митрополиту—униату, и оно вынужденно покорилось Рагозе [3]).

---

[1]) Акты Вилен. Археогр. Ком. т. IX. №№ 53 и 54, стр. 144—153.

[2]) Акты Виленск. Арх. Ком. т. XI № 22, стр, 55—58 и т VIII. № 5 стр. 12—15.

[3]) Даже такой ярый противник унии, как протопоп Иван Парфенович подавший 8 авг. 1595 г. протест от лица виленского белого духовен-

Дело дошло до того, что у православных не осталось ни одной приходской церкви. Принужден был подчиниться митрополиту и архимандрит виленского свято-Троицкого монастыря Софроний, хотя и не сразу [1]).

Но православное братство при св. Троицком монастыре решительно противилось унии. В начале 1598 года была окончена и освящена братская церковь во имя св. Духа [2]). В то время это был единственный православный храм в Вильне. Возле этого храма об'единилось Троицкое братство, близ его была расположена и известная уже нам братская школа. В этом храме в 1598 году православные вильняне собирались встретить пасху. В великую субботу толпа нафанатизированных студентов местной иезуитской коллегии (академии), в количестве 50 человек, во главе с ксендзом Гелиашевичем, ворвалась на братский двор, где находилась братская школа (коллегиум) и церковь св. Духа. Прежде всего буйная толпа ворвалась в школу. Геликашевич надменно вызвал на диспут учителя школы инока о. Никифорова. Один же из студентов, по имени Антоний Десараний, вступил в словопрение с Ольшевским (русским педагогом), который с воспитанником своим, сыном князя Богдана Огинского (троцкого подкомория) посещал братскую школу. Из школы буйные школяры ворвались в церковь, где произвели страшные бесчинства в алтаре и кощунствовали над плащаницею. В самый праздник пасхи во время богослужения они также толпою вошли в церковь и допустили те же безобразия по отношению к святыням храма и издевательства над молящимися. В тот же день (первый день пасхи) вечером буйные иезуитские воспитанники уже в третий раз ворвались в церковь св. Духа, но уже вооруженные.

Наглости некультурного и фанатичного юношества не было предела. «Бакаляр» греческого языка в братской школе Демьян Капишовский обратился было к школярам с замечанием, но за это его ударили в лицо и повлекли из церкви. Оставивши церковь, фанатики—школяры толпою бросились к братской школе, по дороге ранили попавшегося на встречу слугу воеводы брестского Зеновича. Потом выбежали на улицу, и соединившись с толпою римских католиков, стоявших здесь же на улице, стали штурмовать братскую школу и дом, принадлежавший тому же братству. Были выломаны ворота и железные решетки, выбиты окна, повреждены стены, изранена школьная и церковная прислуга. На другой день группа школьников снова сделала свой разбойничий набег на братскую Троицкую школу. 5-го мая старосты вилен-

---

ства против церковной унии, по крайней мере наружно соглашался на унию Проф. П. Н. Жукович. Сеймовая борьба, цит. соч. 163 стр.; Макарий, история русской церкви X, стр. 256:

[1]) Акты Зап. России т. IV, № 116:

[2]) Нынешний св. Духов православный монастырь.

ского братства св. Тройцы жаловались на эти бесчинства в трибунальный суд. Трибунальный суд не счел себя компетентным разбирать это дело, но постановил передать его на генеральный сейм. Православные братчики обратились тогда в виленский градский суд, чтобы, по крайней мере, суд допросил свидетелей этого насилия над православными для занесения в виленские городские книги [1]).

26 сентября 1599 года умер митрополит Рагоза. Со смертью его виленское духовенство изменило свое отношение к унии в пользу православия, а в Троицком монастыре вновь поселился в августе 1599 года Стефан Зизаний. Но так не долго продолжалось. Получивший после смерти Михаила Рагозы митрополичьий престол, Ипатий Поцей ревностно принялся за насаждение унии в западно-русском крае и в частности в Вильне. Поцей прекрасно видел, какою помехою для его униональных тенденций мог быть Троицкий монастырь с его организованным братством и школою, и поэтому все внимание обратил на то, чтобы насадить унию в стенах этой обители. Стойкие в православии иноки принуждены были уйти из монастыря, остались лишь те, которые приняли унию. Несомненно, что на служение унии униат-митрополит хотел привлечь и Троицкое братство с его школою. Зизаний вновь был изгнан из Троицкого монастыря [2]).

По всей вероятности, Поцей очень скоро убедился, что нет никакого основания рассчитывать на привлечение в унию Троицкого братства и школы, поэтому он только постарался устранить то и другую из ограды монастыря. Братство со школою, а равно и не сочувствовавшие унии монахи теперь уж окончательно сгруппировались около церкви св. Духа. Православному братству Поцей решил противопоставить униатское, православных монахов заменил монахами униатами, а братской школе и православному просвещению он противопоставляет униатскую семинарию и униатское просвещение. 21-го января 1601 года он дает на новооткрываемый «семинариум» Троицкий лежащий в Оршанском повете фольварк Цечерско (Печерск) с селами: Тарасовичи, Цвирково (Твирково) и Борсуки [3]) — «для размножения хвалы Божье в набоженстве русском, для твичения людей молодых так законных, яко

---

[1]) Акты Вилен. Арх. Комм. VIII, №№ 13—15 стр. 29—39. Акты Зап. Росс. IV, № 178, стр. 193.

[2]) Акты Западной России IУ, № 142, 196—198 стр. № 144 и 145 стр. 199—201.

[3]) Эти «маетности» привадлежавшие Киево—Печерскому монастырю, согласно королевскому привеллегию от 2 августа 1599 года были присоедены к митрополичьим имениям. М. Ипатий Поцей считался в это время (до 20-го февраля 1605 г.) и архимандритом Печерским. Акты Зап Росс. т. IУ, № 143, стр 198. Арх. сб. т. IУ, № 48. стр. 81—82; Описание архива З. русск. ун. митр. № №1806—1900.

и свецких»... [1]) В королевском подтверждении этой фундации сказано, что митрополит Ипатий Поцей основал «семинариум виленское при церкви светое Троицы для твичения людей молодых так законных, яко и светских в побожности и науках, с которых бы выходили на потом люди, годные до услугования церкви Божое». На должность «старшего» этой семинарии Поцей назначил отца Петра Федоровича Сурометниковича. 15-го августа 1601 года была совершена надворным пресвитером митрополита Поцея архимарндритом Самуилом Сенчило передача фольварка Печерск с прилежащими селами от Киевской печерской архимандрии на «семинариум русское виленское в монастыре живоначальное тройцы в том же месте виленском» При чем принимал эти имения «честный Петр Федорович Сурометникович, старший на тот час того семинариума» [2]). Но для правильного хода учебно-воспитательного дела Троицкой семинарии этих средств все же было недостаточно. Как увидим ниже, фундуш Печерск был крайне спорным, киево-печерская архимандрия уступала его Троицкой семинарии весьма неохотно. Можно даже сомневаться, чтобы Троицкая семинария когда-либо пользовалась доходами с этого имения всецело и беспрепятственно. Имение Судервы, которое в 1594 году было подарено Новогродским каштеляном Полубинским св. Троицкому братству на братскую школу, от Троицкого монастыря перешло к свято-Духовскому братству, когда монастырь Тройцы стал униатским [3]).

Посему уже 5-го апреля 1603 года в письме своем ко Льву Сапеге м. Ипатий Поцей горько жалуется, что и то зерно, которое едва досталось семинарии, уничтожилось, так что убогая и ныне наша русская семинария в будущем должна возлагать надежду только на Бога [4]). По всей вероятности, на имение Печерск с его селами, фундованное митрополитом Поцеем на виленскую русскую семинарию, после официального оставления последним звания киево-печерского архимандрита (20 февраля 1605 г.) [5]) была заявлена претензия со стороны Печерского монастыря. Отсюда понятен пессимизм Поцея. Ходатайства Сапеги и виленского римско-католического епископа Войны, особенно симпатизировавшего униатскому просвещению, побудили короля Сигизмунда

---

[1]) Арх. сб. т. IУ, № 48. стр. 87; Описание арх. ун. митр. № 390 и 1900 ср. № 1864.

[2]) Описание арх. ун. митр. №№ 249 (старый № 891), 390, и 1900, Акты Южн. и Зап. Рос. т. II, № 16.

[3]) Акты Вилен. Арх. Ком. т. УII, № 30 стр. 74—75; т. XI, № 65 стр. 184—187. Но свято-Духовское братство не надеялось надолго удержать в своих руках это имение, посему в 1669 году, 2 февраля настоятель виленского св. Духовского монастыря продал Судервы виленскому иезуитскому новициату (Ibidem).

[4]) Archivium Sapiehanum I № 437.

[5]) Король долгое время (до 22 февраля 1605) не хотел утверждать избранного православными архимандритом Киево - Печерского монастыря Елисея Плетенецкого.

III издать 20 февраля 1605 года грамоту, оставляющую за м. Поцеем имения Печерского монастыря, находящиеся в великом княжестве Литовском, и подтверждающую право Троицкой униатской семинарии на владение фольварком Печерском с прилежащими к нему селами: Борсуки, Цвирково и с иными приселками, и к тому село Печераны с приселком Левнищевичи в Новогрудском повете, два села (Сыгначи и Листолы) в Пинском повете и иные, которые несправедливо держал Авраам Мышка, а также села Гудиловичи и Пересудовичи [1]). Хотя фактически виленский Троицкий монастырь был в руках униатов уже в первые времена унии, но формально передан был он униатам в лице Іосифа Вельямина Рутского лишь в 1609 году после долгой и упорной борьбы за него между Рутским и арх. Сенчило. Архимандритом троицким в первые годы унии был Самуил Сенчило, человек с не вполне безупречным прошлым. Родом он был из Вильны (мещанского происхождения) [2]). В супрасльском монастыре он принял монашеский постриг. Когда в супрасльском монастыре стала вводиться уния, Сенчило и настоятель монастыря князь Иларион Масальский стали противиться ей. За это они были изгнаны из монастыря. Однако, верность православию со стороны Сенчило продолжалась недолго. Или действительно в убеждениях опального инока произошел переворот, или (что более вероятно) по материальным и житейским соображениям, но Сенчило обратился к Поцею с раскаянием и из'явил готовность служить унии. Поцей охотно принял кающегося и поселил его в виленском Троицком монастыре. В течение трех лет Сенчило своею кротостью и послушанием снискал всеобщие симпатии, особенно со стороны самого Поцея. Очевидно, Поцей думал найти в Сенчило ревностного и убежденного деятеля на пользу унии и посему в 1605 году, возведши его в сан архимандрита, исходатайствовал у короля Сигизмунда III в управление Сенчило св. Троицкий монастырь со всеми его фундушовыми фольварками и подданными [3]).

Вот как м. Поцей характеризовал архим. Сенчило в своем письме к канцлеру Льву Сапеге в 1609 году, когда он уже разочаровался в прежнем своем любимце: «Сенчилович несколько лет честно служил мне: не обманул меня ни в одном самом ничтожном деле. И можно ли было не доверять ему, зная его постоянную верность? Доверие это привело меня к тому, что я рукоположил и возвел его в этот сан. Но кого не увлечет, кого не подкупит Наливайковская орда? Она на том и стоит, чтобы мутить, да чинить заговоры на бунты и возмущения» [4]). Как вид-

---

[1]) Описание арх. уп. М., II № 1900; Акты Южной и Зап. Росс. II, 16. стр. 30; Iocher... т. II, № 16 стр. 495

[2]) Relacia... цит. брош. (отд. 2) «rodzic z Wilna wychowania prostego»...

[3]) Арх. Сб. т. X, 12 стр.

[4]) Арх. сб. т. УI, № 77, стр. 116—162. Около 1595 года подняли восстание казацкие итманы Лобода и Северин Наливайко. Это социально-

но уже из приводимого отрывка, между м. Поцеем и Сенчило скоро произошло какое-то недоразумение, до того обострившееся, что прежние единомышленники окончательно разошлись во взглядах. Троицкий архимандрит, сделавши смелый вызов своему митрополиту, решил бороться с ним до последних сил [1]). Невольно возникает вопрос, что же послужило поводом к этому столкновению. Причину его естествене всего можно усматривать в оскорбленном самолюбии троицкого архимандрита [2]).

В это время. как мы увидим из дальнейшего очерка, на горизонте церковной униатской жизни появилось новое светило,—талантливый, религиозный и безукоризненно честный монах Иосиф Вельямин Рутский. Эта богато одаренная натура, всецело проникнутая живым религиозным чувством и горячо преданная Риму, естественно, не могла ускользнуть от взора митрополита Поцея. Последний, нуждаясь в умных сотрудниках, скоро оценил Рутского и быстро стал возводить его по иерархической и служебной лестнице. Быстрая карьера Рутского больно отозвалась на настроении Сенчило.

В 1608 году 21-го июля Поцей сделал Рутского своим еп рхиальным наместником (оффициалом), подчинив ему в своей епархии всех архимандритов, игуменов и монахов, протопопов и соборных клирошан. [3])

Таким образом Сенчило, на которого сначала Поцей возлагал большие надежды, не только отошел на второй план, но и стал в подчиненное положение к молодому иноку, которого он сам постриг в монашество всего лишь несколько месяцев тому назад (1-го января 1608 года). [4]) Ясно, что самолюбие троицкого архимандрита было сильно задето.

экономическое движение очень мало заключало в себе религиозного мотива и только отчасти выражало церковно-русское недовольство латинизаторскими стремлениями Польско-литовского правительства. Хотя латиняне и униаты долго называли православную веру Наливайковскою, православные церкви наливайковскими. . Проф. П. Н. Жукович.

Сеймовая борьба. цит. Соч. 190—192 стр.

[1]) Кояловнч. Литовская церковная уния II, прим. 72—73.

[2]) По крайней мере, когда дело 1609 году окончилось для Сенчило и протопопа Жашковского неблагоприятно, Сенчило меняет свои убеждения. В сентябре или в самом начале октября 1609 г. коронный маршал Тризна обращался к митр. Поцею с просьбою о прощении Сенчило. Митрополит не прочь был простить бывшего архимандрита, в случаеего раскаяния так как в этом видел ощутительный удар православию, привлекши на сторону унии прежнего противника ее. Около 1620 года Сенчило является уже наместником униатского митрополита в Супраслоском мере и ревностно блюдет интересы своего митрополита (Арх. сб. т. УI, № 78, 79 и 80) Вероятно из-за «хлеба духовного» подчинился Поцею Сенчило, как и Иларион Моссальский в свое время (Арх. сб. т. УI, № 75).

[3]) Акты зап. России т. IУ, № 175; ср. описание арх. уп. Митр. № 327; Арх. сб. т. УI, № 58, стр. 113-114.

[4]) О Рутском подробнее речь будет ниже.

Но не один Сенчило имел повод быть недовольным создавшимся положением вещей. Оскорбленным оказался и виленский протопоп Варфоломей Жашковский, так же, как и Сенчило, возвеличенный Поцеем.[1] Репутация этого человека была не безупречна. Родом Жашковский был из Галича, [2] сначала учительствовал в разных русских школах, а потом целибатом принял священство в г. Ярославле (Перемышльской епархии). Но вскоре он был обвинен в незаконной связи с одною женщиною и, спасаясь от разоблачений, должен был бежать к м. Поцею в 1605 году. Здесь он принял унию и даже дал 16-го июня того же года письменное обязательство не изменять ей [3]. Действительно, некоторое время он, по собственному признанию Поцея, готов был за унию положить голову и сильно защищал ее как частным образом, так и в проповедях [4]) Такая ревность Жашковскаго побудила Поцея дать последнему протопопию в Вильне (при соборной церкви Пречистенской) и сделать своим наместником над виленским духовенством [5]).

Как Сенчило, так Жашковский, следовательно, занимали высокие посты при митрополите. Естевенно, что быстрое возвышение Рутскаго на новую должность епархиального митрополичьего наместника сильно смутило Жашковскаго. Осталось недовольным возвышением Рутского и прочее белое виленское духовенство, которое привыкло к тому, чтобы наместник над ним избирался из его же среды. Таким образом, против м. Поцея в Вильне образовался кружок недовольных лиц во главе с троицким архим. Сенчило и Жашковским. Противники м. Поцея, хотя были вызваны на эту борьбу личными мотивами, желали придать ей известный религиозный оттенок. В Рутском старались отметить истого латинянина и в наместничестве его видели тенденцию со стороны м. Поцея латинизировать униатскую церковь. Следовательно, вся борьба противников м. Поцея оффициально велась во имя сохранения в з.-русской униатской церкви восточных обрядов.

Почти через месяц после назначения м. Поцеем Иосифа Рутского епархиальным наместником—23 августа, Сенчило и Жашковский жаловались бурмистрам, радцам и лавникам виленским русской веры на то, что м. Поцей и Рутский умыслили «веру православную церкви светое восточное и вси обрядки ее в нивошто обернути, а на римской кшталт превратити, хотечы то манастыра

---

[1]) О Жашковском см. у Кояловича. Литовская церковная уния II, примеч. „72 и 73“.

[2]) В цит. брошюре Rělacia (отд. 2) о Жашковском находится такая заметка —«malarczuk», będąc rodźic z Nalicza, ubogich rodzicow, ktorzy y teraz ve wowie z zarobotku zyia.

[3]) Арх. сб. т. II № 71, стр. 151·

[4]) Арх. сб. т. УI. № 77 стр. 161.

[5]) Арх. сб. т. УI. № 71 стр. 151.

езувитов впровадити»... Назначением же Рутского епархиальным наместником митрополит умалил права и привилегии виленского белого духовенства и всех униатов. В ответ на эту жалобу 18 сентября м. Поцей отправил виленским бурмистрам, радцам и лавникам послание, в котором, называя своих адресатов «возлюбленными сынами своего смирения», опровергал возводимую на него клевету в латинских тенденциях и оправдывал назначение Рутского, которое нисколько не умаляло престижа виленского белого духовенства [1]).

Рутский не остался в долгу и с 29 августа по 10 октября подал одну за другого в митрополичий суд четыре жалобы на архимандрита Сенчило. В одной из этих жалоб Рутский обвиняет Сенчило в клевете, что де он Рутский «мел быти губителем набоженства Руского, мыслечи его пременить в римское, и для того якобы разных способов уживал трактованя с иезуитами и кармелитами босыми». Рутский найстойчиво просит удаления из троицкого монастыря Сенчило, как человека далеко не монашеского настроения, вносящего только раздор и запустение в иноческую обитель. «Застанет ли он при монастыри, мы вси з него пойдем, але за уступеньем нашим устанет хвала Божия при церкви светое Тройцы никто бовем з священников али диаконов, али з инших братии незостанет, школа устанет, сыминарыум детей шляхетских, которое для розширенья набоженства нашого часов тых недавно зачелосе, разорвется; казанья споведи, которыми се украшало тамтое местцо, устанут; за чим уступит единость з великим весельем сцызматыков и геретыков». Поцей потребовал Сенчило на суд владимирской капитулы, но последний не явился. Тогда, 20 октября (1608 г.) Поцей заочно осудил Сенчило и предал его проклятию, как возмутителя церковного мира, назначивши ему шесть дней для покаяния [2]).

Сенчило и Жашковский, очутившись в таком положении, стали искать себе защиты среди православных и для этого обратились к православному братству при церкви св. Духа. По крайней мере 26-го декабря личный секретарь м. Поцея Илья Мороховский (впоследствии еп. владимиро-волынский), в жалобе от имени Поцея в Виленский гродский суд на Самуила Сенчило и Варфоломея Жашковскаго ставит в вину Сенчило и Жашковскому их сношение с православными. Но главным образом обвиняются эти лица за то, что они несправедливо укоряют своего митрополита в измене православию [3]).

Сенчило и Жашковский с некоторыми представителями виленскаго белого духовенства и клирошанами не стали ждать ре-

---

[1]) Арх сб. т. VI. № 58, стр. 112-115

[2]) Арх. сб. т. VI № 59. стр. 115—120.

[3]) Арх. сб. т. VI, № 61 стр. 122-124.

зультатов суда по этой жалобе, но оффициально разрывают связь с унией и 29 декабря, в свою очередь подают сами в тот же суд жалобу на действительные стремления Поцея и Рутского окатоличить з.-русскую униатскую церковь. Сначала эти лица оправдывают свою измену унии тем, что м. Поцей ввел их в обман, уверяя, что уния ничего не вносит нового и противного в их старожитную веру. Но в сочинении своем «Гармония» (1608 г.) м. Поцей говорит другое. Как на средство к окатоличению з.-русской Вильны, упомянутые лица указывают на некоторые нововведения м. Поцея и Рутского в виленском Троицком монастыре. «А хотечи, говорится о митр. Поцее в этой жалобе, тую звирхность папежскую досконале впровадити, неякоесь братство новое, противное братству першому, там же в монастыру Святое Тройцы заложил... ксендза римского наместником своим при монастыру Святое Тройцы учинил, абы нас всих с костелом римским з'едночил,—а езуитов и кармелитов до того монастыра Святое Тройцы впровадил, якож вжо и школ своих для науки языка нашого Слозенского не маемо, а дьяка трудно; церкви наши опустели, а не токмо оздобье ниякое ни маш, але и людей до слуханя слова Божого мало коли видаем, для чого и мы сами свещенницы до великого убозства пришли есмо». [1])

Дело разрослось до того, что домашним образом его уладить нельзя было. Приближалось время сейма (открытие которого было назначено в Варшаве на 15 января 1609 г.) [2]). Виленское православное братство и решило обратиться за разрешением спора между православными и униатами на этот сейм. Так как, в силу некоторых обстоятельств, дело на сейме клонилось на пользу православным, то Поцей придумал новый способ оставить Троицкий монастырь за униатами. По праву патроната король за неделю до конца сейма, 20-го февраля дает приказ виленской городской ратуше. по которому виленский монастырь Св. Троицы «с фольварками, з людьми, з кгрунтами и зо всими до него належностями...» отнимается от Самуила Сенчило и передается во владение Иосифу Вельямину Рутскому, назначенному архимандритом этого монастыря [3]).

Ратуша, согласно этому королевскому приказу, должна была оказать помощь и содействие Рутскому при вступлении его во владение монастырем [4]).

---

[1]) Арх. сб. т. VI, № 62. Стр. 124—128.

[2]) Проф. П. Н. Жукович. Сеймовая борьба православного западн.-русского дворянства с церковной унией. Цит. соч. стр. 563.

[3]) Рутский был назначен архимандритом еще в декабре 1608 г. (Арх. сб. т. VI. № 60. 121—122 стр.) когда Сенчило со своими сторонниками открыто порвали связь с унией.

[4]) Арх. сб. т. VI. № 66 стр. 132—133; П. Н. Жукович. Сеймовая борьба, цит. соч. стр. 576—577.

Но православные не думали добровольно отдавать Троицкую обитель архимандриту—униату [1]. 19 марта 1609 года Сенчило с несколькими монахами церкви св. Духа и членами свято-духовского братства, представителями разных сословий, напал на троицкую монастырскую церковь во время совершения там литургии. Он заявил свои права на монастырь и протест против архимандрита Рутского, хотел силою овладеть монастырем и поселить в нем монахов монастыря св. Духа. Рутский подал в королевский суд жалобу на это насилие со стороны Сенчило и православного духовского братства [2].

Не нужно было быть слишком проницательным, чтобы предсказать исход этой борьбы. Несомненно, нравственная сила была на стороне православных, но униатскую партию поддерживала королевская власть. Самуил Сенчило был признан виновным и осужден на банницию.

28-го апреля 1609 года «бывшему архимандриту Самуилу Сенчыловичу» был дан королевский позыв явиться в суд по обвинению его в притязании на звание троицкого архимандрита и представить все документы на эту архимандрию [3].

Но и православные не переставали действовать в защиту своих интересов. 30-го апреля Самуил Сенчило, все еще считавший себя законным архимандритом виленского Троицкого монастыря, протопоп Жашковский, виленское православное духовенство, дворянство и другие видные лица из среды виленского православного населения подали открытое заявление о том, что они решительно противятся унионально-латинским тенденциям Ипатия Поцея и не признают его своим законным митрополитом [4]. Но этот голос православных был оставлен без всякого внимания со стороны польского правительства. 20 мая 1609 г. состоялся по делу Самуила Сенчило с м. Поцеем и Рутским духовный трибунальный суд. Уполномоченный Поцея пан Мартин Пядевский и Рутский стали требовать, чтобы тяжба эта разбиралась не самим трибунальным судом, состоящим из одних светских лиц, а судом смешанным из членов трибунального суда и из такого же числа духовных лиц. Но члены трибунального суда не согласились на это, и духовные депутаты образовали особую комиссию. Трибунальный суд обвинил Поцея и Рутского в захвате Троицкого монастыря, но духовные депутаты оправдали их. Дело было передано королем

---

[1] Об этом сопротивлении православных жителей Вильны, а также о препирательстве Сенчило с Рутским, после возвращения Сенчило с сейма 1609 г. рассказывают документы, изданные в актах Виленской Археогр. Ком. т. VIII. №№ 33, 35, 39, 40.

[2] Арх. сб. т. VI, № 67. 133—134 стр.

[3] Арх. сб. т. VI, № 69, стр. 136; Акты Южн. и Зап. России II, № 31, Собран. грам. Вильны, Ковно и ор. II, №№ 19—21.

[4] Арх. сб. т. VI, № 68, стр. 134—135.

на рассмотрение задворного суда. Но и этот суд высказался в защиту Сенчило и Жашковского, а комиссия из духовных лиц снова оправдала Рутского и Поцея. Дело было передано на рассмотрение королевского задворного, или ассессорского суда, который 8-го июля осудил Жашковского, а 10 июля отменил постановление трибунального суда относительно Сенчило и утвердил решение духовных депутатов [1]).

Несомненно, эта борьба не столько отдельных личностей, сколько религи зная, имела решающее значение для Троицкой семинарии. От такого или иного ее исхода зависела вся судьба этой юной школы: стать ли ей вместе с Троицкою обителью на служение православной церкви, или сделаться униатским просветительным учреждением. Исход борьбы Сенчило с Поцеем и Рутским, роковой для православных, определил участь и Троицкой семинарии. Мечтая о преобразовании униатского монашества, Рутский основал в начале 1608 года при виленском Троицком монастыре кружок молодых людей, искавших монашеских подвигов (новициев). Руководя им как в нравственном отношении, так и в умственном, Рутский, по всей вероятности, не скрывал своих широких планов относительно переустройства на новых началах всего униатского просвещения. Есть основание думать, что Рутский очень скоро сделал первые шаги в этом отношении. По крайней мере, по поводу назначения Рутского епархиальным митрополичьим наместником (оффициалом) 21 июля 1608 года, Поцей восторженно заявлял, что отныне «хвала Божая общим житием и цвичением людей молодых як в законе Божом, так теж и в науках учтивых, ко помножению единости святое зачала» [2])

Но сильное препятствие своей деятельности Рутский встретил, как мы уже видели, в лице троицкого архимандрита Самуила Сенчило и белого виленского духовенства. Рутский совершенно игнорировал униатский белый клир, окружив себя своими друзьями иезуитами и кармелитами босыми. Отсюда можно судить и о том, в каком духе проводил свою школьную реформу «Афанасий Запада». Ясное дело, что когда св. Троицкий монастырь и семинария при нем оффициально перешли к Рутскому, то латинское направление в последней окончательно было упрочено. С этого времени для Троицкой семинарии началась новая эпоха. Таким образом, вполне понятны жалобы Сенчило и Жашковского от лица всех

[1]) Арх. сб. т. VI, № 70, стр. 136—146; № 71, стр. 147—153. Акты Вилен. Арх. Комм. VIII, № 38, 41 и 42; Вестн. Зап. России, годы III, т. I август, отд. I, № 2; Процессы борьбы Рутского с арх. Сенчило и пр. Жашковским, в котором Рутский выводится, как страдалец за правду, весьма живо и обстоятельно (особенной первый момент этой борьбы) передан в жизнеописаниях Рутского, составленных Рафаилом Корсаком (гл. XX—XXIV). Рукоп. Акад. Н. (Доброх.) врем. № IX.

[2]) Акты Зап. России т. IV, № 175.

православных вильнян на Рутского, что благодаря ему они «вжо и школ своих для науки языка... словенского не мают» [1]).

Само собою понятно, что среди такой бури, которая разразилась над обителью св. Тройцы в 1608—1609 годах, нормально учебная жизнь Троицкой семинарии не могла итти, а возможно, что по временам в ней и совсем прекращались учебные занятия. Не напрасно Рутский угрожал, что, если Сенчило останется в Троицком монастыре, то он со своими единомышленниками выйдет из него, а с этим уходом «школа устанет, сыминарыум детей шляхетских, которое для розшыренья набоженства нашого часов тых недавно зачелосе, разорвется»... [2])

Испытывая неопределенность в направлении школьного просвещения, виленская троицкая семинария не имела надежного школьного фундуша и нуждалась в более прочных и определенных средствах для своего существования. Правда, согласно подтвердительному королевскому привилею от 20 февраля 1605 года фольварк Печерск с прилежащими к нему селами был оставлен за м. Поцеем а, следовательно, сохраняла силу и фундация последнего виленской Троицкой семинарии [3]).

Но после смерти м. Поцея (ум. 18 июля 1613 г.) у преемника его, Иосифа Вельямина Рутского возникает судебный процесс с архимандритом Киево-Печерского монастыря Елисеем Плетенецким из-за имений Киево-Печерского монастыря, находившихся в Белоруссии. Рутский убедился на основании представленных Плетенецким документов, что имения эти по праву должны принадлежать Киево-Печерскому монастырю.

Посему он отказался от своих притязаний на эти имения, а король грамотою от 1-го апреля 1615 года утвердил их снова за Печерским монастырем. Но Рутский поступил хитро. Он не отдал Плетенецкому всех документов на владение этими имениями. Для формальной передачи этих имений Печерскому монастырю был послан королевский дворянин Григорий Пельчицкий. Когда он прибыл в Оршанский повет для приема фольварков, находящихся в Оршанском повете, то могилевский подстаростий Николай Водорацкий «через слуг своих и при них не малый оршак гайдуков и стрельцов того поданя моцно забронил»... Новый «старший» виленского Троицкого монастыря, Иосафат Кунцевич, ссылаясь на королевский привилей 1601 года, заявил свои права на эти имения, как завещанные м. Поцеем виленской Троицкой семинарии. Завязался судебный процесс. Дело для решения было передано в Оршанский поветовый суд, который, видимо, решил тяжбу в пользу Кунцевича. Елисей Плетенецкий от 14 ян-

---

[1]) Арх. сб. т. VI, № 62, стр. 126.

[2]) Ibidem, № 54, стр. 119.

[3]) Акты Южн. и Зап. России, т. II, № 16 и др.

варя 1616 года обжаловал решение поветового суда на суд трибунальный. Трибунальный суд 13-го октября 1616 года передал решение этого процесса на суд «его королевское милости». [1]).

По всей вероятности, дело окончилось благоприятно для Троицкой семинарии. По крайней мере, в 1620 году Лев Кревза (или Креуза), бывший в то время настоятелем Троицкого виленского монастыря, отдал имение Печерск в аренду на 3 года известному уже нам Водорацкому [2]), В 1634 же году наместник виленского монастыря св. Тройцы Дубович отдал Печерск в аренду могилевскому старшему (игумену) Гервасию Гостиловскому за 700 злотых [3]).

В 1635 году по изданному универсалу короля Владислава IУ, от 14 марта того же 1635 года,—эти имения переходят во владение Мстис авского и Могилевского православного архиерея [4]).

Помимо фольварка Печерска, виленская Троицкая семинария обладала и другими земельными фундушами.

На сейме 1607 года митрополит Ипатий Поцей выхлопотал у короля для виленского белого духовенства «добра Овруцкие». Об этом говорится в жалобе Ильи Мороховского от имени Ипатия Поцея в Виленский гродский суд на Самуила Сенчила и Жашковского (26 декабря 1608 г.)[5]). На Новогродовической базилианской конгрегации 1617 года эти три «овруцкие добра» именуются «монастырками» (сес. 8). Но, разумеется, такое название не должно истолковываться в том смысле, что это были обычные монастыри с известною внешнею и внутреннею организацией. Это были скорее небольшие колонии, земельные угодия—фольварки, насельники которых должны были проводить свою жизнь по монашескому уставу. Хотя Мороховский не говорит прямо, на какой предмет «добра овруцкие», были исходатайствованы м. Поцеем у короля, а ограничивается лишь общим замечанием, что он «выправил» эти «добра» «духовенству всему виленскому», [6]) но из слов Новогродовичской конгрегации 1617 года видно, что они предназначались на виленскую троицкую униатскую семинарию, где на эти средства должны были учиться дети епархиального б лого духовенства. В 1617 году на Новогродовичской базилианской конгрегации было постановлено передать эти три овручских монастырка в пользование базилианскому ордену под тем предлогом, что «от этого будет распространяться в том глухом крае, где нет ни церковных

---

[1]) Письменные памятники этого процесса находятся (в копии) в архиве Униатских митрополитов. Дело под № 390. (Описание, т. I, стр. 158).

[2]) Описание Арх. Ун. м. I. № 457.

[3]) Описание Арх. Ун. м. I. № 647.

[4]) Арх. Юго-Зап. России ч. I, т. УI, № 280.

[5]) Арх. сб. т. УI, № 61 стр. 123.

[6]) Арх. сб. т. УI, № 61, стр. 123.

ни школьных учителей слава Божия»; к тому же семинария до того времени и сама не управляла этими «добрами» и не имела там от себя какого-либо доверенного для ведения административных дел [1]). В 1613 году, 22-го декабря король Сигизмунд III (не без ходатайства, по всей вероятности, со стороны нового униатского митрополита Рутского) отдал во владение виленской Троицкой семинарии село Торокани, которое раньше было «надано» на школу берестейскую. Мотивы для этой фундации были указаны следующие: во первых, сходство цели обоих просветительных учреждений («найбольшая хвала Божая в набоженстве Русском»)во вторых нужда Троицкого монастыря «ни откуль ратунку не маючаго» [2]). Очевидно, фальварк Печерск с принадлежащими к нему селами, бывший предметом долгих споров, и «добра овруцкие» мало представляли обеспечения для Троицкой униатской семинарии, как спорный фундуш. Участь этой новой фундации была такова. Так как семинария при Троицком виленском монастыре после смерти м. Поцея пришла в упадок и вскоре прекратила свое существование, то Торокани, переходя из рук в руки, в 1632 или в 1633 году попали, наконец, в состав фундушей униатских митрополитов [3]). К сожалению, литературные памятники десятых годов XYII столетия, посвещенные событиям жизни виленского Троицкого монастыря, почти ничего не говорят о судьбе первой униатской семинарии. Все внимание и весь интерес современников и позднейших писателей сосредоточивается на новом явлении в жизни униатской церкви, явлении чрезвычайной важности по своим последствиям— возникновении в стенах Троицкой обители ордена базилиан и его внешней и внутренней организации. Таким образом, исследователь судьбы этого рассадника униатского просвещения принужден строить по интересующему его вопросу лишь предположения, более или менее вероятные. Можно думать, что Троицкая униатская семинрия не существовала далее 1617 года, так как в этом году были отняты у нея «добра овруцкие», пользоваться которыми уже не могла клонившаяся к упадку семинария [4]).

---

[1]) Арх. сб. т. XII, Congr Nowogrodôwicka 1617 г. ses 8.

[2]) Акты Зап. России т V, № 6. Этот же королевский лист был подтвержден и в 1621 году 2-го сентября на вальном сейме в Варшаве (ibidem).

[3]) Kraszewski. Wilno od początkow iego... op cit. t. III, pag. 71. Bullarium Romanm XIV, p. 318.

[4]) Хотя семинария при Троицком м-ре во второй четверти XVII столетия уже не существовала (нет оснований думать обратное), но в 1630 году, 6-го сентября, м Рутский возбудил дело о передаче в ведение этой семинарии овручского м ря со всеми имениями. Очевидно, это—упомянутые на Новогродовичской конгрегации 1617 г. „добра овручские". Предполагаем: или м. Рутский думал, воспользовавшись этим фундушем, снова возбудить к жизни троицкую семинарию, или он желал направить этот фундуш на проэктировавшуюся в то время униатскую семинарию, в Минске, или предполагал передать овручский фундуш базилианскому ордену в частности троицкому новициату (Опись актовой книги Киевского центрального архива № 14, докум. № 560).

Вообще около 1617 года в жизни Троицкой униатской семинарии произведена была какая-то реформа. Несомненно, что в ней учились не только дети духовенства и кандидаты на священно- и церковно-служительские должности, но и светская молодежь, так как согласно замыслам основателя ее м. Поцея, она была основана «для тьиченья людей молодых, так законных, яко и светских в побожностях и науках» и м. Поцей иногда называет ее «сыминариум детей шляхетских» [1]. Но на конгрегации 1617 года в числе светских школ обозначены лишь школы минская и новогрудская [2]. Троицкая же униатская семинария не отнесена к категории «светских» школ. Это, конечно, не значит, что Троицкая семинария не существовала уже. От нее, как еще существующей, были переданы, как мы уже упоминали, базилианскому ордену овручские монастырки. Очевидно, что конгрегация считала эту семинарию духовною. Вопрос только в том, какие юноши духовного звания учились в ней: готовящиеся ли к священству или к иноческому званию. Правильнее будет доп стить первое, т. е. что в Троицкой униатской семинарии еще продолжали получать образование будущие приходские священники. Правда, мы видели, что и в Троицком монастыре образовался кружок юношей - новициев, которые проходили вместе с монашеским искусом и известный образовательный курс, но скромная униатская семинария едва ли могла привлекать к себе новициев, так как для униатов более заманчивыми были пышные иезуитские коллегии в Вильне. Кроме того, благодаря стараниям Рутского, с 1615 года стали принимать униатов папские семинарии алюмнаты, а некоторые из этих семинарий открыты были для них еще раньше [3]. У Рутского было стремление дать виленскому троицкому новициату возможно лучшую и широкую организацию. Естественно, что рост этого новициата совершался на счет униатской семинарии.

Это нисколько не беспокоило Рутского. Не в белом духовенстве видел «Атлант унии» залог светлого будущего униатской церкви, но в униатском базилианском монашестве. Нет ничего удивительного, следовательно, в том что базилиане на первой конгрегации под председательством Рутского, ничтоже сумняся, решаются отнять от епархиальной Троицкой семинарии фундуш чтобы передать его базилианам, откуда белое духовенство никоим образом не могло уже расчитывать получить его обратно.

Нет никаких решительно данных, думать, чтобы троицкая униатская семинария просуществовала долго после 1617 года [4].

---

[1]) Арх. ун. м. № 249, 390 и 1900—Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 16.; Арх. сб. т. VI № 48, т. VI, № 59.

[2]) «Должно стараться, не только поддерживать, но и расширять школы, *основанные нами для светских (мирян)* в Новогрудке и Минске.» Congr I, Nowogrobowicka ses VIII, § 34. Арх. сб. XII т.

[3]) Гратская (в Истирии) с 1607 г. Арх. ун. м. № 765, старый номер, а Брунсбергская с 1609 г. (Рукоп. Акад. Н. (Доброх.) Времен. № 61.

[4]) В 1623 г. этой семинарии уже не было—Арх. Ун. кн. VI, № 437.

Наступал период господства в униатской церкви анского ордена, время ния новициатов и базилианских школ. По всей вероятности и Троицкая униатская семинария растворилась в новициате, учрежденном в Вильне при монастыре св. Троицы. Таким образом, этот рассадник униатского просвещения лишь несколькими годами пережил любившего его митрополита-фундатора Ипатия Поцея [1]).

Каков же был внутренний строй жизни и учебная программа виленской Троицкой семинарии? Без сомнения, все это должно было определяться самой задачею ее, как «коллегиума для клириков, которые по окончании наук могли бы служить костелу и жизнью, и наукой» [2]). Как семинария епархиальная, она должна была воспроизводить учебно-воспитательную программу епископских или епархиальных семинарий и подчиняться тому уставу, который был составлен для этих семинарий на Тридентском соборе. Согласно этому уставу высший контроль над семинарией принадлежал местному епископу. В семинарию принимались мальчики не моложе 12 лет, хороших способностей и обнаруживавшие склонность к духовному званию. Ежедневное присутствование при богослужении домашнем, а в дни праздничные в кафедральных костелах, ежемесячная исповедь, тонсура и духовная одежда—все это должно было приготовлять воспитанников к достойному несению будущего пастырского служения. Учебная программа включала следующие предметы: грамматику, пение, церковный счет (пасхалия), свободные науки, св. писание, изучение церковно-богослужебных книг, проповедничество, форму совершения таинств и церковных обрядов (литургика), философию. Программа эта, составленная еще блаж. Августином, на Тридентском соборе была лишь дополнена гомилетикой и изучением священных и богослужебных книг [3]). Во всех католических епархиальных семинариях, бывших и в Западной Руси, жизнь была регламентирована этим уставом.

Однако, нельзя допускать той мысли, что м. Поцей ввел в основанную им Троицкую епархиальную семинарию программу,

---

[1]) Митрополит Поцей действительно очень заботливо относился к своему духовному детищу и никогда не забывал о нем. Приложивши много труда, энергии и забот, чтобы обеспечить троицкую семинарию материально, Поцей заботился о ее духовном богатстве. В своем духовном завещании он оставил Виленской троицкой семинарии свои книги латинские «inscriptura sancta, jako są patres i insze duchowne» Арх. Юго-Западн. России ч. I, т. VI, № 162. О начитанности м. Поцея в святоотеческих творениях и вообще богословской литературе могут свидетельствовать проповеди его (Kazania и Homilia), как догматического, так и нравственного содержания. Об этом см. статью священника Н. Трипольского—«Униатский м. Ипатий Поцей и его проповедническая деятельность» (Труды Киев дух. Акад 1877 г. сентябрь, октябрь и ноябрь м-цы и 1878 г. февраль месяц).

[2]) A. Iocher op. cit т. II, стр. 495.

[3]) Харлампович, op. cit. ч. 124—125 стр.

совершенно тожественную с той, которая была принята в епархиальных семинариях католических. Во-первых, последняя чисто латинским характером не могла бы удовлетворять запросам униатской церковной жизни, поскольку русский, церковно-славянский и греческий языки прежде всего должны были изучаться в униатской семинарии. По крайней мере, это было на первых порах существования церковной унии, когда предания веры отцов у западно-руссов униатов были еще сильны. Еще в 1613 году, 31 марта униаты испросили у короля Сигизмунда III разрешение строить свои школы и «учыти всих наук водлуг преможеня их языком кгрецким и русским» [1]). Естественно, что и в стенах Троицкой униатской семинарии живо было воспоминание о недалеком прошлом. Во-вторых, есть положительные основания думать, что учебная программа в виленской униатской семинарии была не обширна, и наука в ней стояла не достаточно высоко даже в сознании современных униатов. Когда в новициат при Троицком монастыре в большом количестве стали поступать юноши преимущественно из учеников иезуитских школ, то Рутский приказывал им заниматься науками в тех же (т. е. в иезуитских) школах, освобождая их от несения монашеских обязанностей [2]). Это говорит о том, что Троицкая униатская семинария не могла стать на один уровень с латинскими школами и имела программу значительно ниже, чем в последних.

В кратковременной жизни Троицкой семинарии, как не трудно видеть, было два периода. Первый, незначительный период времени продолжался до появления в Троицком монастыре Рутского (после смерти Петра Феодоровича, † 1602 г.) Этот период может быть охарактеризован близостью общего направления школьной жизни юной униатской семинарии к православию.

Собственно говоря, отличие Троицкой униатской семинарии от прежней братской школы не было существенным. Наука в ней не стояла выше, чем в братской школе, скорее наоборот: в братской школе, по крайней мере преподавались греческий и славянский языки. В Троицкой униатской семинарии, по всей вероятности, преподавался только один славянский язык. Если и было различие в общем характере братской школы и униатской Троицкой семинарии, то оно состояло в том, что последняя преимущественно предназначалась для образования священно-церковно-служителей.

Со времени Рутского во внутреннем строе Троицкой униатской семинарии происходит перемена. Вскоре же после своего пострижения в монашество (1-го января 1608 года) Рутский основал новициат при Троицком монастыре. В качестве учителей ино-

---

1) Акты Южн. и Зап. России, т. II, № 45.

2) Труды Киевской дух. Акад. 1870 г. II. стр. 452.

ческой жизни в Троицкий монастырь, по приглашению Рутского, стали стекаться иезуиты и кармелиты. Несомненно, иезуиты вторглись (не без согласия Рутского) в жизнь Троицкой униатской семинарии и стремились придать ей вид и направление католической школы. Возможно, что Сенчило с белым виленским духовенством был вполне прав, когда в 1608 году, 29-го декабря, писал: уже и «школ своих для науки языка нашего словенского не маемо» [1]). Греческий язык в Троицкой семинарии тоже не изучался. В 1617 году Лев Кревза выражал уверенность, что только с течением времени, благодаря обучению униатов в греческой коллегии св. Афанасия, греческий язык перейдет и в униатские школы [2]).

Такое же направление в жизни Троицкой униатской семинарии было и при Иосафате Кунцевиче, бывшем «старшим» Троицкого монастыря и заведующим униатской семинарией после Рутского. Кунцевич с таким благоговением относился к иезуитам что, по словам его биографа, холмского униатского епископа Якова Суши, ab eorum ore totus pendebat [3]).

Какие науки преподавались в Троицкой семинарии? Чтобы ответить на этот вопрос, удобнее всего было бы сопоставить описываемую семинарию с католическими и православными школами, где к XVI веку приблизительно уже установилась обычная программа. Однако, параллель между Троицкой униатской семинарией и этими школами была бы не вполне выдержанною. Что программа Троицкой семинарии была ниже программы католических семинарий, об этом мы уже говорили.

Что не совпадала она с программою православных братских школ, это тоже несомненно: во-первых, преподавание в Троицкой семинарии было тронуто (и нужно полагать, весьма заметно) латинскими влияниями; во-вторых, Троицкая семинария имела специальное назначение, как епархиальная семинария. Преобладающим элементом были чисто богословские дисциплины, необходимые для будущих пастырей, церковное пение и богослужебный устав, катихизис и нравственное богословие. Метод преподавания нравственного богословия носил казуистический характер, как и вообще в латинских католических школах [4]).

---

[1]) Арх. сб. VI т, № 62, стр. 126. ср. Арх. Юго-Зап. России ч. I, т. VIII. стр. 336. Werificatia niewinności ср. Wita Josephi Welamin Rutski XVI—XVIII гл. Рук. Акад. Н. (Доброх.) Времен. № IX.

[2]) Памятн. Полем. Литер. I, стр. 287.

[3]) Susza—Cursus Witae et certamen B. Josaphat Kuncewicz p. 11—12.

[4]) Рукоп. Им. Публ. библ. Разноязычн. О. 1. № 60. Regulae protaarch cap IV De Scholis p. 5.

Какие учебники употреблялись в Троицкой униатской семинарии по предметмм догматико-литургического характера? Думается, что православные. Ведь все же униаты сознавали себя славянами восточного обряда, а только у православных были учебные пособия, трактующие об уставах восточной православной церкви и восточном богослужебном чине. Можно думать, что даже катихизис в униатских школах употреблялся не римский. М. Ипатий Поцей поручил известному уже нам Петру Аркудию написать свой униатский катихизис. Сочинение его «Сума науки христианское» распространилась по униатским монастырям. Вполне естественно, что учебными пособиями по катихизису были и другие сочинения, составленные в Риме по совету Поссевина в униональных видах и с таким же характером. [1]) К числу таких трудов должно отнести, например, катихизис Александра Комулея, напечатанный в 1582 г. на славянском языке латинскими буквами, и катихизис Петра Канизия—«Сума науки христианского частного научителя богослова Петра Конизие тоумачена из латинского языка оу словенскы... Шимоном Будиничем» [2]).

Когда иезуиты взяли под свое попечение вместе с новициатом и Троицкую семинарию, учебное дело в ней, повидимому, улучшилось, и ее стали посещать даже православные юноши [3]). Однако допуская в семинарию, этих православных юношей, иезуиты всеми силами старались привлечь их в ограду католической церки,—в чем иногда и успевали [4]). Вообще же в питомцах Троицкой семинарии иезуиты старались развить страшный фанатизм и нетерпимость по отношению к восточному православию и представителям восточной православной церкви. До нас дошло сведение об одном возмутительном факте насилия, учиненном в 1607 году архимандритом, чернцами и семинаристами, «в монастыру Троицком виленском мешкаючыми», над архимандритом Дубенского монастыря о. Варсонофием, когда он, будучи в Вильне, остановился при церки Св. Духа. Как об этом говорит сам потерпевший, «великое обельженье стану духовного и окружного збитье израненье» он потерпел единственно за то, что не согласился принять унию и «благословенства церкви святое восточное отступити» [5]).

Первым ректором Троицкой униатской семинарии и старшим монастыря св. Троицы был Петр Феодорович Суромятников [6]). В

---

[1]) Supplemntum p.p. 30—40. Rationes aliae, quibus Moscovia Russiaque ad Regis Poloniae regnum pertinens possint iuwari.

[2]) Харлампович, op. cit. стр 521—522. примеч. № 5.

[3]) Арх. сб. т. УI № 88 стр. 199—203.

[4]) Ibidem.

[5]) Акты Вилен. Арх. Ком. т. УIII, № 28 стр. 71—92. Впрочем, пострадавший архимандрит простил насильников и не пожелал с ними судиться, как он сам говорит по христианскому смирению. А быть может еще и потому, что был уверен в безнаказанности их.

[6]) Описание А. х. Ув. М, I № 249 и др. см. об этом выше.

полемической униатской литературе он известен, как автор «Obrony synodu Florenskiego», изданной им в Вильне в 1607 году в опровержение вышедшей в 1598 году в Остроге истории о флорентийском соборе [1]) Петр Федорович управлял семинарией до самой смерти († 1602 года)[2]). Вторым ректором Троицкой семинарии и архимандритом Троицкого монастыря был Иосиф Вельямин Рутский. Он был устроителем Троицкого новициата и руководителем новициев не только в монашеской духовной жизни, но и умственной. [3]) После Рутского место его занял Иосафат Кунцевич. Он не получил школьного образования и знал только польский и славянский языки, но, проживая в троицком монастыре и готовясь к иночеству, он так усовершенствовался в богословскихнауках чтением книг и слушанием лекций у разных иезуитских профессоров, что был непобедим на диспутах.[4]) Когда в1606 г. Рутский прибыл из Москвы в Вильну,то в Троицком монастыре он уже застал Иосафата Кунцвича(постригшегося в 1605 г.)[5]) В 1608—9 г.г. Иософат имел уже какое-то отношение к Троицкой униатской семинарии; об этом можно заключить из жалобы архимандрита Сенчилы, что Иосафат с студентами покушался на его (архимандритово) здоровье. [6]) Затем, Кунцевич был недолго игуменом в Бытете и Жировицах, а в 1613 году стал архимандритом виленского Троицкого монастыря. В 1613 году 20-го декабря на имя Иосафата Кунцевича была дана королевская грамота о предоставлении ему, как настоятелю Троицкого монастыря, имения Торокани в качестве эдукационного фундуша. 30 же января 1614 года Кунцевич был введен во владение Тороканями. [7])

В 1617 году 28 июня он стал коад'ютором Полоцкого архиепископа Брольницкого, а затем 31 марта 1618 года и преемником последнего. Фанатизм Кунцевича, как известно, вызвал 12 ноября 1623 года жестокую расправу с ним со стороны православных витеблян. [8])—Таким образом мы видим, что попытки со сто-

---

[1]) Jocher op cit. II, № 495.

[2]) Харлампович op cit 514 стр.

[3]) Рукоп. Акад. Наук (Доброх.) Врем. № IX Wita Josephi Welamin Rutski № 220—221. гл. XX—XX; о Рутском будет речь ниже.

[4]) „Relacia o zamordowaniu okrutnym... wiel oyca Josaphata Kuncewicii“ w Zamosciu, 1624. (Цитата взята у Харламповича. Западно-русские школы. op. cit. стр. 516).

[5]) Цир. рук. Акад. Н. (Доброх.) Врем. № IX.

[6]) Арх. сб. т. УI, № 59 стр. 116—117.

[7]) Рукоп. Акад. Н. (Доброх.) Врем. № У. Грамота королевская и вводный акт отмечены самим епископом Павлом (Доброхотовым) на листе серой бумаги, которая служила в качестве обертки рукописной книжки, под этим номером.

[8]) Литература, посвященная имени полоцкого униатск. архиепископа Иссафата Кунцевича, окруженного р-католическою и униатскою церковью ореолом мученика, весьма значительна. Еще в 1665 году было издано в Риме жизнеописание Иосафата Кунцевича («Cursus vitae et certamen B

роны униатских иерархов создать собственное униатское просвещение в первые два десятилетия исторического существования унии не принесли ощутительных благих результатов для униатского образования. Две школы—владимиро-волынская и виленская Троицкая—не могли обслуживать нескольких униатских епархий. Само собою понятно, что необходимость в собственных просветительных средствах для униатской церкви обострялась все более и более. Вакансий в заграничных алюмнатах было недостаточно. Для униатской церкви нужны были свои школы, где бы изучался славянский язык и богослужебный устав восточной церкви. Вот с какими словами обращалось в начале XУII в. виленское православное братство св. Духа к униатам западно-руссам.«Какая духовная польза для нас от гибельной унии? Церкви русские православные по имениям р.-католиков обращены в костелы, униаты—в римлян (католиков), алтарные места часто обращаются в кухни, корчмы и масульманские мечети, обряды церковные поносятся, духовенство—в невежестве, школы запущены (zaniedbane), язык славянский поносится (vzgardzony), а русский высмеивается (nasmiany); монашество принижено, права духовные попраны; вера заражена ересями. Если бы не было унии, то в дорогом нашем отечестве не было бы смуты, не было бы такого раздора в среде одного и того же народа, богослужение было-бы одно, хвала Божия в наших церквах преуспевала-бы, школы процветали-бы, книги церковные были бы в исправности, был-бы у них (ныне отпавших) и свой катихизис, а не было бы того, что ныне, когда наш бедный русский народ в чуждом potrut i truie [1]) Если даже допустить

Iosaphat Kuncevici Archiepiscopi Polocensis) «составленное холмским униатским епископом Яковом Сушею Это жизнеописание легло в основу всех дальнейших трудов, посвященных Кунцевичу, напр. жития Иосафата, составленного Игнатием Кульчинским (базилианином) в его „menologium Bazylianskie» (изд. в Вильне в 1771 года)—сентября 16-е число. Трудом еп Якова Суши пользовался автор книжки. Jozaphata Kuncewicza Zyvot. Рукоп. Имп. Публ. б I F. 15. Во всех исследованиях о брестской церковной унии находятся страницы, повествующие о фанатике епископе, напр. у М. О. Кояловича (Литовская церковная уния — II том) и др. Есть исследование об Иосафате Кунцевиче и на французском языке принадлежащее о. Гензну (Un apotre de l' Union de Eglises au XУIII siecle saint Iosophat Paris. 1897). Оно переведено и на польский язык. Есть и другие исследования жития и „сказания» об Иосафате Кунцевиче, рассматривающие жизнь и деятельность его как писателя, администратора и подвижника мученика.

В академии наук, среди рукописей, поступивших туда после смерти еп. Павла (Доброхотова) находится описание процесса канонизации Иосафата Кунцевича (врем. № У), там же, в том самом сборнике (врем. № У), на л. 200—211 помещен катихизис от слуги Божого Иосафата сочетанной а на л. 192 об. — 199 — «Reguly S. Iosaphata dla swych presbyterov"... (Неизданныя сочин Иосафата описаны в особой брошюре проф. П. Н. Жуковичем под этим же заглавием).

[1]) Арх. Юго-зап. России ч. I, т. УII Verificatia nievinnosci стр. 335 ibid. Obrona verificaciey... стр.441.

что православное братство смотрело на вещи слишком пессимистично, то все же придется согласиться, что в приведенном отрывке есть большая доля исторической правды. Как владимиро-волынская школа, так и виленская Троицкая семинария имели весьма заметный оттенок латинских школ.

ГЛАВА III.

Из сказанного видно, что собственные просветительные средства униатов за первую четверть исторического существования церковной унии были незначительны. Но нужда в просвещенных пастырях, богословах и полемистах, несомненно, была весьма ощутительна. Где же униатской церкви естественно было искать выхода из такого затруднительнаго положения? Взоры униатских иерархов прежде всего устремились туда, откуда более всего униатская церковь могла ожидать для себя духовной помощи.

В свое время мы упоминали, что заботы папы Григория XIII о распространении р.-католической веры выразились в открытии нескольких «папских» семинарий, где на счет апостольской столицы могли получать образование и воспитание в духе католической церкви юноши разных национальностей. Такие папские семинарии обычно назывались алюмнатами, а воспитанники алюмнами [1]) В Литве и Польше алюмнатов было много, так как этим именем там назывались все те учебные заведения, в которых ученики воспитывались и содержались на средства, пожертвованные правительством или частными лицами. Алюмнами (alumni) в Польше и Литве обыкновенно называли воспитанников семинарий и академий, потому что епископы должны были приготовлять молодых людей к духовному званию на средства кафедральных костелов. [2]) В некоторых папских алюмнатах были предоставлены места для русских юношей еще до введения унии (греч. коллегия св. Афанасия); а виленский папский алюмнат был учрежден специально для русского юношества. Учились русские юноши и в других папских семинариях, особенно начиная с XУII столетия. К сожалению, в «каталогах» папских семинарий алюмны русской национальности обозначены общим термином «ruthenus»,—вероисповедание их не указано. Можно только предполагать с большою степенью вероятности, что это были униаты. Нет возможности, однако, выяснить вопрос в точности: во всех ли папских семинариях учились униаты в начале XУII столетия, до 1615 года, или только в некоторых (напр. в Риме, Вильне, Брунсберге). Мы склонны думать, что униатские юноши, особенно питомцы Рутского, пыта-

---

[1]) От слова alumno (árē) вскормить, воспитывать, отсюда alumnus—питомец, воспитанник. Были в папских алюмнатах еще и конвикторы (convictores). Это те же воспитанники алюмната, но содержавшиеся на частные (или же свои) средства. Об этом у нас речь будет ниже.

[2]) Encyklop powszechna t I p. 544.

лись проникнуть во все алюмнаты, но не с одинаковым успехом,— большею частью они встречали холодный прием со стороны местной администрации.

Рутский сделал было попытку посылать униатских юношей для образования в Краков, к кармелитам босым, — но эта мера не привилась, «ale to do uzywania nie przyszlo».). Затем он исхлопотал у иезуитов и р.-католических епископов несколько мест в иезуитских коллегиях в Калише, Пултуске, Вильне и в Брунсберге [1]).

Но это не удовлетворяло Рутского. Во-первых, взоры его привлекали папские семинарии (и особенно Римская коллегия св. Афанасия), которые постановкою учебного дела в унионaльном направлении более всего соответствовали идеалам униатского образования. Во-вторых, такое милостивое отношение к униатам со стороны вышеуказанных лиц, было делом личных симпатий их к Рутскому. Но в будущем униаты легко могли потерять доступ в эти коллегии так же, как легко получили его. По всей вероятности, еще митр. Поцей сносился частным образом с ректорами папских семинарий, но только некоторые из них, (напр. Брунсбергская и Гратская) согласились принимать униатов [2]). Рутский стал действовать энергичнее и задумал обратиться за разрешением о допущении униатов в папские семинарии к самому папе. В 1615 году Рутский по делам униатской церкви путешествовал в Рим. Здесь он ходатайствовал пред папою и о предоставлении униатам стипендий в папских семинариях.—Ходатайство Рутского имело успех, и 2-го декабря 1615 года папою Павлом V было издано «бреве», согласно которому для униатов было отведено в греческой афанасьевской коллегии четыре места. На эти вакансии митрополит должен был выслать достойных кандидатов, а конгрегация пропаганды веры обязывалась из своих специальных средств обезпечивать содержание этих алюмнов [3]). Во время этой же поездки Рутский виделся с генералом иезуитского ордена М. Виттелески. Униатский митрополит, видимо, по душе беседовал с ним, говорил о недостатке просветительных средств в униатской церкви и, вероятно, заручился обещанием Виттелески содействовать униатам в получении мест в папских семинариях. О том, какое чарующее впечатление произвел Рутский на Виттелески, свидетельствует письмо последнего к провинциалам, наблюдателям (praepositoribus) и ректорам иезуитским. «Таково расположение архиепископа русского Иосифа к нашему ордену, писал Виттелески, что мы не должны упустить случая,

---

[1]) Арх. сб. т. XII стр. 9. Congr Nowogrodowicka I 1617 ч. ses 1.

[2]) Рукоп. Акад. Наук (Доброх.) Врем. № 61, Арх. Уп. Митроп. № 765; Акты Вилен. Арх. Ком. т. ХУI, № 233.

[3]) Акты Вилен. Арх. Ком. т. XVI, № 116,—Theiner, Vetera monumenta, t. III, № 287.

чтобы не проявить, насколько возможно, знака нашей любви (к нему). Посему мы желаем, чтобы в тех наших поселениях, через которые будет он совершать свой путь, его восторженно приветствовали, старались проявить должную любовь и уважение и оказывали гостеприимство, при этом внимательно беседовали с ним и доставляли ему возможное утешение [1])». При этом Виттелески, по просьбе Рутского, дал ему двух иезуитов опытных в духовной жизни, которые должны были наставлять в этой жизни монахов—униатов [2]).

Кроме четырех стипендий в афанасьевской коллегии, униаты в этом же, 1615 году получили стипендии и в других папских семинариях (а всего 22 стипендии). В частности, униатам было предоставлено: 4 места в Римской коллегии св. Афанасия, 2 в Вене, 2 в Праге, 2 в Ольмюце, 6 в Брунсберге и 6 в Вильне. В 1617 году почти все эти места были уже заняты молодыми монахами—базилианами [3]).

Коллегия св. Афанасия в Риме.

Афанасьевская коллегия в Риме, учрежденная для пропаганды католичества среди христиан восточного обряда, естественно, должна была стать главным и первым источником, откуда униаты могли бы почерпать высшее знание. В свое время мы говорили об основании этой коллегии, ее планах, задачах и просветительно-воспитательных средствах. Касались мы и неудачной попытки папы Григория XIII привлечь в эту коллегию православных русских. В первые годы церковной унии (1591—1604 г.) во главе афанасьевской коллегии стояли иезуиты, которые, без сомнения, дали известный ход всей учебно-воспитательной жизни коллегии, сообразно с основными принципами своей педагогики. Но произвести более или менее заметную реформу в учебном и воспитательном деле этой коллегии иезуиты не могли, так как управление их коллегией было непродолжительным. С 1609 1623 года во главе афанасьевской коллегии стали монахи доминиканского ордена [4]). Доминиканцы были менее фанатичны, чем иезуиты; посему можно думать, что по отношению к уставу афанасьевской коллегии они были консервативны. Нет, по крайней мере, данных полагать, чтобы в период управления афанасьевской коллегией доминиканцами, в ней произошли какие-либо перемены как во внутренней, так и во внешней жизни.

---

[1]) Описание арх. ун. митр., I № 391.

[2]) Арх. сб. XII стр. 9—10. Congr. I, ses I.

[3]) Ibidem, стр. 10. Памятн. Полемич. Литер. т. I, стр. 286. «Obrona jednosci»; (IV-ый том Русской исторической библиотеки).

[4]) Bibliograph. Hellenique t. III p. 217 примеч. 6; 440, 486, 488, 490, 4,91. В 1623 г. иезуиты снова утвердились в афанасьевской коллегии. Bularium romanum № 98. p. 245.

До 1615 года западно-руссов униатов не было в афанасьевской коллегии. Только в 1615 году, как мы видели, м. Иосиф Рутский выхлопотал у папы разрешение поступить туда четырем юношам униатам. В папском „бреве" по этому поводу, от 2 декабря 1615 года, сказано,... «желая позаботиться, чтобы русская нация, или Русь, лучше и удобнее была наставлена в католической вере и здравом правоверном учении, мы побуждаемые усердными просьбами об этом достопочтенного брата нашего Иосифа, архиепископа киевского и галицкого и всей Руси митрополита, постановляем, чтобы на будущее время четыре юноши униата (ex iis scilicet, qui ad praedictam unitatem redierunt) принимались (в коллегию) на полное содержание. Отношения к этим юношам униатам должны быть уравнены с отношениями к алюмнам прочих национальностей [1]). Несколько странным кажется то обстоятельство, что униатов в афанасьевской коллегии не было до 1615 года. Хотя они и могли поступать в эту коллегию, но на практике их принимали, повидимому, неохотно. В Риме, надо полагать, считали, что для просвещения русских униатов апостольская столица и без того сделала весьма много, учредив для них в Вильне специальную папскую семинарию. Кроме того, путешествие алюмнов в Рим было сопряжено с большими расходами, которые обычно ложились на конгрегацию пропаганды веры [2]). Администрация афанасьевской коллегии могла отказывать в приеме западно-руссам униатам, ссылаясь на незнание последними итальянского языка [3]), на ограниченность казенных стипендий в коллегии и т. д.

Хотя, по милости папы, только с 1615-го года для униатов становятся открытыми двери греческой коллегии в Риме, однако, и до этого времени здесь получали образование видные впоследствии деятели Западно русской церковной унии, как, напр., Иосиф Рутский, Петр Аркудий, Лев Кревза и другие лица [4]). Но это были личности исключительных дарований, подававшие большие надежды для пропаганды католичества. Кроме того, они вступали в коллегию не униатами,—таковыми они становились уже впоследствии, при окончании своего образования, часто по принуждению

---

[1]) А. В. А. К. т. ХУІ, № 116 стр. 155—156;—Theiner, Vetera monumenta... t. III, № 287, p. 360.

[2]) Арх. сб. т. XII, стр. 166. Congr Bialska.

[3] На это между прочим указывал и Поссевин в своих „Rationes promovendae in Moscoviam catholicae religionis". Starczewski Vol. II. Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. p. 284—286.

[4]) Из других алюмнов этой коллегии, учавшихся здесь в начале XУII столетия, известных в истории унии, можно упомянуть Анастасия Селяву, Рафаила Корсака, Илью Мороховского, Иеремию Почаповского, Пахомия Война-Оранского, Мефодия Терлецкого. Leo Allatius. De ecclessiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione libri tres. (1648) p. p 987—988.

принимали унию, а не р.-католичество, хотя именно к последнему стремились всей душой (Рутский).

Чрезвычайно важное значение имела греческая афанасьевская коллегия для униатской церкви уже потому, что она выпустила из своих стен столь великую личность, как митрополит Иосиф Вельямин Рутский—«Athanasius Russiae, Athlas unionis», своею разностороннею деятельностью вполне оправдавший это, данное ему папою, название [1]). По смыслу папского «бреве» от 2-го декабря 1615 года в греческую афанасьевскую коллегию могли поступать не только алюмны—клирики, но и миряне [2]), которые впоследствии могли пополнять ряды белого духовенства; однако, уже около 1619 г. в этой коллегии обучались главным образом базилиане [3]).

Виленский папский алюмнат.

Это известная уже нам из предыдущего отдела папская семинария. С 1585 года в эту семинарию стали поступать юноши разных национальностей, в том числе и русские. С 1585 г. по 1597 г. поступило сюда 15 русских юношей. Вообще же число русских алюмнов в виленской папской семинарии было сравнительно не велико, а с 1597 по 1601 год поступлений сюда русских юношей вовсе не замечается. В перечне алюмнов, поступивших в виленскую папскую семинарию в 1602 году, не упоминается ни одного русского Наименьшее число всех алюмнов падает на 1598—1599 годы. [4])

В это время семинария находилась в состоянии упадка. Виленский р.-католический епископ Бенедикт Война, по поручению папы Климента УIII от 9 сентября 1600 года. принял все возможные меры к оживлению учебно-воспитательного дела в семинарии [5]). И действительно, папская виленская семинария в начале ХУII столетия снова начинает функционировать....

В 1601 году ее ревизовал иезуит Павел Бокса,—вице-провинциал иезуитского ордена в Польше, по поручению генерала ордена Клавдия Аквавивы. Бокса в следующем 1602 году послал Аквавиве отчет о состоянии виленской папской семинарии, кото-

---

[1]) Харлампович, ор. cit. стр. 509 прим. 1. Рукоп. Сб. Акад. Н. (Доброх.) Врем. № IX и 204 об.

[2]) А.В.А.К. т. ХУI, № 116 ср. Арх. Уп. м. № 267.

[3]) См. у. А. Сосновского «О средствах умножения в греко-униатском духовенстве просвещения», примеч. 35 А. В. А. К. т. ХУI, № 233, стр. 539—540).

[4]) Catalogus alumnorum Pontif. Wilnen ab initio Seminarii Anno 1602 missus in Urbem a P. Paulo Boxa in Martio (Россия и Италия т. 1 выпуск 2. стр. 183—185).

[5]) Theiner Wetera Monumenta t. III, №, 207, p. 275; Описание рукописей Виленск. публ. Библ. вып. 1, прилож. стр. 74.

рый обрисовывает быт ее с разных сторон. Основным фундушем этой семинарии были 1000 скути (флоренов), назначенные апостольскою камерою [1]), так как остальные 200 скути были еще раньше (с самого основания коллегии) Поссевиным переданы на дерптскую семинарию для приготовления церковных деятелей, знающих эстонский и латышский языки. Поэтому, в виленской папской семинарии воспитывалось меньшее число алюмнов, чем в Брунсберге. Количество алюмнов было не всегда одинаковым, но менялось в зависимости от времени и обстоятельств. Еще недавно, пишет Бокса, когда вакантна была кафедра вследствие задежки денег, количество алюмнов было сведено до нескольких только человек. Ныне же, разсуждая по справедливости (так как от семинарского фундуша отнято на дерптскую коллегию 200 флоренов), в виленской папской семинарии нельзя содержать более 20 алюмнов, кроме двух наставников и трех служителей. Образ жизни алюмнов названной семинарии умеренный и скромный подобно тому, как и в Брунсберге. Метод науки добрый и достаточно совершенный, алюмны хорошо воспитываются в добродетельной жизни, сообразно назначенной им цели. Хотя три или четыре года тому назад, со стороны начальства обычные предписания для семинарии не делались, но ныне снова они возобновлены и касаются назначения алюмната, спасения душ и оказания людям духовной помощи. Большинство (plerique) алюмнов не знает польского языка, поскольку многие из них шведы, датчане, германцы и пруссы; отсюда получается значительное неудобство, так как они не могут слушать добрых польских проповедников. Для устранения этого в столовой читаются поучения на их отечественных языках. Правила, которыми руководствовалась виленская папская семинария, были одинаковы с правилами Брунсбергской семинарии. Это не тот устав, который составил для виленской семинарии некогда, при основании ее, о Поссевин, но правила, выработанные около 12 лет тому назад о, Кампаном [2]) и Масалом и диктуемые самою жизью (ex praxi ipsa concinnatae). Согласно этим правилам в алюмнате практиковалось частое чтение духовных книг, и алюмны снабжались последними в достаточном количестве. В алюмнате был конфессорий (место исповеди), который в определенное время алюмны должны были посещать,— это имело значение отличного вспомогательнаго средства в процессе духовной жизни. Ко времени ревизии семинарии Боксою, там ожидалась из Брунсберга инструкция, составленная о. Новрвегием, в руководство к диспутам и катихизису Конизия, в котором (руководстве) алюмны должны были упражняться. Церковное

---

[1]) Папа назначил на Виленскую семинарию 1200 скути—См. Bulla erectionus seminarii Wilnae pro Ruthenis Рукоп. Виленск. публ. Б, 53. 37.

[2]) С. Павел Кампан—провинциал иезуитского ордена в Польше, судя по переписке его с различными лицами, можно полагать, что это было лицо, компетентное в школьном деле.

богослужение и обряды алюмны должны были изучать, отчасти присутствуя при совершении их в церкви, а отчасти прислуживая при самом отправлении их (что до этого времени в виленской папской семинарии, по отзыву Боксы, еще не было в употреблении). Что касается постановки учебнаго дела в семинарии, то в ней имелись все высшие студии, вследствие чего сюда для высших наук посылались более взрослые и даровитые алюмны из Брунсберга. Эти последние, чтобы скорее стать работниками в винограднике Господнем, обычно изучая и здесь только казуистику, обучались ведению диспутов и некоторым другим положительным наукам. Для внешкольного надзора над алюмнами был приставлен один отец, называемый прокуратором, который следил и за учебными занятиями алюмнов. Почти все алюмны виленской папской семинарии, говорит Бокса, прибыли сюда из брунсбергской коллегии, редко кто поступал в эту семинарию непосредственно. Такой метод образования очень легок и одобряется всеми. Брунсбергская коллегия, находясь по соседству с Германией, Данией, Швецией и Норвегией, легко может найти способных учеников, в Вильне же, которая находится в центре католичества,—не то: трудно достать алюмнов из еретиков и схизматиков, в лице которых Рим имел бы своих апостолов среди тех наций, к которым принадлежат эти алюмны. Что касается распределения времени, то оно в виленской папской семинарии то же, говорит Бокса, что и в Брунсбергском алюмнате, так как во главе школьной жизни там, как и здесь, стоит один и тот же провинциал. Бокса нашел четыре пункта, отмеченные во время предыдущей ревизии, как недостаточно соблюдаемые в виленском алюмнате по большей части не сохранялись в алюмнате правила, изданные для алюмнов, не читались и не вывешивались в здании алюмната на бумаге, но все делалось как то само собою (без этих письменных регламентаций). Теперь же, говорит Бокса, они (эти правила) переписаны и об'явлены алюмнам.. Причина прежнего опущения была двоякая. Во-первых, вследствие четырехгодичной задержки из Рима денег, семинария состояла только из нескольких лиц, так что вся жизнь ее пришла в упадок. Во-вторых, в семинарии виленской в продолжение значительного времени не было ревизии (визитации) [1].

Вскоре же после ревизии виленской папской семинарии о. Бокса издал инструкцию для алюмнов этой семинарии. По всей вероятности, эта инструкция представляет композицию из ранее существовавших инструкций подобного же рода, составленных с. Поссевиным, Кампаном и Маселом, хотя, без сомнения, в основу своей инструкции Бокса положил правила для виленских алюм-

[1]) Отчет визитации Виленской папской семинарии, произведенной в 1601 году вице—провинциалом иезуитскаго ордена в Польше приводится полностью среди других бумаг иезуитскаго ордена в цит. сборнике „Россия и Италия“ т. I выпуск 2 стр. 186—189.

нов, изданные папою Григорием XIII, а равно и устав коллегии св. Афанасия. Более самостоятельными представляются добавления к данной инструкции [1]).

Согласно этой инструкции, от поступающего алюмна требовалась глубокая религиозность и известная настроенность. Даже после принятия в семинарию, до начала занятий особый духовник тщательно испытывал совесть будущего алюмна. Утренняя и вечерняя молитвы, ежедневное присутствование за богослужением, строгий режим жизни—все это должно было сообщать воспитаннику известный религиозный нравственный навык. Без воли префекта алюмн не мог являться даже в присутственные (административные) места за какою-нибудь надобностью, дарить что-либо кому-нибудь, продавать или покупать что-либо, писать письма, и т. д.

При выходе в город, алюмн получал от префекта спутника—товарища, а при возвращении они оба давали отчет префекту. Разговорным языком для алюмнов был латинский, за исключением праздничных и свободных от занятий дней, когда позволялось разговаривать на своем родном наречии. Книги алюмны могли читать только те, которые одобрены начальством; с этими книгами алюмны должны были обращаться весьма бережно. Запрещались алюмнам игры без особенной надобности, только в дни свободные от занятий дозволялись невинные развлечения без чрезмерного крика и легкомысленности. Деньги и другие свои вещи алюмны, при поступлении в семинарию, должны были отдавать на хранение наставнику,—при чем эти вещи записывались в специальную книгу. Пищу алюмны должны были принимать только в семинарии и в назначенное время. За внешнею чистотою в помещении алюмната (в спальне и в других комнатах) также должны были следить сами же алюмны. В добавлениях к этой инструкции, сделанных Боксою, указаны некоторые меры дисциплинарного характера. Очевидно, несмотря на тщательный надзор за алюмнами, последние допускали нарушение устава семинарии (самовольную отлучку из интерната, пьянство и т. д.,) а иногда, после двухлетнего пребывания в семинарии, оставляли ее совершенно. Против первой ненормальности Бокса рекомендует строгие меры, до телесного наказания (розгами) включительно, а чтобы избежать последнего явления, он считает необходимым обязывать алюмнов после двухлетнего пребывания в семинарии принимать священный сан. Вооружается Бокса против желания некоторых алюмнов попасть во что бы то ни стало в Рим или в какую-либо другую провинциальную коллегию. Переданная в руки иезуитов еще в 1585 году, виленская папская семинария и в описываемый период продолжала оставаться в руках ордена, семинария эта часто ревизовалась, и отчеты о ее состоянии аккурат-

---

[1]) Сборник «Россия и Италия», т. I, выпуск 2, стр. 192—196.

ным образом посылались в Рим [1]). Сколько можно судить на основании имеющихся сведений относительно этой семинарии, с начала XVII столетия сюда стали стекаться алюмны из брунсбергской семинарии для получения высшего образования и юноши из Швеции, Пруссии, Дании, Ливонии и др. Встречались среди алюмнов и русские юноши (восточного обряда). Их охотно принимали в семинарию, делали из них преданных слуг Рима и посылали миссионерами на их родину. Но нет оснований думать, что среди русских алюмнов виленской папской семинарии были в этот период времени исключительно юноши—униаты. Ведь эти последние не были в глазах Рима схизматиками, а овцами Римского двора; между тем виленская папская семинария предназначалась, по мысли ее фундатора, для русских схизматиков восточного обряда. Затем, алюмны этой семинарии, после окончания курса, должны были отправляться миссионерами в страны, враждебно настроенные по отношению к Риму; униаты же, если и стремились попасть в семинарию, то желали впоследствии остаться на службе своей церкви. При ограниченности вакансий в алюмнате, не должно казаться удивительным, что виленская папская семинария иногда должна была отказывать униатам в приеме. Только в 1615 году Рутскому удалось выхлопотать у папы для униатов 6 стипендий в виленской папской семинарии, которые, по всей вероятности, скоро и были замещены [2]).

Брунсбергский папский алюмнат.

Брунсбергская папская коллегия (в Вармии) была основана в 1578 году, и на содержание ее отпускалось ежегодно 1200 скути „in auro". В числе стран, откуда могли поступать в эту коллегию алюмны, обозначены! Ливония, Московия, Россия, Литва и др. До 1620 года комплект алюмнов в брунсбергской коллегии был невелик (22 человека) и только потом увеличился до 24 человек)[3]). Программа брунсбергской папской семинарии, отображая черты, общие для всех папских семинарий особенно близко подходила к программе семинарии виленской [4]) Вследствие этого алюмны, поступавшие в виленскую папскую семинарию, где преподавались „superiora studia", для подготовки к слушанию этих дисциплин предварительно посылались ad inferiora studia в семинарию брунсбергскую и трансильванскую. И наоборот, алюмны брунсбергской семинарии, часто были посылаемы в виленскую папскую семинарию „ad studia maiora" [5]).

---

[1]) Хранятся в Римском государственном архиве, среди бумаг иезуитского ордена (Россия и Италия, т. I, выпуск 2-ой).

[2]) Пам. Полем. Лит. т. I, стр. 286. Obrona jednosci (IV том Русской историч. библиотеки).

[3]) Россия и Италия. т. 1 выпуск 2, стр. 205.

[4]) ibid. стр. 191, 187.

[5]) idid. стр. 180, 188.

В брунсбергскую папскую семинарию алюмны униаты проникают сравнительно рано. По всей вероятности вследствие ходатайства м. Поцея, с 1609 года в брунсбергском алюмнате начинают учиться западно-руссы униаты: 26 августа 1609 года сюда поступил в грамматический класс Афанасий Покостанский (Пакоста); он проучился до гумманитарного класса и в 1611 году ушел в Пултуск для изучения философии (впоследствии был епископом холмским),(1625 г.) Одновременно с Афанасием Пакостанским прибыл в Брунсберг, в алюмнат, униат Игнатий, но в 1610 году оставил начатое изучение гумманитарных наук и ушел обратно в Вильну, по болезни глаз. 10-го февраля 1611 года поступил в брунсбергский алюмнат униат по имени Геннадий для изучения грамматики, но должен был в марте месяце того же 1611 года уйти, так как не знал языка, на котором велось преподавание („quia lectiones non explicatur polonice"). В 1611 же году в октябре месяце поступил в алюмнат униат диакон Феодосий. Он стал изучать гуманитарные науки и, по всей вероятности, окончил полный курс брунсбергской семинарии. Одновременно с ним поступил в грамматические классы униат Макарий, повидимому, из иноков виленского Троицкого монастыря. После изучения логики он был в 1615 году отозван своим супериором в Вильну. В 1614 году прибыл в алюмнат для изучения грамматики пятнадцатилетний юноша Герасим Корсак. О дальнейшей судьбе его в этом алюмнате ничего не известно [1]). 22 октября 1614 года прибыл в Брунсберг диакон Феофил Ольшеница, 19 лет, из виленского Троицкого монастыря. По изучении философии, он снова возвратился в Вильну. В это же время учился в Брунсбергском алюмнате униат Никифор Жартовский. 22 августа 1615 года поступил в брунсбергскую семинарию униат Андриан, который из синтаксического класса был отозван домой своим митрополитом в 1619 году. Вместе с ним был отозван и товарищ его Петр (пиитик), прослушавший только в течение одного года риторику[2]). В 1615 году униаты получили в брунсбергской папской семинарии шесть стипендий, посему в последующее время они стали поступать в этот алюмнат в большем количестве [3]).

Перечисленные нами лица, алюмны брунсбергской папской семинарии, были все из монашествующей братии. Допускать, чтобы в брунсбергском алюмнате, кроме перечисленных лиц, учились другие униаты, клирики белого духовенства или миряне (лаики)—нет решительно никаких данных.

---

[1]) Но можно думать, что он окончил полный курс, так как в «Каталоге» униатов-алюмнов Брунсбергской семинарии, бывшем у нас под руками, обычно отмечается, кто из алюмнов получил в алюмнате только частичное образование.

[2]) Cathalogus venerabilium fratrum o. S. B., qui in Alumnatu Pontifico Brunsbergenski literis et pietati vacarunt. Рукоп. Акад. Наук. (Доброх). Врем. № 61.

[3]) Ibid. Пам. Полемич. Лит. т. I, стр. 286.

Вообще же должно сказать, что брунсбергская папская семинария пользовалась в XVII и XVIII веках в униатской западно-русской церкви большою популярностью, как просветительное учреждение.

Грацкий алюмнат (в Штирии).

Митрополит Ипатий Поцей, конечно, не мог не понимать, насколько необходимо образование для клира западно-русской униатской церкви, но он видел и то, что рассчитывать униатам на собственные школы было невозможно: для этого нужны были большие средства, упорная энергия и деятельные сотрудники. Не оставляя мысли о собственном, униатском просвещении и даже предпринимая (как это уже видели) некоторые шаги в этом направлении, Поцей обращался в разные коллегии с ходатайством открыть туда доступ униатам. Попытки Поцея отчасти увенчались успехом. 28 августа 1607 года папский нунций в Польше писал митрополиту Поцею следующее: «Да будет известно Вашему Преосвященству, что Его Императорское Величество, вследствие ходатайства св. конгрегации пропаганды веры, согласился допустить к поступлению в Гратский алюмнат (что в Штирии) двух юношей униатов из Вашей страны для обучения наукам и пребыванию здесь до окончания курса. Ваше Преосвященство, следовательно, да озаботится выслать двух (юношей) по своему усмотрению, которые могли бы воспользоваться этою царскою и св. конгрегации милостью и преуспевать в познаниях и добродетелях»[1]). Однако, нет никаких сведений о том, учились ли в Граце униаты или нет. С достоверностью нельзя сказать даже о том, были ли посланы туда двое юношей-униатов в 1607 году. Если даже и были они посланы, то не было ли это единичным фактом. Не упоминается Грацкий алюмнат в перечне просветительных средств униатской церкви на конгрегации базилианского ордена 1617 года[2]); не говорит о нем и Лев Кревза, когда перечисляет места для униатов в разных алюмнатах [3]).

Ольмюцский папский алюмнат.

Ольмюцская семинария (Ольмюц во владениях Австрии) была основана папою Григорием XIII с миссионерскою целью. В одной записке, касающейся Ольмюцской семинарии и хранящейся среди бумаг иезуитского ордена в римском государственном архиве,

---

[1]) Арх. Ун. м. № 765; (старый номер, документ, не вошедший в печатное описание). Акты Вилен. Арх. Ком. т. XVI, № 233, стр. 523 и 539; прот. Н. Диковский, Базилианский орден и его значение в з.-русской униатской церкви в XVII и начале XVIII ст. (Гродн. Епарх. Вед. 1904 г. стр. 577).

[2]) Арх. сбор. XII, Congr. I. Nowogrod. стр. 9—10.

[3]) Пам. Полем. Лит. т. I, стр. 286. «Obrona jedności».

говорится, что целью учреждения этой семинарии было обращение к вере (р.-католической) северных стран: Швеции, Готтии (в северной Германии) Дании, Померании, Ливонии, Пруссии, Московии и других. Фундатор полагал, что этого скорее можно будет достигнуть посредством обучения в Ольмюцской коллегии юношей свободных сословий (iuvenes liberos) вере католической (fide catholica), наукам (literis) и добрым нравам (bonis moribus); эти юноши на родине скорее будут пользоваться популярностью, если будут оставаться светскими (saeculares), а не духовными (quam si ecclesiastici forent). Блаженной памяти о. Антоний Поссевин, когда этим же папою Григорием XIII, был посылаем в Москву, нашел, что означенную милость папы (Григория XIII), фундатора этой семинарии, можно распространить и на юношей национальностей чешской, моравской, силезской, саксонской и др.[1])

Это разъяснение, очевидно, имело значение особенно тогда, когда в Ольмюцской семинарии не находилось достаточного количества алюмнов из указанных папою северных стран. Ольмюцская папская семинария, предоставившая с 1615 года два места алюмнам—униатам [2]), оставалась открытою для униатского юношества и в дальнейшее время существования унии.

Пражский папский алюмнат.

Папская семинария в Праге была учреждена папою Григорием XIII, очевидно, раньше виленской семинарии. так как в 1580 году она уже функционировала [3]). В 1582 году, 4 февраля папа Григорий XIII особою буллой определил ежемесячные штаты семинарий: виленской, венской, пражской, ольмюцской и дилингенской в размере 115 скути «in moneta» [4]). Несомненно то, что пражская семинария, как и все другие семинарии, была учреждена с миссионерскими целями для воспитания юношества разных национальностей [5]) в преданности р.-католической религии. По ходатайству Рутского, папа предоставил в 1615 году западно-руссам униатам два места и в пражском алюмнате [6]). Можно думать, что дальность расстояния не смущала желавших получить образование юношей-униатов, так как еще в 1580 году (1 мая) в пражскую папскую семинарию поступил один алюмн из Вильны [7]).

[1]) Россия и Италия т. I, выпус. 2, стр. 210.

[2]) Пам. Полем. Лит. т. I, стр. 286—«Obrona jednosci».

[3]) Россия и Италия т. II, вып. I, стр. 221. О пражском папском алюмнате, как существующем уже, говорил в 1581 г. известный Антоний Поссевин в своем проэкте распространения р.-католичества в Московском государстве. Ad. Starczewski... op. cit. vol. II p. 284—286.

[4]) Россия и Италия, т. I, вып. 2, стр. 208—209.

[5]) В Пражском алюмнате учились большею частью чехи. Россия и Италия т. II, вып. I. стр. 221.

[6]) Пам. Полем Литер. цит. I т. 286 стр.

[7]) Адам Лешк, литвин, 18 лет. Россия и Италия т. II вып. I стр. 221.

Венский папский алюмнат.

Венская папская семинария была основана папою Григорием XIII, по всей вероятности, одновременно с пражской. В 1582 году (буллою от 4 февраля) были установлены, между прочим, штаты венской папской семинарии (ежемесячно на семинарию назначалось 115 скути «in moneta») [1]).

Несомненно, что и венская семинария была миссионерскою. С 1615 года западно-руссы униаты получили от папы в венском алюмнате два места [2])

Пултуская коллегия.

На первой базилианской конгрегации (1617 года), м. Рутский, указывая на те просветительные учреждени , где получали образование и воспитание униаты, говорил, что униаты получили несколько степендий для своих алюмнов от отцов иезуитов и р.-католических епископов в Калише, в Пултуске, в Вильне и Брунсберге [3]). Пултуская коллегия была основана плоцким р.-католическим епископом Носковским в 1565 году, по убеждению кардинала Гозия, и находилась в ведении иезуитского ордена [4]). Точно не известно, с какого именно года униаты получили доступ в Пултускую коллегию, но, по всей вероятности, это было около 1609—1610 годов. В эти годы в Пултуской коллегии униаты учились до окончания курса философии [5]). В 1610 году поступил из брунсбергского алюмната в Пултускую коллегию для изучения философии Афанасий Пакостинский (или Пакоста).

Калишская коллегия.

Как мы уже видели, на первой конгрегации митр. Рутский говорил, что он исхлопотал у о. о. иезуитов и епископов право для униатов поступать, между прочим и в Калишскую коллегию [6]). В Калише еще до 1583 года при кафедральном р.-католическом соборе была епархиальная семинария. Приблизительно в 1583 г. здесь же была основана и коллегия, которая находилась под ведением иезуитского ордена. Эта коллегия была сравнительно хорошо обеспечена (в ее владении было целое имение—Славно) [7]) Трудно решить, куда мог посылать в Калиш Рутский униатскую

---

[1]) Россия и Италия, т. I, выпус. 2., стр. 208—209

[2]) Пам. Полем. Лит. т. I. стр. 286.

[3]) Арх. сб. XII стр. 9.

[4]) Lukaszewicz Historia żskoł..... t III, p. 510; ср. т. I, p. 119—120.

[5]) Рукоп. Акад. Н. (Доброх; Врем. № 61).

[6]) Арх. сб. XII т. 9 стр. Рукоп. Акад. Наук (Доброх) Врем. № IX цит. Vita Iosephi... гл. XXVI.

[7]) Россия и Италия, т. I вып. 2 стр. 139—140.

молодежь: в коллегию ли, или в епархиальную семинарию (вернее, конечно, то, что униаты учились в иезуитской коллегии). Можно только сказать, что униаты, учившиеся здесь до окончания философского курса, [1]) не долго пользовались правом поступления в названную коллегию, так что в дальнейшей истории униатского просвещения о калишской коллегии совершенно не приходится говорить.

Несвижская коллегия.

Несвижская иезуитская коллегия была основана в 1584 г. в м. Несвиже (ныне Минской губ.) Николаем Христофором Радзивилом, сыном того покровителя кальвинистов Николая Радзивила Черного, который так сильно противился введению иезуитов в Вильно [2]).

Рутский, всею душою тяготевший к иезуитам и видевший в общении с ними залог светлого будущего униатской церкви, испросил у своих друзей несколько мест для униатов и в несвижской коллегии, где они и обучались до окончания философского курса [3]).

Как долго пользовались униаты правом поступать в эту коллегию, сказать трудно. По всей вероятности униаты учились там не в большом количестве и недолго, так как в 1617 году, на первой базилианской конгрегации о Несвижской коллегии, как доступной для униатов, не говорится уже [4]).

В Несвижской униатской коллегии учился преемник Рутского по митрополичьей кафедре (1637—1643 г.) Рафаил Корсак, составивший его жизнеописание. Кто же учился в папских алюмнатах и в открытых для униатов иезуитских коллегиях клирики-ли белого духовенства (saeculares) или же молодые монахи (regulares)? С достоверностью можно сказать, что только последние имели доступ в эти алюмнаты. Высшую иерархию униатской церкви в описываемом периоде занимало образование кадра ученого монашества, из которого потом выходили бы просвещенные иерархи.

---

[1]) Рукоп. Акад. Н. (Доброх.) Врем. № IX, цит. Vita Josephi.... гл. XXVI.

[2]) Фундация Николая Радзивила на основание в Несвиже иезуитской коллегии приведена полностью в сбор. „Россия и Италия" т. I, вып. 2 стр. 205—206. Ревностный католик Николай Радзивил прилагал большие старания, чтобы открыть эту коллегию (письмо Скарги к генералу ордена Клавдию Аквавиве). Ibidem, стр. 134—135. Ревность этого Радзивила о католичестве доходила до того, что он истратил более 5000 червонцев, чтобы скупить экземпляры библии изданной его отцом и сжечь их (Jaroszewicz. «Obraz Litwy» т. III, 108).

[3]) Рукоп. Акад. Н. (Доброх) Врем. № IX. Vita Josephi Velamin Rutski гл. XXVI; Арх. Ут. м. № 810 старый номер. Письмо Симеона Яцевича (магиста Бытенского новициата) в Августе месяце 1613 года м. Рутскому.

[4]) Арх. сб. XII, стр. 9.

Само собою понятно, что к м. Поцей и затем Рутский старались заполнить места в алюмнатах преимущественно молодыми монахами. Так как этих мест в алюмнатах для униатов было отведено весьма ограниченное количество, то тем более трудно было бы надеяться попасть в алюмнаты светским юношам, будущим приходским священникам. Последние должны были довольствоваться теми незначительными просветительными средствами, которые находились у них, дома: в Вильне или Владимире. Отсюда, не будет преувеличением, если скажем, что образование приходских пастырей в описываемый период не простиралось дальше грамотности и простой книжности. Сын униатского священника заимствовал книжную науку от своего отца и впоследствии занимал его место. Только более счастливые и богатые могли получать каким-нибудь образом школьное образование или в униатских школах или в иезуитских коллегиях, но таких едва-ли могло привлекать скромное положение униатского священника. Совершенно в другом положении находилось в это время нарождающееся униатское монашество. Вот какой восторженный отзыв дает о состоянии просвещения среди монахов—униатов архимандрит виленского Троицкого монастыря Лев Кревза в своем сочинении «Obrona Ludnosci» (вышедшей в 1617 г. в Вильне).—«Первая и значительная выгода последнего десятилетия (с небольшим) та, что в такое короткое время по милости божией мы имеем несколько десятков братий, которые или еще продолжают свое образование или оканчивают курс, или окончили уже; они изучают не только общеобразовательные науки, но и философские, и богословские. Два года тому назад св. отец, папа Римский, оказал столь великое благодеяние, что двадцать два брата инока могут на его счет получать образование в разных христианских странах и к тому же в главнейших городах, где могут изучать и науки и знакомиться с чужими краями, что для всякого человека служит украшением, а именно: четыре в Риме в греческой коллегии (св. Афанасия), два в Вене, два в Праге, шесть в Вильне. Эти места уже почти заняты, и когда господь бог пошлет больше подходящих людей будут заняты и другие» [1]).

(*Продолжение следует*).

---

[1]) Пам. Полем. Лит. т. I, стр. 286.

Н. М. Никольский.

КЕРУБЫ

по данным Библии и восточной археологии.

Вопрос о керубах (keruḃhim), огромных изваяниях, поставленных в Соломоновом храме в дебире, или тайнике, над ковчегом (I Цар. VI, 23 и сл.), является одним из важнейших, но в то же время и одним из наиболее темных вопросов истории израильской культуры и религии. Ни самых памятников, ни копий с них не сохранилось, и приходится судить о керубах по их описанию в книге Царей и по сходным памятникам восточной археологии, привлекая также все другие случаи упоминания в Библии о керубах, как об определенном религиозном представлении; кроме рассказа книги Царей, важнейшим из таких указаний Библия является упоминание о керубах в книге пророка Иезекииля, при описании явлений бога Иагве пророку (Иез., I, 3—28; X, 2 и сл.). Вопрос о керубах привлекал внимание многих исследователей, отчасти вследствие его важности специально для понимания древне-израильских религиозных представлений, отчасти вследствие того, что библийские керубы являются, так сказать, родоначальниками позднейших христианских херувимов. Но подобно многим другим вопросам библейской истории и археологии, вопрос о керубах оказался весьма трудным для разрешения. Тут сказались и неполнота литературных данных, и почти полное отсутствие на палестинской почве таких археологических предметов, которые можно было бы с большей или меньшей вероятностью отожествить с керубами. С другой стороны, вопрос был сбит с верного пути попытками некоторых ассириологов панвавилонистского направления без дальних рассуждений об'явить керубов простым заимствованием из вавилонской культуры. Не отрицая нисколько вавилонского влияния в израильской культуре, я должен сказать, что тут, как и во могих других вопросах, была допущена коренная ошибка: считая вавилонское влияние *данным*, старались приурочить к нему все, что только возможно, вместо того, чтобы путем исследования *фактов* выяснить. было ли вавилонское влияние на самом деле, и если было, то когда проявилось и насколько

глубоко успело распространиться. Поэтому библейская наука стоит сейчас перед тяжелой перспективой пересмотра скороспелых выводов о всеоб'емлющем характере вавилонского влияния в древнем Израиле и ожидает нового исследования проблемы путем привлечения точных данных, в особенности в виде археологических памятников. Таким образом, специальный вопрос о керубах приобретает и общий интерес: исследование его введет нас в проблему о вавилонском влиянии в древнеизраильской культуре и даст материал, не бесполезный для сравнительного изучения древневосточных культур.

Ассириологов больше всего заинтересовали керубы, фигурирующие в видениях Иезекииля. К этим видениям мне придется еще вернуться; здесь я укажу только их главные черты. Иезекииль в 1 гл. своей книги рассказывает, что он видел четыре фантастические существа (chajjoth), которые в VIII—X главах, при описании вторичного видения, названы керубами. Каждое существо имело по четыре лица (panim)—человека, орла, льва и быка,—и по четыре крыла; на этих четырех существах покоился трон, на котором имела пребывание «слава Иагве», т. е. сам Иагве. Еще в 70-х годах XIX века французский ассириолог Ленорман сделал попытку отожествить керубов Иезекииля с ассиро-вавилонскими крылатыми львами и крылатыми быками (schedu или lamasu), огромные изваяния которых ставились обычно у входов во дворцы, в качестве божественных стражей-хранителей от злых духов и насылаемых ими бедствий (*рис.* 1). Именно, Ленорман утверждал, что крылатым ассиро-вавилонским быкам давалось также имя kirubu, ссылаясь на один амулет из коллекции Ле-Клерка, на котором в магической формуле вместо обычного во всех подобных случаях термина schedu стояло будто бы kirubu [1]). Это указание Ленормана было драгоценной находкой для такого страстного поклонника вавилонского влияния в Библии, как Делич: «после этого»,—заявил он, «тожество ветхозаветных керубов и вавилонских божеств в образе быка становится неопровержимым (umstösslichen) фактом» [2]). Вслед за Деличем и Эбергард Шрадер, приведя ссылку на Ленормана, признавал, что если сообщение Ленормана подтвердится, то «вавилонское происхождение керубов и их тожество с крылатыми быками будет доказано» [3]).

Казалось, что вопрос разрешен окончательно: и внешний вид керубов, и их название об'яснялись вавилонскими образцами. Но скоро появились и сомнения. Документ Ле-Клерка все оставался неопубликованным, и в то же время ни один из других ассириологов, видевших коллекцию Ле-Клерка, не подверждал указаний Ленормана. Напротив, в других опубликованных текстах

---

1) Les origines de l'histoire, p. 118.

2) Wo lag das Paradies, S. 153.

3) Keilinschriften und das Alte Testament, II. Aufl., S. 38.

встретился не kirubu, а другой термин, близко подходящий по произношению к kirubu, именно karubu, или kurubu, в значении *великий, могучий, сильный, возвышенный, возвеличенный*. Но в этом значении karubu является лишь редко употребительным синонимом rubu, обычного прилагательного в указанном значении; кроме того, встретилось также и однозвучное существительное в значении *птица* [1]). Затем, в одном из куюнджикских текстов [2]) встретился термин kiruub в значении какой-то, точно не установленной степени родства (текст гласит: «или царь, или дочь царя, или kiruub царя»). Вопрос, таким образом, снова осложнился. Делич, а вслед за ним Циммерн, пытались спасти положение, производя этимологию еврейского термина от вавилонского kurubu, причем Делич предполагал, что термин должен указывать на силу, на мощь божества в образе быка [3]), а Циммерн, напротив, настаивал на этимологии от kurubu—*птица*, выдвигая на первый план наличие у керубов крыльев [4]). Но эта этимология вызывала возражения, в особенности этимология от прилагательного kurubu: обычно kurubu употребляется в соединении с именем божества или царя и не выделяется ничем особенным из ряда других эпитетов, сопровождающих указанные имена. Наконец, в последнее время Буль предложил этимологию слова kerubh от ассирийского глагола karabu—*благословлять, молиться*; при этом Буль чрез перестановку согласных сближает этот корень с еврейским barakh—*благословлять*, и с терминами markab и merkeb—*святилище*—арабских диалектов [5]). Самое большее, что можно вывести из сопоставлений Буля—это то, что и еврейский, и ассирийский, и арабский корни восходят к одному общесемитскому корню; но вопрос о связи библейских керубов с какими-либо вавилонскими представлениями опять-таки этим не разрешается. Признавая неудачными все попытки об'яснить значение термина kerubh с ассиро-вавилонского, новейший комментатор книги Царей Шанда (Sanda) дошел в этом темном вопросе до крайности и высказал предположение, не следует ли искать разгадки с хеттского [6]). Это предположение Шанда как нельзя лучше иллюстрирует всю ту путаницу, которую создали ассириологи, стремясь найти разрешение вопроса о керубах только в вавилонском языке и в вавилонских представлениях. Но вместе с тем решительные заявления ассириологов имели какую-то гипнотическую силу: так, гебраисты, как будто ослепленные неожиданным «светом с востока», не заметили, что в их распоряжении

---

[1]) Cp. Delitzsch, Wo lag das Paradies, S. 134; Muss-Arnolt, Assyr englisch-deutsches Handwörterbuch, S. 435; Delitzsch, Ass. Handwört., S. 352

[2]) K. 2854. cp. Zeitschrift für Assyriologie, 1896, S. 69.

[3]) Baër-Delitzsch, Liber Ezechielis, S. XIII.

[4]) Keilinschriften und das Alte Testament, III. Aufl., S. 631—632.

[5]) Gesenius-Buhl, Hebr. und aram. Handwört., XV Aufl. S. 358.

[6]) Die Bücher der Könige, 1, S. 131—133.

имеется очень простое и очень действительное оружие для защиты: корень kabhar—karabh—barakh имеется и в еврейском языке и в том же значении. Глагол kabhar значит *делать сильным* отсюда отглагольное имя kabbir—*сильный*; ассир. rubu соответствует евр. rab, имеющему в числе других значение *сильный, могучий*; от того же корня есть евр. имя rob в значениии *множество*, но также и в значении *сила, могущество*, и глагол rabha—*увеличиваться, умножаться, усиливаться*. Спрашивается, для чего же понадобилось об'яснять еврейское слово с вавилонского, когда есть такие же и в том же значении, что и вавилонские, еврейские корни? Чтобы истолковать термин kerubh в смысле могучего, вышнего, священного, благословляющего существа, достаточно было сослаться на только что приведенные еврейские корни и на сопоставления barakh merkab—merkeb, предлагаемые Булем. Конечно, и эти ссылки, быть может, были бы недостаточны для раз'яснения термина kerubh; но они убеждают, по крайней мере, в том, что обращение к вавилонским «варягам» было сделано черезчур поспешно и без достаточной надобности [1]). В том же убеждают и другие соображения. Так, итальянский ассириолог Телони справедливо указал, что и назначение и внешний вид керубов Иезекииля не совпадают с schedu: schedu—гении-хранители входов; керубы Иезекииля поддерживают трон божества; у schedu одна голова и два орла, у керубов Иезекииля—по четыре головы и по четыре крыла [2]). С другой стороны, ассириологи сделали крупную ошибку при определении сущности самого явления, подлежащего исследованию. Основной опорой для них были видения Иезекииля: о более ранних керубах Соломонова храма они или умалчивали, или глухо упоминали, что керубы Соломона не совсем похожи на керубов Иезекииля. Между тем, видения Изекииля безусловно не могут служить исходным пунктом при исследовании вопроса о керубах. Ведь религиозное мировоззрение Иезекииля очень сложно и отразило на себе целый ряд разнородных влияний. С одной стороны, оно является продуктом обширного комплекса религиозных представлений, сложившихся в итоге тысячелетнего развития израильской религии; с другой стороны, оно испытало на себе влияние некоторых своеобразных сторон вавилонского религиозного быта, с которым Иезекииль имел возможность познакомиться воочию. При этом чрезвычайно важно еще и то обстоятельство, что Иезекииль по своему характеру—богослов и систематизатор; собирая элементы старого, он сортирует их с точки зрения своей богословской

---

[1]) Следует указать также на попытку об'яснить слово kerûbh с египетского. Именно, Le Page Renouf выразил предположение о связи этого слова с египет. cheref (demot. и копт. charab), в значении *образ льва*. Он думает, что слово было заимствовано с египетского но без усвоения его значения. Ср. Proceed. of the Soc. of Bibl. Arch., 1884, May, p. 192—193.

[2]) Zeitschrift für Assyriologie, 1891, III, S. 124 и сл.

концепции и создает из них не только воздушных животных, но и целые воздушные замки. Совершенно непостижимым образом ассириологи не захотели принять в расчет той древнеизраильской почвы, на которой вырос и воспитался Иезекииль, и вместо того, чтобы рассматривать Иезекииля, как *проекцию прошлого*, считали возможным рассматривать прошлое, как проекцию Иезекииля.

А в этом прошлом мы встречаем керубов при царе Соломоне, в его знаменитом храме. Тут керубы—на чисто израильской почве; и исследование, изучающее вопрос о керубах, должно начинаться именно с соломоновых керубов. Согласно описанию I Цар., VI, 23 и сл., керубы имели следующий вид: «и сделал он (Соломон) в тайнике двух керубов из масличного дерева; [вышина одного керуба десять локтей, и также другой керуб][1])—десять локтей вышина его; и в пять локтей одно крыло керуба, и в пять локтей другое крыло керуба, и десять локтей от конца одного крыла до конца другого крыла; и в десять локтей был другой керуб—одна мера и одно очертание [2]) у обоих керубов...[3]) И поставил он керубов внутри дома, в тайнике [4]), и распростерли керубы крылья свои [5]), и касалось крыло одного (керуба) стены и крыло другого керуба касалось другой стены, а (другие) крылья в середине палаты [6]) касались крыло с крылом». Когда храм был совершенно отстроен, в тайник был перенесен ковчег; кн. Царей рассказывает об этом так (VIII 6—7): «и принесли жрецы ковчег [7]) на место его в тайнике дома [8]), под крылья керубов—ибо керубы распростирали крылья свои над местом для ковчега, и были покро-

---

[1]) Текст I Цар. VI, как и вообще всего описания царствования Соломона, дошел до нас в очень плохом состоянии: порядок стихов и частей стихов сплошь и рядом перепутан и не совпадает с порядком LXX. Ст. 26, заключенный здесь в квадратные скобки, на его теперешнем месте разрывает связь контекста и должен быть переставлен на середину стиха 23.

[2]) Qezebh—от qazabh—резать, вырезывать, спец. дерево; термином qezebh обозначается результат вырезания—очертание фигуры.

[3]) Ср. примеч. 1.

[4]) В оригинале habbajit happanimi—«в доме во внутреннем». Здесь *разумеется самая потаенная* часть храма, т. е. дебир (ст. 23).

[5]) Оригинальный текст гласит: „и распростерли (кто?) крылья керубов". Правильное чтение дает перевод LXX: kai diepetasen tas pterygas auton (суб'ект amphotera cherubein).

[6]) В оригинале habbajit. Здесь, конечно, разумеется та часть храма, где были поставлены керубы.

[7]) В оригинале „ковчег завета Иагве". Последние два слова berith Jahweh отсутствуют в древнейшем кодексе LXX (B) и должны считаться позднейшей глоссой.

[8]) Следует в *оригинале* 'el qodesch haqqadhoschim, во святое-святых—несомненно, согласительная глосса, стремящаяся подогнать терминологию эпохи Соломона под позднейшую терминологию эпохи общины второго храма, когда тайник храма получил официальное наименование «святого святых».

вом [1]) керубы ковчегу». Сверх того, рассказ прибавляет (VI, 29), что стены тайника и дверные створки были покрыты резным орнаментом, изображавшим керубов и пальмы [2]).

Это описание кн. Царей, носящее все признаки заметок очевидца, рисует керубов в значительно ином виде, чем описание видений Иезекииля. Внешний вид керубов не представлял из себя ничего необычайного для восточной пластики, для которой крылатые духи являются любимейшим сюжетом; рассказ кн. Царей ничего не говорит о том, чтобы керубы были многоголовыми, и удостоверяет, что у каждого геруба было только по два крыла. Вышина керубов также не представляла из себя чего-либо выдающегося; считая локоть кругло в 50 сантиметров, мы получим вышину керубов в 5 метров, т. е. около 2, 3 сажени; в сравнении с колоссальными статуями египетских царей или изваяниями ассирийских дворцов такая вышина не может почитаться необычайной [3]). Назначение керубов также иное, чем в видениях Иезекииля: они должны стоять в качестве стражей («быть покровом») ковчега Иагве. Ковчег был местом пребывания божества,—видимого в лице статуи, или невидимого—вопрос спорный; но бесспорно, что керубы Соломонова храма должны были представлять из себя как бы почетную стражу у места божественного пребывания, между тем как керубы Иезекииля были как бы подвижным пьедесталом для трона Иагве. Это различие резко и характерно, и в своем месте мы найдем для него надлежащее об'яснение.

Переходя к вопросу о происхождении и характере керубов Соломонова храма, как представителей израильского пантеона, я должен прежде всего указать, что тут, как при исследовании всякого религиозного явления, необходимо различать сущность самого религиозного представления от его чувственного обр за. Целый ряд примеров учит нас, что сплошь и рядом для изображения божеств берутся символы или образцы из совершенно чуждых дан-

[1]) Глагол sakhakh имеет значение покрывать в специальном смысле защиты, охраны. LXX и параллельное место II Хрон. 5, 8 дают ослабленное выражение wajjekassu—kai periekalypton; поэтому исправление, согласно последнему чтению, нельзя признать правильным.

[2]) Вслед за Штаде (в Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft, 1883, S. S. 147—148) многие комментаторы считают это сообщение позднейшей вставкой. Однако, аргументация Штаде вряд ли может быть признана правильной. Главное основание Штаде—то, что стих не на месте; но многие другие стихи VI гл. также не на месте, и это не мешает Штаде признавать их подлинными; Шанда очень просто и правильно исправляет текст, перенеся ст. 29 на место после ст. 18 (op. cit., S. 118). Другое основание, приводимое Штаде, заключается в том, что это сообщение—позднейшая реминесценция из Иезекииля (41, 17—19); но, как мы увидим ниже, именно свидетельство Иезекииля является лучшим подтверждением этого сообщения.

[3]) Колоссы, стоявшие у входа в Карнакский храм, имели вышину один в 13 метров, другой в 17 метров; крылатые быки Хорсабадского дворца—около 6 метров вышины.

ной религии областей: достаточно указать, напр., на знаменитые Файюмские портреты, послужившие образцом для христианской иконописи, или на статую Ромба с теленком, ставшую прототипом Доброго Пастыря [1]). Сообразно с этим, придется рассмотреть два вопроса: вопрос о существовании в древне-израильской религии представления о служебных духах и вопрос о их пластическом изображении.

Первый вопрос чаще разрешался отрицательно, чем положительно. Исходя из признания за древнеизраильской религией исключительного характера религии исконно монотеистической, многие ветхозаветники совершенно отрицали существование во Израиле веры в каких-либо иных духов или богов, кроме Иагве, и все упоминания о культе других богов, кроме Иагве, считали, вслед за иудейскими редакторами-девтерономистами исторической израильской традиции, простым отпадением от истинной веры [2]). Другие указывали, и не без основания, что вся библейская ангелология относится самое раннее к персидской эпохе: так, действие апокрифического романа о Товите, где фигурируют и бесы, и ангелы, происходит в Мидии, и написана была эта книга среди диаспоры, не ранее III в. до Р. Х. Еще позднее сборный апокриф Еноха, в котором содержится, между прочим, систематический трактат, посвященный ангелологии. Лишь немногие ветхозаветники, и из них первый Штаде, [3]) совершенно определенно признали существование в народной религии Израиля культа предков и пережитков тотемизма и фетишизма. Бесспорно, что для допленной эпохи в Библии по вопросу об анимистических верованиях имеются лишь скудные данные. В кн. Иова которая, возможно, также послепленного происхождения, мы встречаем Сатану (Satan) в качестве духа, подчиненного Иагве; в псалмах встречаются выражения, что Иагве делает ветры своими вестниками; наконец, в книгах, восходящих в своей основе к допленной эпохе, мы встречаем лишь редкие указания на явления

---

[1]) Вообще вся христианская символика создавалась из изобразительного материала античного мира (ср. гр. *Уваров*, Христианская символика) также как религиозная символика западного и русского средневековья испытала на себе сильнейшее влияние древнейшей германской и славянской религиозной символики.

[2]) В последнее время в этом отношении любопытна полемическая книга König'a, Geschichte der alttestamentlichen Religion; на той же устарелой позиции стоит все еще Киттель во II изд. „Geschichte des Volkes Israel" и Гуте (Guthe), автор последнего университетского руководства по истории Израиля.

[3]) Ср. Geschichte des Volkes Israel I. S. 389 и сл., 403 и сл. 443 и сл., 503 и сл., и в Alltestamentliche Theologie, §§ 15,51 и др. В новейшее время *сторонниками* правильного взгляда выступили: Schneider, „Die Entwicklung der Jahureligion und der Mosesagen in Israel und Iuda; Frey, Tod, Seelenglaube und Seelenkult, Ср. также общие труды: Robertson, Smith, Die Religion der Semiten и Curtiss, Ursemitische Religion im Volksleben des heutigen Orients.

вестников (maleakhim, LXX—angeloi) Иагве, но по большей части критика текста показывает, что тут мы имеем дело с позднейшей благочестивой поправкой, заменявшей явление самого Иагве явлением его вестников. [1]) Другими словами, чем глубже мы спускаемся в израильскую древность, тем меньше становятся заметны следы представлений о служебных и иных духах. Однако, было бы неправильно считать это постепенное оскудение известий доказательством отсутствия соответствующих представлений в древнеизраильской религии, как это делают многие ортодоксальные и полуортодоксальные ветхозаветники, считающие чуть ли не всю иудейскую демонологию продуктом персидских влияний. Библейские книги в их современном виде почти не содержат указаний на веру сынов древнего Израиля в духов не потому, чтобы такой веры не было, но потому, что последние благочестивые редакторы библейских книг использовали лишь незначительную долю литературного наследия древнего Израиля и притом подвергли отобранный ими материал самой придирчивой цензуре, самому кропотливому исправлению, чтобы изгладить всякую память о той старой народной вере, которая, по их убеждению, довела царство до гибели и народ до плена. К счастию, несмотря на цензурную работу книжников, в библейской традиции все-же уцелели немногие, но драгоценные черточки, обмолвки, запреты и т. п. мелкие указания, поднимающие покров с древнеизраильской народной религии. Помимо целого ряда любопытных указаний на существование культа священных камней и священных деревьев [2]), мы имеем также достаточно определенный материал и по вопросу о древнеизраильской демонологии.

Уже простое перечисление различных имен мелких божеств и духов, случайно уцелевших в библейских книгах, является достаточно показательным. Собирательные имена таковы: schedim, seʿirim, ʾobhoth; имя theraphim употребляется и во множественном и в единственном числе; отдельно называются lilith и ʾadzadzel Из этого списка надо прежде всего исключить все то, что, по всей вероятности, является литературным образом, заимствованным извне. Таковы schedim и может быть, lilith. Первый термин, совершенно тождественный с вавилонским schedu, встречается всего два раза и притом в отрывках, несомненно, послепленного происхождения, именно, в так наз. «Песне Моисея» (Второз., 32, 17) и в пс. 106. 37. По содержанию, и «Песнь Моисея» и пс. 106

---

[1]) Ср. Быт., XVIII, XIX, 1, XXI, 17—18 и др.

[2]) Священные каменные столбы, mazzebhoth, были принадлежностью всякого жертвенного места, так же, как ашеры, священные искусственные деревья. Сверх того, священные камни упоминаются: Быт., 28, 11; Иис. Нав IV, 5—9; 20—24; 26—27; VII, 26; I Сам., IV, I; II Сам., XVIII, 17—18 и мн. др; священные деревья: Быт. VII, 6; XIII, 18; XIV, 13; XVIII, 1; Суд. IX, 6, 37; VII, 11; Второз., XI, 30; XII, 3; Ос. IV, 3 и мн. др.

очень близки друг другу: вспоминаются все благодеяния Иагве, оказанные им Израилю, и отступничество народа, навлекшее суд божий, гибель царства и плен в чужеземной стране; отступничество характеризуется, между прочим, тем, что израильтяне приносили жертвы schedim—«ложным богам (lo'elohim), богам, которых не знали прежде». В переводе LXX термин schedim совершенно правильно передан daimonia, т. е. божества вообще; такое же значение имеет термин schedu и в вавилонском, где он кроме обозначения колоссальных крылатых быков и львов, обозначает духов вообще, затем добрых духов хранителей, употребляется в качестве эпитета при именах крупных божеств и лишь изредка обозначает злых духов. [1] Так как и «Песнь Моисея» и псал. 106 написаны или в Вавилоне, в эпоху плена, или под непосредственным впечатлением только что пережитого изгнания, то на слово schedim надо смотреть, как на заимствованный вавилонский термин для обозначения всех других богов, кроме Иагве. Сомнительно израильское происхождение lilith. Это имя встречается в Библии всего один раз, в 34 гл. кн. Исаии (34, 14): описывая грядущую гибель Эдома, автор отрывка говорит, что будут разрушены дворцы его, выростет там бурьян, будут там гнездиться дикие звери, «и только lilith будет находить там отдых». Но глава 34 не принадлежит подлинному Исаии и, по общему признанию комментаторов кн. Исаии, относится к VI веку, так как обнаруживает знакомство с т. наз. Второисаией, писавшим в эпоху Кира, т. е. в 40—30-х годах VI века. В то же время lilith имеет двойника в вавилонском lilitu, ночном духе, гнездящемся в развалинах, в пустынных местах. Таким образом, и термин lilith может быть заимствованным; но с другой стороны, есть данные и за то, чтобы признать lilith—lilitu общесемитским представлением, существовавшим параллельно и у сынов Израиля, и у вавилонян. Именно, представление о lilith мы встречаем в указанной главе кн. Исаии рядом с чисто израильскими se'irim; это сопоставление дает основание думать, что мы имеем здесь дело не с литературным образом, но с народно-религиозным представлением. Есть также данные, указывающие на то, что представление о lilith продолжало жить в эпоху Иисуса и в первые века христианской эры. Так, в евангелии от Луки (XI, 24) «нечистый дух» (pneuma akathartos) изображается чрезвычайно похожим на lilith: «когда выйдет нечистый дух из человека, скитается он по безводным местам, ища отдыха»; намеки на lilith встречаются и в христианской сирийской легенде [2].

Хотя указанные соображения и могли бы служить достаточным основанием для включения lilith в состав древнеизраильского

---

[1]) Schedu в качестве злого духа фигурирует в перечислении злых духов в серии заклинаний Maqlu, I, 136 (ср. также примеч. Тальквиста, стр. 127 его издания серии Maqlu).

[2]) Ср. Baethgen, Sindban oder die sieben weisen Meister, S. 8 ff.

пантеона, мы считаем все-же более осторожным оставить вопрос о lilith под сомнением. Всех же прочих перечисленных духов мы считаем чисто израильскими. В их природе мы, конечно, не найдем ничего своеобразного: в основе их существа лежат представления, типичные для всякого анимизма. На первом месте среди них надо поставить 'obhoth, духов умерших, о которых чаще всего упоминается в доплененых частях библейских книг[1]); культ их играл, повидимому, в народной религии Израиля выдающуюся роль. Близко к 'obhoth стоят therapHim, домашние боги-покровители[2]); чрезвычайно важно для нашей цели отметить, что терафимы изображались в виде человекообразных статуй, иногда маленьких, как терафимы Лавана (Быт. XXXI, 19, 34), иногда в рост человека, как у Михаль, жены Давида (I Сам., 19, 13—16); изображения терафимов, таким образом, соответствовали ассирийским фигуркам домашних богов, найденных Ботта в Хорсабаде, в стенах дворца и под полом комнат (*рис.* 2). Некоторые teraphim пользовались даже публичным культом; у них испрашивались оракулы и им приносились жертвы[3]); таким культом пользовались, вероятно, teraphim, считавшиеся родовыми или клановыми божествами[4]). Далее следуют śe'irim и 'adzadzel, духи уже другого типа. Śe'irim—собственно значит *козлы* (śa'ir—*козел*); их описание вполне соответствует этому названию: они живут в пустыне вместе со страусами и там скачут (Ис. 13, 21; 34, 14). 'Adżadżel—повидимому, один из śe'irim, их предводитель; в великий день очищения ему приносится в жертву козел, которого посылают к Азазелю в пустыню (Лев. 16). В честь śe'irim, также, как и teraphim, совершался публичный культ: есть основание предполагать, что в Иерусалиме в эпоху Иосии была высота, посвященная śe'irim[5]). От козлообразных духов естественно перейти к культу животных. Совершеннно определенное свидетельство о существовании культа животных даже в официальной религии мы находим у Иезекииля (VIII, 10—11). Он рассказывает, что явившийся ему Иагве перенес его в Иерусалим к храму и показал ему все мерзости, за которые постигла народ гибель и изгнание: «и вот»—говорит Иезекииль: «были там всяческие изображения *пресмыкающихся и зверей*, мерзость идольская, и все кумиры дома Израилева, высеченные кругом на стене, и семьде-

---

[1]) Ср. Лев., 19, 31; 20, 6; 20, 27; I Сам., 28, 3—9; Ис. 29, 4; 19, 3; Второз. 18, 11; II Цар. 23, 24 и др.

[2]) König (op. c., S. 51) предлагает любопытную этимологию teraphim от араб. tariрha—*иметь изобилие жизненных благ*; напрашивается сравнение с русск. *бог—богатый*.

[3]) Ср. Суд. XVII, 5, 17—18, 20; Ос. 3, 4; Иезек. 21, 26.

[4]) Иосия, уничтожая все местные культы, уничтожил и культ терафимов (II Цар; 23, 24); в послепленную эпоху культ терафимов считался греховным (ср Захар., 10, 2 и позднее место I Сам., 15, 23).

[5]) II Цар., 23, 8: вместо haschsche'arim следует исправить haśśe'irim ср. кон'ектуральную заметку Hoffmann'a, ZATW, 1882, S. 175.

сят мужей из старейшин дома Израилева... стояли перед ними, и каждый имел кадильницу в руке своей, и благовоние облаков фимиама поднималось ввысь». Это общее указание подкрепляется и развивается целым рядом свидетельств Библии относительно определенных священных животных. Культ змей, чрезвычайно распространенный в древнейшей Аравии [1]), существовал и в Израиле. В легенде мы встречаем знаменитого медного змея Моисея (Числ, 21, 8 и сл.); в иерусалимском храме было священное изображение медного змея Нехуштана (II Цар., 18, 4); наконец, на тотемистический характер змея остроумно указывает Шнейдер, толкуя выражение bene lewi—*сыны Левия*, в смысле *сыны змея*, сообразно с именем lewi'athan, обозначающим чудовищного морского змея [2]). О культе быка не приходится распространяться—это животное почиталось священным на всем древнем востоке от долины Нила до долины Евфрата; в частности, в Израиле, в особенности в северном царстве Ефрема местное божество в Бет-Эле (Вефиле) изображалось в виде тельца (I Цар., 12, 28). Далее, мы имеем право говорить о существовании в южном царстве культа льва. В этом отношении характерно имя 'ari'el—*бог-лев*; Ариэль был по традиции родоначальником одного из левитских родов; кроме того, есть и другие важные указания на культ льва, к которым я вернусь в своем месте. Наконец, есть данныя, свидетельствующие о существовании культа священных птиц. Именно, в целом ряде преданий и образов сохранились следы представления о вороне, 'orebh, как о священной птице. Я напомню, прежде всего, наивное предание о том, как Иагве во время голода приказал воронам кормить пророка Илию (I Цар., 17, 4—6). Далее, ворон, странным образом, появляется в поэзии рядом со львом: лев и детеныши его и ворон и птенцы его—bene-'orebh,—взывают о Иагве о пище, и Иагве никогда не отказывает им (Иов, 38, 41; псал. 147, 19). Указания Библии на тотемистический характер ворона свидетельствуют, что это сопоставление ворона со львом не является простой случайностью. Так, мидианитские вожди, разбитые и убитые Гедеоном, назывались один—Вороном, 'Orebh, а другой—Волком, Dże'ebh, при чем первый был убит при Вороньей скале—sur 'orebh, а второй—у Волчьего точила—jeqer dże'ebh. Мидианитане, враждебные Израилю в эпоху судей, ранее, в эпоху кочевья в пустыне, были с сынами Израиля в самых тесных сношениях. Моисей, которому легенда приписывает основание культа Иагве, был зятем

---

[1]) Ср. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums, S. S. 137—140; Robertson Smith, Die Religion der Semiten, S. 89 и сл.

[2]) Die Entwickelung Jahureligion, S. 17. Там же Шнейдер делает любопытные сопоставления с целью показать, что змей—nachasch—был тотемом Давидова рода: один из предков Давида назывался Nachschon, жена Давида, Авигаиль, была дочерью Nachasch'a, близ Иерусалима был священный *змеиный камень*, у которого сын Давида, Адония, был помазан на царство.

мидианитского жреца и постоянно советовался с ним во всех трудных вопросах. Нет ничего удивительного, что после поражения мидианитян Гедеоном их тотем-эпоним, 'Orebh, в народном религиозном представлении сделался подчиненным Иагве существом, слугою бога-победителя [1]). Можно было бы указать намеки на существование, по крайней мере, в кочевую эпоху, культа еще других священных животных и птиц, напр., овцы—rachel (Рахиль), дикой коровы—le'a (Лия), коршуна—nescher [2]); но это потребует некоторых весьма детальных раз'яснений и для ближайшей цели не представляет необходимости. Приведенные здесь данныя, как мне кажется, достаточно ясно показывают, что демонология в израильской народной религии была столь же богата, как и демонология других народных религий; несомненно, что перечисленные здесь мелкие божества и святыни далеко не исчерпывают собою народного пантеона [3]). Чтобы воссоздать его в возможно более полном виде, пришлось бы обратиться, кроме библейских книг, к апокрифам и к позднейшим произведениям иудейской литературы эпохи Иисуса и первых веков христианства, которые содержат множество драгоценных указаний на различные архаические элементы и пережитки в народной иудейской религии и ждут еще с этой стороны своего исследователя.

Каково же отношение этих мелких культов к культу Иагве в царскую эпоху? Как и везде, значение их было по преимуществу местное, и культы эти первоначально существовали рядом с культом Иагве, независимо друг от друга. Однако, с течением времени по мере усиления центральной власти и параллельного возвышения культа Иагве, должен был произойти неизбежный процесс подчинения духов Иагве или уничтожения их культа—обычный процесс, наблюдающийся в истории всех религий. Таким образом, в связи с различными обстоятельствами и событиями, одни мелкие божества стали служителями Иагве, другие—враждебными ему. К разряду первых относятся прежде всего духи в образе змей: на это указывает присутствие Нехуштана в храме Иагве, а также рассказ о явлении Иагве пророку Исаии (Ис. 6, 2 и сл.): Иагве явился пророку, окруженный крылатыми змеями (hašśeraphim —откуда христианские *серафимы*). Очевидно, что к тому же разряду должны относиться также и интересующие нас керубы.

---

[1]) Ср. также почитание ворона-брата в эпоху раннего средневековья в Харране и почитание основателя Баальбека в образе льва—Robertson Smith., op. cit., J. 100.

[2]) Ср. Stade, Lea und Rahel, в Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1881, S. 115. Robertson Smith, Animal worship and animals tribs among the Arabs and in the Old Testament, Journal of Philology vol. IX, p. 75 и сл.

[3]) Ср. II Сам. 24, 16—дух чумы; Иов, 33, 32—намек на духа смерти; пс. 91, 6—qetebh сухой бурный ветер из пустыни;—у позднейших Иудеев—прямо имя губительного беса; Второз 32, 24 рядом с qetebh упоминает reschepħ—*пламень* и ra'abh—*голод*, также в смысле персонификаций.

Занимая место над ковчегом Иагве, покрывая его своими крыльями, они являются как бы стражами местопребывания божества и божественного достояния.

Теперь является вопрос, возможно ли установить связь родства или даже тождества между керубами и каким-либо из перечисленных разрядов духов и мелких божеств. Тут могло бы дать ответ имя керубов, но, как мы видели, имя это очень темное и при единственно возможной этимологии от корней rab, raba, barakh имеет самый общий смысл, является эпитетом, одинаково приложимым ко всякому божеству. Другой путь к разрешению вопроса открывается чертами внешнего изображения керубов. Рассказ книги Царей, правда страдает некоторой неполнотой: мы узнаем, что керубы—крылатые фигуры, но не находим указаний ни относительно их головы, ни относительно туловища. Но к описанию кн. Царей у нас *имеется ценное дополнение, на которое до сих пор* не обращалось должного внимания. Как уже было упомянуто, в описании кн. Царей указывается, что стены и дверные створки дебира были покрыты резным орнаментом, изображавшим керубов и пальмы. Это указание считается многими комментаторами вставкой, противники его идут здесь, как уже было указано, вслед за Штаде, который исключает из рассказа о построении храма это и другие подобные указания, исходя из соображения, что всякое описание здания должно следовать его систематическому плану, и «что у нас нет никаких оснований считать референта книги Царей бессвязным (unordentlichen) рассказчиком» [1]. Нельзя не признать это соображение слабым; оно попросту переносит на безхитростного автора рассказа кн. Царей отличительные черты немецкой, да притом еще ученой, систематичности и планомерности. Конечно, рассказ о построении храма первоначально был короче и связнее: в настоящем его виде он во многих местах темен и неясен и содержит много позднейших прибавок; однако, выделять эти прибавки надо не на основании приписываемого автору кн. Царей строгого плана, а на основании несоответствия прибавок с общим тоном и правдоподобием рассказа. Например, когда мы читаем, что Соломон покрыл всю внутренность храма и изваяния керубов чистым золотом, мы вправе вместе со Штаде сказать, что это прикраса прибавленная позднейшей рукою, так как даже у богатейших египетских фараонов или ассирийских царей не было средств на такую роскошь. Наоборот, когда мы вслед за описанием керубов читаем, что створки дверей и стены дебира были покрыты рельефным орнаментом, изображавшим керубов и пальмы, мы не имеем никакого права отвергать это известие только потому, что текст тут несвязен и перепутан. Само по себе это известие не внушает никаких подозрений: рельефный орнамент был общеупотребительным и в Египте, и в Финикии, и в Асси-

[1] Stade, op cit, S. 130

рии, и в Вавилоне, мастеров было сколько угодно, а сюжет орнамента, указываемый книгою Царей, также вполне гармонировал с общим художественным замыслом храма. Поэтому неудивительно, что в последнее время гипноз авторитета Штаде в этом пункте теряет свою силу: так напр. новейший комментатор кн. Царей, Шанда, уже не заподозревает достоверности известия об этом орнаменте. Именно этот орнамент и дает нам путеводную нить для разрешения нашего вопроса.

Керубы, изображенные на орнаменте, конечно, были точной копией крылатых изваяний, поставленных над ковчегом. Счастливым образом, о внешнем виде керубов орнамента мы имеем свидетельство лица, видевшего их воочию, более того, сроднившегося в силу своей профессии со всеми аттрибутами иерусалимского храма. Это—тот же самый Иезекииль, видения которого столь заинтересовали ассириологов. Иезекииль в конце своей книги дает, согласно указаниям Иагве, план будущего храма, который будет отстроен иудеями по возвращении из изгнания на родное пепелище. План будущего храма воспроизводит в основных чертах и в важнейших деталях устройство Соломонова храма, разрушенного Навуходоносором. Описывая будущий храм, Иезекииль повторяет среди его украшений интересующий нас орнамент, и, что всего важнее, дает его точное описание (41, 17—19): «пальма между двумя керубами, и два лица у керуба: лицо *человека* против пальмы с одной стороны, и лицо *льва* против пальмы с другой стороны». На основании этого драгоценного свидетельства мы должны представлять себе и керубов Соломонова храма: один был с головой человека, другой—с головой льва.

Теперь мы можем установить связь керубов с израильской демонологией. Один из них, с головой человека, был, несомненно, разновидностью терафима, домашнего божества; вероятнее всего это был терафим-покровитель Соломонова дворца, покровитель царского рода. Другой керуб, с головой льва, имеет несомненное отношение к старинному культу льва. И мы, действительно, имеем весьма веские доказательства того, что культ льва был одним из старинных культов именно колена Иуды, того самого колена, к которому принадлежал Давид, и столицей которого был Иерусалим. Прежде всего, в этом отношении чрезвычайно характерно старинное изречение об Иуде в «Благословении Иакова» (Быт., 49,9): «молодой лев (gur 'arjeh)—Иуда». Это выражение, в связи с другими выражениями того же «Благословения Иакова» о Иссахаре (осел), Дане (змея), Нафтали (лань), уже не раз толковалось в тотемистическом смысле; характерно при этом что и Иезекииль также указывает у керуба лицо *молодого* льва, только употребляет другое слово, kephir. Вполне согласуется с этим наблюдением также необычное название, которое в одном месте своей книги дает Иерусалиму Исаия (29, 1): «горе Аріэлю Аріэлю, городу, где Давид разбил свой лагерь»! Почти все комментато-

ры согласны, что название *Аріэль* относится к Иерусалиму; но некоторые при этом полагают, что именем *Аріэль* называлась специально священная часть города, где первоначально был поставлен Давидом жертвенник, а затем был построен Соломонов храм [1]). Вполне естественно, что главный город Иуды получил название от его старинного тотема; может быть, в эпоху Исаии подлинный смысл имени Ариэль уже стерся, но имя оставалось священным, и, употребляя его, пророк придавал особый вес своей угрозе. Наконец, изображения львов занимали первое место у трона Соломона. К трону вели шесть ступеней, на которых стояли друг против друга двенадцать львов, два льва украшали ручки трона (I Цар., X, 19—20). Эти указания Библии достаточно красноречиво оправдывают появление гения с головой льва рядом с ковчегом. Старинный тотем здесь деградировал в служебного духа-хранителя главного святилища Иуды и стал рядом с духом-хранителем царского рода.

Не менее характерно соединение в орнаменте керубов с пальмою. Пальма была священным деревом опять таки в колене Иуды. Одна из жен героя-эпонима Иуды называется Пальмою (Thamar-Тамарь); по библейской генеалогии наиболее крупный из иудейских родов, переситы, пошли от сына Тамары, Переса; следующий по значению иудейский род зерахитов пошел также от сына Тамари, Зераха[2]). Таким образом, в орнаменте были воспроизведены символы обоих тотемистических прародителей племени Иуды, льва и пальмы.

Определив происхождение и характер керубов со стороны их религиозного содержания и значения, мы должны теперь перейти к пластическим произведениям, которые могли служить образцами для художников, украшавших храм. Искать образцов приходится прежде всего в Финикии, так как храм был построен финикийскими мастерами. Комментатор Иезекииля, Той (Тоу), по поводу описания орнамента храма, указывает любопытный финикийский образец с острова Кипра[3]): это—изображение со скарабея,

---

[1]) Cheyne (The Book of Isaiah, в Haupt's The Sacred Books...) толкует термин 'ari'el, по связи с Иезек. 43, 15, в смысле верхней части жертвенника, переносно в данном случае означающей Иерусалим (p. 154); но чтение Иезек 43, 15 hari'el отлично от Ис. 29,1 и спорно Любопытное, смелое, но как всегда, в высшей степени суб'ективное толкование Винклера (Geschichte Israels, II, S. 255 ff.) интересно в том отношении, что 'ari'el он толкует в смысле бога покровителя города Давида и сопоставляет его с вавилонским Нергалем в образе колоссального льва.

[2]) О связи Тамари и Иудой см. Быт. 38. От рода переситов, согласно генеалогии I Хрон. II, 4-5, 9-15, произошел Давид; сверх того, та-же генеалогия ведет от Переса столь крупные роды, как Халев (ст. 9,18), Махир и Гилеад (ст. 21) От Зераха, согласно той же генеалогии (ст. 6), пошли роды храмовых музыкантов и певцов.

[3]) The Book of the Prophet Ezekiel, в Haupts, The sacred Books, p 189.

на котором представлено стилизованное дерево между сидящими крылатыми львами с человеческой головой (*рис.* 3). Тут перед нами чрезвычайно подходящий образец для орнамента храма (*рис.* 4); но для изваяний керубов над ковчегом кипрский образец недостаточен. Как видно из описания кн. Царей, керубы стояли над ковчегом, покрывая его своими передними крыльями. Такого рода образцы, чрезвычайно близко подходящие по расположению фигур к керубам Соломонова храма, мы находим на египетской почве. Этими образцами мы должны воспользоваться без всяких колебаний. И палестинская и финикийская культура вообще и искусство в частности вырабатывались под сильнейшим египетским влиянем. Влияние Египта упрочилось в Палестине в эпоху Аменготепов, когда вся Палестина и Сирия подпали под власть фараонов; как свидетельствуют письма Эль-Амарнского архива, в Финикии и Палестине тогда был распространен культ египетских божеств, в особенности Амона [1]) и Хатор, при чем в честь последней был построен храм в Библе [2]), а при раскопках в Палестине было найдено много статуэток, напоминающих фигуру этой богини; кроме того, раскопки дали множество фигурок других египетских божеств и целый ряд предметов египетского искусства [3]). Это влияние восходящее к XIV в. до Р. X., ко времени Соломона могло несколько ослабеть, но сила традиции продолжала, тем не менее, действовать из поколения в поколение, не встречая еще на своем пути какого-либо нового могучего фактора воздействия, в особенности в Финикии [4]). Естественно, что финикийские мастера перенесли египетскую манеру и стиль в храм Соломона. В числе предметов огромного художественного наследия, оставшегося нам от египетской культуры, есть два образца, которые как будто имел перед собой художник, изваявший керубов. Прежде всего, имеется образец ковчега или наоса, стоящего на священной ладье и служащего вместилищем статуи божества (*рис.* 5). Внизу мы видим обычное изображение крылатого ястреба; наверху—два крылатых духа с головами сокола покрывают своими крыльями маленькую статуэтку бога, сидящего в ладье; крылья духов распростерты совершенно таким же образом, как и крылья керубов Соломонова храма. Mutatis mutandis эти гении могли послужить

---

1) Ср. по изданию Knudzon'a, Die El Amarna Tafeln, № 87, 5 и сл.

2) Ср. Breasted, Geschichte Aegyptens, übers. von Ranke, S. 311. Храм был в честь Баалат Библа, которую отожествляют с Хатор.

3) Главным образом при раскопках на месте древнего Гезера, Мегиддо и Таанаха. Относящийся к израильско-палестинской культуре материал подобран, у Vincent, Canaan d'aprés l'exploration recente, а также в книге Gressmann a' Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament.

4) Египетская повесть о путешествии в Финикию Уну-Амона (египет. папирус СПБ), относящаяся в XI веку, свидетельствует, что еще и в эту, уже близкую к Соломону эпоху, египетская культурная традиция в Финикии сохраняла полную силу.

оригиналом для керубов, если приставить им головы согласно с орнаментом по описанию Иезекииля. Другой образец—две фигуры крылатых гениев с человеческими головами из храма Хатор в Дендере (*рис.* 6.) Их посадка и расположение крыльев также как нельзя лучше соответствуют конфигурации керубов Соломонова храма. Замечу кстати, что египетский стиль весьма заметен и в других деталях Соломонова храма. Так, капители медных столбов Jakhin и Bo'adz увенчивались на египетский образец веерообразным пучком листьев лотоса.

Таким образом, наше исследование показало, что керубы Соломонова храма оказываются по своему религиозному содержанию чисто израильского происхождения, а по стилю пластического изображения—сработанными по египетским образцам. Это последнее обстоятельство, быть может, покажется несколько неожиданным и даже странным для многих, привыкших к альтернативе: или Израиль или Вавилон. Между тем, надо только удивляться, что до сих пор обращалось и обращается так мало внимания на египетское влияние в древнеизраильской культуре, бьющее в глаза из целого ряда легенд, исторических событий и литературных произведений, нашедших себе место в Библии. В действительности, вся израильская древность прошла под знаком культурного влияния Египта. До переселения в Ханаан, израильские колена, кочевавшие по прилегающей к северной части Красного моря пустыне, были притиснуты к Египту, бывали там и отчетливо сохранили это в своей памяти. Роман о Иосифе прекрасном, легенды о пребывании и исходе из Египта, о детстве и воспитании Моисея—все это наиболее известные и красивые страницы библейской традиции и вместе с тем тесно соприкасающиеся с египетскими литературными сюжетами. Египетская поэзия хорошо была известна в Палестине, и израильские поэты подражали ей, как о том до сих пор свидетельствуют псалмы 49 и 104. Что касается в частности, до эпохи Соломона, то достаточно указать на брак Соломона с дочерью фараона, для которой был построен особый дворец между тронной залой царя и храмом. Вообще, до выступления на мировую сцену Ассирии, т. е. до середины IX в. до Р. Х., Израиль обращен на юг к Египту; влияния с севера были случайными и не приобрели достаточной силы.

Позднее Соломона культурное влияние Египта теряет свой доминирующий характер. VIII и VII века—переходное время, когда Палестина становится яблоком раздора между Египтом и Ассирией. В эту эпоху скрещение и попеременное преобладание влияний заметно и в политике и во всех сторонах культурной жизни, сказываясь также в области религиозных представлений и пластики. По интересующему нас вопросу мы имеем из конца VIII или начала VII века любопытный предмет, открытый Зеллином (Sellin) в Телль-Тааннеке, на месте древнеизраильского города Таанаха. Именно, в шестом пласте Зеллин нашел куски разбитого

глиняного сосуда с рельефными изображениями. Когда осколки стали прилаживать один к другому, то по счастью оказалось возможным восстановить сосуд в полном виде. Получился четырехугольный, суживающийся кверху глиняный сосуд, около 90 сантиметров вышиной; во всех стенках его оказались отверстия, а наверху—подобие чаши, около 30 сант. в диаметре (*рис.* 7). Зеллин определил назначение этого сосуда в качестве жертвенника для воскурений: вниз подкладывался горючий материал, боковые отверстия служили дымоходами, а чаша наполнялась курительными веществами. Для нас в данный момент интересны рельефные изображения, которыми украшен этот сосуд. Именно, две противоположных стенки украшены каждая тремя фигурами крылатых четвероногих с человеческой головой, а в промежутках между этими фигурами изваяны фигуры лежащих львов, причем передние лапы львов покоятся на головах фантастических крылатых существ. Сверх того, наверху одной из этих сторон имеется рельефное изображение мальчика, который душит змею. В украшениях Таанахского сосуда уже чувствуется ассирийское влияние. Фигуры крылатых четвероногих соответствуют упомянутым в начале статьи schedu, которых ассириологи отождествляли с керубами; мальчик со змеей—мотив на сюжет единоборства Мардука с Тиамат, львы одинаково характерны и для израильских представлений и для ассирийского и египетского искусства. Является вопрос: что-же представляют из себя крылатые существа Таанахского жертвенника? Конечно, они не могут быть чисто декоративным украшением: на священном предмете могли быть только священные изображения. Зеллин, а за ним и другие археологи отождествляют их с керубами [1], но при этом основываются исключительно на предполагаемой тождественности керубов с ассиро-вавилонскими schedu. Неправильность такого отождествления нами уже показана; сверх того, если считать керубов продуктом чисто иудейских религиозных представлений, то фигуры таанахского жертвенника не могут быть признаны за керубов уже в силу того, что Таанах принадлежал не Иуде, а Менаше (Манассии). Тем не менее, известное родство между фигурами таанахского жертвенника и керубами, несомненно, существует: с одной стороны, их назначение на жертвеннике может заключаться только в том, что они охраняют священный сосуд и от злых духов и от злых людей, т. е. являются такими же стражами, как и керубы Соломонова храма; с другой стороны, они имеют известное сходство с керубами и по своему внешнему виду: как там, так и здесь перед нами чередование львиной и человеческой головы и наличие крыльев у четвероногого с человеческой головой.

---

[1]) Ср. Vincent, Canaan p. p. 183—184; Dibelius, Die Lade Iahwe, S. S. 75—76.

Теперь мы подходим к видениям Иезекииля. Жрец иерусалимского храма, уведенный в изгнание на реку Ховар в Вавилонии, он жил или в самом Ниппуре, или в его окрестностях. В этом вавилонском Риме Иезекииль мог близко познакомиться с вавилонским культом и его священными аттрибутами; несомненно, что грандиозный храм Энлиля-Бэла, колоссальные статуи, пышный культ должны были произвести на него после сравнительно скромного иерусалимского святилища подавляющее впечатление. Иудейский бог Иагве, возведенный пророками на степень единого бога, правящего над всеми народами, должен был в представлении Иезекииля не только сравняться с вавилонскими богами, но и превзойти их пышностью своей свиты и необычайностью своих проявлений. Такова, приблизительно, психологическая основа теофаний Иезекииля, в которых первое место занимают фантастические существа, называемые у него керубами. Для нас не имеет особого значения фактическое происхождение теофаний: безразлично, видел ли Изекииль свою фантасмагорию во сне, подавленный впечатлениями от колоссальных вавилонских изваяний, или скомпановал ее сознательно чисто искусственным путем; и в том и в другом случае элементы ее были даны прошлым и настоящим Иезекииля и скомбинировались в новую своеобразную концепцию. Послушаем теперь самого Иезекииля (1, 3—28):

«И была на мне [1]) рука Иагве. И я смотрел—и вот бурный ветер пришел с севера, и большое облако в нем, и блеск был кругом него и пылающий огонь, и из середины огня (сияло) точно блеск полированной меди. И в середине сего—подобие четырех живых существ (chajjoth); и таков был вид их: образ человека у них, но четыре лица у каждого из них и четыре крыла у каждого из них; и ноги их были прямые, и подошвы ног их—круглые, и сверкали они, как блеск меди, и проворны были крылья их [2]). И рука человеческая была под крылами их по четырем бокам их. И лица всех четырех не поворачивались, когда шли они [3]);

---

[1]) Текст книги Иезекииля в масоретской рецензии дошел до нас в весьма неудовлетворительном виде, испещренный глоссами, исправлениями и искажениями, внесенными позднейшей рукой и слитыми в одно целое с первоначальным текстом при переписке. Значительно лучше текст LXX, сообразно с которым вносится целый ряд самоочевидных исправлений. Таких мелких исправлений, носящих чисто редакционый или грамматический характер, как в данном пункте (в оригинале'alau—*на нем*, LXX—ер. eme) очень много, и их я оговаривать не буду, отсылая читателя прямо к аппарату Biblia Hebraica Kittel's. Особо оговариваются только крупные исправления и коньектуры.

[2]) Важная, подробность, сохраненная у LXX: kai elaphrai hai pterydes auton В оригинале осталось только висящее в воздухе слово qalal в конце стиха.

[3]) В оригинале текст. искажен безсвязными вставками; переведено по LXX: kai ta prosopa auton ton tessaron uk epestrephonto en to badizein auta.

каждое шло прямо вперед перед собою. И вид лиц их: лицо человека спереди у (всех) четырех [1]) и лицо льва справа у (всех) четырех, и лицо быка слева у (всех четырех), и лицо орла сзади у (всех) четырех. И верхние крылья были распростерты кверху у (всех) четырех, и каждые два крыла были соединены одно с другим; и два других крыла покрывали тела их поверху [2]). И каждое шло прямо вперед перед собою; куда дух побуждал итти, туда шли они и не поворачивались И между существами видны были [3]) точно горящие огнем угли; как факел, пылали они там и сям между существами, и яркий свет был от огня, и из огня исходила молния. И я смотрел: и вот по одному колесу было на земле рядом с четырьмя существами. И колеса были по виду точно блеск топаза, и один вид был у (всех) четырех, и устройство их было точно одно колесо внутри другого. По четырем сторонам существ шли они и не поворачивались при движении своем. И я смотрел, и вот [4]) ободья у них, и были полны они очей кругом у (всех) четырех (*рис. № 8.*) И когда шли существа, шли и колеса вместе с ними, и когда поднимались существа с земли, поднимались и колеса. Куда дух побуждал итти существа, шли и колеса и поднимались вместе с ними, ибо дух существ был в колесах....[5]) И на головах существ подобие тверди, как блеск кристалла, распростиралось над крыльями их; под твердью сходились друг с другом крылья их... И слышал я шум крыльев их, когда шли они, как шум множества воды... [6]), а когда останавливались они, опускались бессильно крылья их... [7]) И наверху, на тверди, что на головах их, было нечто, по виду похожее на саппфир, и подобие трона было на нем, и на том, что было, как трон, был образ видом, как человек. И видел я как бы блеск меди... [8]); от того, что имело вид бедер его, сверху, и от того, что имело вид бедер его, снизу, видел я зрелище огня, и был лучистый свет кругом него; как лик радуги, которая является в об-

---

[1]) В оригинале очевидной пропуск; следует читать: panê 'adam miqqedem le'arbatan.

[2]) Деталь ерапо сохранена у LXX.

[3]) Оригинальный текст испорчен и не дает смысла («и подобие существ, и лица их, как горящие угли»). Первоначальный текст лучше сохранился у LXX: kai en meso ton zoon horasis hos...

[4]) Оригинальный текст не дает смысла («и ободья у них, и высота у них и ужас у них»); LXX почти совпадает. Общепринято исправление: wa'ere we hinnê gabbòth lahem.

[5]) Ст. 21 является простым повторением ст. 20 и потому выпущен.

[6]) Слова оригинала: «и как гром всевышнего», отсутствуют в кодексе В. перевода LXX—очевидно. позднейшая голосса также слова оригинала: «и вук шума их, как шум воинского лагеря» отсутствуют у LXX B.

[7]) Ст. 25—повторение части 24 и 26 и отсутствует в некоторых евр. рукописах.

[8]) Слова «как блеск огня, кругом которого как бы дом»—странная неrганическая вставка.

лаке во время дождя, так был лик блеска лучистого кругом него». Это видение было Иезекиилю в долине Тигра и Ефрата (8, 4); такое же видение видел он во сне, перенесенный чудесною силою Иагве в Иерусалим (гл. 8—10). Но при описании этого второго видения Иезекииль неожиданно начинает называть свои существа керубами: «и слава бога Израилева поднялась с *керуба*, на котором была» (9, 3); а затем керубами называет их и сам Иагве: «и сказал он мужу, одетому в льняную одежду: войди между колесами *керуба* и наполни горсти твои огненными углями из (пространства) между керубами и рассыпь на город» (X, 2). Как бы спохватившись, Иезекииль сейчас же (X, 3—22) опять подробно описывает вид своих существ и говорит в заключение: «и керубы поднялись; это было существо, которое видел я на реке Ховаре» (X, 15, ср. ст. 22). Во время обоих видений Иагве, восседавший на этом необыкновенном троне, говорил Иезекиилю свои откровения.

Таковы видения Иезекииля. Если начертить изображение фантастической колесницы, ведомой «существами», то, как видно из рисунка 8, получится довольно нескладная антихудожественная картина. Иначе, впрочем, и не может быть, так как Иезекииль попытался соединить в одном целом три различные вещи: небесный трон Иагве, его колесницу, приводимую в движение крыльями фантастических существ, и огнедышащий Синай, исконное жилище Иагве в пустыне (на последнее указывают раскаленные угли и пламень, наполняющие внутренность этого странного сооружения). Существа—будем называть их пока вслед за X главой кн. Иезекииля керубами—играют здесь роль уже не стражей, но двигателей, управляемых духом, т. е. самим Иагве. Вся концепция сделается для нас понятной, когда мы примем во внимание одно представление, характерное для древнеизраильской религии, как и для всякой другой древней религии: Иагве мыслился связанным со своею страною, со своим жилищем в этой стране,—иерусалимским храмом или горою Синаем. Эти представления далеко еще не были изжиты в эпоху Иезекиля. Он верил, что Иагве может явиться к нему, только оставив свое местопребывание в Палестине; для передвижения ему нужна колесница, но не простая колесница, как у смертных, а колесница необыкновенная. И вот мы видим, что Иагве является Иезекиилю с севера, т. е. из Палестины, на гениях, снабженных колесами, в облаке и в вихре бури. Представление о чудесной колеснице Иагве не чуждо древнеизраильской религии. Общеизвестна легенда о взятии пророка Илии на небо: перед Илией явилась огненная колесница (rekhebh 'esch) запряженная огненными конями (suse 'esch), и умчала «в буре» пророка так стремительно, что он только и успел бросить Елисею свой плащ (II Цар. 2, 11). Это бесхитростное представление о колеснице Иагве для Иезекииля было, конечно, слишком недостаточно, его концепция Иагве уже переросла наивную веру эпохи Илии. Поэтому Иезекииль, со свойственной ему смелостью, создает

совершенно новое, своеобразное сооружение, пользуясь при этом различными вавилонскими образцами. Отыскать вавилонские оригиналы фантасмагории Иезекииля не представляет особой трудности.

Первый указал на любопытную параллель Ленорман [1]). Он обратил внимание на опубликованный Томкинсом (в Studies on the times of Abraham) маленький вавилонский цилиндр с таким изображением: на фантастической ладье, нос и корма которой украшены фигурами сидящих людей, стоят задом друг к другу два быка с человеческими лицами, а на них—трон, на котором сидит в обычной позе божество; сзади него человеческая фигура; над ладьею по краям справа и слева—фигуры приносящих жертву (*рис. 9*). Рассматривая описанный рельеф Делич [2]) считает возможным усмотреть на довольно неясном изображении между спинами быков и троном площадку, каким то неожиданным образом усматривает у быков крылья и, кроме того, предполагает, что сзади двух изображенных на цилиндре быков должны подразумеваться еще два быка, так что всех быков должно быть четыре, как и керубов Иезекииля. Человека, стоящего сзади божества, Делич считает аналогичным с «мужем одетым в льняную одежду», который у Иезек. X, 2, получает от Пагве приказание взять угли и рассыпать их над Иерусалимом. Но вряд ли именно это изображение могло послужить для Иезекииля образцом. Оно не дает ни целого, ни его элементов: подвижной трон Иезекииля двигается по суше или по воздуху, на колесах, тогда как трон божества на цилиндре Томкинса помещен на ладье, плывущей по морю; быков на цилиндре все таки два, а не четыре, крыльев у них не видно, и вряд ли можно согласиться с Деличем, что двух недостающих быков художник не изобразил только потому, что не с'умел справиться со своей задачей. Напротив, вся конструкция рельефа зиждется на парных изображениях: два быка соответствуют двум человеческим фигурам на корме и на носу; божество и фигура сзади него—тоже пара; справа и слева по краям рельефа—тоже две фигуры приносящих жертву; наконец, наверху две пары солнца и луны; словом, число два господствует во всей композиции, и четыре быка лишь нарушили бы ее общий художественный замысел.

Мы ближе подойдем к разрешению задачи, если сначала обратимся к литературным образцам. В эпосе о творении мира выезд Мардука на бой с Тиамат описывается в таких выражениях: [3])

«Тогда взял он бурю, свое великое оружие,
На колесницу стал он, на непобедимый ветер бури,

---

[1]) Les origines de l'histoire, I, p. 119.

[2]) Wo lag das Paradies S. 150—151.

[3]) Табл. IV, 51—58. Цитирую мой перевод из сборника „Древний мир в памятниках его письменности“, Д. А. Жаринова, Н. М. Никольского, С. И. Радцига и В. Н. Стерлигова, ч. I, стр. 131.

Запрег в нее четырех коней, взнуздал их:
Губителя, Беспощадного, Наводняющего, Крылатого—.
Зубы их наполнены ядом,
Скакать умеют они, ниспровергать знают они.
Его одежда—гроза, ужасом облекся он,
Блеском гнева своего покрыл главу,
Пустился в путь, тропой своей помчался».

Тут мы имеем полную поэтическую параллель к фантастической колеснице Иезекииля. Коней он, правда, превратил в свои «существа», но все остальное осталось, включая и молнию, и сияющий блеск. А вместе с тем к услугам Иезекииля не было недостатка и в рельефных вавилонских изображениях на ту-же тему. У Ястрова (Jastrow) в его альбоме [1]), далеко не исчерпывающем всего материала, мы находим несколько изображений с подобного рода цилиндров. Характернее всего № 143 *(рис. 10)*: божество едет на колеснице, запряженной крылатым конем или драконом; на его спине стоит богиня с молниями в руках. № 202 изображает два божества, стоящих на крылатых драконах или конях и вооруженных перунами, *(рис. 11)*; № № 204 и 206 дают недостающую подробность: на коне или драконе стоит трон, на котором сидит божество *(рис. 12 и 13)*. Все эти изображения—с архаических вавилонских цилиндров, т. е. типичных служивших образцами для других.

Отдельные детали фантасмагории Иезекииля также легко находят себе об'яснение. Существа Иезекииля—четырехголовые: это оригинальная черта его концепции. Но приставленные к ним головы ничего нового или неожиданного не представляют. После того, что сказано уже мною относительно человекообразных изображений терафимов и относительно культов тельца и льва, три головы находят себе об'яснение из древнеизраильского религиозного быта; но четвертая голова, голова орла, из израильского наследия необ'яснима. Орел в Палестине как и в сеседнем Египте, был редкой птицей и не пользовался культом [2]); священной птицей, как мы видели, был ворон, который обычно упоминается вместе со львом—сопоставление чисто палестинское, непривычное для нас—мы привыкли рядом со львом, царем четвереногих, встречать в качестве царя пернатых орла, но никак не ворона[3]).

---

[1]) Bildermappe zur Religion Babyloniens und Assyriens

[2]) Есть основания сомневаться в том, чтобы на евр. яз. было особое слово, означающее орла. По крайней мере Штаде (Hebräisches Wörterbuch Zum Al. Test., S. 446) дает для слова nescher, фигурирующего у Иезекииля, значение *коршун* (der Geier) и лишь в качестве предположения допускает возможность значения *орел*. Напротив Gesenius-Buhl, ссылаясь на авторитет Нельдеке, дает значения *коршун* и *орел*, как параллельные.

[3]) Есть намеки на то, что коршун в Израиле был также священной птицей: ср. Исх. 19, 4—Иагве нес Израиля на крыльях коршуна (nescher);

Напротив, в Вавилонии орел был священной птицей еще в архаическую сумерийскую эпоху: его изображения фигурируют на печатях иатэси Ширпурлы и на знаменитой вазе Энтемены, а в мифологии сумеров он издревле играет выдающуюся роль. В ассирийскую эпоху вошло в обычай изображать крылатых гениев—хранителей не только с головою человека и с туловищем быка или льва, но также с туловищем человека и головою орла, на подобие египетских богов, постоянно изображавшихся с птичьими головами, и в виде человеческой фигуры с четырьмя крыльями (*рис 14)*. Такие изображения и послужили оригиналом для Иезекииля. Наконец, самым характерным признаком вавилонского влияния в композиции Иезекииля являются ее космические и астральные элементы. Трон Иагве покоится на тверди—ragia', т. е. на небесном своде, а ободья колес полны очей—т. е. звезд, которые во всех древних астральных системах называются небесными очами. Сверх того, четыре существа Иезекииля по своему числу имеют также космическое значение, соответствуют четверицам стран света, ветров, времени года, частей эклиптики.

Остается вопрос об отношении существ Иезекииля к керубам Соломонова храма. Уже ранее было замечено, что между ними, кроме одинакового названия, очень мало общего. Назначение тех и других совершенно различное, различен и внешний вид: у соломоновых керубов только по два крыла и по одному лицу. Тем более знаменательным становится тот факт, что и сам Иезекииль, описывая первое явление Иагве, называет своих крылатых духов просто «существами» (chajjoth). Комментатор Иезекииля Корниль, который первый обратил внимание на это обстоятельство, полагает, что сам Иезекииль сознавал все отличие своих существ от керубов Соломонова храма и потому начинает называть их керубами только тогда, когда из уст самого Иагве удостоверяется в том, что эти chajjoth, действительно, являются керубами, hakkerubhim; поэтому,—замечает Корниль,—в заключительных стихах X главы (ст. ст. 20—22) еще раз старательно подчеркиваются пункты, отличающие chajjoth Иезекииля от древнего изображения керубов; «это—существо, которое видел я под (троном) бога Израиля на реке Ховар, и я уразумел, что это были керубы; по четыре лица имея каждый из них и по четыре крыла каждый из них, и подобие рук человеческих было под их крыльями; и вид лиц их—те же лица, какие видел я на реке Ховар; и шли они каждый вперед пред собою [1]).

Если первое замечание Корниля—относительно резкого отличия керубов Соломонова храма от существ Иезекииля,—совер-

---

ср. также запреты Лев. 11, 13 и Второз 14, 12 (вместе с вороном разные породы коршунов), имеющие, несомненно, тотемистическое происхождение.

[1]) Cornill, Das Buch des Propheten Ezechiel, S.S. 234—235.

шенно правильно, то второе его предположение, о том, что сам Иезекииль чувствовал это различие и старался оправдаться ссылкою на Иагве, оказывается по ближайшем рассмотрении несостоятельным. Дело в том, что впервые существа названы керубами не устами Иагве, а устами самого Иезекииля (9,3): «и слава бога Израиля поднялась с керуба, на котором она была», и только в следующей главе (10,2) говорит уже сам Иагве: «войди между колесами под керуба»... При этом характерно, что в обоих случаях употреблено единственное число (hakkerubh), а не множественное (hakkerubhim), как в других случаях и как следовало бы по смыслу. Очевидно, что предположение Корниля о смущении самого Иезекииля не оправдывается современным состоянием текста. Тем не менее, Корниль пошел по правильному пути: более чем вероятно, что сам Иезекииль вообще не называл своих существ керубами, и что этот древний термин был включен в его книгу позднейшей рукою.

Дело в том, что X глава, в которой существа Иезекииля систематически называются керубами, внушает самые серьезные подозрения. В гл. IX рассказывается, как перед Иезекиилем, чудесно перенесенным из Вавилонии в Иерусалим, Иагве, явившись на своем подвижном троне, произвел казнь над нечестивыми иерусалимлянами: казнь эта была совершена по приказу Иагве мужем, одетым в льняную одежду; глава кончается докладом этого мужа: «я сделал, как ты повелел мне» (9,11). Но первый стих X главы звучит совершенно неожиданно, разрывая связь рассказа: «и я смотрел: и вот на тверди, которая над головами керубов, нечто в роде сапфира: нечто в роде трона было видно над ними», стих 2-й, напротив, возвращает нас опять к последнему стиху IX главы: «и он (Иагве) сказал одетому в льняную одежду: войди между колесами под керуба и наполни пригоршни углями... и рассыпь их над городом». Далее, в стихах 3—6 опять совершенно вне всякой связи с рассказом говорится о том, где стояли керубы, хотя об этом уже говорилось в гл. IX, о том, как шумели их крылья, и, очевидно, для связи с последующим еще раз повторяется приказание Иагве человеку одетому в льняную одежду. Ст. 7 продолжает рассказ об исполнении приказания Иагве; но тут неожиданно посредствующим звеном между углями и мужем в льняной одежде является керуб, который берет угли и передает их мужу: ясно, что керуб тут прибавлен позднейшей рукою, о чем свидетельствует перевод LXX, где керуб в этом стихе отсутствует. Следующие десять стихов (8—17) опять прерывают рассказ: идет подробное описание существ и колесницы, повторяющее, с некоторыми сокращениями, текст I главы, но несколько в ином порядке и с одним характерным изменением: повсюду вместо chajjoth фигурирует название kerubhim. Сравнительно с I гл. бросается в глаза стих 15-й, введенный совершенно некстати и прерывающий описание: «и керубы поднялись—это было существо, которое видел я на реке Хо
варе». В 18 и 19

стихах вновь продолжается прерванный на ст. 7 рассказ: «тогда оставила слава Иагве порог храма и стала на керубов: тогда взмахнули керубы своими крыльями и поднялись пред глазами моими с земли, и колеса вместе с ними»... В заключение главы, в ст. 20—22, уже цитированных мною, еще раз заявляется, что керубы—это то-же самое существо, которое Иезекииль видел на реке Ховаре, и еще раз вкратце описывается вид керубов.

Ясно, что X глава была переработана чьей-то позднейшей рукою, сделавшей неорганические вставки, которые совершенно разрушили связь рассказа; мало того, здесь работала даже не одна рука, так как в переводе LXX весь текст гл. X короче, в нем отсутствуют мелкие пояснительные глоссы и нет целого стиха, 14-го, в котором описываются головы керубов. На этом основании некоторые комментаторы Иезекииля, как Ротштейн [1], Той [2]) и всех решительнее Корнилль [3]) предлагают совершенно из'ять из современного текста кн. Иезекииля большую часть указанных неорганических вставок, хотя Ротштейн и Той колеблются сделать это сами. Безусловно, из'ятие из X гл. всех вторичных добавлений должно быть произведено без всяких колебаний: но этим дело еще не кончается, и вопрос целиком еще не разрешается.

Прежде всего, для освещения интересующего нас вопроса важно установить, какую цель преследовали вставки X главы. Очевидно, вставки носят характер об'яснительных интерполяций: и повод к появлению их дали chajjoth первой главы. Автору интерполяций chajjoth Иезекииля показались недостаточно понятными, и он хотел подвести их под какую-либо рубрику древнеизраильской демонологии. Наиболее подходящим представлением ему показались керубы; не решившись искалечить прямо I главу своими вставками, он выбрал другой путь и приспособил свои глоссы ко второй теофании. И тут получилось нескладно: сверх того, интерполятор выдал себя в двух самых важных для него местах: утверждая в ст. 15 и 20 тождество chajjoth с керубами, он по какому-то недоразумению вместо множественного chajjoth, которое везде в I гл. с настойчивостью употребляет Иезекииль, поставил единственное—chajja—существо.

Работа интерполятора, однако, не кончилась добавлением вставок: он подправил и текст самого Иезекииля. Именно, в четырех стихах IX и X глав (IX, 3, X, 2, 18, 19), не считая глоссы второй руки в X, 7, мы встречаем термин kerubh. Но раз отождествление chajjoth первой главы с керубами принадлежит интерполятору, то, очевидно, и термин kerubh в указанных сти-

---

[1]) Kautzsch, Die Heilige Schrift des Alten Testament, III Aufl, I, S. S. 837—838.

[2]) Toy, The Book of Ezekiel, p. 114—115.

[3]) Cornill. op. cit. S. S. 233.

хах IX и X глав введен его-же рукою. Что-же стояло в первоначальном тексте? Первое указание для разрешения этого вопроса дает странный оборот в ст. 3-м IX главы и в ст. 2 главы X, где самым неловким образом фигурирует единств. kerubh вместо требующегося по смыслу множеств. kerubhim. Обычно текст исправляется здесь по LXX, где в соответствующих стихах стоит множественное число; но есть другой способ об‘яснить это явление. Есть все основания утверждать, что в этих стихах первоначально вместо kerubh (כרב) стояло rekhubh (רכב) *колесница*; при такой кон‘ектуре получается прекрасное чтение: 9, 3: «и слава бога Израиля поднялась с колесницы, на которой была;» 10, 2: «войди между колесами под колесницу»... Такой же результат дает исправление ст. 18: «тогда покинула слава Иагве порог храма и стала на колесницу»; а в ст. 19 вместо kerubhim первоначально надо предполагать chajjoth: «и взмахнули существа своими крыльями...» Прежде всего, основания для такой кон‘ектуры дает традиция эпох, последующих за Иезекиилем. На первом месте надо поставить псал. 104,3, где говорится, что Иагве делает тучи своею колесницей—rekhubho—и шествует на крыльях ветра, подобно тому, как колесница Иагве у Иезекииля примчалась к пророку также в туче, погоняемая бурным ветром[1]). Представление о такой же колеснице мы находим в одной из поздних глав кн. Исаии (66, 15): «ибо вор Иагве придет в огне, и как бурный ветер колесница его (merkabha)». И псалом 104 и 66 глава кн. Исаии написаны позже Иезекииля и воспроизводят представление Иезекииля в его первоначальном виде, еще неискалеченном рукою интерполятора. Далее, еще одно характерное указание мы находим в кн. Хроник, переработавшей в III веке более ранние книги Самуила и Царей. Хронист рассказывает, что и план храма и материалы для его сооружения и для его утвари были заготовлены еще Давидом и переданы Соломону; при этом хронист говорит, что Давид передал Соломону золото для изготовления модели колесницы (merkabha) и керубов (I Хрон.. 28, 18). Другими словами, для хрониста еще было ясно различие между колесницей и керубами. Но едва ли не самое разительное свидетельство в пользу предлагаемой кон‘ектуры дает мидраш к книге Исход Schemoth Rabba (VII в. по Р. X.) Автор заметки к Исх. 3, 8 («я (Иагве) спустился, чтобы спасти народ от руки египтян»—говорит Иагве, явившись Моисею) толкует это место таким образом: «бог говорит, что он придет со своей колесницей (merkabha) на Синай, а сыны Израиля отпрягут одно из существ

---

[1]) В пс. 18, 11: «Иагве воссел на керуба»—соотв. надо считать kerubh глоссой вместо rekhubh. Псалом, вероятно, допленного происхождения, подвергался целому ряду последовательных исправлений и дополнений и в его современном виде является составным произведением, с плохо сохранившимся текстом.

(chajjoth) и разгневают его: это—золотой телец». [1]) Другими словами, иудейский ученый VII в. знал еще повидимому рецензию текста Иезекииля, неискаженную интерполятором, хотя интерполированная рецензия существовала параллельно, но еще не была канонизована. Эти сопоставления с последующей традицией подтверждаются сопоставлениями с прошлым. Мы уже упоминали об огненной колеснице в преданиях о пророке Илии; там она называется rekhebh, именем от того же корня, что и rekhubh, но образованным по другому типу. Далее, в иерусалимском храме до реформы Иосии стояла колесница солнца, merkabha haschesche-mesch. И термин и обозначаемый им предмет были вполне обычными; и вполне естественно, что употребляя для составных частей своего сооружения самые обычные термины—колеса, ободья, полированная медь—,Иезекииль и целое должен был назвать таким же обыденным термином—колесницей, rekhubh. Интерполятору достаточно было только переставить две первых согласных; однако тут, как и в случае с chajja, его выдало единственное число, которое совершено некстати уцелело при механической перестановке согласных. Исправление единств. kerubh на множ. kerubhim в греческом переводе и в ст. 18 и 19 гл. X было уже делом второй руки.

Но самое убедительное доказательство того, что chajjoth в первоначальном тексте книги никоим образом не могли быть названы керубами, дает нам сам пророк Иезекииль. Мы уже видели что описывая устройство будущего храма, он воспроизводит в орнаменте внешний вид керубов: это существа с одной головой, стоят по сторонам пальмового дерева. Что общего между ними и chajjoth? Далее, из гл. 28 книги Иезекииля ясно, что пророк также прекрасно знал, какова функция керубов—функция стражей божества и божественного достояния, а никак не двигателей божественной колесницы или носителей трона божества. Именно, в этой главе Иезекииль сравнивает царя Тира с владыкой чудесного сада Эден (рая); Иагве говорит здесь царю Тира (ст. 13—14): «керубом поставил я тебя, на горе святой божией был ты, среди огненных камней ходил ты». Образ совершенно ясный: он заимствован из Быт. 3, 24, где в заключение рассказа об изгнании прародителей рода человеческого из Эдена говорится, что у ворот Эдена в качестве стража Иагве поставил керуба. Это вполне соответствует представлению о подлинных керубах, как стражах божества или его достояния. Отсюда мы видим, что для Иезекииля в представлении о керубах не было ничего сомнительного; напротив, легенда о рае и об изгнании оттуда Адама и Евы была для него и для его читателей настолько общеизвестной и понятной, что он не колеблется привлечь ее мотивы для своих срав-

---

[1]) Цитирую по A. Jeremias, Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients, II. Aufl., S. 452, Anm 1.

нений и образов. Не забудем, наконец, что Иезекииль до изгнания был жрецом иерусалимского храма; мог ли он, не впадая со своей точки зрения в самую жестокую ересь, осмелиться на превращение *одним почерком пера стражей священного тайника и ковчега* в фантастических двигателей божественной колесницы? Нет: для нового, скомбинированного им впервые представления он не осмеливается употребить старый священный термин и осторожно предпочитает самое общее нарицательное имя.

Интерполятор, назвавший chajjoth *Иезекииля керубами*, знаменует собою новую эпоху в развитии израильско-иудейских религиозных представлений. Иезекииль еще, так сказать, только вчера приносил жертвы Иагве в иерусалимском храме, он постоянно возвращается туда в мыслях и в сновидениях, на свежем, еще не остывшем пепелище он строит мысленно новый храм и спешит поделиться своим проектом со своими читателями. Для интерполятора допленные религиозные представления уже оторваны от их чувственого образа: он не видал керубов лично, но знает их лишь книжно—в нем заметны уже черты книжника, софера; недаром позднейшая раввинистическая традиция говорит, что над *книгой Иезекииля трудились «мужи великой синагоги»* [1]. Для интерполятора замутилось представление о керубах, как о стражах и осталось общее представление, как о служебных духах, которых можно при случае и запречь в колесницу, и поставить поддерживать трон. Но все таки керубы для него—живые существа; более того, вся колесница Иезекииля в целом представляется ему тоже живым существом. Индивидуальные черты керубов в представлении интерполятора стерлись, но еще теплится представление об их индивидуальном существовании.

Другого рода деградацию представления о керубах мы находим в керубах скинии собрания. Книжники школы Иезекииля, развивая далее его план восстановления Иерусалима и храма, выработали священную конституцию, которая должна была регулировать жизнь Иуды после его возвращения из плена. Эту конституцию они одели в исторический наряд законодательства, полученного Моисеем в пустыне от самого Иагве, еще до поселения в Ханаане. Другими словами, они прибегли к обычному в древности приему архаизации проектов новых конституций и законов, как в *Афинах олигархи* 411 года вводили будто бы не новую конституцию, а отеческий строй patrios politeia, учрежденный еще Драконтом, или как в Риме в II—I в. авторы аграрных законов ссылались на древние якобы постановления эпохи царей и первых времен республики. Для „законодательства Моисея“ книжники брали старый материал, но тщательно пересматривали его.

---

[1]) Baba Bathra fol. 14 b; цитирую по Kuenen, Historisch-Kritische Einleitung in die Bücher des A. T. II Theil. S. 304.

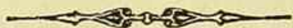
подчищали, придавали ему новые очертания, новый смысл и сплошь и рядом изменяли его до неузнаваемости. Так поступили они и с керубами. В скинии собрания, усовершенствованной модели храма, тайник превратился в святое святых, ковчег стал вместилищем не Иагве, но его законов, а керубы из колоссальных деревянных изваяний, охраняющих ковчег, превратились в маленькие золотые статуэтки, украсившие крышку ковчега (Исх. 25, 18—20; ср. *рис. 15*). Но в храме, построенном после возвращения из плена, даже и таких керубов не было: ковчег безвозвратно погиб при разрушении Иерусалима, и святое святых нового храма было пусто. Потеряло всякую жизненность и представление о керубах: в псалмах общины второго храма они стали поэтическим образом колесницы Иагве или формулой его титула— «Иагве, восседающий на керубах» (пс. 80, 2, 99, 1). Эта формула в виде случайных глосс попала в некоторые места книг Числ (7, 89), Царей и эксцерптов из кн. Царей в кн. Исаии (II Цар., 19, 15=Ис. 37, 16). В позднейшее время представление о керубах возрождается на иудео-христианской почве. В сборном апокрифе Еноха, над которым с одинаковым усердием работали и иудейские и христианские редакторы, мы встречаем в числе тысяч и десятков тысяч ангелов особые высшие ангельские разряды: šeraphim, kerubhim и 'ophanim. Замечателен последний разряд: 'ophanim—это колеса Иезекиилевой колесницы, ставшие теперь ангельским чином—чисто книжное, надуманное представление (Ен., 61, 10—11; 71, 6—7). В Апокалипсисе Иоанна четыре существа Иезекииля появляются вновь перед нами, но уже в преображенном виде: это четыре животные ,zoa, исполненные очей спереди и сзади, одно подобно тельцу, другое—льву, третье имеет лицо человека, четвертое подобно летящему орлу; они стоят посреди престола и кругом престола божества, имеют по шести крыльев и днем и ночью взывают: «свят, свят, свят господь бог вседержитель!» (IV, 6—8): характерно, что и Апокалипсис не называет их керубами. В произведениях раннего христианского искусства четыре лица Иезекиилевых существ или животных Апокалипсиса стали символами четырех евангелистов, причем после некоторых колебаний установилось такое соответствие: Матфей—человек, Марк—лев, Лука—телец и Иоанн—орел [1]). В концепции отцов церкви керубы (в греческом произношении ***херувимы***) стали одним из разрядов ангелов: в „Небесной иерархии" Дионисия Ареопагита они занимают второе место после серафимов (De coel. hier, 7—9).

Подведем теперь некоторые итоги. К сожалению, приходится признать, что в вопросе о подлинных керубах еще остается известная доля неясности и неопределенности. Керубы—чисто изра-

---

[1]) Первое изображение такого рода относится к концу IУ в., в мозаике базилики св. Пуденцинии; ср. Kaufmann, Handbuch der christlichen Archäologie, S. 408.

ильского происхождения, служебные духи, стражи божества и его достояния, имеющие тесную связь с первобытной израильской демонологией; но происхождение и значение их имени не может считаться в достаточной мере выясненным. За то на другой вопрос, о вавилонском влиянии на происхождение этого религиозного явления, ответ, как мне кажется, получается вполне определенный. Изваяния первых керубов в храме Соломона были созданы не под вавилонским, а под египетским влиянием, и если уж искать об'яснения их темного имени на стороне, то надо скорее обращаться в Египет, а не в Вавилон. Позднейшая концепция Иезекииля им самим не была названа керубами; отсюда следует, что совершенно нет никакой надобности сближать термин keruбh, введенный в теофанию Иезекииля интерполятором, с вавилонскими корнями. Третий вопрос, более общий, о влиянии соседних культур на израильскую культуру, получает также вполне определенное направление. Как промежуточное звено между Египетом и Месопотамией, Израиль попеременно должен был подпадать под культурное влияние той страны, которая в данный момент имела в международных отношениях перевес; египетское и вавилонское влияния, чувствуясь постоянно и одновременно, чередовались по силе своего воздействия, но в таком порядке, что в древнейшую эпоху и до VIII века преобладало влияние египетское, с VIII века усиливается влияние Ассирии, а в эпоху плена исключительное господство выпадает на долю влияния Вавилона. Это скрещение и чередование влияний чрезвычайно ярко проявляется в истории керубов; о том же говорят результаты раскопок и о том же, надо полагать, скажет история других явлений израильской культуры, если эти явления подвергнуть такому же параллельному литературно-археологическому исследованию, как это сделано в настоящем этюде по отношению к керубам.

В. И. Пичета.

Наказ старостам и державцам и волочная устава.

Устава о волоках, опубликованная Сигизмундом Августом,— экономический трактат совершенно самостоятельного практического и теоретического значения, однако своими источниками тесно связанный с административно-хозяйственными распоряжениями предшествовавшего волочной уставе времени. Если в Наказе старостам и державцам, опубликованном как думает Н. Г. Бережков [1]), в эпоху, предшествующую аграрной реформе Сигизмунда Августа, чувствуется влияние старины—уставы 1529 г., но вместе с тем осуществляются новые принципы, которые являются либо развитием некоторых положений, нашедших отражение в предыдущих экономических уставах, либо совершенно новыми хозяйственными принципами, получившими свое логическое развитие в зависимости от новых фактов и явлений экономического характера, то такая оценка Наказа старостам и державцам вполне применима и к Уставе о волоках. Несмотря на свое самостоятельное хозяйственно-правовое значение, волочная устава тесно связана с предыдущими хозяйственными уставами, поскольку в них уже нашла отражение новизна взглядов уставы о волоках и поскольку в последней, не смотря на новые принципы, положенные в основу новой экономической политики, чувствуется хозяйственная старина, всегда сохраняющаяся в новизне и особенно устойчиво держащаяся в народно-хозяйственной жизни. Несомненно, в Уставе о волоках можно отметить значительное влияние Наказа старостам и державцам. Как бы ни были противоположны принципы, положенные в их основание, они, все-таки, тесно связаны друг с другом, будучи вместе теоретическим отражением того практико-экономического движения, которое постепенно стало охватывать и Литовско-Белорусское правительство, и Литовско-Белорусские шляхетские круги, сознававшие необходимость увеличения производительности и вместе с тем доходности как господарских, так и частновладельческих имений.

---

[1]) *Н. Г. Бережков*. Устава замков, держав и дворцов (Ж. М. Н. П., 1912).

Если Наказ старостам и державцам не решается резко порвать со стариной, хотя в то же время приспособляет к новым условиям хозяйственной жизни прежние принципы экономической политики, то Устава на волоки в этом отношении значительно радикальнее. Ее теоретические основы—это самый решительный разрыв со стариной и в то же время только развитие целого ряда раньше высказанных экономических положений практического характера, поскольку последние еще не потеряли своего действенного значения и при новых условиях развития народно-хозяйственной жизни. Волочная устава имеет обще-государственное значение. Теоретические принципы и практические указания, находящиеся в уставе, должны были быть положены в основу господарской хозяйственной политики на протяжении территории всего Литовско-Белорусского государства, поскольку в отдельных его частях аграрные отношения строились на новом фундаменте. Равным образом, и Наказ старостам и державцам имеет в виду всю территорию государства. Как волочная Устава является обязательно принудительной для местной администрации, не имевшей права отступать от положенных в ее основу принципов, так и Наказ старостам и державцам имеет общеобязательный, принудительный характер. Устава о волоках была составлена под влиянием определенного намерения правительства положить в основу народно-хозяйственной жизни новые аграрные отношения. Точно так же и Наказ старостам и державцам является результатом инициативы правительства в лице пана подскарбия, пожелавшего стать на путь централизации господарского дворового хозяйства во всех областях Литовско-Белорусского государства. Наказ старостам и державцам ставит своей задачей и целью не только одну организацию дворового хозяйства. Он имеет в виду также и организацию контроля «aby już wedle tej woli i ustawu nasze starostowie, dzierżawcy i urzędnicy nasze się sprawowali, pożytek z gospodarstwa się mnożyły i wszystko w wiadomości było» [1]).

Наказ старостам и державцам отправляется от наличного количества господарских дворов и фольварков, которые необходимо приспособить к новым условиям хозяйственной жизни. Провинциальная администрация, получив Наказ в виде руководства, должна была с ним считаться при дальнейшем ведении фольварочного хозяйства. Волочная Устава имеет в виду не только реформу хозяйства в уже существующих хозяйствах-дворах, но также и образование новых фольварков, если только для этого имеются на лицо соответствующие об'ективные условия. В этом отношении новизна экономической политики чувствуется в Уставе на волоки сильнее, чем в Наказе старостам и державцам [2]).

---

[1]) Русская Историческая Библиотека, т. XXX, стр. 600.

[2]) Устава на волоки (Рус. Ист. Библ., т. XXX, арт. 20).

Господарское хозяйство, согласно Наказу, должно было находиться на учете администрации. Последняя, учитывая ежегодный урожай, прежде всего выделяет так называемую костельную единицу и оставляет вместе с тем необходимое количество зерна на семена. В виду наличия при господарских дворах челяди невольной, на содержание последней также откладывается известное количество коп зерна, согласно старому обычаю [1]). Равным образом сохраняется потребное для корма кабанов количество зерна. Наконец Наказ старостам и державцам рекомендует выдавать крестьянам хлеб в отсып на весну. В тех же местах, где подданные не пожелали бы брать жита в отсып, местная администрация должна всячески стремиться к тому, чтобы со стороны население проявлялось больше сочувствия новым хозяйственным планам правительства [2]). Устава на волоки сохранила существовавшую хозяйственную практику, впрочем внеся в нее некоторые существенные изменения. Устава не знает челяди невольной, превратившейся в отдельный разряд дворового населения, так называемых огородников. Точно так же устава категорически рекомендует «из гумна нашого жыта в отсоп недавати», за исключением голодных лет, когда такая выдача должна производиться всякий раз «алиж з нашим альбо подскарбего нашого листом» [3]). Если в первом случае приходилось откладывать десятину в виду обязательности для господарского двора содержать церковь до перехода последней к иному материальному обеспечению, то отдача в отсоп была бы совершенно нерациональной хозяйственной мерой, так как господарская волочная устава, в своем стремлении увеличить производительность хозяйства и поднять его доходность, связывает последнее самым тесным образом с внутренним и внешним рынками. Наказ старостам и державцам также стремился к увеличению доходности господарского двора в пределах территории, занятой господарским двором и прилегавшей к нему волостью. Наказ еще не учел создавшихся новых условий хозяйственной жизни. В этом отношении он резко отличается от волочной уставы. Наказ старостам и державцам требует, чтобы оставшееся зерно подлежало молотьбе, причем две части озимого хлеба составляют собственность господарского двора, а третья часть поступает в распоряжение дворового урядника. Раньше господарские урядники брали без всякого счета и, разумеется, вследствие такой безхозяйственности не мало страдали господарские доходы. Из яровых хлебов на урядника поступает только одна четвертая часть нового урожая. За вычетом зерна, необходимого для посева, остальная ярина может быть продана либо путем отправки за границу до Гданска и Кролевца, либо на местных рынках по усмотрению местной администрации—в зависимости от того, какой вид торгов-

[1]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 601.
[2]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 601.
[3]) Устава на волоки, арт. 20.

ли является более выгодным для господарского хозяйства [1]). Устава на волоки в виду того, что организация дворового хозяйства строится на совсем иных основаниях, распределяет доходы урядника несколько по иному, но и здесь в пользу урядника поступает «третий сноп с гумен наших всякого збожа». Расчет Наказа для озимых хлебов волочная устава распространяет и на яровые [2]).

Господарско-дворовое хозяйство, согласно Наказу, контролируется периодическими наездами особых писарей. Такие ревизии должны производиться ежегодно. Устава на волоки контролирующий институт писарей заменила институтом ревизоров, сохранив за ними большую часть контрольно-ревизионных функций писарей [3]). Последние, как и ревизоры, обязаны были произвести пробный умолот ежегодного урожая, который должен быть для местной администрации образцовой меркой при молотьбе. Такой пробный умолот производится с тем, чтобы господарское дворовое хозяйство не потерпело какого-либо убытка (aby nie zostawili ku szkodie gumien i pożytków naszych) [4]).

Разумеется, институт принятых в волочной уставе ревизоров значительно сложнее института писарей. Обязанности первых труднее и сложнее в зависимости от тех новых условий, на которых строится господарское дворовое хозяйство. Но то, что было по существу необходимо для учета нового урожая и что было принято Наказом, сохранено и Уставом иа волоки [5]).

Оба выше названные экономические памятники отводят много внимания, и это вполне понятно, населению волости. Состав последпего совершенно одинаков по определению обоих памятников. Высший слой составляют бояре путные и разного рода слуги как специального назначения, так и особых повинностей. Низший слой образовался из челяди невольной—огородников, тяглых людей и осадных людей. В этом отношении аналогия между Наказом и Уставой—полная. Впрочем, кое-какие начала в Уставе на волоки получили более значительное развитие, что, конечно, зависело от совершенно иных теоретических оснований, которые были положены в Уставу о волоках. То внимание, с которым волочная устава относится к рабочей силе двора в смысле наиболее рациональной ее эксплоатации, уже можно отметить и в Наказе старостам и державцам. Последний также стремился по возможности наиболее полно, и при том вполне целесообразно, использовать рабочую силу господарского двора. Оба экономических памятника прекрасно оценивают значение рабочей силы и ее эксплоатацию в целях

---

1) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 602.
2) Устава на волоки, арт. 31.
3) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 603. Устава, арт. 26.
4) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 603.
5) Устава, арт. 20.

поднятия производительности и вместе с тем доходности хозяйства.

Наказ довольно детально определяет обязанности путных людей, а также и других разрядов волостного населения—представителей специальных служб и повинностных отпущений. Впрочем, по сравнению с Уставой на волоки их бытовое положение в Наказе несколько иное. Согласно Наказу, путные бояре не только несут военную службу, но и отправляют тяглую повинность—сено косят. Слуги специального назначения, как осочники, рыболовы, ковали и друг., не несущие военной службы, однако, обязаны выходить на толоку в определенное время и вместе с тем косить сено по старому. Помимо этого, они уплачивают дворовый скарб по одной копе осадного [1]). Количество специальных служб должно определяться текущими потребностями и нуждами дворового хозяйства по усмотрению державцев, но без кривды для господарских подданных. Наказ стремится привести количество служб специального назначения в полное соответствие с хозяйственными источниками двора, но в то же время не решается порвать со стариной и поставить экономические выгоды господарского двора выше выгод отдельных служб специального назначения. Наказ старостам и державцам стремится примирить непримиримое. С одной стороны, Наказ рекомендует оставлять для потребностей господарского двора столько служб специального назначения, сколько их потребуется для дворового хозяйства. С другой стороны, сокращение численности подданных, отправляющих специальную службу, является кривдой для подданных. Между тем, Наказ старостам рекомендует старостам и державцам поступать так, чтобы не было никаких кривд для подданных.

Как согласовать интересы господарского хозяйства с интересами подданных, не смотря на видимое их противоречие, об этом в Наказе старостам и державцам ничего не сказано [2]). Волочная устава имеет в виду те же цели, но ей несвойственна половинчатость мероприятий Наказа. Раз Устава на волоки ставит своей ближайшей целью поднятие производительности и доходности господарских дворов, то составители последней интересы двора поставили выше интереса отдельных лиц и положений, настоятельно рекомендуя оставлять для потребностей господарского двора столько лиц специального назначения, сколько последних требуется в действительности [3]). Волочная устава, оставляя основную повинность путных бояр в неприкосновенности, освободила их от всяких тяглых работ, что логически вытекало из вновь принятой системы в организации господарского дворового хозяйства. Рав-

---

[1]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 616.
[2]) Рус. Ист. Биб., т. XXX, стр. 616.
[3]) Устава на волоки, арт. 16.

ным образом и люди специальных служб освобождаются от толоки и обязанности косить сено по старине [1]).

Наказ старостам и державцам, не разрывая со стариной и стремясь поднять доходность и производительность господарского дворового хозяйства в рамках существующих земельно-правовых отношений, сохраняет в неприкосновенности челядь невольную, как рабочую силу господарского двора и весьма детально определяет ее повинностное положение. Челядь невольная в дворовом хозяйстве—это весьма глубокая старина. Как и в старину, основой ее содержания, согласно Наказу, является месячина. Каждый державец был обязан следить за тем, чтобы челядь невольная обоего пола получала свой месячный пае за соответствующую службу. Согласно Наказу, отправления всех сельско-хозяйственных работ составляет обязанность челяди невольной, работающей с помощью рабочего инвентаря, предоставленного ей дворовой администрацией [2]). Волостные люди при каждом дворе являются лишь помощниками челяди невольной в целях скорейшего окончания сельско-хозяйственных работ [3]). И рабочая сила челяди невольной женского пола, получающей месячину, не должна пропадать даром. Каждая женщина-невольница обязана в течение зимы выткать из дворовых материалов 50 локтей полотна, а также равным образом выполнять всю ту работу, которую от нее потребует уряд [4]). Недостаточно продуктивное использование врядником рабочей силы челяди невольной влечет за собою уплату штрафа со стороны врядника в размере 50 грошей за каждую жонку или же столько полотна, сколько невольная женщина должна была соткать [5]). Невольные девки и малые дети, которые взяты в господарский двор для выполнения различных дворовых услуг—в виде ли исполнения обязанностей рыкунь, или в качестве надсмотрщиков за скотом,—освобождаются от представления соответствующего количества полотна [6]). Устава на волоки также находит целесообразным, чтобы при каждом дворе были „дворничките рикуньи порадные", на обязанности которых лежит уход за дворовым скотом [7]). В этом отношении Наказ и Устава вполне совпадают друг с другом, с той лишь разницей, что все рыкуньи согласно волочной уставе получают определенное ежегодное вознаграждение за работу в размере двух коп грошей от уряда и трех бочек жита с господарского гумна [8]).

---

[1]) Ibidem, арт. 1—6.
[2]) Рус. Ист. Биб, т. XXX стр. 606—607.
[3]) Рус. Ист. Биб., т. XXX, стр. 607.
[4]) Ibidem, стр. 607.
[5]) Ibidem, стр. 607.
[6]) Ibidem, стр. 607.
[7]) Устава на волоки, арт. 21.
[8]) Ibidem, арт. 21.

На руководителей господарского дворового хозяйства—державцев, согласно Наказу, возлагается обязанность ведения точного учета всей рабочей силы невольных людей. Устава на волоки уже не знает института челяди невольной. Последняя была посажена на землю, на небольшие земельные участки, и превратилась в так называемых огородников, обязанных отправлять раз в неделю барщину. С своей стороны, жены огородников имеют фиксированные повинности. Они работают летом «не больше одно шесть дней до жнива, альбо до полотья будут повинны» [1]). Исчезновение в Уставе тна волоки челяди невольной—существенная отличительная черта последней по сравнению с Наказом. Челядь при новых условиях организации сельского хозяйства потеряла свое первостатейное хозяйственное значение. Ее место занимают тяглые люди—элемент, по мысли составителя Наказа, второстепенный в хозяйственн м отношении. Тяглые люди занимают второе место в господарском хозяйстве после челяди невольной. Они работают на господарском дворе столько времени, сколько этого требуют интересы господарского хозяйства. Количество тяглых людей определяется потребностями двора. Остальные подданные должны быть посажены на осаду, чем достигается увеличение господарских доходов, благодаря поступлению в скарб так называемых осадных грошей. Но перевод подданных в состояние осадных людей не должен повлечь за собою отягощения работы и гибели тяглых людей. [2]).

В волочной уставе тяглые люди—основная рабочая сила господарского двора. Численность ее определяется потребностями господарского хозяйства в зависимости от размеров дворовой пашни. Остальные тяглые люди должны быть посажены на осаду [3]). Определение численности тяглых людей производится в Наказе по суб'ективным признакам. Устав заменяет суб'ективные признаки об'ективными условиями, при которых воля и усмотрение самих доржавцев и старост не имеет никакого значения. Положив в основу определение численности тяглых людей об'ективные признаки, Устава должна была и в другом отношении уклониться от Наказа. Она определила то количество рабочих дней, которое руководитель господарского хозяйства имеет право требовать от тяглого человека [4]). Между тем, в Наказе количество рабочей силы, затрачиваемой каждым тяглым человеком, определяется усмотрением старосты или державцы в зависимости от хода и характера сельско-хозяйственных работ в господарских дворах и фольварках.

---

[1]) Ibidem, арт. 16.

[2]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 615.

[3]) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 615.

[4]) Устава, арт. 15, 20.

Работа на господарском дворе—не единственная повинность тяглых людей. Последние были обязаны еще уплачивать так называемое дякло и мезлеву. Дякольный овес собирается натурой для потребностей господарского конозаводства. Мезлева поступает исключительно деньгами. [1]).

Впрочем, Наказ допускает замену дякольного овса деньгами. Но при наличии господарского конозаводства дякло должно непременно собираться натурой впредь до специального по этому поводу разрешения. Точно так же и сено поступает натурой для потребностей господарского конозаводства и скотозаводства. Если же при господарском дворе сено окажется лишним, то последнее продается, а вырученные деньги поступают в господарский скарб. Для получения большого количества сена Наказ предписывает старостам и державцам, чтобы все сенные покосы косились «без жадных откупов». [2]).

Согласно Уставе о волоках, тяглые люди, отправляя двухдневную барщину в неделю, уплачивают ряд денежных взносов, которые заменяют собою старое дякло и мезлеву. Впрочем, Устава допускает сбор податков и натурой, но последняя допускалась при условии соответствующего распоряжения из центра [3]). Тенденция к замене натуральных податков денежными была свойственна и Наказу, но свое логическое завершение она получила только в Уставе о волоках.

Дякольный овес, согласно Наказу, должен был быть отвезен либо до Вильны, либо в какое-нибудь иное место, согласно господарскому распоряжению. Наказ требует, чтобы дякольный овес измеряли бочками и чтобы последние были строго определенной емкости. Во всех господарских дворах, при приеме дякольного овса должна употребляться бочка емкостью в четыре корцы Краковских. Овес накладывается в бочку без верху «под стрих». Бочка указанной выше емкости должна была стать обычной меркой, применяемой в господарском дворе при посевах, молотьбе и других хозяйственных нуждах [4]). Устава на волоки сохраняет сущность всех приведенных распоряжений в Наказе. Дякольный овес, предназначенный для потребностей господарского двора, отвозится тяглыми людьми «до Вильны, до ловов, до портов и до иншихъ господарских дворов во исполнение господарского распоряжения» [5]). В этом отношении урядники и по Наказу, и по Уставе подчиняются хозяйственным распоряжениям из центра. Тяглые люди, согласно Уставе, обязаны отвозить овес не далее 20 миль, а

---

[1]) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 613—614.

[2]) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 613—614.

[3]) Устава, арт. 15, 17.

[4]) Русс. Ист. Биб., XXX, стр. 614.

[5]) Устава, арт. 17.

сено 15 миль, если они не уплачивают денег за отвоз, при чем с каждой волоки должно быть отвезено не более одного воза сена [1]). Такое ограничение подводной повинности совершенно незнакомо Наказу. Если овес и сено приходиться отвозить на расстояние свыше определенного в Уставе, то за излишнее расстояние Устава на волоки устанавливает определенное вознаграждение: а именно, за каждую милю от каждой бочки тяглому человеку необходимо уплатить по полтрети пенязя, причем следуемая возчику сумма отпускается из причитающихся с него отвозовых пенязей [2]). Но эта деталь, имеющая большое хозяйственное практическое значение, неизвестна Наказу.

Наказ старостам и державцам озабочен необходимостью обезпечить господарский двор соответствующим количеством ремесленников для нужд и потребностей господарского двора. С этой целью Наказ рекомендует брать у отцов сыновей и обучать их какому-либо ремеслу. Наказ предписывает брать детей для обучения ремеслу из многосемейных семей. Обучившиеся ремеслу могут быть посажены на землю или на пенязных платах для применения своих специальных знаний для нужд господарского двора [3]). Устава на волоки также допускает наличие при господарском двере специалистов ремесленников, которым отводится по одной волоке. Но количество необходимых для господарского двора ремесленников определяется ревизорским усмотрением [4]).

Вопрос о денежных платах, приходящихся с каждого земельного участка и посильных для населения, занимают видное место в Наказе старостам и державцам. Необходимо было дать провинциальной администрации какие-либо об'ективные признаки, руководясь которыми старосты и державцы могли бы определить размер осадного без отягощения подданных. Установление новых платов было тем более необходимо, что старые платежи были введены еще при Сигизмунде Старом или были изменены господарскими писарями, не принявшими во внимание того обстоятельства, что наложенные на население платы, благодаря своей уравнительности, по одной копе и больше с человека, были весьма тяжелы. Между тем, такие высокие повинности дали отрицательный результат. Одни подданые обеднели, другие ушли на сторону, а господарские урядники обо всем этом не сочли нужным довести до сведения Сигизмунда Старого. По мнению составителя Наказа, каждый подданный должен быть обложен в зависимости от его земельного надела и доходов так, чтобы серебщина и другие денежные платы были своевременно и исправно

1) Ibid. арт. 17.
2) Ibid, арт. 17.
3) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 614—615.
4) Устава, арт. 39.

собираемы. Наказ отказывается от принципа уравнительности. Необходимо индивидуализировать крестьянские хозяйства и принимать во внимание при обложении как качества земельного надела, так и материальное состояние каждого плательщика [1].

Указав на об'ективные признаки обложения, Наказ старостам и державцам оставляет на обязанности дворовой администрации определение следуемых с крестьянского надела натуральных и денежных податков. В сравнении с предыдущей уравнительной податной политикой, такого рода правительственные хозяйственно-финансовые мероприятия—значительный ныне шаг вперед в смысле более правильного распределения податков, падающих на население; но в то же время такая постановка столь важного вопроса едва ли может быть признана правильной: суб'ективные расценки податков в значительной степени ослабляют намерение центрального правительства построить волостное обложение на более или менее об'ективных признаках [2]. Устава на волоки держится при обложении того же принципа. Волостные люди облагаются платежами пропорционально их земельному наделу и качеству почвы находящегося в распоряжении подданного земельного участка. Но в тоже время Устава стремится уничтожить противоречие между об'ективными признаками обложения и суб'ективным методом определения размеров податков и вводит однообразные платежи по всей территории, где была осуществлена волочная помера. Устранение суб'ективного элемента при обложении податками было возможно только потому, что в материальном отношении все подданные были уравнены. Введение однообразной земельной единицы—волоки уничтожило многоземелье одних и малоземелье других и позволило определить нормы обложения по совершенно об'ективным признакам: количества волок и качества ее почвы с более детальным делением качества почвы на разряды по сравнению с тем, что было принято в Наказе старостам и державцам [3]. Составители Наказа прекрасно понимают первостепенное значение волостного элемента для дворового хозяйства. Поэтому они считали своевременным и необходимым принять меры против уменьшения, в силу тех или других обстоятельств, рабочей силы двора—главным образом, вследствие ухудшения хозяйственного положения и финансовой платежеспособности плательщика господарских податков. Надрыв рабочей силы может иметь гибельные последствия для дворового хозяйства. Это совершенно отчетливо сознается Наказом старостам и державцам. Положение рабочей силы становится очень трудным в голодные годы. Поэтому, чтобы предотвратить возможность каких бы то ни было неправильных действий со стороны

---

[1] Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 610—611.
[2] Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 610—611.
[3] Устава, арт. 15.

администрации по отношению к населению, что являлось бы в хозяйственном отношении неисправимой ошибкой. Наказ считает целесообразным дать ряд указаний относительно той политики, какой должен придерживаться местный управитель в тяжелые для населения годы. Наказ предписывает проявлять в голодные, трудные годы снисходительность по отношению к населению как относительно платежей, которые приходится уплачивать волостному населению, так и относительно всяких принудительных работ, падающих на население и требующих своего отбытия. Всеми этими соображениями должен руководиться местный управитель из опасения, чтобы господарские подданные не разбежались. Такой же политики следует держаться и в том случае, если какое-либо стихийное бедствие затронет одного подданного и создаст для него тяжелые материальные последствия. Разумеется, каждому уряднику придется отчитываться пред господарским писарем и привести те соображения и мотивы, которые заслуживали внимания и в силу которых дворовый администратор был вынужден предоставить подданному ту или другую льготу [1]). Наказ старостам и державцам допускает, что во время голодных лет разошлось не мало населения, среди которого находятся такие, которые оставили засеянную землю и могут вернуться обратно домой в течение года. Наказ предписывает, чтобы вплоть до Троицыного дня или до святого Ивана, или наконец в течение года земли ушедших никому не раздавались. Если к этому времени беглый подданый не вернется в свой дом, то такая пустая земля со всеми постройками может быть роздана «иншим людем». Выморочное имущество беглеца господарский урядник не может захватить для себя. Он обязан отдать его тому подданному, который возьмет оставленный беглым участок земли. Дарование всякого рода льгот этим новоселам оставляется на усмотрение самого администратора. Равным образом, Наказ старостам и державцам считает «шкодливым и обтяжливым» для подданных тот прием господарской администрации, когда вследствие бедности подданный не в силах уплатить следуемой с него платы и дицкования, то последняя стремится собрать эти платы во чтобы то ни стало. Наказ старостам и державцам рекомендует в каждом отдельном случае предоставлять льготу подданному с перенесением недобранного податка на другой год. По мнению Наказа способности и качества каждого администратора господарского имения узнаются по его отношению к подданным. Сами старосты и державцы должны знать, с кого они могут взять и по отношению к какому подданному им следует обнаружить снисходительность—ласку [2]). Наказ старостам и державцам предусматривает возможность оставления отчичем своего наследственного участка не вследствие бедности, но единственно «зупору» или не уплаты положенных податков. Наказ заинтере-

---

[1]) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 605.

[2]) Ibid, стр. 613.

сован в том, чтобы оставленный участок не пустовал и чтобы не было вследствие этого уменьшения господарских доходов. Впрочем, при выполнении этого плана возможны некоторые формальные затруднения, о которых так пришлось коснуться составителям инструкции. Принципиально участок беглого человека подлежит передаче другому подданному для эксплоатации. Однако, возможен такой случай, когда подданный отказывается брать земельный участок только потому, что убежавший крестьянин жив и в случае возвращения последнего, участок земли возвратившегося беглого будет ему обратно возвращен. Наказ категорически предписывает старостам и державцам в случае, если подданный убежал, оставив свой земельный участок либо опустошенным, либо незасеянным, отдавать его для эксплоатации другому подданному. В случае же возвращения беглого отчича осаживать на новом участке земли, поставив его под соответствующий контроль со стороны администрации. Кроме того, к бегству подданных господарская администрация не должна относится равнодушно. Она обязана отыскивать беглых людей и возвращать их на прежнее место. Рекомендуя поддержание льготами обедневших крестьян, Наказ старостам и державцам выдвигает такой случай, когда льгота не приносит никакой пользы и подорванное крестьянское хозяйство не восстанавливается. В таком случае Наказ предлагает посадить такого маломочного подданного на другой участок земли, который соответствовал бы его силам и средствам [1]).

Те же вопросы интересуют и составителей Уставы о волоках. Они также рекомендуют внимательное и заботливое отношение к подданным в голодные и несчастные годы. Впрочем, при всем сходстве основных точек зрения Наказа и Уставы, в приложении их на практике надо отметить существенную разницу. Устава знает два вида ухода подданного: с разрешения властей и без оного. Сохранение участка земли допускается только по отношению к ушедшему с согласия администрации. В случае невозвращения последнего ко дню св. Яна, такой подданный тратит свой засев, который следует отдать «иншему подданному, но без поклону врадничего». [2]) Ушедшие самостоятельно рассматриваются как беглые: их участки земли немедленно отдаются другим, а сами бежавшие подвергаются розыску. В случае их отыскания или добровольного их возвращения, они осаживаются на пустых волоках. В несколько ином положении находится вернувшийся или возвращенный беглый, который вышел „за кривдою от врядника и войта.“ Дворовая администрация прежде его осаживания обязана рассмотреть его кривду и решить вопрос, допускать ли беглого „ку засевку и будованию альбо ни.“[3]) В вопросе о временной

---

[1]) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 603.

[2]) Устава, арт. 33.

[3]) Устава, арт. 33.

льготе при уплате податей в случае несостоятельности должника Устава и Наказ принципиально сходятся, но между ними существуют разногласия относительно характера и способа выяснения, заслуживает ли помощи подданный или нет. Для волочной Уставы уже недостаточно суб'ективного мнения администрации Устава выдвигает об'ективные признаки—указания войта, лавников, соседей в том, что такой то подданный „за пожогою, за вымеретьем, або за хоробою всего дому, за голодом, за побитием граду и за вбоством" не в состоянии податка заплатить. [1]) Таким образом, в во очной уставе основные положения Наказа, касающиеся вопроса об оказании помощи бедным, получили только более детальное развитие. Все суб'ективные признаки в виде оценки материального положения администрацией заменены об'ективными данными. В первом случае ответственность всецело падает на дворовый уряд. Во втором случае дворовый уряд основывает свои распоряжения на свидетельстве лиц, близко стоящих к подданному и знающих все условия его домашней жизни. Поэтому, в случае обнаружившегося неправильного показания вся ответственность переносится на войта и соседей.

Наказ старостам и державцам отводит много внимания представителям дворовой администрации и стремится по возможности детально определить ее обязанности по ведению господарского дворового хозяйства, а вместе с тем и ответственность за неправильную его организацию и постановку. Нормальная постановка господарского хозяйства была необходима в целях поднятия доходности и производительности дворового хозяйства. И то и другое было возможно осуществить только при условии детальных указаний сверху, безусловно обязательных для дворовой администрации. В этом отношении, не смотря на принципиальную разницу земельной политики Наказа и Уставы, общие основные положения организующего характера Наказа и Устава совпадают. Старосты и державцы прежде всего ведут учет рабочей силы господарского двора—как челяди невольной, так и всего волостного населения. [2]) Такой реестр должен всегда находиться в руках дворовой администрации и в случае надобности может быть представлен на рассмотрение соответствующих господарских агентов. Старосты и державцы заведуют всеми земельными угодьями, находящимися в их староствах и державах. Дворовой администрации запрещается без господарского распоряжения раздавать кому бы то ни было пустовские земли без установленных платов, хотя бы даже своим слугам и господарским поданным. Такие пожалования не действительны, и в случае, если у тех или других держателей земли не окажется оправдательных документов («листы и данины отца нашего и нашей»), то такие земельные участки отбираются и присоеди-

---

[1]) Устава, арт. 29.

[2]) Рус. Ист. Биб. XXX, ст. 607.

няются к господарскому двору[1]). Вместе с этим дворовая администрация следит за тем, чтобы пустые земли не оставались бездоходными. Такие пустоши отдаются подданным для службы за обычные подати, но отдача их в аренду за натуральную (мед, пшеницу) или денежную плату недопустима. При отдаче какому-нибудь подданному земельного участка на правах службы, Наказ разрешает при осаде оказывать соответствующую льготу [2]). Крестьянское землевладение также находится на учете и под контролем старост и державцев, следящих за тем, чтобы земельные участки подданных не переходили посредством застав ни в руки земян и околичных бояр, ни во владение соседей. Расширение одного вида землевладения и уменьшение другого причиняет убытки господарской казне и создает в силу соседства всякого рода трудности [3]). Рабочая сила господарского двора должна быть использована к пользе и выгоде дворового хозяйства. Тяглые люди работают в течение года, начиная с весны, когда начинается запашка яровых хлебов. И до дня Симона Иуды работа тяглых людей зимою выражается в сооружении построек, возке дров, поставке подвод, молотьбе и отвозе хлеба для продажи [4]). В то же время Наказ категорически запрещает дворовой администрации эксплоатировать рабочую силу двора для своих потребностей, для работ на своих родовых землях или для отправки на сторону с подводами. Только в том случае, если державец едет для отправления господарской службы, то дворовая администрация может воспользоваться силами и средствами господарского двора, но при условии не «обтяжливости подданных»[5]). На обязанности господарского администратора лежит принятие мер к увеличению дворового скота там, где для этого имеются подходящие условия, в виде заготовок необходимого для прокорма скота количества сена. Последний предназначается либо для потребностей господарской кухни, либо для продажи [6]). После окончания необходимых сельско-хозяйственных работ, каждый врядник обязан принять соответствующие мероприятия для сооружения в удобных для этого местах ставов и сажавок. Производство таких работ допускается не всюду, а только там, где для этого имеются достаточные рабочие руки. Там же, где такая работа не может быть произведена «без наклада» там для приступа к работам требуются соответствующие указания из центра. В особенности недопустимы такие работы без разрешения центральной власти, когда приходится «mistra chowac albo ludzi przyyimowac»[7]).

---

[1]) Рус. Ист. Биб. XXX. стр. 604.
[2]) Рус. Ист. Биб. XXX стр. 605.
[3]) Рус. Ист. Биб. XXX стр. 615.
[4]) Рус. Ист. Биб. XXX стр. 615.
[5]) Рус. Ист. Биб. XXX стр. 616—617.
[6]) Рус. Ист, Биб., XXX, стр. 608.
[7]) Рус. Ист. Биб. XXX стр. 608.

Равным образом, господарские врядники обязаны починять старые гребли и сооружать новые там, где в этом имеется необходимость. Все эти работы также производятся с помощью местного населения, и только в том случае, когда не имеется достаточно рабочих рук, а постройка гребли или ее починка диктуется интересами господарского хозяйства, тогда разрешается наем работников на сумму до 10 коп. Вместе с этим дворовый урядник обязан позаботиться о ловле рыбы. Если на местах имеются ставы, то рыба в них хранится. В противном случае она поступает на продажу, выручка от которой идет в господарский скарб. Наконец, для того, чтобы были использованы по возможности все доходные статьи господарского двора, врядникам надлежит позаботиться об устройстве млынов, в особенности при замках и больших дворах [1]). Господарский врядник—хранитель всего дворового инвентаря. Он принимает меры к тому, чтобы господарское дворовое стадо было в «dobrej opatrznośći». Всякий убыток, нанесенный дворовому скотоводству небрежностью врядника, подлежит возмещению со стороны последнего. Для учета необходимо составить список господарского стада и послать его конюшенному дворному. Такой список является проверкой деятельности господарского врядника. Соответствующие меры должны быть приняты и относительно господарского коннозаводства [2]). В волочной уставе те же вопросы разработаны с некоторыми отклонениями от Наказа. Следует заметить, что хозяйственно-административная деятельность врядника разработана в Уставе более детально, и сама деятельность подвергнута большей регламентации [3]). В Наказе старостам и державцам много внимания уделено деятельности администрации по сбору податков, поступающих в господарский скарб с того или иного господарского двора. Равным образом и финансовая отчетность администрации обратила на себя внимание составителя Наказа. Регламентация этих сторон деятельности администрации была необходима, раз правительство стало на путь определенной хозяйственно-административной политики, согласно которой господарское хозяйство в каждом дворе ведется по одному плану, указанному из центра, а сам господарский врядник является только исполнителем хозяйственной инструкции изданной сверху. Подробный учет податков, поступающих в казну с каждого имения, был необходим, раз правительство было заинтересовано в поднятии доходности и производительности господарского дворового хозяйства. И в волочной Уставе отводится всем этим вопросам много внимания. Принципы, положенные в основание Наказа, еще резче проведены в волочной Уставе. Согласно Наказу, администрация, ведающая дворовое хозяйство, обязана всякого рода податки (jakim kolwiek

---

[1]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 608.

[2]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 618.

[3]) Пичета. Аграрная реформа, I, 219—220.

ymiemem nazworze) собирать осенью при непременном условии окончить сбор таковых до Рождества, т. к. Наказ выражает опасение, чтобы подданные впоследствии их не растратили. Такой же порядок сбора платов необходим, чтобы позднее собирание податей не внесло путаницы в господарские доходы [1]). Господарский скарб, заинтересованный в своевременном поступлении платов, не может допустить удовлетворения претензии третьих лиц по отношению к своим подданным раньше, чем не будут удовлетворены потребности господарского скарба. Поэтому Наказ старостам и державцам требует, чтобы долговые обязательства подданных погашались только после окончательных расчетов подданных с господарским скарбом. В целях сохранения финансовой платежеспособности подданных Наказ запрещает евреям отдачу денег в заем под проценты без согласия урядника. Нарушение этого обязательства со стороны евреев влечет за собою признание заемной сделки недействительной, с потерой капитала, отданного в заем [2]). Все собранные податки поступают в господарскую казну на Рождество. Виновные в несвоевременной доставке подвергаются наказанию в виде наложения ареста на их недвижимую собственность. Финансово-хозяйственная отчетность производится господарским скарбом после Рождества в сроки, определенные правительством [3]). Волочная Устава также весьма заинтересована в том, чтобы собираемые с населения податки направлялись своевременно в скарб. Поэтому Устава на волоки также назначает определенный срок времени, в течение которого должны быть собраны господарские податки. Устава определяет таковой срок от дня св. Михаила до дня св. Мартина [4]).

Наказ предполагает, что осенью, в течение назначенного времени подданные внесут в дворовый скарб все следуемые с них податки, впрочем допуская, что убогие подданные в силу тех или других условий будут не в состоянии внести следуемых с них платов. В таком случае Наказ разрешает вряднику давать подданному отсрочку и предполагает собирать платы на другой год, И Устава на волоки касается этих же вопросов, имеющих столь жизненное значение, но дает администрации практические указания несколько иного характера [5]). Это видоизменение было вполне естественно, т. к. административно-хозяйственный уклад жизни стал, благодаря аграрной реформе, таким, при котором действительный контроль над платежеспособностью подданных был вполне возможным. Этих условий не могло быть при тех аграрных отношениях, которые действовали в эпоху составления Наказа. Устава на волоки сохраняет тот уже срок, к которому податки

[1]) Рус. Ист. Биб., XXX, стр. 611.
[2]) Русск. Ист. Биб. XXX, стр. 611.
[3]) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 612.
[4]) Устава, арт. 27.
[5]) Устава, арт. 27.

должны быть внесены в господарский скарб[1]. Но при этом определяет и те сроки, когда старосты и державцы должны были явиться в скарб для представления финансовой отчетности. Администраторы виновные в нарушении этих правил, расплачиваются за свою небрежность своим собственным имением, равным оценке той суммы, которая должна поступить в господарский скарб с двора. Имение державца в таком случае может быть отдано в заставу для уплаты доходов или прилучено к какому-либо двору для хозяйственной эксплоатации. С уплатой недоимки взятое на господарье имение обратно возвращается его владельцу. Устава допускает и такой случай, что имение врядника меньше стоит недоимки, что не предусматривалось Наказом. Волочная Устава идет дальше Наказа в этом отношении. Она предусматривает возможность такого факта, что врядник внес своевременно в скарб дворовые доходы, но не явился в назначенный срок для производства финансовой отчетности, что, конечно, нарушает весь ход работы финансового аппарата правительства [2]).

Наказ старостам и державцам затрагивает также вопрос и о подводной повинности для господарских потребностей. Этот вопрос, столь существенный для волостного населения, не получил в Наказе детальной разработки. Наказ ограничивается лишь общими замечаниями, которые могли быть администрацией совершенно игнорируемы и требует лишь соблюдения только одного правила: ходить в подводы—czerhani, предполагая, что несение подводной повинности в очередь не будет источником тяжести для населения [3]). В волочном Уставе тот же вопрос подвергнут детальной разработке, предусматривающей ряд обстоятельств, которые надо иметь в виду при отправлении подводной повинности подданными, вследствие чего усмотрению администрации приходится играть совершенно третьестепенную роль [4]).

Сопоставление отдельных статей Наказа и Уставы о волоках указывает на известное сходство между статьями Наказа и Уставы. Это позволяет считать Наказ одним из источников Уставы на волоки и связанных с нею дополнений. Наказ является попыткой дать руководящие указания из центра для постановки дворового хозяйства на более рациональных началах, при сохранении существующих форм землевладения и землепользования. Волочный устав имеет в виду те же цели, но при радикальной перемене форм и землевладения, и землепользования. Естественно, что известные положения Наказа оказались приемлемыми для Уставы о волоках, но в то же время подверглись значительной разработке и прежде всего существенным дополнениям.

---

1) Устава, арт. 27.

2) Устава, арт. 28.

3) Рус. Ист. Биб. XXX, стр. 620.

4) Устава, арт. 35.

В. Н. Ивановский.

Ассоциационизм у А. Бэна.

Настоящая статья представляет главу из большого историко-критического исследования судеб и достижений «ассоциационной философии». Как известно, принцип «ассоциации идей», замеченный еще Аристотелем (в соч. «о памяти и припоминании»), с XVII века начинает у некоторых мыслителей играть первостепенную роль в об'яснении всего опыта и познания, становится—в форме «ассоциационизма»—основой как психологии, так и (психологистической) гносеологии. Принцип этот применяют Спиноза и Мальбранш, но особенно английские мыслители, начиная с Гоббза (Гоббз, Локк, Беркли, Юм и шотландские философы, Гертли, Джемс Милль, Д. С. Милль и др.). Наиболее глубокое гносеологическое развитие дал этому принципу Юм, обосновавший на нем весь механизм своей «привычки», основного двигателя познания; наиболее широко развил и применил его в психологии А. Бэн.

I. Общая характеристика гносеологических, метафизических и психологических воззрений А. Бэна.

1. Александр Бэн (1818—1903 г.) занимает в истории ассоциационизма положение весьма видное и в то же время оригинальное, требующее специальной характеристики.

Первая эпоха развитого ассоциационизма закончилась, собственно говоря, уже Джемсом Миллем: им были высказаны все основные положения этого учения в их наиболее резкой и односторонней, но за то и наиболее характерной форме [1]). Из попра-

---

[1]) Впрочем, даже у Джемса Милля можно отметить один пункт, не вполне совместимый со строгим ассоциационизмом старого типа: это—принцип «психической химии», признание того, что в психологии законы образования и развития сложных фактов аналогичны законам не механики (и механической физики), а химии. По этому воззрению сложные образования возникают не путем внешнего подлепоставления и механического сцепления и связывания, а путем такого внутреннего перераспределения элементов, в результате которого получается новое целое, не имеющее сходства со своими ингредиентами—с теми сознательными состояниями, из «слияния»

вок и дополнений, внесенных в теорию отца Д. С. Миллем, лишь часть вмещалась в рамки этого строгого и узкого ассоциационизма (к таким поправкам относится, напр., признание самостоятельного значения за «законом сходства» [1]): но другие его поправки и особенно признание в основе духа «необ'яснимой связи» (в силу которой только и возможен факт памяти, столь существенный как раз для ассоциационного понимания духа) составляют решительный, хотя и замаскированный, отказ от ассоциационизма.

Ассоциационизм Бэна также имеет иной, чем у Джемса Милля, характер; однако, Бэн преобразовал в старой теории не те ее элементы, на которых, так сказать, споткнулся Д. С. Милль и другие.

2. Вопросы теории познания, очень часто скрыто лежащие в основе хода мысли Д. С. Милля, лишь слабо затрагивают Бэна. Бэн мало интересуется собственно философским анализом познания: его главный интерес—специально психологический. Психологию Бэн всегда понимает как одну из «специальных наук»; мы у него совершенно не встречаем того широкого смысла «психологии», при котором в нее входит и философское учение о познании и которое столь обычно у Д. С. Милля (а иногда попадается даже у Джемса Милля). У Бэна «психология» носит характер не миллевой «психологии чистого сознания» (употребляя выражение Э. Гартмана), а психологии физиологической: сознание всегда понимается им в связи с его «физическими сопровождениями», «физиологическими коррелятами» и т. д. И вопросов о познаваемости, механизме познавания и об оправдании знания этих „физиологических коррелятов" он не ставит. У Бэна нет «скрытой и бессознательной гносеологии» (как можно характеризовать известную струю, известный аспект воззрений Джемса Милля и особенно его сына); Бэн—мыслитель об'ективистического типа: он прежде всего психолог; на втором плане он метафизик, и лишь в самой ограниченной мере теоретик знания.

и взаимодействия которых оно образовалось. Это новое целое обладает не только иными непосредственно сознаваемыми признаками, иным содержанием, но и иначе действует на все остальные содержания, обладает иного рода активностью так, вода имеет и иные признаки и иные «силы» воздействия, а потому и совсем иное применение, чем слагающие ее водород и кислород).—Однако, у Джемса Милля влияния этого принципа не отражается на общем построении его ассоциационизма; лишь у Д. С. Милля он выдвигается на более видное место, существенно пре образуя—вместе с другими факторами—ассоциационизм этого мыслителя.

[1]) Правда, даже и «сходство» выходит за пределы ассоциационизма в его еще более узком понимании: как принципа повторения, привычки. Однако, сходство можно все-таки понять как естественное качество, присущее представлениям («ощущениям и идеям»), как таковым, и тем ввести его в рамки ассоциационизма в его фактически наиболее часто принимаемом смысле.

Неудивительно поэтому, что гносеологическая точка зрения Бэна остается очень неясной. С одной стороны, он нередко высказывает утверждения, имеющие вид «имманентизма сознания» и «суб'ективного идеализма»[1]; с другой, его наиболее обычная точка зрения предполагает независимое от познающего сознания существования нервной системы и всего живого организма, а также внешнего мира, который именно «воспринимается» сознанием[2]).

3. У Бэна есть специальное сочинение, в котором он высказывается по одному из важнейших вопросов метафизики—по вопросу об отношении между духом и телом[3]). В результате Бэн приходит к спинозизму, совершенно теряя, так сказать, по дороге «имманентистскую» точку зрения, к которой, казалось, склонялась до известной степени его гносеология. «Единая субстанция с двумя рядами свойств, с двумя сторонами: физической и духовной,—некоторое *двустороннее единство*»—вот формула Бэна. С ним, с этим единством мы и должны «иметь дело, не сливая ипостасей и не разделяя субстанции, если говорить словами Афа-

---

[1]) Таково начало I главы его Mentel science. Еще яснее: «слово «сознание» шире, чем слово «дух»: оно должно обнимать и материю и дух.» (Logic, II, Вк. V. V ch.; в рус. пер. «Психологии»—т. I. стр. 13). «Всякое восприятие, всякое познание есть факт духовного порядка... дерево познается, как воспринимаемое, и никак не иначе. Дерева—совершенно отдельно от восприятия—мы не знаем, а говорить мы можем только о том, что знаем... Предложение о существовании внешнего мира, который сначала существует отдельно от восприятия, а затем воздействует на дух и им воспринимается, содержит в себе внутреннее противоречие» (Mentel science, Вк II, ch VII; рус. пер. «Психология», I том, стр. 398—399).

[2]) A. W. Benn в своем большом, но не везде достаточно критичном, сочинении: History of english Rationalism in the 19 sentury (London. 1906)—неизвестно, на каких основаниях,—ставит даже эту сторону воззрений Бэна в связь с его общим, метафизически-религиозными, убеждениями. «Психология А. Бэна, говорит Бэнн (II vol., ch. XIУ), излагает духовные явления в постоянной связи с нервной системой... Бэн первый разработал эту мысль с систематической полнотой, показав, каким образом два вида ассоциации (как можно предположить) имеют основу в обширной системе клеток и нервных волокон... Ум и воля у Бэна являются очень сложными строениями, составленными в различных комбинациях из данных чувственного и двигательного опыта,—шаг в психологии, сравнимый с великой анатомической революцией Биша, разложившего органы на ткани, или, еще лучше, с разложением тканей на клетки Шлейденом и Шванном». Приложения этой теории к метафизике очевидны, продолжает Бэнн: «и несомненно, они были сделаны ее автором», утверждает он, прибавляя, что «удержать его от напечатания их могло уже одно его положение сначала как кандидата на академическую промоцию, а потом как профессора в Эбердине. Единственный вывод, какой можно сделать из этих слов Бэнна, состоит в том, что ему известно какое то неопубликованное произведение А. Бэна, подводящее принципиальные основы под его психологическую систему—в духе сенсуализма, анти-теизма и анти-спиритуализма, как Бэнн поясняет на следующих страницах смысл своего выражения: «приложение этой теории к метафизике».

[3]) Mind and Body. The Theories of their relation. 2 ed. London. 1873.

насиева Символа». [1]) Отсюда вытекает и метод изучения духа: в силу постоянного сопутствия определенных состояний души с определенными состояниями тела «дух подлежит двойному изучению. —он связывает философа духа с естественником (the physical philosopher)». Первый изучает духовные состояния, как таковые: второй—их разнообразные «сопровождения», «выражения» и т. д., намечая связями этих нервно-физических фактов связи соответствующих им фактов психических, если эти последние связи сами по себе не подлежат восприятию или не очевидны.

Надо заметить, однако, что, когда Бэн переходит от этой, более или менее ясной, об'ективистической формулы к проблемам методологического характера, все это построение откладывается им в сторону, и он возвращается к, казалось бы, оставленым им уже имманентистским точкам зрения. Иначе говоря, дух, как познаваемое бытие, и дух, как агент познания, как познающий суб'ект, остаются у Бэна совершенно вне связи друг с другом. Дух, настойчиво повторяет Бэн, *непротяжен*; поэтому его соединение с телом не может быть связью местного, локального характера. «Утверждая самым решительным образом связь духа и тела, мы должны, однако, лишить ее почти непреодолимой ассоциации *со связью по месту*... Единственным не противоречивым способом связи будет тесная последовательность *во времени*, или положение в непрерывной нити сознательной жизни. Мы имеем право сказать, что одно и то же существо попеременно бывает об'ектом и суб'ектом, т. е. в области то протяженного, то непротяженного сознания, и что без протяженного сознания не могло бы возникнуть и непротяженное» [2]).

Эти утверждения вызывают ряд недоумений. Прежде всего, оказывается, что дух и тело, психическое и физическое—теперь уже не две стороны некоторой (ближе неопределимой) субстанции, а фазисы или моменты *сознания*. Соответственно этому, дух и тело становятся у Бена двумя типами «сознания»: «сознанием непротяженного» и «сознанием протяженного», (как, быть может, лучше всего перевести the unextended and the extended consciousness); ибо термин «протяженное сознание», быть может, и не, противоречивый внутренно с какой-нибудь иной точки зрения для Бэна, очевидно, неприемлем: он всячески настаивает на не-

---

[1]) 196 стр.—Любопытно, что в кратком историческом очерке теорий Бэн находит «единую субстанцию» лишь в материализме и в «пантеистическом идеализме Фихте», вовсе не называя крупнейшего представителя «монизма» Спинозы, влиявшего на самих немецких идеалистов. Кроме того, вряд ли правильно ставить немецких идеалистов XIX в. без оговорок в одну группу с мыслителями чисто об'ективистического типа: на них все же сильно сказалась предыдущая эпоха «критики знания», — для них на первом плане столько же суб'ект и об'ект, сколько дух и тело. Впрочем, Бэн везде настойчиво смешивает эти две пары противоположностей.

[2]) Стр. 137—138.

протяженности сознания. Далее, весьма сомнительно, чтобы можно было отожествить «реальную» связь с тесной последовательностью (духа и тела) *во времени*, как моментов в непрерывной нити сознательной жизни». Наконец, неясно, откуда вытекает (раз дело идет ***о сознании***), что «*без сознания протяженного не может возникнуть сознание непротяженного*»: почему сознание не может неопределенно долгое время переживать состояния «непротяженного» характера? ***Что*** мешает ему в этом? Очевидно, какой-нибудь ***другой*** принцип, от него ***независимый***. Но тогда где этот принцип? И где «монизм сознания», на котором тут как раз настаивает Бэн, сводя к «сознанию» и дух и тело?..

4. В *области собственно психологии* Бэн *является выдающимся исследователем и имеет за собой крупные заслуги*.

Он окончательно отказывается от построения системы психологии по рубрикам отдельных «способностей» (Джемс Милль еще придерживался группировки материала по «способностям» духа, хотя и сводил последние к процессам ассоциации) и пытается представить всю совокупность психических явлений в виде результатов непрерывного действия некоторых основных функций сознания.

Функциями этими являются у него: различение (discrimination), удержание (retentiveness) и «установление сходств», или уподобление (agreement). При этом в основу «удержания» он кладет «закон смежности»,—можно даже сказать, отожествляет с ним «удержание»; точно так же и «уподобление» он сводит на ассоциативный «закон сходства». Этим Бэн дает психологии систематический вид, строит ее на одном принципе (вернее, на некоторой группе более или менее родственных принципов), придает ей стройный и законченный (в пределах ее предпосылок) характер. В этом отношении предприятие Бэна аналогично другой замечательной попытке систематизации психологии, предпринятой и в некоторых отношениях с большим успехом проведенной Гербартом.

В качестве второй заслуги Бэна в психологии, мы можем поставить также систематически им проведенное стремление везде устанавливать параллелизм между фактами сознания и одновременными с ними изменениями в нервной системе. Бэн при детальном изложении психологии резко разграничивает область нервно-физических явлений от области состояний сознания: для него это два абсолютно друг на друга не сводимые «атрибута» единой субстанции: он не повинен в материалистическом чуде ***превращения*** нервного процесса в факт сознания,—но строгий ***параллелизм*** психического и физического аттрибутов ***для области сознания*** он всегда старается отыскать. Бэн оставляет в тени другую, очень важную для общего мировоззрения сторону вопроса: из идеи параллелизма двух не сводимых один на другой аттрибутов субстанции вытекает не только то, что каждый

процесс сознания сопровождается процессом физическим (в нервной системе и вообще в организме), но и то, что всякий *физический* процесс имеет себе психический коррелат, внутреннюю, сознательную сторону. Бэн игнорирует эту проблему, и трудно сказать, как бы он на нее ответил,—хотя необходимость ее постановки вытекает из его «спинозистской» общей формулы. Переходя от этой формулы к детальному рассмотрению фактов психологии, Бен настаивает только на том, что все психические состояния сопровождаются физическими фактами; иногда он приближается по внешности к точкам зрения материализма, которого он, повидимому, не придерживается. Впечатление это усиливается еще следующим обстоятельством: Бэн не всегда достаточно отчетливо ставит вопрос о «психической причинности»; он часто забывает свою параллелистическую общую формулу. Согласно этой формуле, те или иные внешние, физические процессы возбуждают известные изменения в нервной системе; а эти последние приводят с собой *параллелистически, но не причинно* соединенные с ними состояния сознания (точно так же и обратно: психические факты—напр., хотения—возбуждают параллелистически с ними сопряженные нервные процессы, приводящие затем к движениям). Однако, «реалистический» и сенсалистический моменты в воззрениях Бена приводят к такому впечатлению, как будто у него «внешняя действительность», независимая от сознания, почти механически отпечатливается на сознании, повторяется сознанием; и это сближение *внешней реальности с картиной мира в сознании* нарушает параллелизм двух атрибутов, ставя в слишком большую близость друг к другу материальный мир, как он существует «сам по себе» и как он представлен в нашем познании.

Не смотря на эти колебания, Бэн все же в исходных точках зрения хочет оставаться «параллелистом»; в этом духе следует в общем истолковать его стремления к установлению «физических сопровождений» («выражений» и т. п.) состояний сознания.

Третьей заслугой Бэна является то большое внимание, какое он уделяет изучению «ощущений» (со стороны их качественного, сознательного содержания) и тех умственных состояний, которые связаны с переработкой этих ощущений,— и именно со стороны их сенсуальных ингредиентов.

На четвертом месте среди заслуг Бэна в психологии мы поставим весьма важные учения его о «сложной ассоциации» (compound association) и о «построительной ассоциации» (constructive association), сильно расширяющие рамки прежнего ассоциационизма (но за то и разрушающие его принципиально). Об этих учениях Бэна нам еще придется говорить в дальнейшем.

Наконец,—и это является, по нашему мнению, важнейшей заслугой Бэна в психологии,—мы должны указать на группу его

теорий, связанных с активно-волевым элементом сознания, с движениями организма и их связью с психическими процессами. Прежде всего, Бэн—первый из ассоциационистов—определенно понимает «психику» как некоторую силу, как нечто активное, динамически заряженную систему. Правда, эта активность у него имеет—по смыслу его прямых заявлений—физиологический, мускульно-нервный характер; однако, она способна немедленно, под влиянием первых же показаний «опыта», осложняться чисто интеллектуальными моментами, контролироваться и руководиться сознанием.Кроме того, если заявление Бэна о двух аттрибутах субстанции имеет вообще какое-либо значение, этой физиологической активности должна соответствовать, по общему смыслу его воззрений, и некоторая элементарная напряженность, если не сознания, то психики в широком смысле (хотя сам он этой точки зрения не выдвигает). В связи с этим Бэн рассматривает организм и психику как *живую систему, в которой всякий «входящий» нервный* ток сначала так или иначе осложняется и перерабатывается прежде накопленной нервной и психической энергией, а затем разрешается тем или другим «выводящим», центробежным током: *всякое воздействие на организм и дух разрешается известной реакцией* с их стороны. В связи с этим к числу крупных заслуг Бэна относится его учение об «ощущениях напряжения и движения» (мускульных), которым он приписывает огромную роль в строе познания вообще, и в частности в проблеме внешнего восприятия. Столь же внимательно, как мускульные ощущения, изучает Бэн и «зародыши активности организма и духа»: самопроизвольное стремление к движениям, вытекающее из потребности в затрате накопленной энергии; аппетиты (или периодические потребности организма); рефлекторные движения; «первичные комбинации движений», обусловленные анатомическим строением организма; «инстинктивные выражения чувствований»; инстинктивный зародыш хотения и т. д. И Бэн превосходно использует эти элементы в своем учении о развитии воли, составляющем вообще лучший отдел в его сочинениях. Мысли о беспорядочных движениях, вызываемых в организме сопровождающим усиливающуюся потребность чувством страдания, о «случайной» удаче (в смысле удовлетворения потребности) тех или других из этих движений, о немедленном «запоминании», использовании и повторении этих движений—вплоть до момента удовлетворения потребности, а также влияние (через волю) на действия чувств удовлетворенности и страдания (того, что Бэн называет «законом сохранения»—the law of conservation),—все эти пункты *относятся к лучшим приобретениям эмпирической психологии* XIX века. Конечно, зародыши этих идей восходят к более раннему времени: намеки на «закон сохранения» (или «самосохранения») можно проследить, по меньшей мере, до Спинозы; но это не уменьшает заслуг Бэна в этой области, так как он, несомненно, самостоятельно разработал и приложил к эмпиричес-

кому материалу психологии эти принципы. В сущности, это те принципы, которые известны теперь под названием «дарвиновских»: по учению Бэна, «переживают» и входят в число прочных приобретений организма и духа те движения, которые—в силу «случайных», посторонних их собственной сущности обстоятельств—оказались «целесообразными», «приспособленными» к данной комбинации внешних условий и обстоятельств. И если припомнить, что первое издание того сочинения, Бэна, в котором уже содержатся эти взгляды: The Senses and the Intellect, вышло в 1855 г., т. е. *четырьмя годами раньше* появления составившего эпоху сочинения Дарвина, то заслугу Бэна в этой области нельзя не признать значительной. Наконец, и в сфере ума Бэн в большей. сравнительно с прежними ассоционистами, мере отмечает активный момент в виде произвольного «контроля над чувствованиями и мыслями» и внимания [1]).

5. На ряду с этими выдающимися достоинствами, психологические сочинения Бэна имеют и существенные недостатки.

Из этих недостатков некоторые относятся ко всей системе психологии Бэна: они либо связаны с шаткостью его собственных гносеологических и метафизических воззрений, либо общи ему со всем ассоциационизмом. К числу этих последних особенно *относится сенсуализм*,—постоянное стремление, указав чувственные ингредиенты или «предыдущие» того или другого «сложного» духовного целого, ограничиваться этим анализом и решать, что в составе этого целого ничего, кроме этих чувственных элементов, и нет. Общие всем ассоциационистам колебания в понимании таких терминов, как «опыт», «сознание», «внешняя действительность», проявляются у Бэна особенно резко, так как, с одной стороны, он часто хочет держаться суб'ективно-идеалистической теории знания, которая была развита Д. С. Миллем (если говорить о ближайших предшественниках Бэна), а с другой—вся психология Бэна имеет физиологическое обоснование и постольку стоит на почве гносеологического реализма, свойственного естествознанию.

Перейдем теперь к отдельным группам психологических воззрений Бэна. Наиболее слабую часть его трактатов представляет отдел об «эмоциях». Бэн не находит никакого принципа для систематической их классификации; каждая отдельная группа, каждый тип эмоций стоит особняком; отношения между этими группами остаются неясными. Бэн в сущности просто перечисляет эти группы одну за другой в более или менее случайном порядке. Так, он последовательно говорит об «эмоциях относительности», об «идеях эмоций», о «симпатии», о «нежных эмоциях», «стра-

---

[1]) The Emotions and the Will. 3 ed. London 1875, отдел The Will. ch. IV: „Control of feelings", а также в других местах обоих больших трактатов.

хе», «гневе», об «эмоциях силы», „собственной личности“ (emontions of self), «умственных», „эстетических“ и „моральных“ эмоциях. В этой классификации можно заметить только некоторое стремление переходить от более простых чувствований к более сложным и дифференцированным; но отдельные члены ее не связаны никакими ясными «основаниями деления». Далее, классификация эта неполна: в ней нет чувствований религиозных, а также тех общественных чувствований, которые имеют не собственно моральный источник, а коренятся в инстинкте стадности (о них см., напр., у Ribot. La psychologie des sentiments). Да и самое содержание глав, посвященных у Бэна эмоциям, довольно скудно: изложение часто принимает характер простого об'яснения терминов популярной номенклатуры чувствований; мало привлекаются незаменимые особенно в этой области показания непосредственного самосознания,—данные о бесчисленных тонких оттенках, почти неуловимых модификациях, слияниях, многообразных причинах каждого типа эмоций... В этой области Бэн имел перед собой такие мастерские опыты, как учения о страстях Декарта, Спинозы, Юма; и между тем, по систематичности группировки, по богатству содержания он не только не сделал ни одного шага вперед сравнительно с этими превосходными образцами, но даже не мог просто достичь их уровня.

Весьма существенные недостатки мы находим и в учении Бэна об уме. Учение это расположено автором по схеме „ассоциаций“. Между тем, самое понятие „ассоциации“ у Бэна страдает значительной неопределенностью и схематичностью. Сплошь и рядом „ассоциация“ есть не что иное, как простая этикетка, наклеенная снаружи на тот или другой психический процесс, на то или другое психическое образование и вовсе не выражающая тех (быть может, многочисленных и разнообразных) процессов, какие в данном случае имеют место в *действительности*. Встречаются и «ассоциируются» такие-то элементы... итак, данное сложное состояние образуется «ассоциацией» таких-то элементов,—таково типичное для Бэна рассуждение. Между тем, неосновательность его очевидна: ибо, хотя бы и была налицо «ассоциация» элементов, о которых идет речь, это еще не значит, чтобы ею исчерпывалось все дело; состав, как и генезис, каждого психического образования должен быть исследован на основании анализа его *самого*, настоящим «эмпирически индуктивным» путем. У Бэна же то и дело просто «дедуктивно» прилагается «априорная» (в отношении к каждому отдельному ванализу) схема ассоциации; при этом остается совершенно невыясненным, что же именно *реально* происходит в данном случае в сознании.

Такой «дедуктивный» характер построения учения об уме и вынуждает Бэна исходить не из конкретных переживаний, как они действительно происходят в сознании, а из продуктов отвле-

чения—из (гипотетических) сенсуальных «элементов». Иначе и быть не могло... Отчуждение Бэна от конкретных, живых данных внутреннего опыта оставляло для него только одну возможность наполнить рубрики своей классификации психических состояний: ему не оставалось ничего другого, как попытаться, так сказать, склеить, слепить живое многообразие конкретного опыта из его предполагаемых элементарных слагаемых. От этого и все внешнее построение отдела об уме получило у Бэна характер *перечня* различных групп слагаемых и указания в общем виде того, какие продукты получаются при каждом отдельном сложении. Сами же внутренние *процессы* сложения, слияния, взаимодействия, «психической химии» и т. п., с одной стороны, и независимого от сенсуальных данных творчества—с другой, а также и живые целые опыта, получающиеся в результате всех этих процессов, остались при этом совершенно в тени за механическим перебиранием «ассоциируемых» элементов.

Наконец, нельзя не отметить того, что в своем учении об уме Бэн не использует в достаточной степени даже своих собственных идей об активности психики: даже его собственная теория физиологической активности организма и ее роли в развитии сознания движений живого существа не слита у Бэна органически с его учением о фактах умственного порядка. Теория эта остается лишь в виде общей поправки к этому учению: она помещена в отделе о воле; а в главах, посвященных уму, дело стоит на старых рельсах механического «ассоциирования» случайно встречающихся друг с другом элементов.

II. Учение Бэна о „различении“.

1. Для «ассоциаций» нужны ассоциируемые элементы. Элементы эти даются, по Бэну, деятельностью *различения* (discrimination). На ней мы теперь и остановимся.

«Первичными или основными аттрибутами мысли или ума (of Thought or Intelligence) являются: сознание *различия*, сознание *сходства* и *удержание* (retentiveness)», говорит Бэн [1]). «Изложение учения об уме и будет состоять в указании деятельностей этих аттрибутов». Элементами, подлежащими *первоначально* (at first) различению, отожествлению и удержанию, являются движения, мускульные ощущения, ощущения пяти внешних чувств, а также ощущения органические, «аппетиты» и разнообразные формы инстинктов и инстинктивных комбинаций между движениями, чувствованиями и первичными хотениями.

2. Итак, «сознание различия», или различение (discrimination) дает элементы для ассоциативных деятельностей, построяющих все

---

[1]) The Senses and the Intellekt, 3 ed., London. 1868, p. 321.

здание ума. Остановимся на этой функции духа и приведем сначала подлинные выражения Бэна.

«Наиболее общим фактом сознания является раздельная аффицированность его двумя или более последовательными впечатлениями. Мы вовсе не бываем сознательны, если не испытываем перехода или перемены»... Это положение Бэн называет «законом относительности» (law of relativity); немного ниже мы вернемся к этому двусмысленному понятию. А теперь приведем дальнейшие замечания Бэна.

Если духовный толчок (the mental outburst) характеризуется преимущественно удовольствием или страданием, мы испытываем то, что называется *состоянием чувствительного характера* [1]; когда же на первом плане различение двух отдельных модусов перехода, мы имеем *умственное состояние.* Есть много переходов, вызывающих лишь слабую или не возбуждающих никакой чувствительности в смысле удовольствия или страдания и обращающих на себя внимание лишь в качестве переходов, т. е. различий. И в состояниях наслаждения или страдания не может вполне отсутствовать сознание различия; однако, мы в них не пускаем в ход функции различения и (отожествления) и обращаем внимание на последствия чувствительного состояния, как такового» [2])...

Указав далее на то, в каких группах ощущений преобладает чувствительно-эмоциональный и в каких умственный элемент, Бэн переходит к общему значению функции «различения». «Чувство различия, или различение, говорит он, неизбежным образом иллюстрировалось у нас почти до исчерпывающей полноты при перечне мускульных чувств и ощущений. В качестве средства умственного *воспроизведения* (руководящей способности ума, обычно называемой памятью), это свойство различения обнаруживается в одной форме, называемой ассоциацией по контрасту. Как тожественная с законом относительности всех чувств (feeling) и познавательных состояний, ассоциация эта должна проявляться в очень многих случаях и везде молчаливо подразумевается». Бэн указывает, наконец, еще *на приобретенное* различение, являющееся одним из приложений «удерживающей способности духа»...

3. Разберем это, полное неясностей и внутренних несогласованностей учение о «различении».

Прежде всего, является вопрос: что такое эта деятельность различения в *гносеологическом* смысле? *что* ею различается: только ли об'ективные, общеобязательные различия или также и

---

[1]) Так, очевидно, надо перевести здесь feeling, имеющее собственно говоря, целых три значения: „состояния сознания вообще“, „состояния эмоциональной чувствительности“ (в отличие от состояния интеллектуального) и „состояния чувственные“ (ощущения).

[2]) Ibidem, 321—322.

те суб'ективные, личныя, индивидуальные разницы, оттенки, степени, которые не имеют всеобще-обязательного характера? Далее, в области общеобязательных различий аффицируется ли сознание чем-то ему внешним, что оно только констатирует и регистрирует, или же и эти различия имеют имманентный сознанию характер? Каков об'ем деятельности «различения»? Охватывает оно одни сенсуальные элементы сознания, или «различаются» также и мысли, понятия, эмоции, волевые состояния? Эти и другие подобные вопросы не найдут себе определенного ответа у Бэна—в виду отмеченных выше колебаний и противоречий в его учении о знании.

Сам Бэн указывает, что в I книге своего сочинения: The Senses and the Jntellect, посвященной «движениям», ощущениям и инстинктами», он дал «перечень всего, что подлежит первоначально различению». Если «первоначально» подлежат различению эти сенсуальные и волитивно-двигательные элементы, то, значит, *позже*, в дальнейшем развитии духа, различению будет подлежать и нечто иное. Что же? Быть может, деятельность «различения распространяется на *всего вообще* духовную жизнь—таким образом, что на ее долю придется отнести *всякое вообще* усмотрение чего либо *нового*, всякое творчество, всякую продуктивность духа?... Но тогда какой смысл остается у термина «различение»? *Различать* можно лишь в пределах чего-либо *предсуществующего*, чего-либо наличного ранее и независимо от деятельности «различения»: если же придать этому термину указываемый широкий смысл, то «различение» превратится в нечто совершенно иное: в творчество, в деятельность духа вообще, в «продуктивное воображение»... Если «различение» распространяется не на всю деятельность духа, а лишь на некоторую ее часть, то где пределы этой части? Что в дальнейшем развитии духа «различается», или усматривается, как различное, и что «творится» или возникает по принципу «психической химии», если брать терминологию ассоциативной школы? И эти вопросы остаются нерешенными. Ниже, когда мы будем говорить о «конструктивной ассоциации» у Бэна, нам придется еще раз коснуться этого пункта.

В связи с сенсуалистическим тяготением, присущим психологии Бэна, казалось бы, всего естественнее предположить, что «различаются» лишь сенсуальные элементы, при том *предсуществующие*, наличные (в каком-то ином состоянии) уже ранее деятельности «различения». Тогда коротенькую оговорку, что это имеет место лишь at first, лишь «в начале психического развития», оговорку, не используемую самим автором в дальнейшем изложении (хотя сама суть учений требовала бы уяснения отношения между «различением» и появлением высших продуктов психики) пришлось бы считать одной из тех поправок или заплат, нередких у ассоцианистов, когда те или иные положения вводятся *на один момент*, чтобы как-нибудь выйти из трудности *вот сейчас*, в данном вопросе—без соображения отношения вводимых дополни-

тельных положений с целым защищаемой теории. Так это или нет, мы затрудняемся решить в виду полного отсутствия у самого Бэна намеков на то или другое решение этого вопроса.—Всего естественнее кажется нам предположить, что здесь также сказалось одно из колебаний мысли Бэна: когда он говорил о функции различения вообще, ему пришла в голову мысль, что различение собственно сенсуальных и волитивно-двигательных элементов есть лишь *начальная* ступень этой деятельности, что эта деятельность распространяется и за эти пределы (может быть, даже на всю психику); но когда он перешел к изложению деталей, он забыл эту мысль и не постарался поставить в связь с «различением» высшие стадии духовной жизни.

4. Бэн не замечает того, что его учение о «различении» сенсуальных элементов, если их понимать предсуществующими, в сущности, разрушает самый его сенсуализм: первичной реальностью сознания тогда оказываются не эти «элементы» (в частности не «ощущения»), а то недифференцированное, «неразличенное» целое, к которому прилагается деятельность различения. Бэн не останавливается на этом предсуществующем различению целом. Но если бы он, так сказать, принял его «в серьез», он должен был бы придти к чему-нибудь аналогичному учению, напр., *Джемся Уорда* о presentation continuum, развитому этим автором в его статье Psychology в 9-м издании Encyclopaedia Britannica. Первичным содержанием сознания оказались бы не сенсуальные элементы, а некоторое отличное от них целое, из которого они выделяются, но про которое *нельзя сказать*, что оно из этих элементов *состоит*, потому что, во-первых, в целом, кроме этих элементов, может быть, еще многое другое, потому, во-вторых, что и эти элементы могут быть в составе целого в *совершенном ином* виде, наконец, в-третьих, потому, что пока эти элементы не «различены», не опознаны, их ведь собственно *нет*, и наше утверждение о том, что они и ранее были в составе данного целого, есть лишь позднейшее умозаключение—перенесение, опирающееся на предпосылки, могущие оказаться и не вполне истинными (напр., положение, что «все существует в своем предыдущем»: строгое проведение этого положения сделало бы невозможным всякое творчество, появление чего бы то ни было нового).

Итак, Бэн намекает на существование какого-то целого, из которого различением выделяются сенсуальные и волитивно-двигательные (а может быть и другие) элементы; но что представляет собою это целое, остается у него совершенно неясным.

На учении о «различении» особенно ярко отражается недостаточность теории знания, общей Бэну с другими ассоциационистами. Как, в каком смысле реально существуют «различаемые» элементы? В радуге я воспринимаю четыре цвета, а другой человек шесть: что же имеет место в «действительности»: четыре цвета или шесть? в каком отношении к «бытию» стоят различаемые

элементы? или иначе, что различается: „реально существующие" элементы или нечто „суб'ективное»? и если суб'ективное, то суб'ективно *предсуществующее*" (что соответствует собственному смыслу термина „различение") или нечто вновь творимое духом?... Особенно важны и трудны эти вопросы в применении к не-сенсуальному знанию. В понятиях добродетели, государства, воспитания я различаю такие-то элементы, другой человек—другие, третий, четвертый—еще другие (или и те же, но в иной комбинации). Над чем же работает здесь „различение": над каким целым? Ясно, что оно здесь не имеет сенсуально—реалистического характера; но тогда надо признать существование некоторых первичных целых чисто *мысленного* характера, в качестве об'ектов деятельности «различения».

5. Переходим к другой группе неясных пунктов разбираемой теории... Бэн безразлично употребляет термины: «сознание различия» (the consciousness of difference) [1]) и «различение (the discrimination): между тем, термины эти не вполне совпадают по значению: в «различении» есть некоторый оттенок *произвольной*, сознательной активности. И вот, является вопрос: что же такое, по Бэну, эта «функция ума»? Составляет ли она некоторый, так сказать, автоматический, непроизвольно функционирующий модус сознания? аналогична ли она в этом отношении ассоциациям, как «естественным качествам» «перцепций» в смысле Юма? является ли ее содержание перед сознанием как бы само собой,—как серия картин кинематографа? есть ли она некоторое совершенно независимое от воли, от исканий, усилий замечание принудительно навязывающегося содержания?... Или же это функция волевая, сопровождающаяся стремлением, напряжением, исканием? Этот вопрос (который, кстати сказать, повторится у нас и по поводу учения Бэна об ассоциациях) остается у Бэна совершенно не выясненным.

6. И это понятно, так как, если всмотреться ближе в учение Бэна о «различении», то мы увидим, что под этим термином он смешивает, в сущности, целый ряд весьма отличных одна от другой операций сознания, из которых одни могут иметь более или менее автоматический, а другие—произвольный характер. Формулы Бэна слишком общи и неопределенны; а потому и теория его неясна и сбивчива. Эта неясность и многосмысленность понятия «различения» усиливаются от того, что Бэн ставит это понятие в связь с «законом относительности», даже отожествляет «различение» с этим законом; да и сам этот «закон» не имеет у Бэна вполне отчетливого и ясного содержания. Итак, различим отдельные значения бэнова «различения».

---

[1]) А также «чувство различия» «The sense of difference». С точки зрения отношения этой функции к уму, как целому, он называет ее «аттрибутом», или свойством (the prepety Ju) ума.

Прежде всего, Бэн имеет в виду, говоря о «различении», некоторую действительно основную особенность всякого модуса сознательности—тот факт, что такие модусы возможны не в одиночку, а лишь, по меньшей мере парами. Бэн в своих трактатах неоднократно ссылается на замечание, сделанное еще Гоббзом, что сознавать что-либо одно все равно, что не сознавать ничего, что сознательность немыслима без какого бы то ни было *перехода*, изменения движения от одного содержания к другому. «Мы вовсе не бываем сознательны, если не испытываем перехода или перемены», читаем мы в приведенном выше отрывке из The senses and the Intellect. Это одно значение «различения» и «закона относительности». Но рядом с ним стоит второе: «относительность» составляет не только необходимое условие какой бы то ни было сознательности вообще, но и общий *фон*, на котором вырисовывается каждый момент сознательности, а потому и *мерило*, критерий и видоизменяющее условие как качественной, так и количественной стороны *каждого отдельного состояния знания*. Чистая вода имеет совершенно различный вкус, если ее выпить после ложки варенья и после чего-нибудь очень горького или кислого: высота большинства домов Москвы кажется очень большой человеку, жившему до того времени только в деревне, и гораздо меньшей тому, кто попал в Москву прямо из Парижа.

Третье значение «различения» у Бэна связано с его попыткой разграничить, с точки зрения этого понятия, область чувства и область ума. «Если духовный толчок характеризуется преимущественно удовольствием и страданием, мы испытываем то, что называется состоянием чувствительного порядка (feeling). Когда же на первом плане различение двух отдельных модусов перехода (two distinct modes of transition), мы имеем *умственное состояние*», читали мы выше. Смысл последней не особенно удачной и не совсем ясной формулы, несомненно, тот, что в сфере «ума» различение играет, кроме двух первых его (указанных выше) функций, еще и некоторую особую роль... Всякое *умственное* состояние есть различение, так сказать, «в квадрате»,—это повторное, (в иной, производной или вторичной плоскости) функционирование этой способности.

В своем четвертом значении «различение» является у Бэна одним из «средств умственного воспроизведения»: оно, по его мнению, «обнаруживается в так называемой ассоциации по контрасту». Совершенно очевидно, что это значение термина не тожественно ни с одним из различенных нами выше. Контраст в собственном смысле не есть ни *общее* условие сознательности, ни *общее* мерило качественной и количественной оценки состояний сознание, ни *общее* условие содержаний сознания специально умственного порядка: контраст есть совершенно специальный принцип, специальный тип отношения, обнаруживающийся в *известных определенных* случаях и по поводу *только* известных содержаний сознания.

И Бэн совершенно ошибочно отожествляет это частный и специальный случай с общим «законом относительности».

Наконец, пятое значение термина «различение» у Бэна имеет в виду «различение» в узком смысле: произвольной, сознательно выполняемой деятельности. Бэн называет его «приобретенным различением» и указывает, что оно связано с прежним опытом, совершенствуется практикой, привычкой.

Таковы существенные недостатки, неясности и смешения в учении Бэна о «различении». В результате у него остается совершенно невыясненным, в пределах его, какого целого происходит «различение», произвольно это «свойство» духа или непроизвольно, только «констатирует» оно «переходы», уже наличные помимо него и независимо от него в какой-то «реальности» (все равно, какой именно), или само создает, творит эти различия, в каком отношении стоит «различение» вообще к общему закону необходимости смены для того, чтобы стала возможной сознательность, к факту относительной оценки состояний сознания, к тем индифферентным, не окрашенным чувством «различиям», из которых по Бэну, строится ум, к контрасту, как одному из средств оживления прежних состояний, одной из форм ассоциаций, наконец к несомненно вторичной, производной функции «приобретенного различения». Все эти и другие, связанные с этими вопросы остаются нерешенными. Между тем, по Бэну, «различение» дает *материал* для конституирующей ум деятельности ассоциаций. Отсюда ясно, что и учение Бэна об «элементах», или основных (подлежащих затем «ассоциированию») единицах сознания является совершенно недостаточным. С этим вопросом нам придется еще встречаться в дальнейшем. Но и сейчас для нас должно быть ясным одно: из всех этих элементов у Бэна ясно выделяется лишь одна большая группа— та, которая описана им в I книге его соч. The Senses and the Intellect, т. е. движения и ощущения движения и напряжения (мускульные), ощущения органические и пяти внешних чувств, аппетиты, инстинкты и первичные инстинктивные комбинации движений с элементарными чувствованиями и хотениями. Что еще в составе духа является *первичным*, какие еще элементы порождаются не производным путем—«ассоциациями», а непосредственным усмотрением, «интуицией» прямого различения, остается неизвестным. И хотя сам Бэн, как мы видели, говорит, что «первая книга содержит перечень всего, что подлежит *первоначально* различению», однако, обещанного *продолжения*—не «первоначальной», а дальнейшей работы различения у Бэна *не оказывается*, и он поворачивает на старый путь сенсуализма,—пытается все остальное содержание психики сложить из этих чувственных единиц.

III. Учение Бэна об ассоциациях. „Удержание“ и «закон смежности».

1. Переходим теперь к учению Бэна об ассоциациях.

Допустим, что Бэново «различение» и его «закон относительности» действительно дают материал для деятельности ума. Посмотрим, что же делает с этим материал ум.

Прежде всего, что такое «ум» по Бэну? и в каком отношении находится он к остальным «элементам духа», по выражению Бэна: к чувству (feeling) и хотению.

Ум, по Бэну, имеет, как мы уже говорили, три «первичных, *или основных* аттрибута: *сознание различия*, *сознание сходства* и *удержание*». [1] На эти три «свойства» сводятся все обычно признаваемые умственные «способности, каковы: память, суждение, отвлечение, разум, воображение». Функции «удержания» и «сознания сходства» тожественны, по Бэну, с «ассоциациями» смежности и сходства. Посмотрим теперь, как развивает Бэн само это учение о «законах» ассоциации, а затем, каким образом сводит он на «ассоциации» обычно признаваемые «умственные способности».

2. Мы начнем с «основного свойства ума, называемого удержанием» [2]) Свойство это имеет, по Бену «два аспекта или степени. Первая состоит в устойчивости или продолжаемости духовных впечатлений после удаления внешнего агента». Эти умственные *продолжения* впечатлений «обычно гораздо слабее своих оригиналов, *хотя сильно* варьируют в зависимости от обстоятельств и в некоторых случаях вполне достигают силы действительного ощущения... Во-вторых, у нас есть способность ***восстановления***, или оживления прошлых или исчезнувших ощущений и всякого рода духовных состояний (feelings of all kind) в виде идей —без оригиналов, при помощи одной умственной деятельности». Иначе говоря, *сохранение* и ***воспроизведение***... Прежде всего является вопрос: правильно ли говорить о ***сохранении*** (без и помимо воспроизведения), как о ***сознательном*** процессе, интенсив-

---

[1]) The Senses, 321. Бэн употребляет целый ряд более или менее синонимичных терминов для обозначения своих „ассоциаций“ по смежности и по сходству. Так, „смежность“ (contiguity) он называет еще retentiveness, persistence, continuance, acquisition, proximity, occurence (или concurrence) in company, companionship, а также adhesion, mental adresiveness, the Association proper, restoration, recorvring, reviving, recollection и т. д. „Сходство“ он обозначает терминами: similarity, ad reement, likeness (или discorery ot likeness), resemblance, recoynition, dentificationi deutity, sameness и т. п. Уже это обилие далеко не вполне тожественных обозначений для одной и тоже вещи показывает, что у Бэна искусственно соединены в его „принципах ассоциации, весьма различные элементы.

[2]) Ibidem, 323.

ность элементов которого можно оценивать? Как и на каком основании можно сказать (опять-таки помимо воспроизведения), что эти устойчивые или продолжающиеся впечатления *гораздо слабее своих оригиналов* и т. д.? Вообще в праве ли Бэн так резко разделять эти «два аспекта, или степени удержания»?..

Далее, что же, в конце концов, «сохраняется» или «удерживается»: только ли чувственные ощущения (и притом только «внешних чувств»), или-же все вообще состояния сознания? О первой степени удержания Бэн говорит, что сохраняются «духовные впечатления после удаления *внешнего* об'екта»: о второй, —что оживают не только «прошлые и исчезнувшие ощущения», но и «сознательные состояния *всякого рода*» (feelings of all kind). Но тогда какие же это «степени» удержания? Это—два совершенно различных процесса, так как у них разное содержание и они относятся к разным областям. Однако, с другой стороны, Бэн опять ставит нас в недоумение: оказывается, что эти «духовные состояния всякого рода» воспроизводятся «без их оригиналов» (without the originals). Но каковы-же те «оригиналы», без которых могут быть воспроизведены, напр., мои чувства радости от получения долго жданного письма, недовольство собой от недостаточно хорошо удавшейся работы и т. п.? Само понятие «оригинала», *без которого* может происходить воспроизведение, применимо лишь к *внешним об'ектам*, и вероятно, Бэн их имел в виду в этой фразе. Но тогда, с другой стороны, как же можно говорить о внешних «оригиналах» *духовных состояний всякого рода*?.. Для Бэна весьма характерна такая, в сущности, элементарная спутанность просто в терминологии,—коренящаяся, конечно, в двойственности его основных психологических и гносеологических воззрений. С одной стороны, он гносеологический реалист и *сенсуалист*; а с другой—теоретик «чистой психологии сознания» (по выражению Э. Гартмана), склонной к суб'ективно-идеалистическим и имманентным точкам зрения [1]). И начав (в приведенной выше цитате) с термина духовных впечатлений» (mental impressions), который можно понимать в самом широком смысле, Бэн говорит тут-же о «внешнем агенте» и о том, что сила воспроизведения иногда бывает совершенно равна «действительному *ощущению*" the actual sensation). И это колебание и эта путаница проходят сквозь все сочинения Бэна. Поэтому мы не будем

---

[1]) Это колебание, столь обычное у ассоциационистов (Юм, Джемс Милль, Д. С. Милль) особенно наглядно выражается в примечании, прибавленном Бэном к только что цитированныму месту. „Между ощущением и воспоминанием ощущения (идеей) есть основное и неизгладимое различие: ощущению принадлежит (belongs) чувство *об'ективной реальности*, которого нет у идеи". Таким образом выходит, с одной стороны, что „ощущение" это то состояние сознания, которое вызывается *внешним предметом*, а с другой—что „ощущение" характеризуется *чувством об'ективной реальности* (которое, как факт суб'ективный, может быть вовсе не связано с наличностью „внешнего предмета").

уже более особо отмечать их, когда они нам будут встречаться в дальнейшем изложении.

3. Бэн считает, что простое «восстановление» прежних «духовных впечатлений» уже исчерпывает собою все содержание *памяти*: он не поднимает здесь вопроса о той «памяти» в собственном смысле (а не о простом воспроизведении), в которой простое воспроизведение сопровождается *сознанием* того, что *воспроизводимое сейчас* было некогда в сознании в первый раз —в виде «оригинала», не поднимает той проблемы, на которой споткнулся Д. С. Милль. Так, Бэн говорит в том же месте: «одним из средств к восстановлению *для сознания какого-либо прошлого состояния* [1]) (of the restoration to consciousness of a particular past state) *является актуальная наличность* какого-либо впечатления, часто встречавшегося *вместе* с этим состоянием... Впечатления, часто сопровождавшие в духе друг друга, срастаются вместе, так что становятся в конце концов почти нераздельными: мы не можем иметь одного без расположения или склонности к возобновлению всех остальных. Это высшая форма удерживающего, или пластического свойства духа [2]) *На ней, почти исключительно, основана способность, называемая памятью* (иногда ей помогает сходство) [3]). Таким образом, оказывается, что вся «память» в собственном смысле сводится на простую «ассоциацию по смежности», иногда вспомоществуемую «сходством». Это решительный шаг назад даже сравнительно с Д. С. Миллем, перед которым в известный момент проблема памяти встала в ее действительно глубокой и серьезной форме.

4. План отдела об „уме" у Бэна таков. Все обычно признаваемые „умственные способности, или функции ума", Бэн сводит „на три первичных свойства ума: на различение, удержание и сходство." Память, как только что сказано, „почти исключительно основывается на удерживающей способности, хотя иногда последней помогает и сходство. Процессы разумного мышления (reason) и отвлечения содержат преимущественно сходство: как в тех, так и в других отожествляются сходные вещи Так называемое „суждение" состоит, с одной стороны, из различения, а с другой— из чувства сходства: в суждении мы определяем, различны или сходны две (или более) вещи. Наконец, воображение есть продукт всех трех основных сил ума с добавлением элемента эмоции".

И соответственно с этим Бэн излагает свое учение об уме в четырех главах, из которых первая посвящена „удержанию"' вторая—„сходству", третья—„случаям сложного духовного воспроизведения, включая и ассоциацию по контрасту", четвертая—

---

[1]) Курсив мой. В. И.

[2]) The Senses, 324.

[3]) Ibidem, 325.

„приложению умственных сил к образованию новых построений: творческой, или изобретательной способности духа“.[1])

5. Остановимся теперь специально на учении Бэна об „удержании“. „Удержание“ он прямо отожествляет с „законом смежности“: поэтому и заглавие первой главы его книги об „уме“ таково: „Удержание—закон смежности“. Принцип этот, говорит Бэн, составляет основу памяти, привычки и вообще приобретенных способностей. Психологи обозначали его различными названиями. Так, сэр У. Гамильтон называет его законом редингеграции... Под него подходят те ассоциативные связи, которые называются „порядком во времени“, „порядком в пространстве“ и „причинной связью.“ Его можно назвать также законом „ассоциации в собственном смысле“, или „законом сцепления,“[2]) духовной сцепляемости“ mental adhesiveness), или приобретения (acquisition).“ [3])

Общую формулу „этого вида духовного воспроизведения“ Бэн дает в следующих словах: „действия, ощущения и состояния чувствительности,[4]) приходящия вместе или в тесной последовательности, стремятся срастаться или сцепляться так, что, когда какое-либо одно из них предстанет впоследствии духу, остальные бывают готовые восстать в идее.“

6. Этот небольшой отрывок из сочинения Бэна возбуждает весьма много недоумений. Прежде всего, что значит его соб-

---

[1]) The Senses, 325.

[2]) Или, может быть, „притяжения“ (adhesion).

[3]) The Senses 327.

[4]) States of feeling. Мне кажется, что под этим неопределенным термином Бэн в данном случае понимает специально чувствования, или состояния эмоционального характера. Ум, по воззрениям Бэна, состоит из воспроизведенных единиц сознания: тогда на долю первичных (или mental actualities или our life in actualites; последний термин смотри, напр., The Senses 323) остаются у Бэна ощущения и другие элементарные состояния, о о которых Бэн говорит в I кн. The Senses), эмоции и состояния волевые. Часть фактов волевых подойдет в данном месте под рубрику „движений“: тогда на долю feeling остаются эмоции (включая и состояния, связанныя с влиянием их надействия). Тем не менее, было бы, конечно, правильнее, если бы Бэн выделил специфически волевые состояния термином „хотения“ или каким либо подобным. Feeling, насколько мне известно, никогда не употребляется в английском языке для обозначения чувствований и хотений вместе в противоположность умственным состояниям. Позволю себе привести здесь схему значений термина feeling, выработанную мною в одном из примечаний к переводу „Системы логики“ Д. С Милля (2 изд. стр. 43-44). Милль употребляет в том месте к которому мною сделано примечание, выражение: Feelings or states of consciousness. В этом случае термин feeling применяется в самом широком смысле и значит: „сознательныя состояния,“ „или состояния чувствительности“ вообще. Далее feeling иногда означает „чувство“ в популярном смысле (в противоположность уму и воле, включающем в себя и „чувственность“ (ощущения) и „чувствования“ (эмоции). Наконец, в еще более узком значении feeling иногда, как в данном месте у Бэна, прилагается специально к „чувствованиям“ (ощущения Бэн упоминает особо).

ственное выражение, что принцип смежности „можно назвать ассоциацией в собственном смысле“?...

Ведь, раз есть „ассоциация в собственном смысле,“ должна быть и другая ассоциация—в не собственном, переносном, более широком, приблизительном и т. п. смысле. Не является ли такой „не-настоящей“ ассоциацией ассоциация по сходству? ведь видов ассоциации только два,—и никакого другого содержания для „не-собственной“ ассоциации указать нельзя... Таким образом, по-видимому, самому Бэну приходило иногда в голову, что „ассоциация по сходству“ имеет какой-то другой внутренний смысл, что ее нельзя ставить в один ряд с „ассоциацией по смежности“. Ему, конечно, следовало в общем учении об „ассоциациях“ провести это различие между ассоциацией „в собственном“ и ассоциацией в не собственном смысле, которое должно быть весьма существенным, вполне ясно и точно охарактеризовать каждый из этих типов, показать, что второй из них *даже не есть, в сущности, ассоциация, так как обозначается этим термином лишь в не собственном смысле.* Ничего подобного мы у Бэна не находим: он не останавливается на этой мелькнувшей у него мысли, и в конце концов у него оба типа ассоциации остаются чем-то однородным: двумя принципами воспроизведения прежнего опыта...

7. Далее, Бэн прямо отожествляет свою способность «удержания», «приобретения» и т. д. с «ассоциацией по смежности» (или с «законом смежности», или просто со «смежностью», как он также часто выражается). Такая терминология вызывает весьма серьезные возражения. «Удержание» есть одна из основных функций ума, одно из «умственных свойств» (mental property). Но эта функция вовсе не совпадает прямо со «смежностью», или «ассоциацией по смежности»: в «удержании» есть очень многое сверх этой последней. «Смежность» есть *форма* «удержания»: она предопределяет *порядок воспроизведения* (или *воспроизводимого*); но она не есть *реальная сила*, актуальная функция души, каковою необходимо признать «удержание». Удержание есть именно *деятельность*, и притом вовсе не сводящаяся только к повторению *порядка* «психических актуальностей»,—ибо, кроме такого порядка, удерживаются и воспроизводятся) еще и качественность (или качественное содержание) прошлых состояний, а также до известной степени их интенсивность, или сила, их эмоциональный тон, а может быть, и другие свойства их. И является совершенно непонятным, каким образом можно саму способность «удержания» (и воспроизведения) называть такими неподходящими именами, как «ассоциация» (даже, как мы видели, «ассоциация в собственном смысле») и «смежность» (или «закон смежности»), или, наконец, «ассоциация по смежности». В сущности, у Бэна термины «ассоциация (по смежности)» и «смежность» имеют оба только что указанные смысла: они обозначают и саму способность «удержания», и порядок воспроизве-

дения, как *форму* деятельности этой способности. И очень часто употребление этих терминов Бэном в первом из указанных смыслов придает его выражениям не совсем удобопонимаемый, даже, пожалуй, не совсем складный характер (когда, напр., оказывается, что «смежность» выполняет такие-то и такие-то функции)...

8. Больше возражения вызывает и проблема об отношении «смежности» к *повторению, привычке* и т. д. Прежде всего, «смежность», как таковая, и «повторение»—два понятия совершенно различные и ничем по существу не связанные. «Смежность», т. е. тот или другой *порядок*, может существовать (и существует) и помимо всякого повторения: «ассоциация по смежности» также не предполагает непременно повторения. Смежность—одно, а повторение—нечто совершенно другое. Конечно, повторяемое повторяется в *порядке своей смежности* (той, какую оно имело в оригинале, в психической «актуальности» и т. д.): но оно, как мы только что заметили, повторяется и в своей качественной определенности, интенсивности и ряде других свойств. Почему же «повторение», «усвоение», приобретение» и т. п. отожествляются только именно со смежностью, с *порядком*?. На это мы не видим никакого ответа, и отожествление «повторения» (и «удержания») со смежностью представляется совершенно неоправданным.

Еще более важен следующий пункт в этом вопросе. Сущность «повторения», «привычки» и т. д. состоит в многократной наличности в сознании (или вообще в деятельности души) чего-то генерически тожественного, нумерически же *сходного*. И подчеркивая этот элемент привычки и повторения, как *основу* «смежности» (или «ассоциации по смежности»), Бэн, в сущности, сводит движущее, так сказать, начало этой формы ассоциации на *«ассоциацию по сходству»*. *Фактором*, деятельным принципом смежности становится сходство: в сходстве оказывается *сама суть смежности, как повторения* (воспроизведения, «удержания» и т. п.).

Таким образом, принцип «смежности» у Бэна собственно двоится: с одной стороны и в одних случаях он понимает под ним «смежность» в собственном смысле, т. е. известный *порядок воспроизведений*: с другой стороны и в других случаях он смотрит на него как на принцип *воспроизведения в известном порядке*, т. е. *повторения* в зависимости от более или менее обширного прежнего «опыта». И это второе значение «смежности», совершенно не совпадающее с первым, играет у него, пожалуй, даже более важную роль. «*Порядок* усвоенного и воспроизводимого» и «*многократность* опыта, укрепляющая усвоение и воспроизведение,»—в таких формулах можно резюмировать эти два различных значения «смежности».

Наконец, не вполне ясно и то, какого именно рода повторение имеет в виду Бэн, когда он говорит о значении повторе-

ния для образования фиксированных пар, групп и цепей «смежностей»? Ведь повторение может состоять либо в повторной наличности той или иной связи в «психической *актуальности*» (напр., повторное слышание той или другой мелодии), либо в повторном *воспроизведении* того, что, может быть, только однократно было воспринято актуально (сам акт воспроизведения есть ведь также *случай повторения*). Бэн не разграничивает этих двух, совершенно различных видов повторения; между тем, отчетливое признание их должно было бы отражаться на общей постановке проблемы. «Повторение» во втором смысле, т. е. повторение «в уме» отрывает «усвоение» от «реального «опыта», (каковой Бэн, в конце концов, всегда стремится истолковать *актуально* сенсуалистически): оно относится уже не к области сенсуального опыта, а составляет факт *умственного* порядка.

9. Совершенно напрасно связывает Бэн свой «закон смежности» и с «законом редингеграции». У Гамильтона эти два «закона» далеко не тожественны. Сущность закона Гамильтона состоит в том, что *каждый момент* жизни сознания составляет нечто единое, некоторое внутренно связное, органическое целое, в силу чего каждая часть обладает тенденцией вызывать в сознании остальные части, т. е. приводить на ум все целое, восстановлять, «редингегрировать» его. Вся суть этого закона в том, что все содержание сознания в каждый момент есть нечто *единое*. Но ведь содержание «закона смежности» у Бэна несколько иное: в силу его связуется то, что происходит «вместе или в *тесной последовательности*» (together or in the close succession), как говорит Бэн в общей формуле этого закона [1]). Очевидно, что *связное единство* содержания каждого момента сознания есть нечто отличное от частичных *связей* отдельных моментов его. Поэтому «закон смежности» касается не одной, а двух проблем: Гамильтонова «восстановление целостных единств—одновременных содержаний сознания» и связей отдельных последовательных моментов сознания, как уже готовых целых.

Бэн не замечает этого и прямо отожествляет свой закон с гамильтоновой редингеграцией одновременного, целостных моментов сознания.

10. Бэн считает «ассоциацию по смежности» специальной формой «приобретения». Он постоянно в применении к ней употребляет термины: acqusition, acquire, acquirement, acquisites. И в этом кроется большая неясность, могущая вести к путанице и подмене одного понятия другим. «Смежность», «ассоциация по

[1]) И конечно, только так он и может истолковывать свой „закон смежности", имеющий не одну, а две формы: одновременность и последовательность. Поэтому, когда Бэн в другом месте (457) говорит, что „смежность соединяет то, что при каких-либо обстоятельствах представилось духу в одно и тоже время", то это приходится считать одной из небрежностей выражения, нередких у Бэна.

смежности» и т. п. у самого Бэна есть принцип «удержания», «повторения», привычки и т. п.: «смежность» поэтому *ничего не приобретает*—она лишь повторяет, закрепляет и т. п. Единственными принципами «приобретения» может быть либо восприятие, либо дискурсивное мышление, либо творчество, построение, воображение. Бэн, приписывая «смежности» функцию «приобретения», совершенно незаконно расширяет область своей ассоциации по смежности. И только эта игра понятиями позволяет ему сводить на «смежность» все воспитание и образование (education), как он это делает в своей работе Education as science и как он коротко об этом упоминает и в Senses and Intellect (326).

11. Если теперь поставить вопрос (который уже встречался у нас по поводу «различения») об основном *содержании* «ассоциации по смежности», то придется повторить сказанное о «различении». *Что и почему* ассоциируется ассоциацией по смежности? Нечто ли, порядок и связи чего уже предрешены, предуказаны *отношениями некоторой внешней реальности*, независимой от этой «ассоциирующей» деятельности познающего суб'екта, или же нечто такое, в чем порядок смежности сосуществований и последовательностей устанавливается *самим суб'ектом*, самою этой „Ассоциацией"? В сущности, принцип „смежности" должен былбы иметь в изложении психологического генезиса познания *два* совершенно различных смысла. А именно, он должен был бы обозначать, во-первых, ту *первичную, основную* смежность, в какой фактически лежат по отношению одно к другому наши переживания; и во-вторых, ту *вторичную, производную* смежность, которая составляет реальное, общеобязательное знание. Эту вторичную смежность «реального» можно назвать смежностью «гносеологической»; она совершенно отличается от первичной, или собственно «психологической» смежности действительных переживаний. В мое законченное восприятие и представление данной березы входит далеко не все, что мною переживалось в течение акта ознакомления с этой березой: в промежутках между отдельными моментами познавательного процесса я мог говорить те или иные фразы, почувствовать боль, холод, кашлянуть и т. д., и т. д. Все эти элементы прочно стоят в цепи «смежностей» моих реальных *переживаний*, но все они исключены в моем *представлении* об этой березе: те первичные «смежности» мною разорваны, весь материал оценен, расклассифицирован, рассортирован,—и в результате, быть может, очень сложной работы образованы *новые* сложности, выражающие уже не порядок прежних переживаний, известное *содержание знания*. Все эти гносеологические вопросы остаются у Бэна в стороне не только в его общей «формуле» ассоциации по смежности», но и в детальном изложении этого принципа в связи с разными группами ассоциируемого содержания... Весь дух этого детального изложения у Бэна реалистически-сенсуалистический: везде он говорит о внешних вещах, о том, что сознание повторяет, отражает реальные связи, порядок реально-

сти и т. д. Однако, в противоречие с этим, в общей формуле «закона смежности» у Бэна фигурируют и „действия“, и «состояния чувствовательного характера» (states of feeling), для которых никакого внешнего «оригинала» указать нельзя...

12. Далее, у Бэна *в общей формуле*, которую он дает «закону смежности», этот закон является принципом *только* воспроизведения. «Вот, говорит он прямо, общая формула этого вида духовного воспроизведения (of mental reprodoction)». Да и в самой формуле мы читаем, что «действия, ощущения и т. д... стремятся сростаться... так, что, когда одно из них предстанет впоследствии духу, остальные бывают готовы *востать* (to be brought up) в идее». «Закон смежности» есть таким образом, для Бэна, очевидно, закон воспроизведения (в виде рядов или групп) дискретных, раздельных одно от другого сознательных состояний. Между тем, при детальном изложении «закона смежности» действие этого закон Бэн распространяет далеко за пределы такого простого воспроизведения прежних рядов, закон этот прямо создает *новые, целые* приводит к образованию новых *единиц* сознания. Будут ли эти новые целые иметь «так сказать, механический состав, т. е. будут ли в них раздельно заметны соединившиеся в одно целое элементы («неразрывные ассоциации»), или же в результате «ассоциации» получится нечто совершенно отличное от вошедших в нее элементов („психическая химия“ отца и сына Миллей), во всяком случае процесс здесь выходит далеко за пределы простого «стремления к воспроизведению» вслед за одними духовными состояниями идей других состояний, бывших ранее смежными с первыми.

И сам Бэн—при детальном развитии своего „закона смежности“—часто молчаливо предполагает возможность образования по смежности таких новых целых; но теории такого образования он не дает.

Между тем, простое «стремление к восстановлению в идее» может дать лишь, самое большее, материал и повод для конституирования новых целых по типу «неразрывных ассоциаций», быть для них «естественной основой», но не может об'яснить всего, что происходит в духе в таких случаях. По отношению же к состояниям, возникающим по «химическому» типу, такое стремление не об'ясняет даже и этого повода и не указывает материала «химической ассоциации», так как здесь после совпадения двух или более элементов возникает нечто новое, *не похожее на прежние и не связанное ни с одним из них привычной смежностью, представляющее нечто совершенно от них отличное*. Каким образом можно было бы подвести под общую Бэнову схему смежности «ассоциации химического типа», остается непонятным, потому что в этом случае как раз нет никаких связанных прежним опытом пар или рядов, одни члены которых стремились бы *вызывать* в идее остальные члены. Это—один из довольно обычных у Бэна случаев внутренней несогласованности его мысли.

13. Сенсуализм Бэна,—тот факт, что он обращает внимание в составе знания почти исключительно лишь на чувственные элементы, приводит в проблеме ассоциаций к тому, что он везде указывает собственно лишь *начало* (или, точнее, *одно* из начал—именно сенсуальное) интеллектуального процесса. Но даже если мы везде согласимся с ним, признаем, что он верно указывает сенсуальные ингредиенты умственных «приобретений», этим отнюдь еще не будет доказано, чтобы в составе этих приобретений не было и иных, рациональных элементов. Между тем, такие элементы мы должны признать,—и не только в составе предметного знания (в виде принципов категориального мышления): кроме этой области, в которую рациональный момент входит одним из слагающих факторов, есть еще целая область формального знания—математика, всецело покоящаяся на рациональных основах. И традиционная для ассоциационизма отчужденность от математического знания в полной мере сказывается у Бэна: как мы увидим, в рамках своих «законов» смежности и сходства („удержания" и „отожествления") он не может нигде найти места для математики, —особенно для арифмологии. Таким образом, и на Бэне сказывается та несовместимость математики с сенсуализмом, о которой мы говорили раньше... В то же время его „ассоциация" часто играет роль простой этикетки, условного наименования для целого, составляющегося из каких-то, подчас весьма сложных процессов умственной переработки, творчества и самых разнообразных комбинаций, среди которых известную роль могут играть и процессы собственно ассоциативного характера, но которые называть вследствие этого во всем их целом „ассоциациями" совершенно неправильно.

14. Наконец, последнее замечание по поводу общей формулы „закона смежности" у Бэна... Неправильно, перечисляя ассоциируемые смежностью элементы, указывать только „действия, ощущения и чувствования". Выше мы уже говорили о том, что в этом перечне нет собственно *волевых* состояний сознания; но самое главное: в нем нет и *состояний умственных*. Бэн не признает мыслей, как таковых. Нет, не существует умственной деятельности, как *таковой*; нет никаких рациональных начал, коренящихся в независимой от чувственности работе ума: весь ум, все интеллектуальные состояния имеют характер простых „воспроизведений" сенсуальных элементов. Но этого мало: в формуле Бэнова „закона смежности" не находят себе места даже и мысли, понимаемые в духе самого Бэна—как воспроизведения сенсуальных элементов.

15. Дав общую формулу „закона смежности", Бэн переходит к детальному иллюстрированию частных случаев, подходящих под этот закон. План его изложения здесь таков: сначала он перебирает все основные группы „воспроизводимых" *элементов*, стараясь показать, какие умственные продукты возникают из „ассоциации" этих элементов, а затем рассматривает важнейшие обла-

сти или сферы *продуктов* умственной („воспроизводящей по смежности") деятельности, отмечая, какие именно элементы ассоциируются, по его мнению, в каждой из этих областей. Благодаря такому плану, один и тот-же материал кое-где дается, в сущности, *два раза*: сначала в синтетическом, а затем в аналитическом порядке изложения. При этом, по нашему мнению, первая часть—синтетическое указание сенсуально-двигательных и эмоциально-волевых элементов сложных состояний—выполнена у Бэна более удачно, чем вторая. И это вполне понятно: у Бэна нет широкой, интуитивной восприимчивости к тонким переходам, к красочной яркости непосредственных психических переживаний,—и в этой области он сух, беден, часто ограничивается просто об'яснением тех или других терминов. Напротив, в дедуктивной работе „построения" сложных конкретностей из (предполагаемых) простых единиц он нередко проявляет значительное остроумие: здесь он умеет использовать богатый материал анализов, накопленный несколькими поколениями великих английских психологов, начиная с Гоббза и Локка. Получается, хотя и неисчерпывающая и страдающая серьезными проблемами, если ее принимать за полный отчет о фактах умственного порядка, но все же поучительная и в своих рамках не лишенная интереса и значения картина.

Первый из указанных только что отделов—ассоциирование различных групп элементов—Бэн начинает с *движений*. Указав на процессы „удержания" и „приобретения" в области самопроизвольных и инстинктивных движений, он останавливается затем на „идеях двигательных состояний сознания" (ideal feelings of movement) и следит за „ассоциациями" в этой области: здесь, между прочим, он удачно использует устойчивые „идеи движений" и их постоянное стремление перейти в реальность (to become the reality) для об'яснения многих фактов психики: как-то, навязчивых идей, явлений страха, симпатии, честолюбия и т. п.

Затем Бэн переходит к „ассоциациям" *ощущений*—сначала одного и того же чувства [1]), а потом различных чувств [2]) и прилагает полученные общие результаты к освещению с психологической точки зрения одной из основных философских проблем—проблемы „внешнего восприятия, или материального мира".[3]) Воспроизводя здесь во многом анализы Беркли, Бэн особенно оттеняет элемент движений и (физиологической) активности воспринимающего суб'екта при возникновении картины материального мира. При этом Бэн выставляет такие общие положения [4]) относительно «восприятия материального мира и уверенности (belief) в нем»: 1) невозможно знание безотносительное к нашему духу,

[1]) The Senses and the Intellect, 3 ed., 348—360.

[2]) Ibidem, 360—364.

[3]) Ibidem, 64—400.

[4]) Ib., 375 sqq.

2) чувство внешнего предполагает наши собственные энергии, 3) наш опыт связывает известные изменение в ощущениях с сознанием известных движений, 4) опыт дает материалы для нашей уверенности в том, что именно существует в действительности (in what actually takes place); 5) множественность изменений в восприятиях различных чувств при наших движениях имеет большое значение: она дает нам понятие „о богатстве внешнего мира, и о значении наших действий в смысле снабжения нас осущениями"; 6) понятие „внешнего" обозначает то, что общее для всех: „сносясь с другими существами, мы открываем, что и они проходят через тот же опыт, что и мы: это еще более усиливает постоянство ассоциации между нашими ощущениями и соответствующими активными энергиями". Это ведет нас затем к „*отвлегчению*, охватывающему весь наш опыт, прежний и теперешний, и весь опыт других существ... На ряду со всеми частными опытами мы строим опыт в in abstracto— совершенно нелепую фикцию, будто ощущение существует—все равно, имеют место приводящие его в сознание действия или нет". Это утверждение, говорит Бэн, не только выходит за пределы всякого возможного доказательства, но и внутренно противоречиво: ибо мы в нем утверждаем существование вне сознания того, что мы можем знать только как находящееся в сознании. „На словах мы утверждаем независимое существование; между тем, уже самым фактом этих слов мы опровергаем себя: ибо даже возможный мир предполагает возможный дух, который бы его воспринял,—совершенно так же, как действительный мир предполагает действительный дух". И Бэн повторяет затем мысль Беркли, что виною этого—ошибочная тенденция языка приписывать независимое существование абстракциям духа, и прибавляет (чего не сказал бы, конечно, Беркли), что та же тенденция лежит и в основе платоновской теории идей или форм [1]).

Следующий отдел Бэн посвящает ассоциациям с чувствованиями (feling) и перенесению эмоций на ассоцированные с ними об'екты.

Здесь он излагает между прочими ставший классическим у ассоциационистов со времен Гертли (и даже Гэя) пример любви к деньгам, как таковым, т. е. скупости, а также известную алисонову ассоциативную теорию прекрасного.

Последний отдел этой части говорит о «ассоциатах хотения» (associates of volition), т. е. о сложных, образуемых посредством ассоциаций, волевых состояниях, останавливаясь в частности на явлениях подражательных действий.

16. После этого у Бэна идет ряд небольших отделов, посвященных различным группам *продуктов* „удержания" и «ассоциаций по смежности»,—в таком порядке: „естественные пред-

---

1) Ib., 380—382.

меты, как отресаты естественных качеств», „естественные и привычные соединения: natur morte», «последовательности» (здесь же Бэн говорит о причинных связях), «механическия приобретения» (двигательные приспособление организмов), „голосовые приобретение: язык", „удержание в науке", „деловая, или практическая жизнь", «приобретение в изящных искусствах», „история и повиствование", „наша прошлая жизнь".

Весь этот материал, довольно плохо систематизированный Бэном, вряд ли заслуживает рассмотрения. Да и задача наша не в этом: мы хотим проследить *основные контуры, смысл и значение* ассоцианионисма и общего учения ассоцианонистов об „ассоциациях идей", и это мы сделали, как кажется, в достаточной степени.

Только один из этих отделов, в виду его особенной важности для характеристики обще-философских воззрений Бэна, должен остановить на себе наше внимание.

Это—отдел о значении „удержание в науке". Для нас важно знать, что именно в науке Бэн считает возможным свести на „удержание" и „ассоциацию по смежности".

Оказывается, что и сенсуализм, и психологизм в полной мере отразились на учении Бэна о роли удержания в науке. Определив науку как „искусственный символизм и техническое приспособление для выражения законов и свойств мира" (т. е. чисто в духе „натурализирующей" гносеологии,—так, что под его определение никак не может подойти математика), Бэн посвящает дальнейшее содержание этого отдела почти исключительно тем *психологическим качествам*, какие требуются, с одной стороны, для „наук об'ективных", а с другой „суб'ективных".

Об'ективные науки Бэн понимает как лествицу знаний убывающей *отвлеченности* и символичности, начиная с чистой математики, продолжая „теоретической механикой, астрономией и оптикой", далее „экспериментальными частями химии, физиологией и анатомией" и заканчивая конкретными естественными науками (natural history). Таким образом, во-первых, Бэн (как Д. С. Милль) считает чистую математику также „естественной наукой", или „наукой о природе"—только наивысшей степени отвлеченности, а во-вторых, почти ничего не говорит о настоящем предмете этого отдела—о роли „удержания" в науке, если не считать таких отрывочных и несущественных замечаний, как то, что в математике надо помнить все основные определения, все важнейшие теоремы, что в арифметике цифры, знаки действий, десятичная система суть „ассоциации символических форм и требуют сосредоточения духа на условных знаках—в виду той цели, какой эти знаки служат", а в геометрии определения ассоциируются с зрительными образами фигур, и т. п. Но даже вопросы психологического генезиса наук — в отношении роли в этом генезисе

„удержания“ не говоря уже о роли «смежности» в самом (логическом) *составе* наук, — у Бэна не затрагиваются.

В отношении к суб'ективным наукам Бэн только повторяет, что для успешного их изучения нужно также соответствующее направление интереса и внимания (на внутренний мир) и одаренность на различение, отожествление и воспроизведение чувствований и последовательностей идей».

Таким образом, этот важный отдел оказывается у Бэна скудным по содержанию и неудовлетворительным по общим точкам зрения.

(Окончание следует).

Н. В. Шаров.

Николай Андреевич

Янчук

1859—1921 г.

(† 6 декабря 1921 года).

Летопись своей жизни Государственному Белорусскому Университету приходится начинать со скорбной страницы: 6 декабря прошлого года скончался профессор Николай Андреевич Янчук.

Он еще не успел органически войти в жизнь молодого университета, и ни аудитория, ни его сотоварищи по научной работе не успели еще, вероятно, оценить вполне покойного. Но его научные заслуги вообще, заслуги перед булорусским народом в частности, настолько неоспоримы, что остановиться на личности Николая Андреевича и попытаться дать отчет в его деятельности—прямая обязанность тех, кому дорого просвещение и культура Белоруссии.

Жизнь Николая Андреевича, хотя и не изобиловала какими-нибудь особенно яркими и красочными моментами, но все-же сложилась не совсем так, как жизнь типичного русского ученого.

Николай Андреевич был в полном смысле этого слова «человек из народа»: он сын крестьянина, поверстанного в это сословие из однодворцев. И если он достиг почетной известности в науке и в общественной жизни, то исключительно благодаря себе самому.

Родился и годы своего детства покойный ученый провел вдалеке от крупных культурных центров (в селе Корнице, Константиновского уезда Седлецкой губернии) в очень интересную, но и тяжелую по своим общественным и политическим условиям эпоху. То были знаменитые шестидесятые годы, возбуждавшие во всех такие большие ожидания, обещавшие первоначально такой под'ем во всех областях, и так жалко завершившиеся.

Родина Николая Андреевича далеко не была таким медвежьим углом, где, как всегда «во глубине России», была при

всех потрясениях общественного организма „вековая тишина“. Это была так называемая западная окраина Русской империи, вызывавшая к себе особенное внимание правительства и особенную опеку.

В раннем детстве Николая Андреевича разразилось „польское восстание“, и хотя прямых воздействий его на нашего ученого отметить и нельзя, но косвенных найдется сколько угодно.

Этот край находился на пути скрещения нескольких культур—великорусской, малорусской, польской и белорусской. Из них первая была господствующей и воинствующей, остальные—сначала терпимыми, а вскоре—гонимыми.

Прибавьте к этому еще один момент—религиозный, и перед нами станет ясна картина морального состояния мыслящего и чувствующего человека, стоявшего в самой гуще этой местной жизни.

Николай Андреевич был в таком положении почти до 20 лет своей жизни. Для него жизненная обстановка была небезразлична, хотя бы уже по одному тому, что ему пришлось перенести на себе самом все ее последствия.

Отец будущего ученого был малоросс, униат, человек, очевидно, старой культуры, тяготевший к Польше; по крайней мере, он только от своих детей выучился русской грамоте, но и то предпочитал впоследствии писать по-польски. Но он вообще не чужд был культурных запросов: все его дети ходили в открытую в их родном селе русскую школу.

Из его детей только один стал продолжать научную карьеру дальше: это был Николай Андреевич. Другие дети предпочли остаться с отцом при хозяйстве. Но честь и слава этому крестьянину, что он не препятствовал своему талантливому сыну учиться далее.

Наступили семидесятые годы—эра „воссоединения“ униатов с господствующей церковью. Униатские храмы должны были передаваться православному духовенству. Отец Николая Андреевича—человек, очевидно, уважаемый и почтенный у односельчан,—ктитор, церковный староста, затерял ключи от своего храма, чтобы не сдавать его новым пришельцам. Результат известен: телесная экзекуция и тюремное заключение за отказ „подписаться на православие“. Так создавались „мученики за веру“.

По иронии судьбы, сыну „изувера“ Андрея Янчука, нашему будущему этнографу, пришлось жить в Бельске, куда он поступил в гимназию, на казенной ученической квартире у надзирателя той самой тюрьмы, где был заключен отец. Результат мудрой правительственной политики был таков: отец и мать Николая Андреевича так и умерли „нераскаянными униатами“, дети же перешли в католичество, кроме нашего ученого, который, по его

собственным словам, „в 8 классе исповедывался у православного священника» [1]).

Отсюда то отвращение ко всякому насилию и произволу—политическому, общественному, религиозному, которое звучит в словах Николая Андреевича, когда он говорит, напр., о судьбе злосчастного нашего зодчего XVIII века—В. И. Баженова или о судьбах белорусского народа и т. д.

Впечатления детства обыкновенно врезываются неизгладимыми чертами на всю жизнь в воспоминание людей. Школа только помогает им точно сформироваться и найти свое место в общей системе миросозерцания.

Николай Андреевич по окончании сельской школы учился в Бельской гимназии, но курс кончил уже в Московской V гимназии. Эти его Lehrjahre прошли под сильным воздействием гуманной и широко образованной семьи Гарднер. Здесь получили свою формулировку его инстинктивные демократические воззрения и симпатии. Здесь он впервые получил возможность осознавать и приводить в связь свои инстинктивные и эстетические запросы.

Николай Андреевич, повидимому, с детства отличался музыкальной одаренностью. В семье Гарднер он стал учиться музыке систематически, что впоследстви сослужило ему немалую службу в его научных работах.

Семья Гарднер, связанная родственными узами с известным критиком 60 годов прошлого века—Д. И. Писаревым, повидимому, была не чужда некоторого культа своего знаменитого родственника с его материалистическими воззрениями и преклонением перед естественными науками. В те дни Н. А. Янчук мечтал стать медиком. И лишь влиянию В. П. Басова, директора V гимназии, по собственному признанию нашего ученого, следует приписать то обстоятельство, что он поступил на филологический, а не на медицинский факультет. Но следы прежних влияний сказались в Николае Андреевиче в том, что он и впоследствии, напр., интересовался вопросами антропологии.

На филологическом факультете Московского Университета тогда звучали еще лебединые песни Ф. И. Буслаева. В самом зените своей славы были В. О. Ключевский и Н. С. Тихонравов.

На Николая Андреевича неизгладимое впечатление произвел особенно Н. С. Тихонравов. Этот суровый с виду и замкнутый в себе человек, пользовавшийся известностью почти непререкаемого авторитета в предметах своей специальности, отличался

---

[1]) Автобиография Н. А. Янчука в „Словаре Членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете" 1811—1911. М. 1911. стр. 337—339.

однако, большим знанием людей и удивительной душевной чуткостью. Еще в своей известной рецензии на популярную книгу А. Д. Галахова он подчеркивал необходимость для исследователей литературы не замыкаться в изучении произведений литературных «аристократов», а постараться привести в известность богатства пренебрегаемой обыкновенно исследователями литературы широких масс народа. В его лекциях эти ноты звучали еще серьезнее, и почтенный ученый давал в них образцы мастерской трактовки этих вопросов. Н. С. Тихонравов знал, кого из своих слушателей направить в какую сторону научной работы.

Николаю Андреевичу он помог формулировать его этнографические склонности. Покойный А. Л. Дювернуа направил его интересы на славянство. Так художественные задатки Н. А. Янчука сочетались с определенным научным направлением и с серьезной исторической школой. Так из подающего надежды пытливого молодого малоросса-крестьянина складывался поэт, музыкант этнограф... Эта разносторонность интересов осталась навсегда характерной чертой Н. А. Янчука.

С момента окончания университета началась для него трудовая жизнь, обычная жизнь русского скромного ученого.

Николай Андреевич не сделал большой академической карьеры: жизнь не дала, да вряд ли он и сам к тому стремился; но всякое живое начинание влекло его к себе.

Он пробовал и педагогическое поприще в Московских средних учебных заведениях, и принимал участие в этнографических экспедициях (в 1886 г.—в Белоруссию и Литву, в 1888 г.—в Седлецкую губ., в 1921—в Рязанскую губ. и т.д.), и в раскопках (в Полтавской губ.), и в организации концертов, популяризующих народную музыку (в 90-ых годах и в наши дни); он же создал один из лучших наших этнографических журналов—«Этнографическое обозрение», коим и руководил сначала совместно с В. Ф. Миллером, а потом единолично.

Эта жажда деятельности и разносторонняя отзывчивость Николая Андреевича сказывается уже в том, что он был членом многих и разнообразных ученых обществ,—напр., О-ва драматических писателей и композиторов, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества истории и древностей российских, Военно-исторического общества, Московского Археологического общества, Общества любителей русской словесности, Общества истории литературы и т. д.

И везде Николай Андреевич оказывается активным членом. Он читает доклады, производит обследования, организует...

Добрая половина его жизни протекла в стенах Московского Публичного и Румянцевского Музеев, сначала в библиотеке, потом в Дашковском музее. Здесь, благодаря трудам покойного же

В. Ф. Миллера и нашего ученого, приведены в порядок знаменитые этнографические коллекции, долгое время находившиеся в забросе. Много внимания и сил уделял покойный организованной им музыкально-этнографической комиссии этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, коей был председателем.

Лишь в конце своей жизни Николай Андреевич сделался преподавателем университета. Он давно уже сдал установленные старыми правилами магистерские экзамены, но среди множества повседневных дел и забот ему как-то все не хватало времени приступить к академической работе. Может быть, здесь была и другая причина: университетский устав, строго регламентировавший каждый шаг университетской жизни, не уделял почти места тем вопросам, которые интересовали Николая Андреевича.

Революция смела старый устав и дала в этом отношении место новым веяниям. Николай Андреевич получает предложение вступить в стены Московского университета, в качестве преподавателя истории Белорусской и малорусской литератур—курсов, вероятно, впервые об'являвшихся в старейшем нашем университете.

Впоследствии Николай Андреевич еще несколько расширил рамки своей университетской деятельности: в 1921/22 уч. году он должен был читать в Москве курс этнографии.

Горячо отзывавшийся на всякое живое дело, Николай Андреевич принял деятельное участие в работах Белорусского Народного Университета в Москве (1918 г.), где читал историю белорусской литературы.

Всесторонний и ученый знаток Польши и Белоруссии, Н. А. Янчук, конечно, не мог не принять участия и в работе предварительной Комиссии при Народном Комиссариате по Иностранным Делам, подготовлявшей материалы для предстоявших мирных русско-польских переговоров, и его доля в этой черновой работе была выполнена им с редкой добросовестностью и знанием дела.

Понятно, что, когда на очередь стал вопрос о создании основного центра просвещения в освобожденной Белоруссии, дело не могло обойтись без Николая Андреевича Янчука. Он принимал участие в работах предварительной Комиссии по организации Государственного Белорусского Университета, а по завершении первой стадии организационной деятельности был утвержден профессором по кафедре белорусской литературы и этнографии в Белорусском Университете.

Он приехал в первых числах ноября и открыл свой курс. Но судьбе было угодно иное. И Николая Андревича не стало. Он дал уже многое и для Белорусского Университета, и для всего белорусского народа. Но он мог дать гораздо более, если бы смерть

не похитила его так внезапно и неожиданно. Мы можем заключать об этом по тому литературному наследию, которое оставил он после себя. А за тридцать пять лет самостоятельной научной работы им написано немало, многое напечатано, но многое осталось еще в рукописях.

И подводя итоги литературным работам Николая Андреевича, еще больнее начинаешь чувствовать его утрату для нашего молодого Университета.

Общее количество его напечатанных самостоятельных работ достигает почтенной цифры почти шести десятков, не считая громадного количества рецензий, отзывов и заметок в «Этнографическом Обозрении» с первого года его существования до последних его дней.

Как разностороння была натура покойного ученого, так разнообразны и его работы. Все они невелики по об'ему. Николай Андреевич как-бы не имел времени сосредоточиться на одном крупном вопросе или на группе сродных вопросов и исчерпать их до конца. Живой и отзывчивый, он откликался на все, что в данный момент его интересовало. При таком характере напрасно мы ожидали бы от него одной или нескольких увесистых монографий. Но все его многочисленные статьи представляют собою отклики на ту или иную сторону живой жизни. В ней Николай Андреевич умел подметить такие черты, которые ускользали от взоров других исследователей.

Для удобства обозрения разобьем работы Николая Андреевича на категории по внутреннему родству разрабатываемых автором тем.

Художественное дарование Николая Андреевича проявилось целым рядом драматических произведений. Характерно, что все эти драматические произведения написаны автором на малорусском языке, на настоящем, сочном и живом народном языке, языке Шевченка.

Эти драматические произведения: «Пилип-Музыка»—комедия в 5 действиях, «На чужини»—драма, „Выхованець"—комедия, «Не поможуть и чары, як хто кому не до пары»—драма и «Святий вечір»—сцена в 1 действии—доставили их автору некоторую литературную известность и возможность стать членом Общества драматических писателей и композиторов, но, кроме последней, не увидели печатного станка и света рампы.

Они были написаны еще тогда, когда малорусский язык был запретным для печати а украйнофильство считалось тягчайшим политическим преступлением. А потом нашему автору стало вообще не до литературных работ...

Драматические произведения Н. А. Янчука не претендуют на особенную новизну или оригинальность ни по форме, ни по

содержанию. В общем они продолжают ту традицию украинского театра, которая намечена задолго до Н. А. Янчука. Стоит только отметить, что и в драмах нашего писателя сквозят этнографические его симпатии. А основа «сільских сцен», как названо автором „Святий вечір"—народный быт Малороссии с его обрядами, обычаями, со „звіздою, конем, козою, буслом" и с колядками.

Не чуждался Николай Андреевич и переводов художественных произведений других народов, но славянского же племени. Так, еще в начале своей литературной деятельности он перевел с чешского повесть К. Светлой «Дочь каменолома». Впоследствии его привлекла к себе муза знаменитого польского романтика Ю. Словацкого, и он перевел его драму «Мария Стюарт», тоже в свое время запрещенную к постановке драматической цензурой. Надобно сказать, что переводчик взял на себя задачу не особенно благодарную. Капризная и изысканная поэзия Словацкого требует для своей передачи на русском языке большого искусства, чтобы не показаться напыщенной, вычурной и манерной. Переводчик справился однако со своим предприятием более или менее удачно. Его перевод передает точно тот несколько напряженный пафос, которым дышет драма польского поэта.

Наконец, особо заметим, что перу покойного принадлежит перевод нескольких стихотворений национального белорусского поэта Янки Купала—в том числе и того, которое служит теперь белорусским гимном.

Художник слова, Николай Андреевич обладал и другим творческим даром—музыкальным талантом, подвергшимся к тому же систематической научной обработке.

Не говоря уже о том, что эта сторона одаренности покойного ярко характеризовала его личность, она имеет и большое научное значение. В Николае Андреевиче сочетались две стихии: творца—художника и ученого—исследователя, что редко встречается в мире науки. И одна стихия не противоречила другой, а обе они взаимно поддерживали и укрепляли друг друга.

Еще А. А. Потебня в шестидесятых годах справедливо указал, что для того, чтобы правильно понять нашу песню, нужно изучить ее всю в целом, как она нам дана. Но в большинстве случаев этого не наблюдается, и изучению подвергается лишь одна сторона—словесный материал. А ведь в песне важно именно то, что она—песня, музыкальное произведение.

Музыкальная сторона устных песен привлекала к себе уже давно внимание наших композиторов. Но им, при всем их знании музыки, не доставало за то внимания к словесному материалу песен. Таким образом, эти два неразрывно связанных в песне элемента—слово и мелодия—при изучении искусственно разъединялись, и благодаря этому мы, действительно, не имеем полного и подлинного представления о песне.

Николай Андреевич в этом отношении представлял редкое и счастливое исключение, и он знал и понимал устную поэзию не только аналитически, а и синтетически.

Им редактированы два выпуска «Школьного сборника русских народных песен» и «Школьный сборник белорусских народных песен.»

Им были организованы этнографические концерты из песен разных народов. И к своей затее Николай Андреевич сумел привлечь крупные артистические силы, зажечь их тем же огоньком любви к народному творчеству, каким горел сам. Он вырабатывал тщательно и внимательно программы концертов, выступая на них с пояснительными вводными словами, гармонизовал и инструментовал отдельные песни. Эти концерты пользовались значительным успехом у публики, особенно в последнее время, и это как бы окрыляло Николая Андреевича и придавало ему бодрости.

В этой родной и близкой ему области Николай Андреевич, обыкновенно спокойный и несколько медлительный, значительно оживлялся, воодушевлялся и говорил языком пропагандиста и агитатора.

Целый ряд записок и брошюр составлен им в разное время, все по тому же поводу—о необходимости изучения народной музыки. С теплым чувством вспоминает он о пионерах этого дела, кн. В. Ф. Одоевском и Т. И. Филиппове, в программах для собирания народных песен подчеркивает необходимость записывания мелодий и напевов, как они есть, во всей их неприкосновенности.

Но, как ученый и как трезвый человек, он знает, что нельзя ограничиться одними лишь пожеланиями, что надобно создать для выполнения их подходящие условия. С этой целью организуется Музыкальная Комиссия при Этнографическом Отделе Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

Но Музыкальная комиссия об'единяет только небольшой кружок специалистов. А Николаю Андреевичу думается, что изучение народной песни—дело всей культурной части общества.

И он пишет «Записку о введении преподавания народной музыки в консерваториях и музыкальных училищах». Здесь он указывает, что для правильного уразумения народной музыки далеко недостаточно изучения теории и практики музыки в тех рамках, как они представлены в настоящее время в этих учебных заведениях. Они имеют дело исключительно с музыкой корифеев, на ней воспитывают и себя самих. Но такое изучение не может дать верного подхода к музыке народной, у которой свои специфические особенности и свойства. Необходимо ввести преподавание народной музыки в курс обязательных предметов в консерваториях и музыкальных школах. Это тем более естественно, что в

основе всех наук и искусств лежит «преемство идей, выработанных многовековою жизнью человечества». И если другие науки давно уже обратились к изучению прежде всего народной жизни, то почему же музыкальной науке отставать от них...

Николай Андреевич ставит вопрос еще шире. Он полагает, что настало время учредить подобные же кафедры и в университетах, чтобы невозможным стало появление прекрасных музыкант в, обнаруживающих полное невежество в области этнографии, или прекрасных этнографов—невежд в музыке.

Не знаю, повлияла ли „Записка" Николая Андреевича на постановку преподавания в музыкальных учебных заведениях, но что касается до университетов, то могу смело сказать, что при всех реформах в этой области дело остается по прежнему в полной неприкосновенности. Можно, конечно, привести в оправдание современного положения вещей соображения о неимении соответствующих преподавателей, средств и т. п. Но соображений против выставленного Н. А. Янчуком положения привести, конечно, нельзя. И оно остается во всей своей непоколебимости и до сих пор. Очевидно, оно еще ждет лучших дней...

Наконец, не чужда была Николаю Андреевичу еще одна область искусства—на этот раз изобразительного. Он посвятил интересную статью памяти знаменитого архитектора екатерининских времен—Василия Ивановича Баженова, того славного зодчего, слава которого вдруг вспыхнула ярким пламенем и потом была так же внезапно погашена рукой самовластной императрицы, напуганной связями Баженова с массонством, а пожалуй больше—с наследником престола Павлом Петровичем. И эта операция была проделана настолько искусно, что крупнейший, быть может, из всех зодчих XVIII столетия, Баженов, совершенно был позабыт и неизвестен русскому обществу. Даже по случаю юбилея Академии художеств, когда особенно припоминались ранние годы ее существования, Баженов остался в тени. Работа Николая Андреевича и берет на себя задачу воскресить перед нами, людьми XX века, скромный образ мистика—творца знаменитого «Пашкова дома» в Москве. (Ныне дом Румянцовского музея—именно его центральная часть. Не потому ли й принялся за свою работу о Баженове Николай Андреевич. что имя Баженова так тесно связно с дорогим нашему этнографу Музеем?...)

При всей разносторонности и при всем разнообразии научных интересов покойного ученого, одна отрасль знания влекла его к себе в большей степени, чем другие: это этнография и все, что с ней соприкасается в той или иной мере, антропология, археология. Вот почему, не будучи специалистом антропологом или археологом, Николай Андреевич занимался, однако, и той, и другой, наукой но лишь попутно и поскольку эти дисциплины имеют отношение к этнографии.

Так, вопросам археологии им посвящены статьи: «Археологическо—этнографическая поездка в Седлецкую губернию» («Памятная книжка Седлецкой губ. на 1892 год»), „Раскопки в Горбах Лубенского уезда, Полтавской губернии“ („Дневник занятий Археологического с‘езда 1902 года“), „Доклад Военно-историческому обществу об осмотре места Полтавской битвы и Шведской могилы“ („Русский Архив“ 1909 года), „Курганы Люблинской губернии“ („Археологические Известия и Заметки“ 1898 г. № № 11 и 12); а антропологии: „ К вопросу об антропологическом типе Белоруссов“, „Об антропологическом типе литовцев“ „Новые данные о Литовских татарах“ (в „Трудах Антропологического Отдела Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии“), „К антропологии малоруссов—подлясян“ („Сборник в честь 70-ти летия Д. Н. Анучина“).

Все эти небольшие заметки, как мы видим, вращаются в круге специальных и малозаметных вопросов. И Николай Андреевич отмежевывает себе в них наиболее близкую для него область —юго-западную часть России. Все эти статьи отличаются большой детальностью и хорошо характеризуют манеру работы своего автора. Наметив себе какой-нибудь вопрос, он старается обставить его доказательствами в возможно полной мере. Но если таких аргументов не хватает, Н. А. Янчук оставляет вопрос открытым, указав лишь кажущийся ему верным путь разрешения.

Мы видели, что всеми отмеченными выше вопросами Николай Андреевич занимался в разные поры своей жизни и спорадически. Этнография была всегда во все его дни его любимым занятием. Ею он открывал свой научный путь, ею он и завершил его.

Еще молодым человеком в 1887 году в „Трудах Этнографического Отдела“ он поместил „Описание полного свадебного ритуала у малоруссов Карницкого прихода“. Таким образом начинающий ученый подошел к трудной и сложной задаче этнографии сразу верной дорогой, начав с того, что было ему близко, родственно еще с детства. Это описание старается возможно точно передать все особенности довольно сложного свадебного ритуала. Постепенно интересы молодого этнографа расширяются—сначала за пределы родного села, он дает описание быта малоруссов Седлецкой губернии („Этнографический очерк Седлецкой губернии“ в „Пам. кн. С. г. на 1890“), рождественского вертепа („Szopka w Kornicy“, Wisla, 1884 г.) и т. д., потом и за пределы родного края, пока, наконец, Николай Андреевич с тоже ныне уже покойным Н. Н. Харузиным не издает огромной „Программы для собирания этнографических сведений“.

При видимой скромности заглавия, это в действительности об‘емистый труд, занявший целый том (VIII) «Трудов этнографического отдела». Он потребовал, очевидно, от составителей громадной подготовительной работы и содержит в себе подробнейшее

руководство к собиранию этнографических сведений в самых широких размерах. По громадному количеству заключающегося в «Программе» материала пользоваться ею на практике нелегко, особенно начинающему этнографу, но проштудировать ее внимательно необходимо всякому, кто желает приступить к научным этнографическим занятиям, которые невозможны без непосредственной черной работы по собиранию материалов. К сожалению, «Программа» в настоящее время является библиографической редкостью. Было бы очень полезно переиздать ее, подвергнув некоторой переработке.

Наконец, Николай Андреевич принял деятельнейшее участие в задуманной популярным не так давно издательством Гроссман и Кнебель серии учебных пособий для школ разного типа по истории, естествознанию, географии и т. п. Его перу принадлежит об'яснительный текст к таблицам «Народы России». Однако, этот текст перерос рамки простой сухой номенклатуры. Это ряд живо и популярно написанных очерков по этнографии России, составленных большим знатоком дела.

Можно думать, что Николай Андреевич с присущим ему художественным вкусом приложил свою руку и к иллюстративной части—как в выборе материала для таблиц, так и в его компановке (материалом послужили богатейшие коллекции Дашковского этнографического музея).

Эти этнографические интересы Н. А. Янчука и его художественные запросы неизбежно должны были привести его к занятиям устной поэзией. Так и случилось.

Ряд статей посвящен Николаем Андреевичем именно устной поэзии. Так, он обращает внимание на остававшиеся в течение долгого времени (и не основательно) совершенно в стороне от взоров исследователей рукописные песенники («Из старинных рукописных малорусских песенников»), которые однако, дают богатый материал для истории нашего современного стихотворчества, как показали работы В. Н. Перетца.

Большая внимательность и осторожность сказываются в этих работах Николая Андреевича. Подметив интересную черту, он анализирует ее до конца. Так, он разоблачает перед нами мнимую народность нескольких белорусских песен исторического и мифологического содержания, долго слывших таковыми у предшествующих этнографов, но ведущих свое происхождение от сравнительно очень поздних времен и официальных источников. Николай Андреевич отмечает и эти источники—«Опыты в русской словесности воспитанников гимназий Белорусского учебного округа, напечатанные по приказанию г. министра народного просвещения» (Вильно, 1839 г.). Таким образом, эти школьные упражнения в quasi-патриотическом духе, созданные в целях руссификации и потому получившие официальное одобрение, а оттуда вошедшие

и в обиход некоторых групп (отнюдь не «народных») ввели многих этнографов в заблуждение, пока поиски Н. А. Янчука не вскрыли истинной их подоплеки.

Устной же поэзии посвящена статья Николая Андреевича в «Сборнике в честь В. Ф. Миллера»: «К истории и характеристике женских типов в героическом эпосе».

Устная поэзия служила Николаю Андреевичу как бы мостком к истории литературы в тесном смысле слова. И хотя здесь работы Н. А. Янчука и немногочисленны, но стоит все же их отметить.

Это прежде всего ряд заметок о Пушкине, Кольцове, Тургеневе, небольших, как бы случайных, но всегда отмечающих какую-либо интересную деталь, опущенную другими исследователями, подробность биографического характера или касающуюся литературной истории, каких-нибудь произведений наших известных писателей («Литературные заметки», «Изв. Отд. русск. яз. и слов.», т. XII, 1907 г., кн. 4).

В статье «К вопросу об отражении апокрифов в народном творчестве» (там же, кн. 1) Николай Андреевич касается взаимоотношений между древнерусской письменностью и устным творчеством опять-таки юго-запада Руси.

Не чужд был покойный этнограф и вопросов славяноведения. На заре своей ученой деятельности он посвятил обстоятельную статью одному из интереснейших и крупнейших представителей так называемого славянского возрождения—Смоляру. Но статья брала несколько шире, нежели говорило ее заглавие. Она затрагивала вопрос о славянской культуре в ее целом, о славянском единстве, но, конечно, не на почве политического насильственного слияния, а на почве свободного культурного взаимообщения. И это еще в восьмидесятых годах...

Впоследствии Николай Андреевич возвратился опять к этому вопросу в статье «Австрийские славяне» в известной «Книге для чтения по истории средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова.

Чуждый национальных и политических предрассудков, Николай Андреевич был истый народолюбец, но не славянофильского, не официального и не народнического толка. Выйдя сам из «народа», он хорошо и непосредственно знал быт и нравы этого „народа", а пройдя основательную научную школу, он научился и обосновывать научно свои симпатии и антипатии. Он полюбил народ в его целом, как известный культурный комплекс. И он с любовью останавливается на поляке А. Киркоре, малороссе Н. И. Стороженке, великороссе Н. Н. Миклухо-Маклае, белоруссе Я. Купале. Но этот эклектизм—не холодное бесстрастие безучастного постороннего зрителя,—это живая любовь ко всему тому, что характеризует данную нацию в целом.

В частности, Николай Андреевич был одним из немногих ученых, занимавшихся специально изучением Белорусской культуры. Мы уже видели, что сделано им по части изучения белорусской археологии, антропологии и этнографии. Остается добавить только немногое. Он был первый, открывший в Московском университете, этом старейшем рассаднике русской культуры, курс истории белорусской литературы, и таким образом он первый пускал в широкое обращение почти неизвестные дотоле культурные ценности.

Он радостно приветствовал первые лучи свободы. «На этот раз уже никакие—ни явные, ни тайные—злые силы не заглушат того, что возлелеяно самим народом и что сделалось насущною потребностью его духовного существования. Слишком много всевозможного литературного материала пущено в народный оборот, чтобы можно было уничтожить белорусскую литературу, не уничтожив самой народности»,—восклицает он («Несколько слов о новейшей белорусской литературе», в «Сборн. общества славянской культуры»).

И Николай Андреевич ревностно старался в меру сил своих и знаний поддержать те добрые силы (говоря его словами), которые помогли бы молодой белорусской культуре стать на твердую почву.

А силы уже были на исходе. Многолетняя неблагодарная работа русского ученого, суровые лишения последних лет сделали свое дело. Но Николай Андреевич не терял бодрости духа. Он живо откликнулся на призыв послужить еще раз тому делу, за которое он так давно ратовал. Он стал профессором Белорусского университета и уже начал читать курс истории белорусской литературы.

Но подкрался злой недуг,—и Николая Андреевича не стало.

Он умер, как часовой на посту: он заболел, возвратившись из поездки в Минск и готовясь к очередному выезду туда же. Но этому не суждено уже было совершится. Смерть взяла свою жертву.

Список трудов Н. А. Янчука.

А. Литературные произведения.

I. Оригинальные.

1. «Пилип—музыка», ком. в 5 актах, 1887.
2. «Выхованець», ком.
3. «На чужини», драма.
4. «Не поможуть и чары,як хто кому не до пары», драма.
5. «Святий вечір,» сцена в 1 д. 1916.

II. Переводы.

1. К. Светлая. «Дочь каменолома». Пов., с чешск. (Газета Гатцука»).

2. Ю. Словацкий. «Мария Стюарт», драма с польск. 1916.

3. Я. Купала. 4 стихотворения (в сборнике стихотворений Я. К. под ред. И. А. Белоусова, 1919), с белорусск.

Б. Научные работы.

1. Szopka w Kornicy—Польско-малорусский рождественский «Вертеп» в с. Корницах Константиновского уез., Седлецкой губ., Wisla, 1884, IV.

2. Из истории возрождения западных славян (по поводу смерти мужицкого патриота этнографа Смоляра). Ж. М. Н. П. 1885, № 5.

3. По Минской губернии. Минский Листок, 1886—87 г. г.

4. Малорусская свадьба в Константиновском уез., Седлецкой губ. (по собранным лично материалам, с нотами). Труды этнограф. Отд. Общ. любителей Естествознан., антропологии и этнографии, т. VII. 1886.

5. Описание полного свадебного ритуала у малоруссов Корницкого прихода. Там же, 1887.

6. По Минской губернии. Археолого-этнографические путевые заметки из поездки 1886 г. Труды, т. IX, 1889.

7. Адам Киркор, ученый исследователь Белоруссии и Литвы. Краткий очерк его жизни и деятельности. Труды Москов. Археологического общества, т. XII. 1888.

8. К вопросу об антропологическом типе белоруссов. Труды Антропологического Отд. Об. Л. Е., А. и Э., т. XII, 1890.

9. Об антрипологическом типе литовцев. Там же.

10. Новые данные о литовских татарах. Там же.

11. Этнографические очерки Седлецкой губернии. Быт малоруссов Седлецкой губ. Памятная книжка Седлецкой губ. на 1890 г.

12. Малорусская свадьба. Там же, на 1891 г.

13. Польские ученые музыканты и этнографы I. О. Кольберг. Этнографическое обозрение. 1889. № 2.

14. Археологическо-этнографическая поездка в Седлецкую губ. Памятная книжка С. г. на 1892 г.

15. Курганы Люблинской губернии. Археологич. известия и заметки, 1898 г., №№ 11-12.

16. Австрийские славяне. Книга для чтения по истории ср. веков, под ред. П. Г. Виноградова, ч. III. 1899.

17. Программа для собирания этнографических сведений. Труды Этн. Отд., т. VIII.

18. К истории и характеристике женских типов в героическом эпосе. Сборник в честь В. Ф. Миллера. Труды Этн. Отд., т. XIV. 1900.

19. Из польской литературы. «Мария Стюарт» Ю. Словацкого. К юбилею Ю. Словацкого. «Под знаменем науки», сб. в честь Н. И. Стороженка. 1902.

20. Литературно-украинские симпатии Н. И. Стороженка. «Памяти Н. И. Стороженка».

21. Доклад Археологическому С'езду 1902 года о раскопках в Горбах Лубенского уезда Полтавской губ. Дневник занятий С'езда.

22. Из старинных рукописных малорусских песенников. Киевская Старина.

23. Старое Ваганьково и б. дом Пашкова.

24. Записка об изучении народной песни и музыки и о деятельности Московской Музыкально-Этнографич. Комиссии. Труды Музык. Комис. Эти. От., т. I. 1905.

25. Записка о введении преподавания народной музыки в консерваториях и музыкальных училищах. Там же.

26. Программа для собирания народных песен и других музыкально-этнографических материалов. Там же.

27. Князь В. Ф. Одоевский и его значение в истории русской церковной и народной музыки. Там же. 1906.

28. Народы России. Приложение к атласу, изд. т-вом Гроссман и Кнебель. 1905.

29. Костомаров и Петрарка в театре. Чтения в Общ. истории и древностей. 1906.

30. К вопросу об отражении апокрифов в народном творчестве. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук., 1907, кн. 1.

31. Литературные заметки, там же, кн. 4.

32. Доклад Военно-Историческому Обществу об осмотре места Полтавской битвы и Шведской могилы в 1909 г. «Русский Архив» 1909.

33. Певец Украины. «Русские Ведомости». 1910 г.

34. О мнимо-исторических белорусских народных песнях исторического и мифологического содержания. Сборник в честь Н.Ф. Сумцова. Сборн. Харьков. Истор.-филол Общества, т. XVIII, 1908 г.

35. Польские ученые музыканты и этнографы. II. А. Хыбиньский. «Музыка и жизнь». 1911 г.

36. К антропологии малоруссов-подлясян. Сборник в честь Д. Н. Анучина. 1913 г.

37. Н. Н. Миклухо-Маклай и его ученые труды. К 25 летию его кончины. (1846-1888). Ж. М. Н. П. 1913.

38. Н. Ф. Щербина, как этнограф. Ж. М. Н. П. 1913.

39. Несколько слов о новейшей белорусской литературе. Сборн. Общества Славянской Культуры. 1913.

40. Народная песня и ее изучение. Ж. М. Н. П. 1913.

41. Знаменитый зодчий XVIII века В. И. Баженов и его отношение к масонству. 1737-1799. Ж. М. Н. П. 1916 г.

42. О музыке былин. Памятники мировой литературы, изд.

М. и С. Сабашниковыми. Былины, под. ред. М. Н. Сперанского, т. II, 1919 г.

В. Редакция.

1. И. Житецкий. Астраханские калмыки. Труды Этногр. Отд., т. VII.

2. В. Добровольский. Смоленский Этнографический Сборник. Изд. Географич. Общества.

3. А. Листопадов. Песни донских казаков. Труды Донского Статистического Комитета.

4. Школьный сборник русских народных песен Изд. Муз.-Этногр. Ком. Этн. Отд.

5. Белорусский школьный сборник народных песен.

6. Очерки белорусской литературы. В. I. Новейшая литература. И. Святицкого (Перу Н. А Янчука принадлежат примечания и вся глава «Новейшая белорусская литература и ее деятели»). 1920. [1])

Г. Ненапечатанные работы.

1. Отзвуки великорусского былинного эпоса в малорусской народной поэзии.

2. Археолого-этнографическая поездка в Рязанскую губернию летом 1921 года.

3. Курс истории белорусской литературы, читанный в Московском Университете в 1919-20 и 1920-21 г. г.

В список не вошли бесчисленные рецензии, помещенные Николаем Андреевичем в «Этнографическом Обозрении» за разные годы как за полной подписью, так и под инициалами Н., Н. Я., Я. и без всякой подписи [2]).

ОТ РЕДАКЦИИ Редакции «Трудов» известен еще один некролог покойного профессора Бел. Гос. унив-та Н. А. Янчука, написанный (на украинском языке) акад. Сумцовым: «Мiкола Андрiевич Янчук» (в органе Научного Комитета Укрглавпрофобра «Наука на Украине», № 3 июнь 1922 г. стр. 282—285.

---

[1]) За любезное предоставление в мое пользование многих работ Николая Андреевича для настоящей статьи выражаю глубокую признательность ак. М. Н. Сперанскому.

[2]) Краткая автобиография Н.А. Янчука находится в «Словаре членов Общества Любителей Российской Словесности», изданном по случаю 100 летнего юбилея Общества. М. 1911 г.

Памяти Н. А. Янчука было посвящено Торжественное заседание Музо Наркомпроса 31 января 1922 года.

С. Я. Вольфсон.

Маркс и Лассаль в переписке с Гейне.

Отношения, которые связывали Генриха Гейне с Карлом Марксом и Фердинандом Лассалем, до сих пор еще не вполне освещены историей, хотя они и представляют несомненный интерес. Кроме того, что эти отношения выявляют некоторые неисследованные до настоящего времени моменты в жизни каждого из этих трех замечательных людей, познать их особенно ценно еще потому, что на творчество Гейне явно сказалось его общение с творцом научного социализма и с борцом за идею «четвертого сословия».

Как известно, Фридрих Энгельс собирался осветить вопрос об отношениях Маркса и Гейне, но этого намерения осуществить ему не удалось. Первой из попыток исследовать указанный вопрос, если не ошибаюсь, является статья Франца Меринга «Социалистическая лирика», помещенная им в 1913 году в «Архиве Грюнберга»[1]). Несколькими, набросанными рукою мастера штрихами, рисующими отношения Маркса и Гейне, мы обязаны опять-таки Мерингу, остановившемуся на этих отношениях в своем замечательном посмертном труде «Карл Маркс. История его жизни»[2]). В настоящее время скудный материал, имевшийся по интересующему нас вопросу, обогатился ценными приобретениями. В 1920 году Густавом Майером опубликованы три доселе неизвестных письма Маркса к Гейне. В то же время Майер приступил к выпуску литературного наследства Лассаля, извлеченного его неутомимой энергией из замка Зомберга в Рейнгау, где оно около шести десятков лет хранилось под спудом, при чем факт его существования был почти никому не известен. В первом из пяти томов литературного наследства Лассаля, к изданию которого приступил Майер, опубликованы два письма, полученных Лассалем от Гейне. Так

---

[1]) Franz Mehring. Socialistische Lyrik. Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung. Herausg. von Dr. Carl Grünberg. Vierter Jahrgang. 2 Heft. Leipzig. 1913.

[2]) Фр. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. Пер. Зин. Венгеровой. Птг. 1920. Стр. 63 и сл.

как на русском языке ни письма Маркса к Гейне, ни письма Лассаля к нему еще не появились, мы считаем уместным привести их [1]).

I.

Письма Маркса к Гейне, остававшиеся до сих пор неизвестными, представляют собою тем большую ценность, что это вообще *единственные* письма Маркса к Гейне [2]). Все три письма не имеют даты, но по содержанию не составляет труда установить время их написания. Первое письмо писано в Париже накануне того, как Маркс вынужден был оставить столицу Франции. Как известно, предписание о высылке его из Парижа Маркс получил 11 января 1845 года и оставил его через несколько дней, следовательно письмо относится к середине января 1845 года (Густав Майер допускает здесь *явную и непонятную ошибку*, считая, что письмо писано в январе 1844 года). Письмо написано с целью привлечь Гейне к сотрудничеству в журнале «Rheinische Jahrbücher». Оно показывает, как сильны были нити интимной дружбы, связывавшей Маркса с Гейне.

Второе письмо написано очень скоро по приезде Маркса в Брюссель и относится, повидимому, к последним числам января, во всяком случае не позже, чем к началу февраля 1845 года. Майер полагает, что стихотворение «Die Deutsche Flotte», о присылке которого просит Маркс, есть не что иное, как известное «Unsere Marine» («Wir traumten von einer Flotte Jüngst...») Третье из приводимых писем переслано было Марксом Гейне через П. В. Анненкова, как известно, бывшего в дружественных отношениях с Марксом, талантливую характеристику внешнего облика которого он впоследствии дал. Письмо это дает ответ на вопрос о позиции, которую Маркс занял в известном конфликте Гейне—Берне. Как явствует из письма, Маркс безоговорочно занял сторону Гейне и был глубоко возмущен опубликованием наследниками Берне, с целью опорочить Гейне, некоторых из писем, хранив-

---

[1]) Письма Маркса к Лассалю приведены в статье: Drei Briefe von Karl Marx an Heinrich Heine. Mitgeteilt von Gustav Meyer (Berlin. Archiw für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung. Herausg. von Dr. Carl Grünberg. Neunter Jahrgang. 1 Heft. Leipzig 1920. Письма же Гейне к Лассалю—в книге: Ferdinand Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften. Herausg. von Gustav Meyer. Erster Band. Briefe von und an Lassalle bis 1848. Deutsche Verlagsanstalt in Stuttgart und Julius Springer in Berlin.

[2]) Мы подразумеваем неизвестность этих писем широкой публике, но можно полагать, что они были, напр., в руках у Меринга. На эту мысль наводит сравнение третьего из приводимых писем со следующим местом из Марксовой биографии Меринга: „По мнению Маркса, в немецкой литературе никогда не было примера такого дурацкого отношения, какое обнаружили христианско-германские ослы к сочинению Гейне о Берне, хотя ослов было достаточно во все времена".—(Стр. 63).

шихся в архиве Берне. Опубликование этих писем, оказывается, внушило Марксу мысль выступить со специальной статьей относительно книги Гейне о Берне, но сделать этого ему не удалось.

Письмо первое.

Милый друг!

Я надеюсь, что у меня завтра еще будет время, чтобы увидеться с Вами. Мой от'езд произойдет в понедельник.

Книготорговец Лезке сейчас был у меня. Он издает в Дармштадте трехмесячник, свободный от цензуры. Я, Энгельс, Гесс, Гервег, Юнг и др.—сотрудничают в нем. Он просил меня обратиться к Вам по поводу Вашего сотрудничества—поэзией или прозой. Вы наверное не откажетесь от этого, ибо мы должны использовать всякую возможность, чтобы водвориться в самой Германии.

Я здесь оставляю многих знакомых, но разлука с Гейне—наиболее неприятная. Я бы охотно захватил Вас с собою. Передайте привет от меня и от моей жены Вашей супруге.

Ваш

К. Маркс.

Письмо второе.

Брюссель. Rue Pacheco напротив госпиталя Св. Жана № 35.

Милый Гейне!

Вы простите меня, если, занятый множеством таможенных хлопот, я пишу Вам сегодня только несколько строк.

Пюттман в Кельне поручил мне попросить Вас все же прислать для выходящего в Дармштадте *без цензуры* ежегодника несколько стихотворений (быть может, также Ваш «Германский флот»?). Вы можете это переслать по моему адресу. Самый продолжительный срок—у Вас, надо думать, сейчас кое-что имеется под рукою—3 недели.

Моя жена шлет Вам и Вашей супруге многократный привет. Позавчера я был в местном Управлении общественной безопасности, где должен был дать письменное обязательство—не печатать в Бельгии ничего о текущей политике.

Ренуар и Бернштейн напечатали Вашу «Зимнюю сказку» в Париже, обозначив местом печатания Нью-Йорк и здесь в Брюсселе пустили ее в продажу. Кроме того, говорят, это переиздание кишит ошибками. В другой раз—побольше.

Ваш

К. Маркс.

Письмо третье.

Мой милый Гейне!

Я пользуюсь проездом подателя этих строк, господина Анненкова, очень милого и образованного русского, чтобы послать Вам мой лучший привет.

Несколько дней тому назад мне случайно попал в руки направленный против Вас маленький пасквиль—посмертные письма Берне. Я никогда не считал его таким пошлым, мелким и нелепым, как это доказывает написанное черным по белому. И какой же жалкий вздор представляет доклад о Гуцкове и др.! Я помещу в одной немецкой газете подробную критическую статью по поводу Вашей книги о Берне. Более дурацкое отношение, чем то, которое эта книга встретила со стороны христианско-германских ослов, вряд ли можно будет указать в какую бы то ни было литературную эпоху, а ведь ни в какую германскую эпоху нет недостатка в глупости.

Быть-может, Вы имеете сообщить мне что-нибудь „специальное“ о Вашем произведении,—тогда сделайте это быстро.

Ваш

К. Маркс.

Rue de l'Alliance 5. Hors de la Porte de Louvain. Брюссель.

II.

Лассаль впервые встретился с Гейне в конце 1844 года в Париже. В течение короткого времени между ними завязались дружеские отношения и, возвращаясь в Берлин, Лассаль принял на себя поручение добиться разрешения для Гейне приехать в Германию. Этого разрешения Гейне добивался, желая посовещаться с другом детства берлинским хирургом Диффенбахом относительно своей болезни, а также для того, чтобы потребовать от своего двоюродного брата Карла Гейне в Гамбурге выплаты пожизненной пенсии, назначенной поэту его дядей Соломоном Гейне. Лассаль пустил в ход все свои связи, чтобы добиться соответствующего разрешения, однако его хлопоты успеха не имели.

После этого Лассаль считал, что Гейне ему обязан, и при случае обратился к нему за взаимной услугой. То было в начале 1846 года, когда Лассаль начал газетную кампанию против графа Эдмунда Гатцфельда, желая использовать для нее и влияние Гейне. В письме от 7 марта 1846 г. поэт отклонил предложение Лассаля, выразив даже удивление, что Лассаль обратился к нему по делу, лежащему в плоскости романов Сю. Несмотря на это, Лассаль в ноябре 1846 года обратился к Гейне со вторичной пись-

менной просьбой по тому же поводу. Как первое, так и второе из писем Лассаля, дающих очень много для его характеристики, как мы уже указали, лишь теперь увидели свет.

Письмо первое.

Милый Гейне!

Любимый друг! Этими днями я собирался съездить к Вам, чтобы посовещаться по одному очень срочному делу, в котором для меня чрезвычайно существенна Ваша помощь. Однако, сплетение некоторых обстоятельность заставляет меня это время оставаться здесь, и я не могу предвидеть, когда смогу поехать в Париж. Поэтому я вынужден изложить Вам дело в письме, хотя это влечет значительные неясности и неудобства. К тому же я не смогу удовлетворить своего страстного желания еще раз лицезреть Вас, мой милый, милый друг, увидеть Вашу многодумную голову с тонко очерченным ртом и насмешливо изогнутыми губами. Газеты и лживое обывательское карканье наверное донесли до Вас слухи о краже кассет, ее мотивах и т. д. Все, что вы могли об этом услышать, какая бы доля истины в этом ни была,—ложь. Ибо, как бы это ни было верно,—это во всяком случае, половинчато и неполно, а всякая половинчатость и не полнота—ложь. К сожалению, я не могу сообщить Вам в письме,—это было бы слишком длинно,—все подробности возмущающего душу романа, в котором я теперь нашел нужным сыграть определенную роль. Итак, краткий очерк. Величайшее восхищение ее редчайшими душевными качествами и чистейшим идеализмом преисполнило меня глубочайшим интересом и ненарушимой преданностью по отношению к графине фон Гатцфельдт. Если этот интерес и мог бы быть чем-нибудь увеличен, то это сделало безграничное возмущение, вызванное у меня неописуемым рядом жесточайших оскорблений и бесчестной подлости, которым беспрерывно с 1822 года подвергалась эта невинная и достойная удивления женщина. Единственная причина всех этих унижений заключается в том, что эта женщина чище, лучше и одухотвореннее, чем та бездушная мясная туша, с которой ее связала родственными узами несправедливая, ироническая судьба. Вы часто жаловались мне на старую, древнюю, как человеческая мысль, вечно повторяющуюся элегию. Вы жаловались на то, что погибла цветущая пора жизни, разбившись о тот огромный утес, из за которого все терпели кораблекрушение и который угрожает всем нам. То—пассивная безхарактерность, тривиальность и вероломство тех паразитов, которые все же составляют ужасающее большинство в жизни и которыми кишит мир. Другие так же страдали, как Вы, а многие и сильнее Вас. Если только большему несчастию и большей чистоте соответствует более глубокое уважение, то все мы должны обнажить головы пред несчастием этой женщины. Возмутительно не то, что она случайно

обрела мужа, который... в течение двадцати двух лет оскорблял ее так, как это совершенно невозможно описать; возмутительно вот что: у нее—два брата, которые, благодаря своему общественному положению, влиятельны среди ее шурьев и кузенов, среди всех этих князей, господ и графов: однако, ни один из них, точно так же, как и я, убежденных в низости графа и несправедливой судьбе его жены,—у меня есть тому доказательства—не встал на защиту ее прав и не позаботился о ней энергичным образом. Ради собственной выгоды и собственных удобств они ей изменяли и ею торговали. Теперь Вы узнали, что эта за семья и поймете это (обращение). Более того, эти братья до сих пор намеренно держали ее в неведении о ее законном праве и тем самым, как и помощью всякого другого средства (насилие, лишение средств к жизни), закрывали от нее законный путь борьбы с мужем... Наконец, он систематически раздаривает и разрушает их совместное имущество, которая она после его смерти привела бы в блестящее состояние. Последний из таких подарков был им сделан... некой госпоже фон Мейендорф, которая—в интересах ее мужа (его не следует смешивать с русским послом в Берлине),—долго служила в Париже как русский шпион. Дабы противодействовать этому поступку, я хотел пред'явить господину графу иск (это теперь осуществлено и дело находится в суде). Для этого было существенно получить акт дарения, который был подделан, и поэтому асессор Оппенгейм и доктор Мендельсон захотели его раздобыть.

Германская печать уже высказалась с негодованием о графе: «Aachener Zeitung» от 6 сентября, «Augsburger Allgemeine» от 21-го и «Rheinischer Beobachter» от 28-го и в особенности от 29-го сентября; этот последний номер—прилагаю. Отчасти этого еще далеко недостаточно, частью крайне необходимо, чтобы преимущественно «Journal des Debats», как вообще вся французская печать, а также и «Times» поместили об этом несколько громовых статей. Цель этих статей: 1. Всецело и беспощадно низвергнуть графа, показать ему, что он погибнет, если графиня напечатает подробную историю ее страданий. 2. Показать братьям графини, до сих пор оставлявшим ее на произвол судьбы, боясь помощью ей вызвать скандал и таким образом впутаться в это дело, что, если их сестра и в дальнейшем будет брошена на произвол, то Европа сочтет их виновными в подлости; таким образом их заставят оказать сестре существенную поддержку в заключении выгодной сделки. Поэтому статьи должны быть составлены таким образом, что они будут откровенно и беспощадно нападать на графа; в то же время они должны ясно указывать на большую моральную вину братьев, на то чувство, которого они заслуживают, благодаря их неизменному эгоизму и трусливой бессердечности. В то же время эти нападки на братьев должны быть не очень прямолинейными, так, чтобы им не был отрезан путь отступления, чтобы они не были слишком (немного не мешает) раздражены. Вместе с тем упрек их поведению должен чувствоваться очень

ясно. Указать здесь границы весьма трудно. Ваша чуткость, такт и жизненный опыт инстинктивно подскажут Вам правильный приговор. Точка зрения, с которой надлежит рассматривать эту историю, должна быть общей. Ваш прозорливый глаз очень легко разглядит социальное значение этого дела. Необходимо говорить о feudalite allemande, о brutalite allemanle и т. д. Лучше всего, если «Journal des Debats» изложит это дело со следующей точки зрения. Мы немцы, проникнутые педантической моралью, свысока и презрительно смотрели на французов и, во время их знаменитых процессов Лафарга и др., во всю глотку кричали что у нас это немыслимо. Теперь «Journal des Debats» должен рассказать эту историю и очертить преступления (как я это сделал в статье, которую поместил в «Jrenzboten», в противовес одной позорной заметке; статью эту пересылаю Вам как приблизительный образец), сказав в заключение: «События, которые мы здесь изображаем, несмотря на многопрославленную нравственность немцев и безнравственность французов, были бы невозможны во Франции. Если бы во Франции нашелся дикарь такого рода, как граф Г., то так оскорбляемая женщина, даже совершенно лишенная родственников, беззащитная и одинокая во всем мире, нашла бы, при живом чувстве чести фривольного француза, защитника в каждом постороннем. Только при тупом эгоизме и бессердечном равнодушии немцев; вместе с тем при распаде и падении нравов нашего привилегированного дворянства, возможно подобное, двадцатилетнее, жестоко противное всем законам и всему человеческому, топтание женщины, которая, ко всему тому, еще имеет среди влиятельных лиц защитников и, казалось бы, прирожденных близких родственников».

Как выше указано, линия Вашего поведения должна определиться Вашим личным тактом, равно изложенным в настоящем письме, в моей прилагаемой статье и статье в «Rheinisher Beobachter» от 29 сентября. Кроме того предлагаю Вашему вниманию печатный экземпляр искового акта о мотовстве с удостоверениями, показаниями свидетелей и т. д.

Хотя здесь изложена лишь ничтожная доля происшедшего, этого будет, однако, достаточно для того, чтобы Вы узнали про такие дела, которые вызовут у Вас удивление и негодование, а также выявят пред Вами гнусный облик графа. Я это напечатал, имея в виду, что, если создастся необходимость предать дело широкой гласности, тогда выпуск этих печатных процессуальных актов составит начало, вслед за которым непосредственно последуют мемуары графини от 1822 года. Однако до сих пор я храню эти печатные экземпляры в строжайшей тайне; я беру также с Вас твердое обещание не показывать прилагаемого экземпляра никому, кроме моего доктора [1]) и Грюна, или хотя бы

[1]) Арнольд Мендельсон.

говорить о том, что имеется такой печатный оттиск. Не следует также извлекать отсюда для сообщения в газетах фактические данные, поскольку они не содержатся уже в статье «Rheinischer Beobachter» от 29 сентября и моей прилагаемой: в противном случае Гацфельдт будет слишком определенно знать, что статьи исходят от нас. Такие статьи должны быть помещены во всех парижских газетах, прежде всего в «Journal des Debats», который произведет на семью сильнейшее впечатление. Такая же статья должна быть немедленно помещена в «Times», ибо Гацфельдт, как я слыхал, намеревается поехать в Англию; я же хочу сразу отравить ему пребывание там. Точно так же Вы должны послать аналогичные статьи во все немецкие газеты, с которыми Вы имеете связь, в первую голову, в «Augsburger Allgemeine»: также повлияйте на них, чтобы они отказались помещать статьи противоположного характера. Словом, Вы должны употребить все меры, ни минуты не мешкая, пустить в ход все Ваше влияние,—ради меня. Вы должны сделать для меня все то, чего не сделали бы даже ради самого себя. Все мое человеческое я поставлено этим делом на карту, и его счастливое окончание или, по крайней мере, публичный триумф этой бедной женщины имеет для меня больше значения, нежели все то, что затрагивает мою личную жизнь. Мы больше никогда не встретимся, если Вы тотчас, ни минуты не откладывая, не исполните моей просьбы, не взбудоражите неба и земли.

Также обратитесь к Грюну. Ознакомьте его с этим письмом и приложениями. Если личная дружба и правое дело являются рычагом, который заостряет перо и побуждает к деятельности, то пусть он, со своей стороны, моментально наполнит статьями все немецкие и французские газеты, с которыми он поддерживает связь; пусть он также побудит к этому его берлинских друзей, как К. Майера и др.

Не позже, чем через два дня по получении сего «Journal des Debats» должен поместить громовую статью. Пусть в Ваших выступлениях состязаются негодование и сарказм. Все газеты, в которых будут помещены эти статьи, будьте добры переслать мне в Кельн, адресуя poste restante господину Д. Лассалю. Даже в том случае, если Вы больны, постарайтесь не задержаться немедленным исполнением моей настоятельнейшей, убедительнейшей просьбы, посколько это позволят обстоятельства. Поймите, что мною при этой игре поставлено на карту нечто совершенно иное, нежели физическое благополучие. Если Вы были, хоть в некоторой степени, моим другом, то Вы это докажете теперь, точно также и Грюн. Повторяю, для того чтобы прием подействовал, необходимо провести его самым быстрым образом. Вы можете также перепечатать в «Journal des Debats» статью «Rheinischer Beobachter» от 29 сентября—в качестве первого сигнала. Поклонитесь от меня доктору. Я сегодня слишком занят, иначе я бы на-

писал ему. Крепко поцелуйте его в знак того, как я ценю его преданность. Передайте ему, что я также дорожу им, как своей зеницей ока. Пусть он получит 20 луидоров, которые находятся для него в Париже по адресу Д-р Нейсер—poste restante. Я их отправил отсюда 29 сентября. Вероятно, я буду продолжать оказывать ему поддержку, хотя экономно, ибо я и сам имею не слишком много средств. Пусть он остается в Париже. Я приеду туда в течение двух недель.

Ваш Друг.

На приведенное письмо Лассаля от Гейне не последовало ответа. Он лишь передал через доктора Мендельсона, что у него нет ни малейшей охоты впутываться в эту авантюру. Возмущенный поэтом Лассаль направил ему в ноябре того же 1846 года второе письмо.

Письмо второе.

Когда я вчера получил письмо доктора, в котором он в непонятных цветистых и достаточно бессмысленных фразах пространно сообщает мне, что вы не можете и не хотите, не хотите и не можете оказать мне ту небольшую дружескую услугу, которую я у Вас просил, вернее от Вас требовал,—то я был прежде всего в течение минуты как бы ошеломлен. Я был ошеломлен, как неверующий, которому пришлось столкнуться с чудом, которого не могут ни отрицать, ни об'яснить его пять чувств. Но я уверяю Вас, что я был ошеломлен лишь в течение одной минуты.

Существует поговорка, применимая при всех обстоятельствах: Nihil admirari. Почему же Вам не быть, как многие другие. Вы совершенно правы.

Должен ли я напомнить Вам о том, что я сделал для Вас, должен ли я послать Вам письмо, в котором Вы мне пишите: «никогда ни один человек не сделал для меня того, что Вы»? Должен ли я унизиться до того, чтобы рассказывать, что я для Вас сделал, ради Вас перенес, Вам принес в жертву? Конечно, нет. Укажу лишь вот что: я бы никогда не сделал для себя того, что сделал для Вас; я бы для себя никогда не обивал порогов и не клянчил у Пюклера, Варнгагена, Мейербера, Оффенбаха, Мендельсона и других, я не восстановил бы их против себя просьбами, которые так же неохотно выполняют, как их и отклоняют; я не подорвал бы тогда своего непрочного кредита дерзкими требованиями.

Неужели Вы думаете, что я тогда не знал того, что хлопотами, к тому же такими безгранично-усердными, я вредил себе. Я вредил себе даже у Ваших друзей, которых я побуждал на тягостные и неприятные шаги,—поступок, который, как Вам изве-

стно, вызывает больше всего ненависти. Можно таким образом своей настойчивостью добиться от человека определенного действия (я это и делал)—но... дерево погибло, оно уже не зацветет, никогда больше дерзкая рука не сорвет с него плодов. Все эти люди очень охотно удовлетворили бы ту или иную просьбу, если бы я был уступчив в отношении Ваших требований и с железной последовательностью не ловил их на слове. Я отдалил от себя и вызвал нерасположение всех этих людей—*ради Вас.* Вы знаете, что значит подорвать свой кредит. Это приключилось с Вашим другом. Поймите, что теперь думают Ваши враги, которыми кишит Берлин.

Я начинал тогда в Берлине общественную карьеру, я завоевал репутацию, которую умел бы использовать для себя надлежащим образом. Между тем, благодаря болтовне Пюклера и Гумбольдта, распространился слух, что я об'явился другом Гейне. Я мог бы искусно отступить и оставить Вас на произвол. Мотивы могли бы быть изложены, подобно Вам, в таком, по меньшей мере, милом письме, как присланное мне доктором; тогда я мог выиграть многое. Я этого не сделал и испытал, как много выдающихся и влиятельных лиц отвернулось от меня. У меня были хорошие отношения с Эйхгорном [1]). Он связывал некоторые предположения со мною, я с ним. Однажды он спросил меня, верно ли, что я предпринял в Ваших интересах такие-то и такие-то шаги. Однако, я был достаточно неопытен для того, чтобы предпочесть верность другу в конфликте—карьере. Я ответил утвердительно, одобрительно говорил в его присутствии о Вас, и коварные серые глазки Его Превосходительства уж более никогда не улыбались мне. И все же я— «неопытный молодой человек».

Вспомните о том радостном часе, когда мы сидели у Вашего камина. Вы сказали мне тогда: «Ах, если бы Вы почерпнули от жизни столько опыта, как я». В этих словах могло быть что-то правильное, но я никогда и не подозревал бы, что соответствующий урок я должен буду почерпнуть от Вас. Хватит об этом!

Вы думаете, что я недостаточно знаю мотивы, побудившие Вас воздержаться?

Вы мне не внушите того и не убедите в том, что Вы внушили доктору. Я для этого слишком хорошо знаю парижские условия и парижскую обстановку.

Вы ленивы, Вы знамениты, Вы бы хотели потрудиться для меня, но выступив не под своим именем.

Ваша благосклонность в этом деле может дойти до пределов, достаточных для того, чтобы поговорить по этому поводу с Вейлем, который Вам все же противен, и тиснуть статью в «Cor-

---

[1]) Министр Просвещения эпохи Фридриха Вильгельма IV.

saire Satan»[1]), однако важный Гейне никогда не поговорит с его собратом Жюлем Жаненом, не потрудится обращением в парижские редакции. И почему? Среди других об этом могла узнать графиня Мерлен, она—подруга Мейендорф, а эта и та и т. д... многие из тех, с которыми Вы лично связаны, могли бы косо посмотреть на это.

Разве это невозможно? Но ведь это оказалось возможным для графини Д'Агу. То, что она могла сделать, во всяком случае могли—и Вы; могли же вы перевести статью из «Rheinischer Beobachter» и т. д. Невозможно, Вы слышите, Гейне, без того, чтобы сблизиться с Вами, однако, если бы Вы были в финансовом затруднении и выиграли бы при этом 5.000 франков—чорт возьми меня и Вас—это оказалось бы для Вас почти возможным. Вы знаете, Гейне, что говорят филистеры всей Германии о Вашем характере? Вы знаете и что я об этом думал. Однако, говорю я Вам, поистине меж небом и землей совершаются дела и т. д.

Милый Гейне, не думайте, что я пишу в страстном возбуждении. Сегодня я чрезвычайно спокоен и хладнокровен и, если бы я был охвачен страстью, то кто же раньше всегда любовался во мне «редким соединением страсти и ясности мысли»? Только опытность оставляет меня. Пусть Бог хранит меня от последствий Вашего урока, друг.

Быть может, Ваш ответ надо оправдать Вашим болезненным состоянием. Быть может... однако это трудно сделать. Вашим состоянием еще можно было бы оправдать затуманенность Вашей головы, но мы имеем дело не с этим. Вы очень определенно проявили выжатый, вульгарный эгоизм и жалкую пустоту сердца.

Однако я хочу дать Вам еще однодневную отсрочку. Но не дальше. Я повторяю, что вы должны немедленно опубликовать в «Journal des Debats» «Times» и «Allgemeine Augsburger» такие же громовые статьи, как те, которые присланы мною. Я настаиваю на своем требовании.

Если Вы этого не сделаете, тогда пусть будет так...

Я стал несказанно равнодушен. Если Вы этого не сделаете то Мейендорф и Мерлен могут считать, что они пожали лавры, которых не удалось пожать Дионису: ради них «друг другу изменил». Ибо, если говорить напрямик, и это мое вполне спокойное высказанное мнение: Вы изменили по отношению ко мне долгу, любви и верности. Если наши отношения прервутся этим тройным вероломством, то Вы извлечете из этого несомненную пользу. Вы навсегда освободитесь от моих щекотливых требований: Вам никогда более не придется испытывать того, чтобы я обра-

[1]) Сенсационная газетка.

щался к Вам либо в дружеском, либо в враждебном, либо в равнодушном тоне. Вы все же навсегда завоюете себе почетное место в моем сознании, — я Вас поставлю во главу листа, на котором запечатлею уроки моего «жизненного опыта».

Итак, если Вы не хотите, напишите мне лаконическое «нет». Я тогда сам приеду в Париж, для того, чтобы личным присутствием добиться того, чего не мог достигнуть при Вашей поддержке. Впрочем, в этом случае Вам нечего опасаться моего посещения. Я охотно избавляю других и себя от моего присутствия, если оно только может компрометировать и тяготить кого-либо.

Впрочем, повторяю, я буду считать вполне понятным, если чашу весов, на которую брошены Ваша леность, горделивость и некоторые отношения к Мерлен и др., Вы предпочтете той, на которой находится лишь сомнительная польза, которую можно извлечь от меня. Каждый имеет неоспоримое право выбора неизменного спутника свободы, которой я не хочу Вам отравлять.

Мой друг пишет мне, что Вы были раздосадованы большим почтовым расходом, впали даже из за этого в ярость. Тысяча извинений. Я никогда не полагал, что такой расход для друга может расстроить Ваши финансы. Я прилагаю при сем возмещение расходов. Это письмо я позволяю себе отправить еще по старому адресу и неоплаченным, а теперь с Богом. Привет.

Лассаль.

Этим письмом были порваны сношения Фердинанда Лассаля с Гейнрихом Гейне. Они в своей жизни еще раз, правда, обменялись письмами. Гейне обвинил Лассаля в каких-то делишках своего шурина Фердинанда Фридлянда. Лассаль энергично отбросил это обвинение в деле, к которому, надо сказать, он не имел ни малейшего отношения. Это было в 1850 году.

Публикуемые письма дают новый ценный материал в руки исследователя не совсем до сих пор разгаданной личности глашатая идей «четвертого сословия».

И. Ю. Маркон.

Страна „Шабат" в Хожении за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 г.г.

> А Русская земля—да сохранит ее Бог
> Боже, сохрани ее!
> В этом мире нет такой прекрасной
> страны.
> Да устроится Русская земля.
>
> *Афанасий Никитин.*

I.

В качестве профессора еврейской литературы Белорусского Государственного Университета я избрал для первой своей статьи в «Трудах» тему, имеющую отношение и к русской литературе. Выбор этот—не случайный; я желаю этим указать на характер той школы гебраистов, которую я имею в виду создать в Белорусском Университете.

Мне представляется, что долг каждого русского ученого, в частности филолога-ориенталиста, помимо работ в своей области, внести свою посильную лепту и в раз'яснение различных вопросов русской истории и истории русской литературы, которые могут быть освещены данными из той литературы, специалистом которой он является.

Так смотрела на это целая плеяда русских риенталистов: Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, П. С. Савельев, Н. В. Ханыков, В. В. Григорьев, А. К. Казембек, И. Н. Березин, Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави, В. В. Вельяминов-Зернов, бар. В. Р. Розен, В. Д. Смирнов, Н. И. Веселовский, бар. В. Г. Тизенгаузен и др., которая на основании документов и памятников на арабском, персидском, турецком, татарском, еврейском] языках частью разработала различные вопросы русской истории, частью дала в переводе на русский язык материалы, которыми могли воспользоваться специалисты по русской истории.

К ряду таких работ следует отнести и труды византинистов, филологов-классиков и германистов, как Г. С. Дестунис. В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский. В. В. Латышев. М. И. Ростовцев, А. И. Малеин, Ф. А. Браун и др.

Влияние евреев и еврейской литературы на древне-славянскую вообще и древне-русскую в частности,—как чрез византийскую, так и непосредственно,—несомненно. Это влияние начинается еще у колыбели древне-славянской письменности: с евреями приходили в соприкосновение славянские первоучители Кирилл и Мефодий; далее митрополит Иларион, автор «Слова о Ветхом и Новом Завете», и Феодосий Печерский. Следы близкого знакомства с евреями мы находим в Летописи Нестора и в его «Житии Феодосия Печерского», в Киево-Печерском Патерике, Русской Правде и т. д.

Целые отделы как византийской, так и древне-славянской и русской письменности могут быть в достаточной степени исследованы лишь при помощи гебраистов.

Важно также выяснить взаимное влияние еврейских и русских народных легенд, верований, сказаний, заклинаний, поверий, обрядов и пр., которое очень сильно как раз в Белоруссии.

Вышеуказанные точки соприкосновения еврейской и древнерусской письменности, а равно и фольклора, отмечены выдающимися исследователями русской литературы, языка и этнографии, как Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин, Александр Н. Веселовский, И. Я. Порфирьев. А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, В. Н. Перетц и др., и в настоящее время представляется широкое поле для русских гебраистов с серьезной научной подготовкой, которых, хочу надеяться, выпустит еврейская секция этнолого - лингвистического отделения Белорусского Университета и которые, будем верить, посвятят свои силы, между прочим, на освещение многих вопросов истории, литературы, фольклора и этнографии как русской вообще, так и белорусской в частности. Этим они окажут несомненную услугу той народности, с которой судьба свела евреев к дружному и мирному сожительству в течение многих столетий; это также послужит и в будущем залогом прочного единения еврейской народности с белоруссами, ветвью единого нераздельного великого Русского народа.

Хожение Афанасия Никитина за три моря (в 1466—1472 г.г.), открытое Карамзиным при одной летописи в библиотеке Троице-Сергиевого монастыря, является чрезвычайно важным и интересным памятником древне-русской письменности. Его интерес и значение понимали уже и современники: путевые записки, или «тетради», Никитина не только часто переписывались, но и были включаемы, наряду с другими важными историческими докумен-

тами и сказаниями, в состав летописей. Помимо историко-литературного значения «Хожения», *Карамзин* [1]) отметил и обще-европейское его значение в ряду путешествий по Востоку.

«Хожение» было издано три раза:

1. Во 2-м томе «Софийского Временника» (с пропусками) под 1475 годом *П. М. Строевым.*

2. Во 2-м томе «Сказаний Русского Народа» (СПБ. 1849 г. Книга осьмая. Путешествия русских людей, стр. 170—182) *И. П. Сахаровым*, воспользовавшимся списком, помещенным в «Софийском Временнике», и отрывком, помещенным Карамзиным в Истории Государства Российского: два пропуска дополнены по неполному списку, находившемуся в библиотеке Сахарова. «При всем том, указывает Сахаров, текст путешествия остается с пропусками. Полного списка я не мог отыскать». В конце (стр. 181—182) Сахаров приводит сообщенную ему М. П. Погодиным из бумаг К. Ф. Калайдовича записку, в которой непонятные слова (на восточных языках) в «Хожении» об'яснены были знаменитым ориенталистом академиком *Френом.*

3. В 6-м томе «Полного Собрания Русских Летописей» (Изд. Археогр. Комиссии, СПБ. 1853). Софийские Летописи (в двух редакциях):

а) стр. 330—345 ав. Троицк. IV. Арх. XVI (Воскр.).

б) стр. 345—354 cd. Унд.

В этом издании имеются подстрочные примечания *Я. И. Бередникова* и в конце (стр. 354—358) об'яснения *А. К. Казембека.*

По изданию Строева *Д. И. Языков* напечатал немецкий пересказ «Хожения» в Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands, IV Band (Leipzig, 1835, XLVIII, S. 481—502, под заглавием: «Reise nach Indien unternommen von einem Russischen Kaufmann im 15 Jahrhundert».

Существует также английский перевод графа *Виельгорского* в издании R. H. Major, Jndia in the Fiftecnth Century being a collection of Narrativves ot voyages to Jndia. (London. Printed tor the Hakluyt Society MDCCCLVII),

Не утратившее своего значения и до настоящего времени блестящее исследование „Хожения" дал академик *И И. Срезневский*, [2]) в котором он с необыкновенной эрудицией и остроумием детально комментирует этот памятник и сравнивает сообщения

---

[1]) См. Истор. Госуд. Рос., т. VI, конец VII главы и примечание 629.

[2]) Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472. Чтения И. И. Срезневского (СПБ. 1857. Отдельные оттиски из II-й книги Ученых Записок, изд. Вторым Отделением Академии Наук).

Афанасия Никитина с восточными сказаниями и записками итальянских и пиренейских путешественников XV и XVI веков.

Громадное значение „Хожения“ Никитина в мировой литературе определяется следующими словами *Срезневского* [1] Только записки *Васко де Гама*, [2]) из числа всех путевых записок Пиренейских, относящихся к XV веку, могут итти в сравнение с записками нашего Никитина, и то в сравнение очень неровное: Васко де Гама был в Индии спустя четверть века, и то только в одном городе при море, в городе, о котором сделал несколько заметок и Никитин. Венецианец *ди Конти* (1444 г.), Тверич *Никитин* (1472 г.) и Синесец *де Гама*—вот от кого остались важнейшие записки об отдаленных странах южной Азии XV века, осветляемые одне другими. Путешествие последнего несравенно значительнее по последствиям, за то наблюдения двух первых гораздо ценнее по обилию и содержанию. — и Никитин в этом отношении должен быть поставлен выше ди Конти...

Срезневский предполагал [3]) дать издание «Хожения», но к сожалению, это не осуществилось.

После Срезневского появилась другая работа, посвященная исследованию записок Никитина,—известного санскритолога проф. *И. Минаева* «Старая Индия. Заметки на Хожение Афанасия Никитина» (Спб. 1882) [4]).

В этой интересной работе проф. *Минаев* разбирает и комментирует сведения сообщенные Никитиным относительно Индии, которые являются важным источником для истории этой страны.

В 1916 г. появилась работа молодого ученого синолога А. Е. Любимова: «Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина (1466—1472 г.)» [5]).

В 1918 году пишущим эти строки был прочитан в Восточном Отделении Русского Археологическаго Общества доклад «Страна Шабат в Хожении Афанасия Никитина».

Свой доклад в более разработанном виде я готовлю для напечатания в Известиях Российской Академии Наук. Здесь, на страницах Трудов Белорусского Университета, я даю извлечение из моей работы, стараясь не обременять типографию еврейскими и восточными цитатами.

---

[1]) Op. cit стр. 30.

[2]) Экспедиция *Васка де Гама* относится к 1497—1499 годам.

[3]) См. op. cit стр. 21.

[4]) Отдельный оттиск из статей в Журнале М. Н. Просвещения.

[5]) Отдельный оттиск из „Восточного Сборника“ Общества Русских Ориенталистов. С. П. Б. 1916 г., кн. 2. (Доклад, читанный А. Е. Любимовым в Восточном Отделении Русск. Археолог Общества).

II.

Узнав об отправленном великим князем Иоанном III посольства в Шамаху, предприимчивый Тверич Афанасий Никитин решился ехать в Шамаху со своим товаром. Он направился в Нажний, думая там присоединиться к послу Василию Панину, но там его уже не застал. Никитин дождался в Нажнем Шамахинского посла Асан-бега, возвращавшегося из Москвы с ответными подарками Иоанна III, и вместе с Асан-бегом поехал по Волге дальше. Василия Папина они застали в Дербенте. Из Дербента Никитин отправился в Баку, а оттуда за море.

Проехав через три моря: Дербентское (Каспийское), Индейское и Черное, Никитин посетил Персидские земли, северную и среднюю Индию и вернулся чрез Турецкие земли. В своих заметках о путешествии по Русским городам, Татарской орде и Персидским землям Никитин дает преимущественно сухой перечень местностей, лежавших на его пути, с указанием некоторых расстояний и говорит о кое-каких приключениях в пути. Совершенно справедливо замечает Срезневский [1]) что «Никитин мало записал о Персии потому, что мало нашел в ней нового, поразившего его своею особенностию».

Главный интерес и значение записок Никитина заключается в сообщаемых им сведениях об Индии и пристанях Индийского моря.

Однако, не все сообщения Никитина об Индийских «пристанищах» равноценны: в одних пристанищах он был, в других не был. По этому поводу *Срезневский* говорит: [2]) «Мы видели, что Никитин сам был в Ормузе, Камбае и Дабуле. Был ли он в Колекоте? на это отвечать трудно: вероятнее, что не был; потому что ни из чего не видно, что он отваживался на плаванье по Индийскому морю на юг от Дабуля. Если же так, то и все то, что занес он в свои записки о пристанях Индийского моря далее, есть плод его расспросов у торговцев Хорасанских, прекрасно выражающий его любознательность и до некоторой степени точность передачи слышанного. Тут дело идет о странах от Цейлона до Китая».

В еще более категорической форме высказывается *Минаев*: [3])

«А. Никитин в своих записках говорит о многих местах, в которых он сам не был, а имел о них сведения расспросные; сведения эти главным образом, торговые; как бы в память своим соотечественникам, он заметил, чем какая страна богата, что откуда вывозится, а также расстояние между отдельными местностями.

---

[1]) Op. cit, стр. 41.

[2]) Op. cit., стр. 73—74.

[3]) Старая Индия, стр. 145—148.

Его расспросные сведения частью относятся к местностям на индийском материке. частью же к внеиндийским странам...

«В Каликуте, о котором Аф. Никитин говорит несколько раз в своих записках, он сам не был, хотя и представил, очевидно по местным сведениям, довольно подробное перечисление предметов вывоза из этой знаменитой до сих пор пристани... Каликут пользовался большою известностью на западе во времена Аф. Никитина, и товары, перечисляемые им, известны были его современникам».

Расспросные сведения А. Никитина, добытые в Индии, о странах вне-индийских касаются Силяна (=Цейлона), Шибаитского пристанища, Певгу (=Пегу), Чина и Мачина.

Я имею ввиду остановиться на сообщении Никитина о Шибаитском пристанище.

Местность эта называется у Никитина в различных варнациях: Шабат, Шабот, Шибат, Шаибат, Шибаит, Шабаит, Шабаитское пристанище и т. д.

Вот, что мы находим в «Хожении» об этой местности: А от Келекота до Силяна 15 дени, а от Силяна до Шаибата месяц итти, а от Шабата до Певгу 20 дени...

«А Шабаитьское пристанище Индийского моря велми велико; а хоросанцем дают алафу по тенке на день и великому и малому: а кто в нем женится Хоросанець, и князь Шабаитьской дает по тысячи тенек на жертву да на олафу дает на всякый месяц по десяти денек; да родится в Шаботе шелк да сандал, да жемчюг, да все дешево.

«Шаибат же от Бедеря 3 месяцы, а от Добыля до Шаибата 2 месяца морем итьти... В Шабаите же родится шелк, да пнчи, да жемчуг, да сандал; слоны продаются в локоть. А что Жидове зовуть Шабат своими Жидовы, а то лжут; а Шабайтене ни Жидове, ни Бесермены, ни христиане, инаа вера Индийскаа, ни с Худы, ни с Бесермены ни пиють, ни ядять, а мяса никакого не ядять.

«Да в Шабате же все дешево, а родится шелк да сахар велми дешево: да по лесу у них мамоны да обезьяны, да по дорогам людей дерут: ино у них ночи не смеють ездити обезьян деля да мамон деля. А от Шаибата же 10 месяц сухом итти, а морем 4 месяца.

«А оленей окормленных режуть пупы, а в нем скус родится: а дикыи олени пупькы ис собя ронять по полю и по лесу, ино из тех воня выходить, да есть, то тот не свежь».

Страна «Шабат» остается загадочною для всех, кто занимался путевыми записками Аф. Никитина: комментаторам ничего не дают ни сообщения Никитина о естественных произведениях этой страны, ни указания расстояний, ни этнографические данные.

«Трудно определить, говорит Срезневский [1], где именно надобно искать местности, названной у Никитина Шабатом—Шайбатом: никто из путешественников, современных Никитину и более поздних, не упоминает о подобном имени. Только в виде вопроса можно вспомнить об имени одного из островов, находящихся у устья Ганга и называющегося на картах Shabazpur. Там водятся и мускусовые олени. Впрочем, мускусом славились в XV-XVI веке и берега Аракана.

Что касается описания веры жителей Шабата, то Срезневский говорит: [2] «Тут могут быть описаны поклонники Сивы-Шивы—Сиваиты восточного полуострова Индии, которых учение распространялось далеко на север; впрочем, может быть, это и черные Жиды, распространенные очень издавна по Индии и другим землям. Худы, о которых упоминает Никитин, может быть, суть Туды, часть которых называются Кутами, древние туземцы Индии».

Эта местность остается загадочною и для *Минаева*. Его не удовлетворяют ни высказанное в виде вопроса *Срезневским*: Shabazpur, ни предположение *Юля* (Jule) [3]: «Юль, которому настоящее место в записках Аф. Никитина было также неясно, припоминает при этом известие Мариньоли об острове Саба (Ява?). Шабот или Шабаитское пристанище у Аф. Никитина не есть однако же обозначение острова. Он рассказывает о какой-то стране, весьма богатой, где все дешево, где много слонов, где родится сандал и шелк, где есть и жемчуг и инчи [4]. Жители этой страны имели особую веру—индейскую.

«Естественные произведения, упоминаемые Аф. Никитиным, то есть, слоны и дерево сандал и, наконец, самое имя страны, очевидно, в рукописях искаженное, наводят на мысль, что здесь в записках русского путешественника передаются слухи и рассказы об одной стране крайнего востока, мало известной старинным путешественникам. Шабат напоминает *Чампу*, страну в то время сопредельную с Пегу. Страна эта у европейских путешественников называлась Chopa, Chompa, Chamba, а у арабских географов S a n f».

А. Е. Любимов [5], исходя из того, что Шабат страна или государство приморское и притом государство не исключительно островное, так как с ним возможно, кроме морского, и сухопутное сообщение из Бедера—из Индии, полагает, что страна эта

---

1) Op. cit. стр. 76.

2) Ibidem, стр. 76—77.

3) Henry Yule, Cathay and the Way thither (London. Printed for the Hakluyt Society, MDCCCLXIII) p. 324.

4) Зерна. См. Срезневский, op. cit., стр 73.

5) А. Любимов. Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина, стр, 2—3.

находилась в Южной Азии,—между Китаем и Индией. А так как ни древняя Индия, ни мусульманские писатели не оставили о народах и странах Южной Азии столь обширной литературы,—на столь обширном протяжении времени и пространства, как Китай, то естественнее всего искать ключ к разгадке названной страны именно в китайских письменных памятниках. В китайских же историко-географических памятниках периода Минской династии (1368—1644 г. г.) мы находим на территории Индо-Китая и Индо-Азии среди перечисляемых южных владений: Сань-фо-цзи.

«В зависимости от культурных влияний, пережитых Индо-Китаем и Индонезией, как доказано в европейских работах, говорит *А. Е. Любимов*[1]), большинство местных владений, равно и династий, называются санскритскими именами. Название государства—Сань-фо-цзи есть китайская передача санскритского имени. По системе передачи санскритских слов, представленной в труде St. Julien, китайское *Сань-фо-цзи* равнозначно санскритскому Sabodj».

Так как в Sabodj можно видеть звуковое сродство с Zabedj арабских писателей, у которых под именем Zabedj разумелось большое морское государство Индонезии, имевшее весьма важное значение в экспедиционной торговле мусульманского мира со странами Крайнего востока, то *А. Е. Любимов* устанавливает сродство Шабота записок Никитина с Сань-фо-цзи китайских источников и Zabedj арабских писателей.

На основании приведенных письменных известий о Сань-фо-цзи и картографических данных А. Е. Любимов считает возможным прийти к следующему выводу:[2]) «сначала под именем Сань-фо-цзи в Китае были известны об'единенные владения с одним политическим центром на о. Суматра, а потом,. с конца XIV века, это имя сохранилось в китайских известиях лишь за мелкими владениями, расположенными на Малакке и, быть может, прилегающих островах, как общее географическое имя области, без всякого отношения к ее политическому значению. А. Никитин получил известия о Сань-фо-цзи в ту эпоху, когда это государство, судя по китайским известиям, уже не существовало, как политическая единица, а имя его сохранилось, как общее географическое название области, имевшей столь важное значение в экспедиционной торговле Запада с Востоком.

На наш взгляд, предположение А. Е. Любимова более остроумно, чем правдоподобно.

Ведь, если допустить, что Никитин получил известия о Сань-фо-цзи в ту эпоху, когда это государство не существовало а сохранилось лишь его имя, как общее географическое название

---

[1]) Ibidem, стр. 12.
[2](Ibidem, стр. 22.

важной в торговом отношении Запада и Востока области, то в ту же эпоху, что и Никитин, путешествовали по востоку и оставили нам записки *Николо ди Конти*, *Васко де Гама*, *Иеронимо* да *С. Стефано* (в 1490-х годах доходил до Явы и Суматры), *Людовик Бартема* (1502—1508), *Андрей Корсали*, *Одоардо Барбоса* (1516) и др., а между тем никто из них не упоминает ни о Шабате, ни о Сань-фо-цзи, ни о Sabodj, [1]) в то время, когда мы можем у них найти сведения о прочих странах, о которых Никитин сообщает распросные сведения: Цейлон, Певгу, Чин да Мачин.

Кроме того, гипотеза А. Е. Любимова оставляет без об'яснения очень важное, на наш взгляд, место в сообщении Никитина о религии жителей Шабата: «*А что Жидове завуть Шабат своими Жидовы, а то лжут*; а Шабайтене ни Жидове, ни Бесермены, ни христиане, иная вера Индейскаа, ни с Худы, ни с Бесермены ни пиють, ни ядять, а мяса никакого ни ядять».

Между тем, иногда вскользь брошенная фраза об'ясняет гораздо больше, чем целые страницы подробных описаний. *Срезневский*, пробуя об'яснить это место, говорит [2]): «может быть, это и черные Жиды, распространенные очень издавна по Индии и другим землям». Но, ведь, еврейство «черных Жидов», т. е. индусских евреев, или «Beni Jsrael» [3]) никем не оспаривается.

Следовательно, приходится искать такую страну, жители которой, не будучи евреями, считаются евреями других стран за евреев.

Что это за загадочная страна?

Я полагаю, что под страною *Шабат*, *Шибат*, или *Шаибат* и т. д. у Никитина следует подразумевать *Шабатион*, *Сабатион*, *Самбатион* или *Санбатион*—легендарную реку, которая составляет одно из звеньев в цикле странствующих сказаний о десяти коленах Израилевых, о потомках Моисея, о царстве попа Ивана.

---

[1]) Этой страны мы не находим и у G. B. Ramusio, Colleção de noticias pora historia e geografia das nações ultramarinas, не упоминается она и у G. B. Ramusio, Sommario di tutti li regni, cittá et popoli orientali.

[2]) Op. cit, стр. 76.

[3]) Более близко европейцы были ознакомлены лишь в начале 19 века, благодаря трудам миссионеров Буханана и Вильсона. См. Wilson, Appeal for the christian education ot the Beni Israel, 1806; idem, Lands ot the Bible, II, 667—676; C. Buchanan, Christian researches m Asia Edinburg, 1812, p. 131, 208—209 (Извлечение в Христ. чтении, 1855, II, 126, 134, 135); ср. также: Ritter, Erdkunde, Asien II, 595—601; Beniamin II, Acht Jahre in Asien und Afrika, XУIII—XIX; J. Saphir, Ibn Safir, 1875, II, Schmidt, Reise nach Sudindien, Leipzig, 1894, Jacob, Jewish Year—Book, 1900—1, p. 506—560; Bombay Gazetter, XУIII, 506—536; H. Samuel, Sketch ot Beni—Israel 1889; Л. Ризнич, Евреи в Индии, Восход, 1903, №№ 15 и 16 и мн. др.

III.

Сказочная река *Самбатион*, протекающая на границе неведомой страны, в которой живут десять колен Израилевых, уведенных в плен ассирийским царем Салманасаром, или потомки Моисея (бене Моше), служат сюжетом многочисленных легенд в еврейском, арабском и христианском (на латинском языке) фольклоре, начиная с древнейших времен и до новых веков.

Впервые Самбатион встречается в греческой и римской письменности: у Иосифа Флавия и Плиния.

Флавий говорит,[1] что Тит во время своей поездки в Сирию видел «весьма замечательную по своей природе реку, протекающую посредине между Аркеей и Рафанеей и обладающую удивительным свойством. Обильная водой и довольно быстро несущаяся река ровно на шесть дней в неделю иссякает и представляет глазам зрителя сухое русло; в каждый же седьмой день воды ее снова текут, точно не было никакого перерыва, вследствие чего она и названа субботней [2]) рекой, по имени священного седьмого дня, празднуемого евреями.

Плиний [3]), наоборот, сообщает что, река течет ровно шесть дней, а в седьмой она иссякает. По Плинию эта река протекает по Иудее.

В Талмуде Вавилонском [4]) говорится о сверхестественной природе реки Сабатион по поводу вопроса, заданного римским полководцем Руфом рабби Акибе, почему евреи празднуют субботу, ничем не отличающуюся от прочих дней недели. Рабби Акиба среди прочих доводов ссылается на реку Сабатион, (которая тоже в субботу отдыхает).

Этот диалог между Руфом и р. Акибой приводится и в мидраше «Берешит робба», гл. XI, в сочинении VIII-го века «Шеелтот» р. Ахаи Гаона и в «Мидраш Танхума» (отдел „Ки Тиса“), где говорится, что река Сабатион, наполненная (не водой, а камнями и песком, бурно несется в течение шести будних дней, а в субботу отдыхает. В «Шеелтот» приводится заключительный ответ Руфа р. Акибе в этом диалоге: «в этом пункте я не верю тебе, так как мне неизвестно ее (т. е. реки Сабатион) местонахождение».

Река Сабатион упоминается и в Иерусалимском Талмуде, [5]) и в таргуме Псевдо-Ионатана [6]), и в разных мидрашах.

---

[1]) Иудейская война, VII, 5. § 1.

[2]) От еврейского названия субботы: „шаббат“, греч. Sabbatis: отсюда: Саббатион, Санбатион, Самбатион.

[3]) Historia naturalis, XXXI, 2.

[4]) Трактат Synhedrin, fol 65-в.

[5]) Трактат Synhedrin, гл. X, §§ 5 и 6.

[6]) Exodus XXXIV, 10.

Надо заметить, что талмудическая легенда относит реку Сабатион не в Иудею или Сирию, как мы это видим у Плиния и Флавия, а в какую-то далекую страну 10-ти колен.

Среди многочисленных версий легенд об Александре Македонском имеется одна, позднейшего происхождения, [1]). где рассказывается, что в своих походах на юг от Египта Александр достиг реки, которая три дня в неделю течет песком и три дня водой. Автор этой версии, вероятно, христианин, не указывает, что река отдыхает в субботу, но в арабской редакции [2]) *Ибн Факих*, упоминая об этой реке, говорит, что это—река Самбатион, отдыхающая в субботу.

Из Азии легенда, как мы видим, перенесла Самбатион в Африку.

Некоторые легенды талмудической литературы связывают реку Самбатион не со страной десяти колен, а со страной, где живут потомки Моисея.

Последняя версия была воспринята арабскими писателями.

В Коране имеется следующий стих: [3]) «Среди потомства Моисея есть колено, наставляющее других (людей) на путь истины и само идущее по стезе правды и справедливости».

Комментаторы Корана приводят в связи с об'яснением этого стиха различные легенты о «потомках Моисея» [4]).

Арабский писатель Казвини [5]) приводит от имени Ибн-Аббаса, [6]) племянника Мухаммеда: «Евреи говорят, что в городе Губерс, который находится на крайнем Востоке, и в городе Габалк, который находится на крайнем Западе, живут потомки Моисея, бежавшие туда во время Навуходоносора, и ни один человек не может проникнуть к ним и никто не знает их числа. Однажды пророк (Мухаммед) сказал Гавриилу: душа моя жаждэт видеть тех людей (то колено), о котором Господь сказал [7]): «Среди потомков Моисея и т. д.» Гавриил ответил: путь туда продолжается шесть лет и столько же обратно и кроме того, ведь тебя отделяет от них река, наполненная песком, бушующая и

---

[1]) Zacher, Pseudo-Callisthenes, 135—137.

[2]) Th. Nöldecke, Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans. S. 48

[3]) Коран, сура VII, стих 159.

[4]) A. Geiger. Was hat Mohammed aus dem Judentume aufgenommen? (Bonn. 1833), S. 168 (Имеется 2 revidierte Auflage, Leipzig 1902).

[5]) См. W. Bacher, Agada der Tanaiten; A. Epstein, Eldad ha-Dani p. 15—16.

[6]) В Комментарии Ибн-Аббаса на Коран имеется много еврейских легенд и сказаний, которые он узнал от своего учителя Kab al Ahbar, Йеменскаго еврея, принявшего ислам. См. о последнем Sprenger, Mohammed, III, IX.

[7]) Вышеприведенный стих из Корана, сура VII, стих 159.

несущаяся с быстротою стрелы и отдыхающая лишь в субботу. Но все таки проси Бога. Господь внял молитве пророка и приказал Гавриилу исполнить его просьбу. В миг Мухаммед очутился среди этого колена» [1]).

В еврейских легендах о Самбатионе можно проследить три момента: 1) во время римских гонений, как указание самой природы на необходимость празднования субботы, 2) мотив просто сказачно-легендарный и, наконец, 3) в подтверждение стиха Библии (Бытие, гл. XLIX, 10): «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его».

Последний мотив был очень важен для евреев в средние века и в начале новых веков, когда христиане доказывали евреям, что с пришествием Иисуса Христа все надежды и чаяния еврейского народа должны исчезнуть, ибо еврейского самостоятельного царства во всем мире не существует и, следовательно, непреложные слова Св. Писания могут относиться ни к чему иному, как ко времени появления Иисуса Христа. В ответ на это евреи ссылались на эти легенды о Самбатионе, потомках Моисея, десяти коленах, которым в то время, как мы увидим ниже, верили и христиане.

Вот почему, когда в конце 9-го века появился в Кайруане (в Северной Африке) человек, называвший себя Эльдадом из колена Дана и распространявший сведения о десяти коленах, бене Моше и реке Самбатион, то его фантастические рассказы встречали всюду полное доверие [2]), несмотря на резкие противоречия в них с тем, что известно из Библии и Талмуда: рассеянным и исстрадавшимся от всяких преследований евреям приятно было слышать, что где-то на земном шаре существуют независимые еврейские царства, от которых, быть может, и им когда-нибудь придет спасение. Евреям казалось, что отдаленные от них собратья давно бы принесли им избавление от преследований и гонений мрачного средневековья, если бы их не отделяла река Самбатион.

Элдад га-Дани помещает реку Самбатион в стране Хавилла, к Югу от Куш [3]) и говорит, что она отделяет владения Бене-Моше от владений четырех колен: Дан, Нафтали, Гад и Ашер.

---

[1]) Далее Ибн Аббас приводит рассказ Мухаммеда о житье-бытье потомков Моисея (Бару Муса). Эти сообщения сходятся mutatis mutandis с еврейскими легендами о десяти коленах и потомках Моисея и с христианскими о «царстве попа Ивана».

[2]) Не только евреи раббаниты, но и караимы приняли на веру рассказы Элдада.—Ср. сочинение известного караимского автора XII-го века *Иегуды Гадасси* «Eschkol ha Kopher» (Козлов-Евпатория, 1836).

[3]) Первоначально, как установлено в науке, «Куш» называлась Нубия, но когда в Абиссинии появились приверженцы юдаизма, а впоследствии и христианства, то они, желая найти себя в Библии, ухватились за термин «Куш», обозначавший Нубию или южные страны вообще, и сделали из него свое национальное и государственное имя.

Еврейский путешественник *Петахия Регенсбургский* (ок. 1170—1180) указывает Самбатион на расстоянии десяти дней пути от гроба пророка Иезекииля, недалеко от Багдада.

Известный еврейский путешественник *Вениамин Тудельский* (ок. 1160—1173), говоря о евреях в разных городах Персии, упоминает о четырех еврейских общинах в Персии [1], не находящихся над властью персидского царя: никто не может ни попасть к ним, ни воевать с ними, так как они живут на высоких, неприступных горах. Далее сообщает *Вениамин Тудельский* довольно подробные расспросные сведения [2]) о четырех Израильских коленах: Дан, Зебулун, Ашер и Нафтали, предки которых были взяты в плен ассирийским царем Салманассаром. Страна их обнимает пространство в 20 дней пути. У них много городов и крепостей. С одной стороны их окружает река Гозан. Они независимы и нет над ними иноземной власти: над ними один глава, по имени Иосиф Амаркала га-Леви.

Эти 4 колена живут, по сообщению Вениамина Тудельского, в Нишабурских горах, т. е. в северо-восточном Иране.

О евреях в Персии мы находим и у известного путешественника *Вильгельма де-Рубрука* [3]) (1253—1254 г.):.. «Мы добрались до Железных Ворот, которые соорудил Александр Македонский... На два дня пути отсюда мы нашли другой город, по имени Самарон, в котором живет много Иудеев; когда мы проехали через него, то увидели стены, спускающиеся с гор до моря. И покинув дорогу через горы у этих стен, так как она сворачивала там на восток, мы поднялись на горы в южном направлении. На следующий день мы проехали через некую долину, на которой видны были основания стен, простиравшихся с одной горы на другую, а по верхушкам гор не было никакой дороги. Это были укрепления Александра, удерживавшие дикие племена, то есть пастухов из пустыни, от наступления на возделанные земли и города. Есть и другие укрепления, в которых живут Иудеи, о которых я не мог узнать ничего верного: [4]) однако, во всех городах Персии живет много Иудеев».

---

[1]) The itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela, ed. A. Asher (London, 1840), p. 76.

[2]) Ibidem, p. 83—88.

[3]) *Вильгельм де-Рубрук.* Путешествие в Восточныя страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина (СПБ. 1911) стр. 170.

[4]) По поводу фразы: «*о которых я не мог узнать ничего верного*». А. И. Малеин говорит (ibidem, примечания, стр. 200): «Намек на известную легенду о народах Гог и Магог (см. книгу пророка Иезекииля, гл. 39, и Откровение св. Иоанна, гл. 20, ст. 7. Ср. А. Н. Весселовский, в Журн. Мин. Нар. Пр., 1875, кн. 4. стр. 304 слл.)».

Легенды о Гог и Магог представляют собою в свою очередь, одно из звеньев в цикле сказаний о реке Самбатион, десяти коленах, потомках Моисея и пр.

Вениамин Тудельский говорит [1]) также о еврейском независимом племени *Бене-Рехаб*, [2]) путь к которому из Иемена лежит в 21 день по пустыне. Резиденция их главы—князя Ханана—город Тема. Пространство их земли 16 дней пути по горам. „Они самостоятельны, и нет над ними иноземной власти. Они отправляются совместно со своими соседями, арабами-бедуинами, с которыми состоят в союзе, за военной добычей в отдаленные страны. Все соседи евреев боятся их. Между ними находятся занимающиеся земледелием и скотоводством, ибо страна их обширна.

Вениамин Тудельский сообщает далее о другом городе «Талма», резиденции князя Шалмона, брата князя Ханана. Они оба из потомства царя Давида, о чем у них имеется родословная. В этой стране находятся 40 городов, 200 деревень и 100 укрепленных городов. Столица государства город Санаа. Во всей стране около 300.000 евреев. Из Талмаса в Хайбар—три дня пути. „Люди утверждают, говорит *Вениамин Тудельский*, что это потомки колен: Реубена, Гада и половины колена Менаше, которых увел в плен Салманасар, царь Ассирии: они здесь поселились, воздвигли эти большие и укрепленные города и вели войны с различными государствами, но никто не может проникнуть к ним: 18 дней пути по необитаемым пустыням.»

Мы не будем приводить других известий средневековых авторов о сказочных еврейских царствах, местонахождение коих легенда приурочивает к самым разнообразным углам земного шара.

Но как во всякой легенде, так и в этой, имеется зерно правды. Основанием всем этим сказаниям послужили действительно существовавшие независимые еврейские племена на Аравийском полуострове, с которыми вел в свое время войны Мухаммед, независимые еврейские племена в Абиссинии, царство хозарское, часть жителей которого и, главным образом царь и вельможи, приняло иудейство.

Интересно отметить, что известный путешественник Францисканец *Иоанн де Плано Карпини* (1246 г.) в своем сочинении «История Монгалов», [3]) перечисляя земли, которые татары себе подчинили, говорит: «.......... Несториане, Армены, Кангиты, Команы, *Брутахи*,[4]) *которые суть Иудеи*, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы, Турки, малая Индия или Эфиопия, [5])

---

[1]) Op. cit., p. 70—71.

[2]) См. Пророка Иеремии, гл. XXXV.

[3]) *Иоанн де Плано Карпини*, История Монгалов. Введение, перевод и примечания А. И. Маленна (СПБ., 1911), стр. 36.

[4]) Ibidem, стр. 185, примечание А. И. Маленна: „D'Avezac (стр 496) предлагает искать это племя на Кавказе по правому берегу Куры, между реками Berdagj или Berdougji и Араксом.

[5]) Ibidem, стр. 50.

Чиркасы, Руфены, Балдах, Сарты; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин почти из всех вышеназванных стран».

В другом месте Карпини говорит: «..... С юга же к компании прилегают Аланы, Чиркассы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, *Брутахии, которые слывут иудеями,—они бреют голову,*—также земля Цикков, Грегорианов и Арменов и земля Турков.»

Если бы у Карпини не было в перечислении Хозар, то можно было бы думать, что он Брутахов смешал с Хозарами, которые, как известно, приняли иудейство; но у него особо указаны Хозары; следовательно указание на *«Брутахов, которые суть иудеи» или «которые слывут иудеями»*, также следует отнести к легендам о еврейских царствах.

Подобно тому как *Карпини* получил сведения, что *«Брутахи—суть иудеи»*, или «слывут иудеями», Афанасий Никитин узнал, *что Жидове зовуть Шабат своими Жидовы, а то лжут; а Шабаитене ни Жидове* и т. д.»

На наш взгляд, и те и другие сведения равноценны. Надо заметить, что распространение легенд о реке Самбатион и независимых еврейских царствах достигло ко времени путешествия Афанасия Никитина своего апогея и у евреев, и у христиан. Еврейские легенды и в особенности фантастические рассказы Элдада [1]) нашли отклик и среди христиан.

Римские папы никогда не теряли надежды обратить евреев в лоно «единоспасающей католической Церкви». По мнению Рима, одним из главных препятствий к переходу евреев в христианство служило то, что европейские евреи, окрыленные рассказами Элдада и тому подобными легендами, не теряли надежды на избавление от унижений и преследований, которое им принесут их отдаленные собратия, живущие в счастьи и довольстве за рекою Самбатион.

Католическая церковь решила бороться по рецепту: „similia similibus curantur".

Когда в начале XV века католические миссионеры открыли христианскую Абиссинию, то для вящего прославления факта нахождения христианского государства среди окружающих мусульман был усиленно пущен в ход целый ряд псевдографов (существовавших еще с XII века) в роде посланий «пресвитера Иоанна (попа Ивана)» к императору Фридриху и к Римскому папе (без указания, к которому).

[1]) Ср. D. H. Müller. Die Recensionen und Versionen des Eldad ha Dani (в Denkschriften der phil.-hist. Classe, XLI Band, 1 Abhand. Венской Акад. Наук), стр. 4—8.

В этих письмах, дошедших до нас в самых разнообразных редакциях, не только подтверждались все рассказы Элдада о чудесной реке Самбатион и о величии еврейского царства, но изображение могущества еврейского царства доведено было до фантастических размеров с целью подчеркнуть, что, не смотря на свое могущество, еврейский царь платит дань еще более могущественному, чем он, царю христианскому. [1])

Письма эти были переведены на все европейские языки, а евреи, польщенные тем, что и христиане признают существование еврейского царства, перевели их на еврейский язык и распространили во множестве экземпляров [2]), иногда „mutatis mutandis".

В пространном письме Пресвитера Иоанна к Римскому Папе, между прочим, говорится:

«...В этой земле находятся три Индии: все они очень большие. В великой Индии похоронен апостол Фома. Моя страна находится к Югу, близ разрушенной Вавилонии; вторая же Индия—ближе к северу, в ней большое изобилие всяких яств и питий; третья Индия очень велика и обширна; она лежит близ *страны Иудеев* и граничит с одной стороны с *морем, наполненным камнями*; в этой Индии находится множество различных народов и иные чудеса, как вы об этом услышите. В этой стране имеется много царей, которые не-христиане, но все таки мне подчинены...

«На границе моей страны находится большое чудо: море, наполненное камнями, поднимающее волны и причиняющее большой вред; ни один человек не может переправиться через это море. Страна моя столь велика, что я и сам не знаю всех существующих в ней чудес. В это каменное море впадает река, граничащая между нами и между великой страной великого царя Даниила, царя иудеев: эта река течет всю неделю, а в субботу не трогается, так продолжается до воскресенья, когда она снова начинает течь...... через эту реку—можно переправиться только в субботу, но мы держим сторожевые отряды у переправы, потому что, если иудеям удалось бы переправиться, то они причинили бы большой вред всему миру как христианам так и мухаммеданам, да и вообще всякому народу и племени, существующему под небесами, ибо нет ни одного народа, который мог бы устоять перед ними. Но у меня есть в этом округе 16 городов, построен-

---

[1]) В некоторых вариантах, однако, прославляется лишь могущество иудейского царя, но не говорится о его подчинении Пресвитеру Иоанну.

[2]) Эти письма на еврейском языке опубликовал по рукописям *Ад. Нейбауэр* в Sammelband kleiner Beiträge aus Handschriften, (изд. О-ва „Mekize Nirdamim", Berlin, 1888), Jahrgang IV. S. 11—22, 64—69.— Ср. также статью S. M. Lazar, Assereth ha-schebatim (в журале „Haschiloah", Band IX, Berlin, 1902), p. 214—216. На латинском языке эти письма издал Žarncke, Priester Johannes.

ных из больших камней и укрепленных: эти города самые сильные во всем мире; расстояние же от города до города—полмили. В каждом из этих городов у меня имеется 1000 всадников 10000 пехоты и 10000 стрелков для охраны гор и места переправы, чтобы иудеи не могли переправиться, ибо их так много, что, если бы им удалось переправиться, то они могли бы покорить весь мир. Да будет вам известно, что на каждый имеющийся у меня укрепленный город имеются у великого царя Данила 10; у них (т. е. у иудеев) столько золота и драгоценных камней, что они отделывают свои дома драгоценными камнями, подобно тому, как мы отделываем наши дома простыми цветными камнями. И пусть вас не удивляет, что я называю его (т. е. Даниила) «великим царем», ибо под его властью находится триста царей, все они иудеи и все они обладают землями, находящимися под властью царя Даниила; под властью последнего находится также 3000 герцогов, графов и вельмож, и мы знаем, что земля его безгранична. Кто не слышал о них (т. е. этих иудеях), ничего в мире не слышал.....

...... «Ежегодно я отправляюсь на свидание с великим царем, царем Даниилом иудеем, который находится несколько далеко от моей страны. Меня сопровождают 10.000 вооруженных воинов, 200.000 пеших и 1.000 святых рыцарей, постоянно молящихся за меня; иногда мы берем с собой деревянные башни, навьюченные на 150 слонов на случай, если бы нам пришлось сражаться с врагами».

В письме Пресвитера Иоанна к Римскому императору Фридриху мы находим с некоторыми изменениями те же сведения, что и в предыдущем письме к папе. Говорятся о трех Индиях, о реке Самбатион, о богатстве страны перцем, благовониями, драгоценными камнями, о том, что река отделяет царство пресвитера Иоанна от *девяти* (sic) колен Израилевых, что эта каменная река отдыхает в субботу и что эти девять колен лишены возможности переправиться через эту реку.

Несколько иначе, чем в предыдущем письме, сообщается о пограничной страже, при чем говорится, что за содержание этого многочисленного пограничного войска «великий царь Израильский платит нам ежегодно 100 верблюдов, навьюченных золотом, серебром и драгоценными камнями: он нам платит эту дань еще и за то, чтобы мы не разрушили страну, которая лежит между нами».

Далее говорится о величии царя Израильского, которому подчинены 200 царей и, кроме того, 2300 властителей и вельмож.

Имеется письмо Пресвитера Иоанна к папе Евгению. Это—псевдограф более позднего времени, датированный 1682 годом.

Здесь также говорится о чудесах, величии и могуществе царства Пресвитера Иоанна, сообщается о естественных богатствах страны (шелк, перец, драгоценные камни, жемчуг и пр.).

Легенда о Самбатион и еврейском царстве здесь принимает уже другой оттенок: носит характер враждебный.

Здесь фигурирует песчаное море, через которое никто не может переправиться, кроме подданных Пресвитера Иоанна.

На границе находится многочисленное войско, чтобы *„эти проклятые“* не могли пробраться и прийти к нам, „ибо если-бы им это удалось, они разрушили бы весь мир; против каждого укрепленного нашего города они имеют десять. За расходы по содержанию пограничного войска они нам платят ежегодно в день апостола Фомы дань, состоящую из 500 верблюдов, навьюченных золотом, и 100 верблюдов—драгоценными камнями. А царь, против которого мы содержали эту стражу не есть наш друг, ибо он *не христианин*. Ему подвластны 240 царей, у него 3 герцога, 100 маркизов, 3 князя и 200 баронов“......

Следует заметить, что в письмах Пресвитера Иоанна ясно указывается Индия, как та страна, где находится это царство и где, между прочим, протекает река Самбатион...

Дело в том, что древние [1]) и средневековые [2]) (и даже в новые века) как еврейские, так и не еврейские писатели, очень часто смешивают Индию с Абиссинией [3]).

В особенности Индия смешивается с восточной Африкой в ту эпоху, к которой относится «Хожение» Афанасия Никитина, именно в 15 и 16 веках.

В то время всякую отдаленную страну называли Индией: вспомним, что Колумб, открывший Новый Свет, полагал, что попал в Индию.

В еврейской письменностт этих веков очень часто Самбатион переносится в Индию, а по соседству с ним и царство Пресвитера Иоанна.

---

1) *Виргилий*, Георгики, 4,292.

2) *Вениамин Тудельский; Марко Поло; Иоанн Эфесский;* арамейские таргумы; ср. Ludolf, Historia Aethiopica I, 2; Nöldecke, Geschichte der Perser etc. S. 222; A. Epstein, Eldad ha-Dani, p. 33—38.

Подробнее предполагаю о этом говорить в своей работе «К Еврейской географической терминологии».

3) В XVI столетии король Эммануил Великий приказал во что бы то ни стало разыскать царство попа Ивана. Было снаряжено посольство и участвовавший в посольстве португальский патер Франциск Альварец, прожив в Абиссинии с 1520 по 1526 г., подробно описал Абиссинию. Это описание появилось в печати в извлечениях в 1540 г. под заглавием «Verdaderia informasam do preste Joao» («Достоверное известие о попе Иване»; переведено на многие языки).

Знаменитый труд немецкого ориенталиста *Лудольфа* озаглавлен „Historia Aethiopica, sive descriptio Regni Habessinorum, quod rulgo male „Presbyteri Johannis“ vocatur“. (Francofor. ad M., 1661, 2°).

Так известный еврейский врач и географ 15 века и начала 16 века *Авраам Фарицаль* в своем сочинении (законченном в 1524 году) «Iggereth Orchoth Olam» [1] («Пути вселенной») говорит (глава XXIV): «На пути из области Мекки к Индийскому морю, если итти сушей, тянутся большие пустыни и поселения евреев, живущих по берегам реки Ганга, как я об этом писал и как об этом ясно изложено у христианских писателей. Да и в новейших сочинениях говорится, что в странах, лежащих выше Мекки и выше пустынь Калекут, находится до бесконечности много евреев; имеются у них там царства многих царей, но они отделены и отдалены друг от друга, т. е. евреи, живущие выше Мекки, отделены от евреев, живущих выше Калекут, ибо между ними громадное расстояние. Но на островах Индийского моря находится бесконечное множество евреев, и они имеют на море и на суше большие богатства, золото и благовония. Если же христианские писатели и говорят в своих сочинениях, будто во многих местах этих евреев измаильтяне и черные теснят, грабят и преследуют, тем не менее достаточно того, что они признают, что евреи там несомненно находятся и живут в богатстве, почете и своим царством, обладая имуществом, дорогими и важными благовониями. Об этом также сообщает известный христианский ученый исследователь в своем сочинении «Новый свет», напечатанном много лет тому назад в Венеции; хотя христиане это скрывают, однако он так об этом сообщает в своем сочинении: «Новый свет», книга вторая, глава шестидесятая, где он говорит, что им удалось открыть существование многих евреев, над которыми царствуют большие цари (еврейские) и что множество благовоний и большая часть перца находится в руках евреев. Эта глава начинается на их языке словами: Circa le cose del India, т. е. вокруг индийских дел».

Затем *Фарицоль* говорит о реке Самбатион:

«Река Самбатион находится в этой Верхней Индии между реками Ганга, что на нашем языке «Гозан», как говорится (в Св. Писании): [2] «и переселил (т. е. царь ассирийский) их (т. е. пленных из Самарии) в Кир, Халах, Хабор, в горы Гозан и города Мидии», а эти места находятся на суше (т. е. на конти-

---

[1]) Впервые издано в Венеции в 1586 году, 8°; 2-е издание с латинским переводом Th. Hyde, Оксфорд, 1691, 4°; 3-е изд. в Thesaurus Antiquitatum sacrarum, Б. Уголино, т. 7, Венеция, 1744—69, fol.; 4-е изд. также с лат. переводом Th Hyde, в его Syntagma dissertationum, т. 1, Оксфорд 1767, 4°; 5-е изд. (sine loco et anno) [8° Прага, 1793].

H. J. Michael, Or ha-Chajim (Frankf. a. M. 1891), p. 91 *ошибочно* указывается более раннее издание этого сочинения—Феррара 1524—1525 года: такого издания не существовало.

[2]) Здесь у автора соединение двух разных стихов Библии: II кн. Царей, гл. XVI, ст. 9, где упоминается *Кир*, и II кн. Царей, гл. XVII, стих 6, где упоминаются остальные места; но только там сказано: «при реке Гозан», а не «горы Гозан», как приводит *Фарицоль*.

неите) выше Мекки и Калекута, а река Самбатион находится выше Калекута и отделяет этих жителей Индии от части царства евреев, которых ты там несомненно найдешь. Кто это отрицает (т. е. нахождение там евреев), поступает глупо, ибо он этим самым отрицает и слова Талмуда, где говорится, что римский император спросил у Рабби, [1] чем отличается день субботний от других дней, на что Рабби после длинного разговора и диспута ответил: «река Самбатион служит доказательством.» Тому, кому этого недостаточно, можно сказать: «если ты, сын мой, не удовлетворяешься святыми писаниями (т. е. Талмудом), то пойди и посмотри, что об этом говорится в их (т. е. христианских) сочинениях и печатных книгах [2] . . . . . Вот что я хочу теперь говорить о тех евреях, их царях, богатстве их благовониями, золотом и серебром, а также о реке Самбатион, находящихся в пределах Индии, на континенте Калекута, выше его, как я это подробно изложил в моем сочинении, являющемся диспутом (между евреем и христианином), которое я назвал «Маген Абраам» (Щит Авраама). А слова наших учителей, блаженной памяти, верны и учение их истинно.

«Вышеупомянутый христианский ученый сообщает, что он видел в Калекуте много евреев, торговцев разного рода благовониями и другими товарами, что эти евреи из колен, живущих выше Калекута между горами и реками Гозанскими, и что выше над ними находится упомянутая река Самбатион, которая разделяет (евреев и) индийцев. А на континенте страны Мекки находится пустыня Хабор. Между евреями, живущими в горах Гозан и по берегам Гозанским, и евреями, живущими в Хаборе, к низу от Счастливой Аравии (Arabia Felix), находится много разбросанных селений и областей Измаильтян, которые вредят евреям и мешают их соединению воедино». . . . .

В XXV главе своего сочинения *Фарицоль* продолжает:

«Я нашел в их (т. е. христианских) книгах, а именно в 58-ой главе второй книги сочинения, озаглавленного «Новый Свет», также подробное сообщение о том, что Пресвитер Иоанн находится на континенте выше Калекута в верхних областях, отдаленных от моря; а это служит ясным доказательством и

---

[1]) *«Рабби»* обычно называется редактор Мишны рабби Иегуда га-Наси.—По Талмуду Вавилонскому, (трактат *Сингердин*, fol. 65в) этот диспут происходит не между р. Иегудой и римским императором, а между р. Акибой и римским полководцем Руфом.

[2]) У нашего автора здесь идет ссылка на сочинение Иосифа Флавия «De bello Judaico», при чем он называет последнего Иосифом бен Горион, как называется обычно автор распространенного в средние века сочинения Псевдо-Флавия «Иосиппон;» рассказивается о посещении императором Титом евреев, живущих за рекою Самбатион. Тит будто бы видел эту реку, которая отдыхает в субботу, и, следовательно, имел возможность переправиться через нее в субботу, почему и назвал ее «Sabbatinum».

известием общепризнанным относительно евреев, живущих близ Пресвитера Иоанна, о которых мы все время слышали от католических монахов, которые подробно рассказывали о том, что там находятся евреи. . . . . Все это я слышал также от ученых людей, которые в течение двух лет дважды были в Калекуте и которые рассказывали здесь в Ферраре, в присутствии герцога Ираклия относительно Калекута, Мекки, Пресвитера Иоанна, а также о множестве евреев, там находящихся, и царях их и занятиях».

Далее *Фарицоль* сообщает со слов мореплавателей о многочисленном народе черных, которые живут на континенте выше Калекута, не доходя до царства Пресвитера Иоанна; эти черные часто приезжают с разнообразными товарами, так как их страна очень богата.

К этому *Фарицоль* прибавляет: «*О них* (т. е. об этих черных) *говорят, что они идолопоклонники, но я утверждаю, на основании своих розысканий и исследований, что они несомненно евреи*, как я узнал от одного переводчика араба, с которым я беседовал здесь в Ферраре. Последний мне рассказал, что, будучи в Калекуте, он имел дело с одним из этого народа, который по поводу торгового дела, подняв руку с одним выпрямленным пальцем к небу, клялся Единым Вечносущим. Переводчик, не желая воздать славы евреям, об'яснял, будто тот клялся солнцем. Ведь, известно, что по принятым в настоящее время у них (т. е. не евреев) традициям, они считают неподобающим воздать честь евреям, признав за ними многочисленный народ и царство Израильское». . .

Такого рода сообщения имеются еще и в других местах сочинения *Фарицоля*.

Авраам Фарицоль в этом отношении не стоит одиноким.

Известный еврейский ученый и государственный деятель Португалии и Испании 15-го века Дон *Исаак Абрабанель* (1437—1508) в своем комментарии на Библию говорит:[1]) «Я видел достоверное письмо, которое привезли люди, ехавшие из Португалии в Индию за благовониями, и которые свидетельствовали, что видели там много евреев, и привезли письмо от одного ученого из них; они говорят, что они—потомки тех евреев, которых взял в плен Санхериб из городов Иудеи до разрушения Иерусалима и поселил их за Горами Тьмы и которые во время второго храма не вернулись».

В письме *Ильи Песаро* (в XVI веке) сказано:[2]) «Мне рассказал один старец, посетивший Индию, которая на крайнем Во-

---

[1]) *Комментарий Абрабанеля* к Кн. пророка Иеремии, гл. III, стих 14: «Возвратитесь ко Мне, дети—отступники».

[2]) Письмо Ильи Песаро напечатано в сборнике Элиэзера Ашкенази, «Дибрей Хахамим», Метц, (1849), 8°.

стоке, что есть в этой Индии могущественный царь еврейский, а на острове, близ реки Шабатион—потомки Моисея; против них—колено Менаше, а по ту сторону реки Шабатион—колена Дан, Нафтали, Гад и Ашер».

Такого рода легендарных сказаний имеется в еврейской письменности множество: они имели место даже в 19 веке, при чем легенды эти распространялись не только евреями, но и христианами.

В 1827 году известный еврейский ученый в Италии *И. С. Реджио* написал статью [1]) о Самбатион, которую он заканчивает словами: «Мне кажется, настало время искоренить из дома Якова веру в подобную ложь: достаточно позорно для потомков Израиля, наследников веры истинной, обращать внимание на бредни и внимать ложным сказаниям: ведь у них есть более чем достаточно верных обещаний в словах пророков, которые дали много пророчеств для подкрепления колеблющихся, чающих избавления и уповающих на милость Его» [2]).

Выше сказанное, кажется нам, в достаточной степени подтверждает предложенную нами гипотезу о том, что страна *Шабат*, *Шабот*, *Шибат*, *Шаибат*, *Шабаит* или *Шабаитское* пристанище в «Хожении» Афанасия Никитина не есть реальная страна, а является отголоском цикла странствующих легенд о реке *Шабатион* (Самбатион или Санбатион), десяти коленах Израилевых, потомках Моисея, царстве пресвитера Иоанна и т. п.

Во всех этих сказаниях фигурируют легендарные евреи, существование которых в эпоху Афанасия Никитина то признается, то оспаривается христианами; европейские же евреи того времени, как мы видим, всемерно стараются отстоять достоверность известий о существовании где-то, за рекой Шабатион (Самбатион), своих отдаленных могущественных собратьев.

Отражение этого спора мы видим и в словах Афанасия Никитина: *„А что Жидове зовуть Шабат своими Жидовы, а то лжут“.*

---

[1]) „Самбатион“ в журнале Bikkurej ha—Ittim, т. VIII (Вена, 1827), стр. 49—55.

[2]) Интересно отметить, что были часто случаи, когда снаряжали людей в поиски за десятью коленами, потомками Моисея, рекой Самбатион, „красными евреями“ и т. д.

Это напоминает поиски раскольниками, даже и в настоящее время, местности «Беловодье», где, по их преданию, сохранилось „древнее истинное православие, не искаженное никоновцами“. (См. об этом Я. И. Смирнов, Поездка к некрасовцам, Живая Старина, 1897—98; сообщения В. Г. Короленко, изд. Этногр. Отдел. Русск. Геогр. О-ва под наблюдением С. Ф. Ольденбурга). „Беловодье“ разыскивается повсюду, в последнее время даже в Забайкалье.

С. З. Каценбогин.

Белорусский Государственный Университет

за 1921—1922 академ. год.

(Итоги и перспективы).

„Опыт—единственный источник истины; он один может научить нас чему-нибудь новому; он один доставляет нам достоверность. Вот два положения, которых никто не может оспаривать.

А. Пуанкаре.

Окидывая общим взором истекший академический год и подводя ему итоги, можно с уверенностью сказать, что самый трудный период организационного строительства Б. Г. У. позади.

Несбыточная, казалось, в течение десятилетий мечта о созданиии могучего культурного центра в Белоруссии—Университета превратилась в яркую и живую действительность.

За год упорной и кропотливой работы под здание нашей высшей школы подведен солидный и прочный фундамент.

Остается пристраивать этажи, заканчивать ремонт...

Но это уже будет периодом не организационного строительства университета, а его роста, его нормальной, систематической, органической работы.

Задача 1-го Правления молодого Б. Г. У. заключалась в том, чтобы создать эти необходимые для нормального функционирования высшей школы предпосылки.

Б. Г. У. сконструировался в составе трех фак-ов: 1) рабочего, 2) фак-та общ. наук и 3) медицинскаго. В основу учебных планов были положены планы, утвержденные Главпрофобром и видоизмененные, соответственно местным, краевым условиям. [1]).

---

[1]) Труды Б. Г. У. № 1.

Основной и своеобразной особенностью в структуре Б. Г. У., несомненно, является организация при этнолого-лингвистическом отделении фак. обществ. наук сначала трех, а затем четырех языковых секций, соответственно основным национальным культурам края—белорусской, русской, еврейской и польской.

К началу 1921—22 академического года почти все кафедры факультетов были уже замещены, академическая жизнь вошла сразу в колею и значительных перебоев в ней не наблюдалось.

Надо, однако, подчеркнуть, что укомплектовать молодой университет в составе трех факультетов достаточными научными силами было делом несомненно трудным, а многим казалось в современных условиях, пожалуй, и невыполнимым.

И все же Правлению удалось эту основную задачу выполнить благополучно, и к началу занятий в университете числилось 14 профессоров, 40 преподавателей, 10 ассистентов и 9 лекторов.

За годы революции, несмотря на непостижимые трудности, Советской власти удалось создать ряд новых высших учебных заведений.

Закупоренная под тяжким столетним прессом самодержавия жажда знания у прозревшего народа властно требовала удовлетворения.

Но революция, в своем стихийном беге, встречая массу препятствий, вынуждена была сдержать свои порывы, умерить свой пыл.

Не всюду условия оказались совершенно благоприятными для чрезвычайно сложного и трудного дела строительства высшей школы. Не везде была благоприятная для этого научная и материальная обстановка.

Это и послужило основной причиной ликвидации некоторых новорожденных высших школ.

Те же опасения были на лицо и у некоторых строителей нашего молодого университета; тем более сильны они были у профессоров, которым предстояло, приезжая часто издалека, устраиваться в новой обстановке. Вопрос о том, будут ли в Белоруссии, хотя бы элементарные условия академической и научной работы, наряду с вопросами материального порядка, были первостепенными, требовавшими немедленного разрешения.

Правлению предстояло спешно отремонтировать все предоставленные ему для занятий здания, изготовить или как-нибудь иначе приобрести необходимую аудиторную и лабораторную мебель, обеспечить здания топливом и, главное—оборудовать учебно-вспомогательные учреждения университета, лаборатории, кабинеты.

Наряду с этим предстояло создать соответствующую требованиям высшей школы, университетскую библиотеку. Все это, как это будет видно из нижеследующего, Правлением было выполнено. Следующей задачей было обеспечить профессуру жилыми помещениями и мебелью, дать им элементарную удовлетворительную обстановку для нормальной научной работы. А затем, для того, чтобы все намеченные правлением задания могли быть выполнены необходимо было составить нормальный бюджет и обеспечить ун-тет достаточными финансовыми средствами. Правлению, как это будет ясно из нижеследующего, со всеми этими тяжелыми заданиями справиться удалось.

Было бы большой, однако, неточностью и несправедливостью утверждать, что университету без всякой посторонней поддержки удалось бы выполнить столь трудную, непомерно тяжкую задачу.

Та дружеская атмосфера, которая создалась вокруг центрального культурного очага края, горячее участие и реальная поддержка, которые ему были оказаны правительственными, профессиональными и партийными организациями и среди них, в первую очередь, президиумом Ц. И. К. С. С. Р. Б. во главе с его председателем т. А. Г. Червяковым, — они оказались тем conditio sine qua non, без которого Правление университета, при участии всей профессуры, ни в коем случае не могло бы справиться со столь ответственной государственной задачей. Только viribus coniunctis всех подлинно живых сил края удалось осуществить заветную мечту Белоруссии.

Создав необходимые предварительные предпосылки для своей работы, Б. Г. У. не замкнулся, однако, исключительно в свою академическую среду, не превратил себя в средневековую схоластическую школу, недоступную для широкой общественности, ревниво оберегающую тайны своей мудрости, для того только чтобы твердить: «Magister dixit!».

Б. Г. У. широко распахнул свои двери для всех жаждущих знания, устраивая ряд публичных заседаний, посвященных юбилейным датам и крупным общественным событиям.

Б. Г. У. организовал и Научное общество, посвящая его заседания обсуждению научных проблем.

В устраиваемых университетом публичных заседаниях принимали участие не только профессора и преподаватели его, но и посторонние. Идя навстречу уездам Белоруссии, профессора Б. Г. У. выезжали туда для чтения лекций, встречая всюду горячее сочувствие и жаждущую знаний аудиторию.

Ректору Б. Г. У. В. И. Пичета и его заместителям: В. Н. Ивановскому и С. З. Каценбогину приходилось не раз выступать перед правительственными и иными организациями с докладами о деятельности Б. Г. У. и о задачах высшего образования вообще.

Так, между прочим, на 3-ей сессии Ц. И. К. С. С. Р. Б. 25-го июня 1922 г. выступили с докладами о деятельности Б. Г. У. проф. В. И. Пичета и проф. С. З. Каценбогин.

Проф. С. З. Каценбогиным был помещен в местной прессе (газете «Звезда» и журнале «Вестник Наркомпроса») ряд статей о Б. Г. У.

Б. Г. У., несомненно, предстоит стать центральным культурным очагом не только современной Белоруссии, но и соседних губерний, к ней примыкающих, Витебской, Гомельской, Смоленской, соприкасающихся с ней в области почти всех хозяйственных и культурных вопросов. Учитывая это, Совет Народных Комиссаров С. С. Р. Б. на заседании своем от 25-го августа 1922 года, по докладу Замректора проф. С. З. Каценбогина, вынес следующее постановление:

„В подтверждение принимаемых неоднократно решений о необходимости привлечения соседних губерний к строительству Б. Г. У. еще раз подтвердить необходимость войти в тесные деловые сношения с Витебской, Гомельской и Смоленской губерниями и сговориться с ними об отпуске определенных средств на усиление и улучшение материального положения Б. Г. У.; предложить с этой целью Правлению госуниверситета совместно с некоторыми членами Совнаркома выехать в соседние губернии, дабы там на заседаниях губисполкомов и губкомов достигнуть по этому вопросу определенного соглашения“.

Правлением намечены для поездки с указанной целью в означенные губернии члены его: проф. В. И. Пичета, проф. В. Н. Ивановский и проф. С. З. Каценбогин. Очевидно, точка зрения на Б. Г. У., как культурный центр, долженствующий об'единить смежные губернии, разделяется и Главпрофобром, постановлением которого Белорусскому Госуд. Университету передаются имущества закрытых ныне Витебскаго и Смоленского отделений Московского Археологического Института. Весь летний период 1922 г. Правление было занято напряженной работой по дальнейшему формированию факультетов и курсов университета.

С 1922—23 академ. г. открываются второй и третий курсы медицинского факультета, второй курс факультета общественных наук и новый педагогический факультет.

Благодаря принятым решительным мерам, Правлению удалось обеспечить открывающиеся факультеты и курсы нужными научными силами и сделать все возможное для научнаго оборудования факультетов. Особенное внимание было уделено оборудованию лабораторий и клиник медицинского факультета. Была на значительную сумму денег изготовлена аудиторная и лабораторная мебель, приобретено оборудование. Заканчивается ремонт 1-ой Советской больницы, отведенной под пропедевтические клиники— хирургическую и терапевтическую, первую на 60 и вторую на 70

коек. Необходимо отметить серьезную помощь, оказанную Б. Г. У. Горисполкомом. взявшим на себя ремонт названных клиник.

Значительную услугу оказало медфаку и Ара, снабдившее его значительным количеством материалов и инструментов.

Много усилий за истекший период было потрачено и для расширения университетской библиотеки, куда влились весьма ценные книжные собрания академика Карского, Н. А. Янчука, Тихомирова, Корнилова и др.

Правление Б. Г. У., состоит в настоящее время из ректора . . .	проф. В. И. Пичета.
заместителя ректора по академическим делам	проф. В. Н. Ивановского.
заместителя ректора по административно-хозяйственным делам . .	проф. С. З. Каценбогина.
члена Правления	преподав. Рабфака В. И. Корсака.
члена Правления-студента и военкома медфака.	С. И. Боркусевича.

За минувший академический год правление имело 57 заседаний, на которых вынесло 338 постановлений из коих по вопросам:

а) организационно-академическим	. 120
б) организационно-административным	. 32
в) административным . . .	. 32
г) бюджетным	. 31
д) библиотечным	. 25
е) хозяйственным	. 50
ж) разным	. 48

Личный состав Б. Г. У. (в 1921—1922 ак. году) следующий:

а) Преподавательский состав:

Профессоров 14, преподавателей 40, ассистентов 10, Лекторов по иностр. языкам 9, заведыв. кабинетами и лабораториями 5, препараторов 3. Всего 81 человек.

б) Административный состав:

Ректор 1, членов правления (из коих 2 замректора) 4, деканов факультетов 3, заместителей 3, секретарей факультетов 3, заведыв. библиотекой 1, сотрудников библиотеки 14, врач 1, управделами (он же секретарь правления) 1, сотрудников управления

делами и канцелярий факультетов 10, заведыв. хозяйств. частью 1, сотрудников хоз. части 3, заведыв. финанс. частью 1, казначей 1, сотрудников финчасти 2. технических сотрудников 36. Всего 86 человек.

Состав студентов Б. Г. У. (за 1921—22 г.).

Всего числилось в Б. Г. У. в 1921—22 акад. году 1390 студентов.

Состав их:

a) по факультетам:

a) На рабфаке 264. b) на фоне 739. c) на медфаке 387.

в) по национальности:

a) Белоруссов 398. b) евреев 926, c) великороссов 43, d) поляков 8. e) других национальностей 15.

c) по местожительству (кроме рабфака):

Г. Минск 644, уезд Минский 43. уезд Борисовский 40 уезд Мозырский 14, уезд Слуцкий 67, уезд Игуменский 43, уезд Бобруйский 66, уезд Гомельский 44, уезд Витебский 25, из Белоруссии зарубежной 30, из других мест 110.

d) *по образовательному цензу (кроме рабфака)*:

a) Окончивших гимназию 675, б) реальное училище 126, в) коммерческое училище 46, г) школу II-ой ступени 143, д) духовную семинарию 26, е) учительский институт 14, ж) кадетский корпус 1. з) педагогические курсы 56, и) не окончивших средн. уч. завед. и поступивших по коллоквиуму 37.

Переходя к изложению деятельности факультетов, начну с *Рабочего Факультета*.

Рабочий Факультет.

Рабочий факультет, гениальное детище Октябрьской Революции, призванный создать кадры пролетарско-крестьянской интеллигенции, составляет органическую составную часть Б. Г. У., тесно и дружно спаянную с ним. Его представитель входит в состав Правления Университета. Он финансируется и снабжается Правлением на равных с другими факультетами основаниях, как равно оно же наблюдает и за академической его жизнью.

Рабфак организовался, еще до открытия Б. Г. У. в полном его составе, в июне 1921 года.

Преподавательский его состав был составлен преимущественно из педагогических сил города Минска. В настоящем же

1922—1923 академическом году состав его пополняется профессорами и преподавателями университета. Руководящими органами Рабфака являются Президиум, Совет и предметные комиссии. Студенчество входит в их состав и принимает активное участие в организационно-академической деятельности факультета.

На Рабфаке к 1 июля 1922 г. числилось 264 студента. Их социальный состав: рабочих—162 ст., земледельцев—102. Командировано: профсоюзами—118, ЦБКПБ—49, другими организациями—76, переведено из других Рабфаков—21.

Партийный состав студентов: членов РКП—65, КСМ—19, беспартийных—180.

Национальный состав: белоруссов—93, евреев—168, великоруссов—3. В настоящий прием зачислено еще 155 человек. Общее число студентов к 1922—1923 акад. году определяется таким образом в 419 человек.

В настоящее время состав факультета следующий:

Президиум состоит из заведующего В. П. Тепина, заместителя его В. И. Корсака и представителя от студентов ст. Красневского. Учебной частью ведает Г. Э. Земель. Преподавателей числилось в истекшем акад. году 26:

По русскому языку—В. П. Тепин.
» » —К. О. Фалькович.
» » —Г. Э. Земель.
» » —Е. А. Гурвич.
» » —С. И. Шабад.
» » —А. И. Зельцер.
» » —И. Л. Гецов.

По математике—К. М. Годыцкий-Цвирко.
» —Б. М. Слепян.
» —А. Н. Кохомская.
» —М. Я. Вагер.
» —В. И. Корсак.

По естествознанию—И. В. Попов,
» —Е. М. Зубкович.
» —М. И. Пинус.
» —Гуревич.

По физике—М. Я. Пелен,
» —Лившиц.

По истории культуры—Кливанский,
» » —Гольдберг,
» » —Герчиков.

По Политич. Экономии—Каган.

Английский язык—Л. Я. Сыркина.

Немецкий язык—Массальская.

Гигиена—врач Писаревский.

Рисование—Кругер.

К началу настоящего учебного года выбыли: преподаватели Гуревич, Лившиц, Массальская и Кругер.

Учебным делом факультета ведает Совет и предметные комиссии—по русскому языку и литературе, физико-математическая, по естествознанию и общественным наукам.

Учебный план занятий истекшего года следующий:

Триместры:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Математика . . .	8	8	8	8	8	8	8	8
Русск. яз. и Ист. Лит.	6	6	6	6	6	6	6	6
История культуры .	3	3	3	3	3	3	4	4
Полит. Экономия .	1	1	1	1	1	1	2	2
Констит. Р.С.Ф.С.Р .	—	—	—	—	—	—	1	1
Историч. Матер. . .	—	—	—	—	—	—	1	1
Экон. География .	—	—	—	—	—	—	2	2
География	2	2	2	2	2	2	—	—
Естествознание . .	4	4	4	6	6	6	4	4
Графич. Грамота .	2	2	2	2	2	2	—	—
Физика	—	—	—	4	4	4	4	4

На последнем курсе установлены три специальных отделения—техническое, биологическое и общественно-экономическое.

Рабфак финансируется частью Отделом Рабфаков Наркомпроса Р. С. Ф. С. Р. и частью Правлением Б. Г. У. из местных средств.

С 1 июня 1921 г. по 1 сентября 1922 г. Рабфак получил, в дензнаках 1922 года, из центра—1.265.957 р. и из местных средств 723.106 руб.

Деньги эти израсходованы след. образом:

На личный состав . . .	961.460 р.
» стипендии студентам . .	430.708 »
» хозяйственные расходы . .	37.883 »
» мебель	149.000 »

» топливо	140.000 р.
» ремонт общежития . . .	200.000 »
» оборудование ест.-истор. кабинета	50.000 »
» учебные пособия . . .	20.000 »
Всего	1.983.063 р.

В настоящем учебном году материальное положение Рабфака значительно улучшилось.

Необходимо особо отметить дружную и спаянную работу студенчества Рабфака, жизнью коего руководят Студком из 9 человек и материально-хозяйственная и культурно-просветительная комиссии.

Несмотря на тяжелое, в общем, материальное положение большинства студенчества, оно полно энтузиазма и жажды знания, лучшим подтверждением чего является издаваемый ими бодрый журнал «Красная Смена».

Факультет Общественных Наук.

Руководящими органами Факультета Общественных Наук являются Совет Факультета и Президиум.

Президиум факультета в 1921—1922 акад. году состоял из: Декана—В. М. Игнатовского, Заместителя декана—С. Я. Вольфсона и секретаря—А. Вознесенского.

В 1922—1923 акад. году в составе президиума произошли изменения: Деканом факультета избран и утвержден Главпрофобром—проф. С. З. Каценбогин, заместителем декана—проф. С. Я. Вольфсон, секретарем—пр. Е. И. Борический.

Учитывая острую потребность Белоруссии в квалифицированных специалистах в областях хозяйства, права, педагогики и языкознания, факультет сконструировался в составе четырех отделений: экономического, правового, педагогического и этнолого-лингвистического.

На факультете числилось всего 739 студентов, из коих: на экономическом отделении—237, на правовом—195, на общественно-педагогическом—221 и на этнологическом—86.

В настоящий осенний прием зачислено на Фон 423 студента.

Профессоров, преподавателей и ассистентов на Факультете состояло 33 человека.

За истекший год состоялось 10 заседаний Совета Факультета на коих обсуждались:

а) кандидатуры профессоров, преподавателей и ассистентов. . . . . . . 6 раз.

б) организационно-научные вопросы . . 55 раз.
в) организационно-технические вопросы . 22 »
г) учебные планы . . . . . . 5 »
д) вопрос о печатании трудов и курсов . 7 »
е) вопрос о помощи голодающим . . 4 »

Заседаний Президиума Факультета было 11; на них обсуждались:

а) кандидатуры профессоров, преподавателей и ассистентов . . . . . . 8 раз.
б) организационные вопросы . . . 23 »
в) организационно-технические вопросы . 101 »
г) взаимоотношения со студенчеством . . 3 »
д) учебные планы . . . . . . 2 »
е) вопрос о помощи голодающим . . . 3 »

Разработкой учебных планов, программ и вопросами научно-академического порядка ведают предметные комиссии.

Заседаний предметной комиссии по правовым и экономическим дисциплинам состоялось –4. На них обсуждались:

а) кандидатуры . . . . . . 6 раз,
б) научно-организационные вопросы . . 6 »
в) учебные планы и программы . . . 4 »

Заседаний предметной комиссии по философским дисциплинам состоялось—3. На них обсуждались:

а) кандидатуры . . . . . . 1 раз,
б) научно-организационные вопросы . . 7 »
в) учебные планы и программы . . . 6 »

Заседаний предметной комиссии по историческим дисциплинам состоялось—2. На них обсуждались:

а) кандидатуры . . . . . . 4 раза,
б) учебные планы и программы . . . 4 »

Заседаний предметной комиссии по новым языкам состоялось—2. На них обсуждались—научно-организационные вопросы —4 раза.

Личный состав профессоров Факультета и учебные планы были уже опубликованы в № 1 «Трудов» Б. Г. У.

В 1921—1922 акад. году прочитаны курсы и выполнены практические занятия в следующем об'еме:

В. Н. Дьяков прочитал на педагогическом отделении в 1-м и 2-ом семестре курс истории Западной Европы XVII–XVIII веков, дав анализ придворно-дворянской культуры в эпоху ее на-

ибольшего развития (преимущественно во Франции — времени Людовика XIV); в частности, проф. Дьяков в своем курсе проследил возникновение идеи и строя абсолютизма в связи с его социально-экономическими и социально-психологическими корнями; дал очерк общественного быта XVII и отчасти XVIII веков, преимущественно во Франции, но с экскурсами и параллелями в Англии и Германии, выделяя культурные явления и черты, которые наложили длительный отпечаток и на последующие культурные периоды; с этими явлениями поставлены в связь и наиболее характерные и яркие явления из области духовной культуры—религии, искусства, литературы и науки 17-го и начала 18-го веков.

На этнолого-лингвистическом отделении проф. Дьяков прочитал в 1-м и 2-м семестре курс «Истории новых европейских обществ», дав анализ положения народных групп—крестьянских и рабочих—в старых европейских обществах и тех настроений, желаний и требований, с которыми они выступали в эпоху великого переворота на грани 18 и 19 в. в.; такая же характеристика дана и тенденциям высших слоев европейских обществ в то же самое время, и то же отмечая преимущественно новые социально-психологические моменты в их настроениях и соответствующие новые системы идей.

На темы этого курса открыты просеминарские занятия и розданы соответствующие задания.

Д. А. Жаринов прочитал в 1-м и 2-м семестре на педагогическом отделении курс истории России в 19 веке—от начала века до крестьянской реформы; курс остался незаконченным за недостатком времени.

Практические занятия на тему: «Общественное движение в России в первой половине 19 в.» за недостатком пособий, проф. Жаринов признает несостоявшимися.

На правовом и экономическом отд. за то же время прочитан законченный курс новейшей истории России от середины 19-го в. до октябрьской Революции.

В. М. Игнатовский прочел в 1-м и 2-м семестре на всех отделениях курс «Истории Белоруссии» до 19-го в. в составе двух периодов ее истории: Полоцкого и Литовско-Белорусского; третий период истории Белоруссии—польской—остался непрочитанным по разным причинам, но вошел в состав зачетной программы.

Н. М. Никольский прочитал в 1-м и 2-м семестре на педагогическом отд. курс «Истории Востока» в об'еме отделов: 1) истории науки (раскопки, дешифрование, историография), 2) общий обзор событий истории Востока, 3) специальный обзор истории Востока, 4) вопрос о панвавилонизме и древне-восточной культуре.

По «Истории Израиля» на этнолого-лингвист. отд. в 1-м и 2-м семестре прочитаны отделы: 1) история текста еврейской

библии; 2) история литературной критики библии и современное состояние главнейших проблем; 3) обзор истории Израиля, кончая характеристикой феодального строя и раскола по смерти Соломона в подробном аналитическом изложении.

В. Н. Перцев в 1-м и 2-м семестре на педагогическом отд. прочитал курс «Истории 19 века» в составе частей: 1) основные направления исторического процесса на Западе в 19 веке, 2) история Франции в 19 в. (от Великой Революции до 1871 г.), 3) история Германии в 19 в. (от конца 18 века до 1871 г.).

Для экономического и правового отд. в этот же период времени прочитан курс истории новейшего времени на Западе, части его 1) вводная часть: основные черты эволюции экономической жизни в Англии, Франции и Германии с конца 18-го до половины 19-го в., 2) история экономического быта в Англии, Франции и Германии с половины 19 в. до начала 20-го века, 3) эволюция политической жизни во Франции с 1871 года до начала 20 века.

А. А. Савич прочитал в 1-м и 2-м семестре на общ.-педагогическом отд. курс истории Московского Государства 16—17 в.в. в об'еме следующих частей: 1) канун великой московской смуты, 2) история смуты, 3) политический, социальный и экономический строй Московской Руси перед эпохой московских преобразований.

Практические занятия велись по изучению источников смутного времени; участники работ должны были представить не менее 3-х работ.

Ф. Ф. Турук вел в 2-м семестре на всех отделениях практические занятия по истории Белоруссии, при чем программа занятий в первой своей части, касающейся критического изучения областных привилеев, выполнена полностью, в части шляхетских—в значительной мере; на темы из указанных областей участниками занятий составлялись письменные работы.

В. И. Пичета прочитал на 1-м и 2-м семестре на экономическом и правовом отд. курс «Истории народного хозяйства за первую половину 19-го века в России» в составе частей: краткий очерк народного хозяйства с IX—XVII в.; характеристика народного хозяйства в 18 веке; основные моменты в истории народного хозяйства в 19-м веке (внешняя политика, торговые договоры, внешняя торговля, внутренняя торговля, состояние фабрично-заводской промышленности, сельско-хозяйственная политика, крепостное хозяйство).

На этнолого-лингвистич. отд. в 1-м и 2-м семестре проф. Пичета прочитал «Историю русской культуры» в составе отделов: территория, экономический строй, сословный строй, политический строй, церковь и государство и проблема востока и запада в русской публицистике.

По «истории евреев Литвы и Польши» на том же отделении и в те же семестры проф. Пичета изложил общий очерк истории Польши и Литвы и историю внутренней организации евреев (управление, кагалы, воады).

На экономическом и правовом отд. в 1-м и 2-м семестре проф. Пичета прочитал также курс «истории хозяйства Белоруссии» в об'еме частей: история народного хозяйства с IX—XVI в. и краткий очерк истории народного хозяйства с XVII—XIX в.

Проф. Пичета вел на тех же отделениях во 2-м семестре просеминарии по истории народного хозяйства России и Белоруссии.

М. Г. Сыркин прочитал на этнолого-лингвистическом отделении в 1-м и 2-м семестре курс античного искусства, не законченный по недостатку времени, а также отдельные части истории еврейского искусства.

Практические занятия велись пр. Сыркиным и его ассистентом Баранским, а затем Щекотихиным на темы из общего эстетического введения в искусство.

Ассистент Щекотихин прочитал во 2-м семестре на этнолого-лингвист. отделении, в порядке семинарских занятий, краткий курс общего введения в искусствознание.

Е. И. Боричевский прочитал во 2-м семестре студентам этнолого-лингвист. отдел. курс поэтики, а также вел со слушателями упражнения в формально-эстетическом анализе образцов поэзии.

А. Н. Вознесенский прочитал в 1-м и 2-м семестре общий курс русской литературы XIX в., включая сюда писателей: Карамзина, Жуковского, Крылова, Батюшкова, Козлова, Одоевского, Рылеева, Нарежного, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя вместе с изложением культурно-исторической среды, в виде общественно-политических и умственных течений, а также и литературных направлений (т. н. ложный классицизм, сентиментализм, романтизм и художественный реализм); вел также практические занятия в пределах того же общего курса русской литературы XIX в., которые состояли в том, что участники работ составляли письменные рефераты, которые читались и обсуждались в часы практических занятий.

М. Н. Петухович во 2-м семестре на этнолого-лингвист. отделении прочитал курс белорусской народной устной словесности, состоящий из следующих частей: 1) собирание произведений народной словесности, 2) обрядовая поэзия, 3) бытовая поэзия, 4) сказки и легенды, 5) духовные стихи.

Н. В. Шаров прочитал в 1-м семестре на этнолого-лингвистическом отделении введение в изучение устной словесности.

И. Я. Герцык прочитал на правовом и экономическом отд. в 1-м и 2-м семестре курс «Политической экономии» в составе

частей: определение и методология науки политической экономии; формы народного хозяйства (историческая часть); законы капиталистического развития (теоретическая часть); новейшая фаза в развитии капиталистического общества. Тот же курс, но с пропуском последней части—новейшая фаза в развитии капиталистического общества—был прочитан в 1-м и 2-м семестре и студентам педагогического отделения. Одновременно Герцык вел 2 просеминария по политической экономии, на которых читались и разбирались главы из I-го тома Адама Смита «Исследования о богатстве народов», из I тома «Капитала» Маркса и I тома «Современного капитализма» Зомбарта; кроме того студентами было прочитано несколько письменных рефератов на разные темы из политической экономии.

В тех же семестрах для всех отделений Герцык прочитал курс по истории социализма в составе отделов: социализм в древности; христианский коммунизм. Утопический социализм, кончая эпохой революции 48 г. Вел просеминарские занятия по социализму, которые заключались в том, что студенты составляли рефераты и читали их в часы, назначенные для практических занятий.

В. В. Якунин прочел в 1-м и 2-м семестре на экономическом и правовом отделении курс «Истории хозяйства и форм труда» в следующем об'еме: введение, системы хозяйства до исторической эпохи, древнего мира: восточные народы; Греция; Рим, хозяйство раннего и позднего средневековья.

Из курса «Наука о финансах» на тех же отделениях в 1-м и 2-м семестре В. В. Якунин прочел отделы: общие понятия; развитие государственного хозяйства; домены; регалии; налоги; пошлины; бюджет.

С. Я. Вольфсон в 1-м и 2-м семестре на всех отделениях прочел курс «Исторического материализма» в об'еме следующих отделов: общие представления об идеалистическом и материалистическом подходе к природе и обществу; материалистическая мысль античного мира; эмпирическая философия; французский материализм XIX в. и механический материализм; противоматериалистическая реакция начала XIX века; диалектический материализм, его философия и социологическая сущность. Просеминарские занятия с 40 участниками и семинарские с 25 в 1-м и 2-м семестре велись на всех отделениях: заседаний просеминария—16, семинария—19.

С. З. Каценбогин на всех отделениях в 1-м и 2-м семестре прочитал курс «Пролетарской революции» в составе отделов: введение (метод, об'ем, задачи курса и основные его положения); историческая его часть—эпоха торгового, промышленного и финансового капитализма, включая анализ социально-экономических условий эпохи и революционного движения; теоретическая часть—теория пролетарской революции, как теория научного социализма,

основные тенденции капитализма, Zusammenbruchstheorie, социология марксизма, марксистское обоснование завоевания власти, государства, демократии, диктатуры; вопрос о расколе в международном социалистическом движении и опыты пролетарских революций.

Со 2-го семестра велись практические занятия.

Д. М. Мейчик в 1-м и 2-м семестре на педагогическом отд. вел «Толкование памятников др.-русск. права» княжеского периода, об'ясняя происхождение каждого памятника и его значение и обращая особенное внимание на состояние дошедших до нас текстов, на значение отдельных выражений и на содержание соответственных юридических норм.

На правовом отделении за то же время преподаны были основы понятия о праве вообще и гражданском в частности, об источниках права—обычае и законе, их применении и толковании, о лицах физических и юридических, об об'ектах прав на имущества, юридическом отношении, юридических событиях и действиях, юридических сделках, их возникновении и прекращении, главных составных частях и случайных.

Велись одновременно с этим и практические занятия, заключавшиеся в том, что студенты составляли и читали свои работы на разные темы из области права, подвергавшиеся затем обсуждению.

Г. С. Гурвич прочитал в 1-м и 2-м семестре на педагогическом, этнолого-лингвистическом и экономическом отд. курс «Конституция Р. С. Ф. С. Р.» в об'еме отделов: понятие конституции, как основных законов; декларации прав и их значение; общие черты государства, как исторические категории; характеристика государства пролетариата; характер революционной власти; советские формы диктатуры в связи с очерком основных черт парламентаризма; советское избирательное право в связи с характеристикой всеобщего избирательного права в его модификациях.

На правовом отделении прочитано «Введение в государственное право Р. С. Ф. С. Р.» в составе отделов: методы изучения государства и государственного права; теория происхождения государства; вопрос о существе государства; его возникновение и роль в освещении исторического материализма; характерные черты 4-го типа государства—пролетарского; источники государственного права советской республики; советская конституция и государственная советская практика; особенности советской конституции, порядок ее пересмотра, причины гибкости.

В. Н. Ивановский прочитал в 1-м и 2-м семестре на всех отделениях курс «Логики и методологии» в составе отделов: 1) культурные системы, 2) понятие философии, 3) наука, 4) классификация наук, 5) основы научной методологии: методы

наук математических, реальных, исторических, философских, 7) точка зрения теории познания (гносеология), главные гносеологические направления, 8) понятие научного мировоззрения, его элементы, 9) понятие метафизики (онтология, космология), 10) общее понятие об аксиологии (теории оценок).

На тех же отделениях и за то же время проф. Ивановским прочитан также курс «Истории мировоззрения» в об'еме отделов: 1) общие понятия об истории и истории философии; 2) греческая философия и вопрос об отношении ее к философиям и религиям древнего востока; 3) атмосфера духовной жизни древней Греции: крушение старого религиозного мировоззрения; 4) милетская философия; 5) Гераклит, 6) Пифагор и пифагорейцы; 7) элейская школа; 8) Эмпедокл, Анаксагор, атомисты; 9) софисты; 10) Сократ и сократические школы.

По тем же курсам велись и практические занятия.

С. А. Аквилонов вел во 2-м семестре со студентами всех отделений просеминарий по вопросам феноменологии мышления и условий его истинности, а также исполнял обязанности ассистента при занятиях проф. Ивановского; участие студентов в просеминарии Аквилонова выразилось в анализе образцов мышления и решении логических задач.

И. М. Соловьев на этнолого-лингвистич. и педагогическом отд. в первом и втором семестре прочитал курс общей психологии в его основных частях.

Во 2-м семестре на тех же отделениях проф. Соловьев вел семинарские занятия на темы: развитие социальных чувств, типы памяти и развитие воли.

В. В. Перебилло вел во 2-м семестре просеминарские занятия на этнолого-лингвист. и педагогическом отд. по психологии, которые заключались в реферировании участниками их отдельных исследований и монографий по психологии.

Я. Лесик в 1-м и 2-м семестре на всех отделениях прочел по истории белорусского языка отделы: белорусский народ и его язык, белорусский литературный язык, история белорусской письменности.

Из белорусской грамматики он же прочел элементарные основы белорусского правописания.

Велись также на всех отделениях и практические письменные работы, а на этнолого-лингвистич. отд. велись семинарские занятия.

Г. Э. Земмель за 2 семестра на этнолого-лингв. отд. прошел попутно, при чтении текста Caesaris de bello Gallico, главные отделы этимологии и синтаксиса латинского языка.

Преподавание иностранных языков—немецкого, французскоого, английского и польского велось в 1-м и 2-м семестре на всех

отделениях. Студенты, изучавшие языки в об'еме низшего, среднего и высшего курсов были разбиты, в зависимости от их познаний, на группы: младшая, средняя и высшая.

Французский язык преподавали: Буржуа, Портнова, Полоновская; английский—Блох; польский—Ковалевская; немецкий—Прейсберг, Сыркина, Сегаль.

В настоящем 1922—1923 акад. году Факультет общественных наук реорганизован. Общественно-педагогическое и этнолого-лингвистическое отделения включены в состав ныне организованного педагогического факультета. Таким образом, факультет общественных наук состоит в настоящее время из двух отделений —экономического и правового. Исходя из необходимости, кроме широкого теоретического образования, дать возможность студентам избрать ту или иную специальность и учитывая нужду края в квалифицированных специалистах хозяйственниках, кооператорах и финансистах, со 2-го курса на экономическом отделении вводятся специальные циклы, которым будет уделено особенное внимание: административно-промышленный, кооперативный и финансовый.

К работам по организации и постановке преподавания на означенных циклах привлечены соответствующие заинтересованные организации.

В 1922—1923 акад. году занятия на Факультете Общественных Наук будут вестись по нижеследующим учебным планам:

Экономическое отделение.

1-й курс.

1. Исторический материализм . . С. Я. Вольфсон.
2. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
3. История социализма до 48 г. . . И. Я. Герцык.
4. История революц. движ. на Западе в связи с историей научного социализма С. З. Каценбогин.
5. История России в 19 веке . . Д. А. Жарвнов.
6. История Запада в 19 веке . . В. Н. Перцев.
7. История Белоруссии в 19 и 20 в. . В. М. Игнатовский.
8. Политическая экономия . . . И. Я. Герцык.
9. История хозяйства и форм труда . В. В. Якунин.
10. История народного хозяйства в России В. И. Пичета.
11. История народного хозяйства Белоруссии (аграрные отношения) . . В. И. Пичета.
12. Наука о финансах . . . . В. В. Якунин.
13. Теория статистики . . . . Вакансия.
14. Государственное право Р.С.Ф.С.Р. . Г. С. Гурвич.
15. Белорусский язык . . . . Я. Лесик.

16. Иностранный язык . . . .
17.
18. 2 из следующих просеминариев:
1. Исторический материализм . . С. Я. Вольфсон.
2. Политическая экономия . . . И. Я. Герцык.
3. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
4. Наука о финансах . . . . В. В. Якунин.
5. Теория статистики . . . . .
6. История нар. хозяйст. в Зап. Европе 19 в. . . . . . В. И. Перцев.
7. История народ. хозяйства в России . Д. А. Жаринов.

2-й курс.

1. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
2. Денежное обращение . . . И. Я. Герцык.
3. История экономических учений . . И. Я. Герцык.
4. История России 20 века . . . С. А. Пионтковский.
5. Экономическая география России и Белоруссии . . . . . Е. С. Канчер.
6. История народного хозяйства в России. В. И. Пичета.
7. Экономика сельского хозяйства . . Е. С. Канчер.
8. Современное мировое хозяйство . . С. Я. Вольфсон.
9. Теория кооперации . . . . Вакансия.
10. Общее счетоводство . . . . В. В. Якунин.
11. Белорусский язык . . . . Я. Лесик.
12. Иностранный язык . . . .

Админ.-промышл. цикл	Кооперативный
13. Осн. высш. матем. П. С. Пятосин.	13. Ист. коон. в Рос.
14. Физика . . . Е. Е. Сиротин.	14. Ист. » в Белор.
15. Основы химии . А. С. Усов.	15. С.-х. » Е. С. Канчер.

С е м и н а р и и:

16. История нар. хоз. в России и Белоруссии В. И. Пичета.
17. Эконом. география России и Белоруссии Е. С. Канчер.

18. Лесн. промышл. Пр. В. И. Переход.	19. Общее счетоводство В. В. Якунин.

Финансовый.

	Семинарии:
13. Техн. банк. д. И. Я. Герцык.	16. Тех. банк. д. Герцык.
14. Бюдж. и его орг. в Р.С.Ф.С.Р.	17. Бюдж. политика.
15. Налог. организ.	18. Общее счетовод. В. Якунин.

Все 3 семинарии обязательны.

Правовое отделение.

1-й курс.

1. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
2. Исторический материализм . . С. Я. Вольфсон.
3. Политическая экономия . . . И. Я. Герцык.
4. Наука о финансах , . . . В. В. Якунин.
5. История революц. движения на Западе в связи с истор. научн. социализма . С. З. Каценбогин.
6. История институтов гражданск. права А. М. Винавер.
7. Введение в учение о праве . . вакансия.
8. История России 19 в. . . . Д. А. Жаринов.
9. История Запада 19 в. . . . В. Н. Перцев.
10. История Белоруссии 19 и 20 в. . В. М. Игнатовский.
11. История социализма до 1848 г. . . И. Я. Герцык.
12. История русского и белорусского права В. И. Пичета.
13. Теория статистики . . . . вакансия.
14. История народного хозяйства в России. В. И. Пичета.
15. Государственное устройство Р.С.Ф.С.Р. Г. С. Гурвич.
16. Белорусский язык . , . . Я. Лесик.
17. Иностранный язык . . . . .

Просеминарии:

1. Толкование применений норм права и просеминарии экономического отделения 1 курса . . . . . . Н. М. Гутковский.

2-й курс.

1. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
2. Современное мировое хозяйство . . С. Я. Вольфсон.
3. История институтов гражданского права А. М. Винавер.
4. Теория статистики . . . . не замещена.

5. История народного хозяйства в России. В. И. Пичета.
6. История русского и белорусского права В. И. Пичета.
7. Уголовное право . . . . С. П. Мокринский.
8. Административное право . . . А. В. Горбун в.
9. Гражданское право общее и Р.С.Ф.С.Р. Г. М. Марков.
10. Государственное право . . . Г. С. Гурвич.
11. Земельное право . . . . Г. М. Марков.
12. Белорусский язык . . . . Я. Лесик.
13. Иностранный язык . . . .

Семинарии:

1. Уголовное право.
2. Гражданское право.
3. Административное право.
4. Государственное право.

Из них обязательны 3 семинария.

Состав профессоров факультета в настоящее время, как это явствует из учебных планов, значительно пополнен.

Кроме указанных в учебных планах профессоров, выразила свое согласие на чтение эпизодических курсов по истории философии профессор Московского Университета—Л. И. Аксельрод (Ортодокс). При Фак. Общ. Наук с *текущего* года будет функционировать кабинет по экономическим и правовым дисциплинам.

Медицинский факультет.

Организация Медицинского Факультета, преподавание на котором основано почти исключительно на лабораторном методе, потребовала от Правления Университета особенно напряженных усилий.

К началу 1921—2 акад. года почти все предусмотренные учебными планами кафедры были замещены, лаборатории и кабинеты до некоторой степени оборудованы, и занятия начались сравнительно безболезненно, протекая без значительных перебоев.

Однако, подавляющая часть организационной работы по оборудованию лабораторий и экспериментальных и демонстративных курсов была еще впереди.

Президиум Факультета до июля 1922 г. состоял из декана проф Кроля, заместителя д-ра Перельмана и Секретаря пр. А. Федюшина.

В настоящее время деканом факультета является проф. М. П. Соколовский. На 1-й курс факультета в 1921 г. было принято 387 студентов, из коих после двух перерегистраций осталось

330. В настоящий осенний прием на все курсы факультета принято всего 239 студентов. Занятия велись профессорами и преподавателями, согласно учебным планам, опубликованным в № 1 «Трудов».

За отсутствием профессуры не читались лишь курсы по гистологии и минералогии.

При факультете, благодаря чрезвычайной энергии профессуры, были сорганизованы следующие научно - вспомогательные учреждения:

1) анатомический театр, 2) анатомический музей, 3) химическая лаборатория, 4) ботаническая лаборатория, 5) зоологическая лаборатория и 6) физический кабинет.

В 1921—1922 акад. году прочитаны были курсы и выполнены практические занятия в следующем об'еме:

Анатомия *).

Период времени от мая по сентябрь прошлого года был использован для ремонта и приспособления здания под институт нормальной анатомии. Параллельно с ремонтом и приспособлением помещений для института началась работа по оборудованию института научными и учебно-вспомогательными пособиями.

До начала занятий удалось заготовить необходимое количество костей и скелетов (до 400 отдельных костей—в том числе и черепа, 3 готовых связанных скелета со штативами), до 50 учебников и атласов по анатомии, необходимый инструментарий, химические реактивы для хранения и консервирования трупов.

К началу учебного года было заготовлено до 100 художественно исполненных анатомических таблиц, вставленных в рамы и развешенных по стенам секционных помещений и Studiensaal'a для обзора и пользования студентами.

Удалось приобрести до 50 таблиц по топографической анатомии.

К началу учебного года кафедра анатомии была замещена проф. Карузиным, при и. об. прозектора д-ре Перельмане и ассистентах д-рах Борухине и Таубкине.

Прием зачетов по первому отделу анатомии—остеологии человека начался в конце ноября прош. года и продолжался в установленные дни до конца февраля месяца с. г. Только по сдаче зачета по остеологии студент допускался к практическим занятиям на трупах по следующим отделам анатомии—миологии и синдесмологии. Студенты приступали к практическим занятиям на трупах по мере сдачи зачета по остеологии, и группы по 8—10 человек получали труп для занятий. Занятия велись под непосредственным руководством и наблюдением и. д. прозектора

*) В лаборатории, между прочими работами, была закончена научная работа проф. Лепешкина по изучению процессов, наблюдаемых в клетках при их отмирании.

и ассистентов; при чем каждая группа при изобилии трупного материала, каковым располагал институт в истекшем учебном году, отрабатывала 2—3 трупа.

К концу февраля месяца сдавших зачет по остеологии и допущенных к практическим занятиям на трупах оказалось 335 человек. По числу имеющихся в институте 18 секционных столов такое же число групп студентов по 8—10 человек в каждой одновременно могло быть допускаемо к практическим занятиям. В связи с указанной емкостью секционных помещений устанавливалась очередь допущения к практическим занятиям по мере сдачи зачета по остеологии. К концу марта месяца практические занятия по миологии и синдесмологии почти всеми студентами были выполнены. Некоторая же часть студентов в истекшем учебном году выполнила также практические занятия и по спланхнологии.

Когда большинство студентов приступило к практическим занятиям на трупах, ассистентами в промежутках между приездами проф. Карузина группам студентов систематически излагался второй отдел анатомии человека — миология с синдесмологией. За истекший учебный год в анатомическом институте было отпрепарировано и использовано для учебных целей до 80 трупов. Институт обладает довольно значительным количеством костного материала, подвергаемого в настоящее время мацерации для изготовления костных препаратов.

Приготовлено сравнительно значительное количество костного материала, до 50 анатомических препаратов по миологии и спланхнологии.

Физика—часть курса читалась проф. Андреевым, за отъездом коего, обозрения по этому предмету не имеется.

Кафедра ботаники.

В истекшем учебном году лекции по ботанике читались профессором В. В. Лепешкиным, в количестве 4 ч. в неделю. Лекции, насколько это позволяло довольно скудное оборудование ботанической лаборатории, сопровождались демонстрацией таблиц, опытов и препаратов. Курс был прочитан в полном об'еме. Практические занятия с микроскопом (изготовление студентами микроскопических препаратов) происходили лишь в осеннем триместре, т. к. вследствие отсутствия топлива температура в лаборатории в весеннем триместре стояла ниже нуля. С появлением весенней флоры были устроены экскурсии и начались практические занятия по определению растений.

При демонстрации на лекциях и при практических занятиях профессору помогала ассистентка—преподавательница Е. А. Лепешкина.

Благодаря небольшим средствам, отпущенным на оборудование лаборатории, удалось приобрести лишь таблицы, гербарий, кое-какую посуду, препаровальные инструменты и реактивы.

Микроскопами (в числе 21) пользовались одновременно на практических занятиях как по ботанике, так и по зоологии. В настоящее время отпущены новые средства, которые позволят приобрести некоторые приборы для демонстрации опытов по физиологии растений.

Зоология.

В течение отчетного академ. года преп. А. В. Федюшиным прочитан курс общей биологии и зоологии беспозвоночных. Чтение лекций сопровождалось демонстрированием таблиц и рисунков и теми, правда, скудными натуральными пособиями, кои удалось раздобыть. Практические работы велись в весеннем семестре с 10 группами студентов на материале, который можно было получить зимой путем культур и на готовых микроскопических препаратах, применительно к читаемому курсу. Отсутствие покровных стекол, многих реактивов и лабораторного материла в значительной степени затрудняло выполнение работ в полном об'еме, что и вынудило часть практических работ перенести на второй курс.

Получение небольших средств на оборудование лаборатории дало возможность приступить к организационной работе с начала лета, главным образом, к обзаведению необходимым инвентарем и сбору коллекционного и лабораторного материала для практических работ.

Кроме того, изготовлен ряд серий микроскопических препаратов для занятий с микроскопом.

Изготовлено и монтировано до 100 спиртовых и формалиновых препаратов из местной фауны и из материала, полученного путем покупки с Мурманской биологической станции, Баренцова моря и Байкала.

В зоологическом кабинете всего к 1 сентября 1922 года состояло инвентарных №№ 732, не считая недавно поступивших, сырых необработанных сборов, которые будут внесены в списки кабинета по окончании обработки.

Покупкою приобретено от Госуд. мастерск. наглядн. пособий в Москве 19 спиртовых препаратов, главн. образом, морских форм, коллекция сухих морских звезд, системат. коллекция насекомых, коллекция по мимикрии и половому диморфизму.

Кроме того спиртовой материал по Echinodermata для практ. работ, посуда, ящики для энтомологич. коллекций, инструментарий для препаровки и др. необходимый инветарь и пособия.

Высшая математика—читалась пр. Пятосиным.

П р о г р а м м а:

Элементы введения в анализ. Понятие о производном дифференциале. Дифференцирование простейших функций. Метод координат. Отдел о прямой линии из аналитической геометрии.

Химия неорганическая

Лаборатория неорганической химии начала организовываться лишь после приезда в ноябре месяце минувшего года заведующего лабораторией проф. Б. М. Беркенгейма в г. Минск. Небольшая часть оборудования (фарфоровая посуда, штативы и др.) была приобретена проф Б. М. Беркенгеймом в Киеве, часть реактивов и посуды была получена из Москвы по разверстке. Из числа мебели, заказанной правлением Б. Г. У., химическая лаборатория получила 13 четырехместных химических столов. Значительное подкрепление лаборатория приобрела благодаря содействию Наркомздрава, которым лаборатории были безвозмездно предоставлены некоторые реактивы, медикаменты и аптечная мебель из архивного склада Наркомздрава, а равно перегонный куб, двое аналитических весов и одни аптечные весы.

Некоторое количество посуды и предметов оборудования поступило в лабораторию из Строительного техникума.

В течение ноября и декабря месяцев помещение лаборатории, состоящее из аудитории на 100—125 человек, зала для практических занятий на 32 места, профессорской, лаборантской, материальной, препараторской, моечной и весовой комнат, было отремонтировано, снабжено железными печами, оборудовано электрическим освещением, остеклено и приспособлено в мере возможности для занятий, которым однако сильно препятствовало отсутствие топлива, водопровода, достаточного количества посуды, реактивов и предметов оборудования.

Тем не менее, в начале января проф. Б. М. Беркенгеймом было начато чтение курса неорганической химии для медиков по 6 ч. в неделю вместо предусмотренных в программе 4 ч., благодаря чему к концу учебного года курс смог быть закончен. Параллельно были организованы под руководством заведующего лабораторией и лаборантки университета Т. И. Беркенгейм практические занятия по общей химии, происходившие по группам (12—10 групп) по 2 часа в неделю для каждой группы из 25 человек. Занятия были проведены, вследствие недостачи приборов, реактивов и посуды в сокращенном об'еме. Однако, в течение семестра студенты имели возможность ознакомиться практически со свойствами некоторых важнейших химических соединений, их добыванием, с решением стехиометрических задач, составлением химических уравнений, а равно и с некоторыми аналитическими количественными методами, (определение кристаллизационной воды, ацидиметрическое и оксидиметрическое титрование и др.).

Независимо от учебных занятий лаборатория неорганической химии, несмотря на ее примитивное оборудование, была привлекаема к помощи при экспертизах и консультациях по заданиям Р. К. И., Внешторга, Наркомзема, для которых лабораторией были произведены экспериментальные испытания аналитического характера, как то: экспертиза подлинности аналиновых красок, костной муки, фармацевтических препаратов.

Личный состав лаборатории состоял в отчетном году из заведывающего проф. Б. М. Беркенгейма, ассистента А. Г. Хомича, лаборанта Т. И. Беркенгейм, препоратора М. У. Эльяшева и двух служителей. В течение года состав изменился: ассистент А. Г. Хомич выбыл из состава лаборатории и был замещен Т. О. Цеттерман, препоратор Эльяшев уехал из Белоруссии.

Научная работа в лаборатории не могла развернуться в надлежащей степени, благодаря неприспособленности лаборатории и отсутствию необходимого оборудования. Исследование в области действия электролитов на осаждаемость эмульсии, начатое проф. Б. М. Беркенгеймом совместно с Т. И. Беркенгейм, не закончено и нуждается в опытах, не могущих быть выполненными при настоящем состоянии лаборатории.

За отчетный год было прочитано 48 двухчасовых лекций и состоялось 82 двухчасовых практических занятия. Зачет по практическим занятиям получили 108 студентов. Успешно выдержали экзамен по курсу неорганической химии до 25 сентября 159 чел.

К началу предстоящего года лаборатория неорганической химии уже оборудована водопроводом во всех комнатах и получила от АРА некоторое дополнительное оборудование (весы, некоторые реактивы, пять керосиново-газовых печей для кипячения и др.). Кроме того, на пополнение инвентаря, истраченных реактивов, горючего материала и разбитой посуды лаборатория получила некоторые кредиты, благодаря которым она окажется в состоянии пропустить часть студентов в течение ближайшего же семестра.

Курс психологии—проф. В. Н. Ивановского во втором семестре 1921—22 уч. года имел вводный, пропедевтический характер. Были изложены следующие вопросы: 1) понятие науки в его отношении к другим «культурным системам»; 2) классификация наук; 3) место психологии среди других наук; 4) основные методы наук математических и естественных, в частности психологии; 5) основные группы психологических явлений,—«психология без души»; эмпирическое изучение сознания.

За лето Правлением Университета и Деканатом Факультета был принят ряд мер для организации 2-го и 3-го курсов;—приглашен ряд новых профессоров: на кафедру физиологии—пр. Розанов, анатомии—пр. С. И. Лебедкин, физики—пр. Е. Е. Сиротин, на кафедру фармации, фармакогнозии и фармакологии—Проф. Бестужев, на кафедру общей хирургической патологии—проф. М. П. Соколовский, на кафедру врачебной диагностики—проф. С. М. Мелких, на кафедру патологической анатомии—проф. Винтелер, на кафедру органической химии—проф. Усов, пр. Найдус.

Ведутся переговоры о замещении кафедр бактериологии и гистологии.

На отпущенные правлением 26 миллиардов рублей приобретена необходимая мебель и оборудование.

Кроме того от Главпрофобра Р. С. Ф. С. Р. получено 14 микроскопов и химическая посуда.

Необходимо отметить, что в работах по организации Медфака значительное участие принимали Военкомат и Академическая студенческая секция.

Учебный план 1-го, 2-го и 3-го курсов Мед. факультета на 1922—1923 ак. год следующий:

Предметы	Первый курс						Второй курс						Третий курс					
	I трим.		II трим.		III трим.		I трим.		II трим.		III трим.		I трим.		II трим.		III трим.	
	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.	Лекц.	Прак. зан.
Анатомия	4	6	4	6	4	6	4	6	4	6	4	6	—	—	—	—	—	—
Зоология	4	2	4	2	4	—	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ботаника	4	2	4	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Минералогия	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Химия неорган.	4	4	4	2	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Белоруссовед.	2	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Высш. математ.	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Физика	4	2	4	2	4	2	4	2	4	2	4	2	—	—	—	—	—	—
Гистол. и эмбр.	4	4	4	4	4	4	4	6	4	6	4	6	—	—	—	—	—	—
Органич. химия	—	—	—	—	4	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Аналитич. химия	—	—	—	—	—	4	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Общеобр. пол. пр.	2	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Физиология	—	—	—	—	—	—	6	2	6	2	6	2	—	—	—	—	—	—
Физиол. химия	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	4	2	—	—	—	—	—	—
Фарм. и фармк.	—	—	—	—	—	—	4	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—
Патолог. анатом.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	4	2	4	2
Общ. патология	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	4	—	4	—
Бактериология	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	3	1	3	1
Фармакология	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	4	—	4	—
Хирург. патология, десмургия и уч. о вывихах и перев.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	4	2	4	2
Врачеб. диагн. с общей терапией	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4	6	4	6	4
Частная паталогия и терапия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	4	2	4	2
История медиц.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—
Психология	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—
	32	20	32	18	34	20	30	22	34	22	28	18	29	11	33	11	33	11
	52		50		54		52		56		46		40		44		44	

Педагогический факультет.

Отсутствие достаточного числа квалифицированных педагогов-естественников, математиков, лингвистов и историков—одно из самых слабых и незащищенных мест на всероссийском фронте просвещения. Поэтому открытие с настоящего академического года при Белорусском Государственном Университете нового педагогического факультета следует признать совершенно своевременным и безусловно целесообразным начинанием.

Педагогический факультет открывается в составе четырех отделений: 1) социально-исторического (бывшего общественно-педагогического Фона), 2) этнолого-лингвистического, 3) естественного и 4) математического.

Факультет возглавляется президиумом из: Декана проф. В. М. Игнатовского, заместителя Декана и заведывающего гуманитарными отделениями проф. Н. М. Никольского, заведывающего естественным и математическим отделениями—пр. И. С. Пятосина и секретаря факультета—пр. А. Н. Вознесенского. Зачислено в настоящий осенний прием на Педфак 387 студентов. За отсутствием достаточного кадра преподавательских сил в истекшем году не представлялось возможным широко развернуть работу языковых (белорусской, русской, еврейской и польской) секций этнолого-лингвисческого отделения. В настоящем году лингвистическая часть обеспечена преподавательскими силами, в лице приглашенных проф. Панасюка и проф. Соколова. Для преподавания специальных предметов на секциях приглашены профессора: на кафедру русской литературы—Замотин, белорусской литературы и фольклора—академик Карский, средневековой еврейской литературы и древне-еврейского языка проф. Маркон, новейшей истории евреев —проф. Лозинский, польской истории и литературы—проф. Мархлевский и Бабинский, кроме того, ведутся переговоры со специалистами по семитской лингвистике, германской филологии, археологии и этнографии Белоруссии.

На социально-историческом отделении кафедры по историческим дисциплинам замещены, благодаря переезду в Минск проф. Дьякова, Жаринова, Никольского и Перцева. На кафедру по истории средних веков приглашен проф. Ясинский.

При факультете, кроме организованного еще в истекшем году кабинета русской истории, открываются: кабинет по искусству, в пользование которого пр. М. Г. Сыркин предоставил свою специальную библиотеку (свыше 1000 томов) и которому передано 146 фототипических снимков с произведений искусства разных эпох; кабинет истории религий, в который поступило из ликвидированного при Смоленском университете кабинета около 3300 томов; кабинеты всеобщей истории и истории литературы, для которых выделено значительное количество книг из фундаментальной библиотеки.

С текущего года предположено возложить на предметные комиссии и функции содействия научно исследовательским работам членов комиссий.

Если социально-историческое и этнолого-лингвистическое отделения, уже функционировавшие в прошлом году, приходилось только расширять, то физико-математическое и естественное отделения Педагогического факультета надо было организовывать полностью.

Укомплектование 1-го курса физико-математического отделения преподавательским персоналом не встретило особенных затруднений. Приглашены: по кафедре астрономии и механики— проф. А. А. Михайловский, высшей математики—пр. И. С. Пятосин и ассистентом при кафедре высшей математики—пр. В. К. Дыдырко. Остальные кафедры замещены профессорами и преподавателями дисциплин общеобразовательного и педагогического характера. На кафедру физики приглашен пр. Сиротин.

Организация естественного отделения разрешалась наличием необходимых для преподавания сил на медицинском факультете.

Гораздо сложнее и труднее организация учебно-вспомогательных учреждений—лабораторий и кабинетов, имеющих решающее для преподавания на естественном отделении значение. Правда, основные лаборатории и кабинеты по химии, зоологии и ботанике имеются на медицинском факультете и, понятно, будут использованы и для естественного отделения. Тем не менее, организацию учебно-вспомогательных учреждений естественного отделения еще нельзя считать законченной. Много работы еще впереди.

Учебный план Педагогического Факультета на 1922—1923 акад. год.

Социально-Историческое Отделение.

1-ый курс.

1.	Логика и методология	В. Н. Ивановский.
2.	Психология	И. М. Соловьев.
3.	История мировоззрения	В. Н. Ивановский.
4.	Исторический материализм	С. Я. Вольфсон.
5.	Политическая экономия	И. Я. Герцык.
6.	История социализма	И. Я. Герцык.
7.	Государственное право	Г. С. Гурвич.
8.	Анатомия и физиология ребенка	
9.	История Белоруссии	В. М. Игнатовский.
10.	История России в XIX веке	Д. А. Жаринов.
11.	История России в 18 веке	А. А. Савич.
12.	История Зап. Европы 17 и 18 веке	В. Н. Перцев.
13.	История XIX века	В. Н. Перцев.
14.	История Греции	В. Н. Перцев.

15. Древнейшая история (Восток) . . Н. М. Никольский.
16. Белорусский язык . . . .
17. Латинский язык . . . .
18. Иностранный язык . . . .
19. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
20. История революц. движ. на Зап. в связи с историей науч. соц. . . С. З. Каценбогин.

Просеминарии.

1. По истории Белоруссии . . В. И. Пичета.
2. По истории общест. движ. в России в первой пол. 19 века . . . Д. А. Жаринов.
3. По истории древн. востока . . Н. М. Никольский.
4. По истории Петровского царств. . А. А. Савич.
5. По новой истории . . . В. Н. Дьяков.
6. По общим вопросам искусства . . Н. Н. Щекотихин.
7. По истории Греции . . . . В. Н. Перцев.

Обязательны два просеминария: один—по общим дисциплинам, другой—по историческим наукам.

2-ой курс.

1. Генетическая социология . . . С. З. Каценбогин.
2. Экономическая география Белор. . Е. С. Канчер.
3. История Греции . . . , В. Н. Перцев.
4. История Европы в нов. время . . В. Н. Дьяков.
5. История нар. хоз. Белорус. . . В. И. Пичета.
6. История России 18 века . . . А. А. Савич.
7. История Белорус. культуры 19 века . В. М. Игнатовский.
8. История раннего христианства . . Н. М. Никольский.
9. История средних веков . . . Ясинский,
10. История Польши . . . . Бабинский.
11. История культурного движения Белоруссии 16—18 век. . . . А. А. Савич.
12. Теория образов. и воспитания . . Н. М. Соловьев.
13. Анатомия и физиология ребенка .
14. История России XX века . . . С. А. Пионтковский.
15. Белорусский язык . . . .
16. Иностранный язык . . . .

Семинарии.

1. По новой истории . . . . В. Н. Дьяков.
2. По истории Белоруссии . . . В. И. Пичета.
3. По истории крестьянского вопроса в Европе в XIX веке . . . В. Н. Перцев.
4. Положение 19 февраля 1861 г. . . Д. А. Жаринов.
5. По чтению и толкованию Наказа Екатерины II . . . . . А. А. Савич.

Этнолого-Лингвистическое отделение.

1-й курс.

1.	Логика	В. Н. Ивановский.
2.	Психология	И. М. Соловьев.
3.	Анатомия и физиология ребенка	
4.	Исторический материализм	С. Я. Вольфсон.
5.	История социализма до 1848 г.	И. Я. Герцык.
6.	История мировоззрения	В. Н. Ивановский.
7.	История новых Европ. обществ	В. Н. Дьяков.
8.	Введение в языковедение	Н. Н. Соколов.
9.	Введение в историю искусства	М. Г. Сыркин.
10.	Поэтика в связи с историей литературных форм	Я. Лесик. Е. И. Боричевский.
11.	Белорусский язык	
12.	История Белорусской культуры	В. М. Игнатовский.
13.	Иностранный язык	
14.	Генетическая социология	С. З. Каценбогин.

Польская секция.	Русская секция.
15. История польской письменности.	15. Истор. русской народн. поэзии.
16. История польской литературы.	16. История русской литературы.
17. Польский язык.	17. Латинский язык.
18. Латинский язык.	

Белорусская	Еврейская.
15. Ист. старой белорусск. письм.	15. Ист. Израиля—Н. М. Никольский.
16. Ист. белорус. народ. поэзии—М. Н. Пиотухович.	16. Ист. средневек еврейск литер.—И. Ю. Маркон.
17. История русской литературы.	17. История русской литературы.
18. Латинский язык.	18. Латинский язык.
	19. Ново - еврейский язык—Гольдберг.
	20. Немецкий язык.

Просеминарии.

1. По изучению творчества Пушкина—Е. И. Боричевский.
2. По белорусской народной поэзии—М. Н. Пиотухович.
3. По истории русской литературы (40—60 г.)—А. Н. Вознесенский.
4. По истории средневековой евр. лит. И. Ю. Маркон. (для евр. секции).
5. По искуствознанию—Н. Н. Щекотихин.
6. По логике—С. А. Аквилонов.

Обязательны два просеминария: один из них по избранной специальности.

2-ой курс.

1. Генетическая социология	С. З. Каценбогин.
2. Анатомия и физиология ребенка	
3. Этнография	
4. Методология изучения литературы	А. Н. Вознесенский.
5. История поэтики в связи с эстетикой	Е. И. Боричевский.
6. Теория воспитания и образования	Н. М. Соловьев.
7. Белорусский язык	
8. Иностранный язык	

Польская секция.	Русская.
9. Введение в славянскую филологию.	9. Введение в славянскую филологию.
10. Старо-славянский язык.	10. Старо-славянский язык.
11. История западно-европейской литер.—М. Н. Пиотухович.	11. История западно-европейской литер.—М. Н. Пиотухович.
12. История польск. языка.	12. Истр. русск. языка.
13. История польск. литературы.	13. История русской литературы—А. Н. Вознесенский.
14. История русской литературы—А. Н. Вознесенский.	14. История Белоруссии XIX века.
15. История Белоруссии XIX века.	

Белорусская.	Еврейская.
9. Введение в славянскую филологию.	9. Введение в евр. филологию —И. Ю. Маркон.
10. Старо-славянский язык.	10. Библ. литература—Н. М. Никольский.
11. История западно-европейской литер.—М. Н. Пиотухович.	11. История западно-европейской литер.—М. Н. Пиотухович.
12. Истор. Белорусск. языка.	12. Ист. немецкой литературы.
13. Ист. Белорусск. новейш. лит.	13. Древн. еврейск. яз.
14. История русской литературы—А. Н. Вознесенский.	14. Нов. евр. язык.
15. История Белоруссии XIX века.	15. Ист. евреев в средние века. И. Ю. Маркон.

Семинарии.

1. По истории русской литературы 19 века (М. Н. Лермонтов).—А. Н. Вознесенский.
2. По изучению творчества А. С. Пушкина—Е. И. Боричевский.
3. По литературной истории пятикнижия—Н. М. Никольский (для еврейской секции).
4. По средневеков. евр. литературе—И. Ю. Маркон. (для евр. секции).
5. По методологии изучения литературы—А. Н. Вознесенский.
6. По логике и методологии—С. А. Аквилонов.

Обязательны 2 семинария: один по литературе, другой по языку.

Физико-математическое и естественное отделения.

Курсы общие для физико-математического и естественного отделений.

	Семестры	I	II	III	
1.	Исторический материализм.	2	2	2	С. Я. Вольфсон.
2.	История социализма.	2	2	2	И. Я. Герцык.

3. Психология	2	2	2	И. М. Соловьев.
4. Анатомия и Физиология ребенка	2	2	2	
5. Логика	2	2	2	В. Н. Ивановский.
6. История научного мировоззрения	2	2	2	В. Н. Ивановский.
7. Белорусский язык	2	2	2	Я. Лесик.
8. Иностранный язык	2	2	2	

Естественное отделение.

1. Математика и практ. занятия	4	4	4	Пятосин и Дыдырко.
2. Общая ботаника	2	2	2	В. В. Лепешкин.
3. Введение в изучение зоологии и сравнительная анатомия	2	2	2	А. В. Федюшин.
4. Зоология беспозвоночных	4	4	4	А. В. Федюшин.
5. Анатомия человека	2	2	0	пр. Лебедкин.
6. Кристаллография и минералогия	2	2	2	пр. Блюдухо.
7. Неорганическая химия	4	4	4	Б. М. Беркенгейм.
8. Физика	4	4	4	Е. С. Сиротин.
9. Описательная астрономия	2	2	2	А. А. Михайловский.
10. Семинарий по химии	2	2	2	Б. М. Беркенгейм.
11. Практич. занятия по зоологии	4	4	4	Федюшин и Зубкович.
12. „ „ „ кристаллогр.	2	2	2	Блюдухо.
13. „ „ „ химии				

Математическое отделение.

1. Введение в анализ и дифференц. исчисление	4	4	4	И. С. Пятосин.
2. Аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве	4	4	4	В. К. Дыдырко.
3. Сферическая тригонометрия	2	0	0	А. А. Михайловский.
4. Физика	4	4	4	Е. С. Сиротин.
5. Неорганическая химия	4	4	4	Б. М. Беркенгейм.
6. Описательная астрономия	2	2	2	А. А. Михайловский.
7. Высшая алгебра	0	2	2	
8. Практические занятия по элементарной математике	4	0	0	Пятосин и Дыдырко.
9. Практич. занят. по анализу	2	2	2	И. С. Пятосин,
10. „ „ „ аналит. геомет.	2	2	2	В. К. Дыдырко.

Самым важным учебно-вспомогательным учреждением Белорусского Государственного Университета, призванным обслуживать потребности профессуры и студенчества всех факультетов, является, несомненно, *Фундаментальная библиотека.* Организация ее с самого начала определялась тем, что она призвана была стать центральным книгохранилищем края, Государственной библиотекой Белоруссии. Библиотека укомплектовалась путем передачи ей всех местных неорганизованых книжных запасов, собранных Наркомпросом Белоруссии, книжного фонда, предназначенного для орга-

низации Центральной библиотеки по белоруссоведению при Институте Белорусской Культуры, библиотеки бывшей Духовной семинарии, а из центра—больших книжных комплектов от Академии наук, Археографической комиссии и других научных учреждений, а также путем предоставления библиотеке права на обязательный экземпляр от Центральной Российской Книжной Палаты. Благодаря значительным ассигнованиям ЦИК ССРБ, библиотеку за истекший год удалось значительно обогатить ценными книжными собраниями. Так, были приобретены библиотеки акад. Е. Ф. Карского и Н. А. Янчука, И. П. Корнилова, П. Л. Жуковича и О. Л. Дыло. Наиболее крупные пожертвования книгами библиотека получила от Наркомвнешторга Белоруссии и д-ра И. Гурвича из Нью-Йорка, уроженца г. Минска.

Библиотека насчитывает в настоящее время свыше ста тысяч томов, из коих к 15 сентября 1922 г. было зарегистрировано 87,000. По категориям этот основной книжный фонд разбивается, в крупных цифрах, следующим образом:

а) Общий отдел . . .	500	томов.
б) Философия , . .	600	„
в) Религия	2.000	„
г) Социальные науки, право ок.	10.000	„
д) Педагогика . . .	6.000	„
е) Лингвистика . . .	400	„
ж) Естественно-историч. науки	4.000	„
з) Прикладные науки и медицина	500	„
и) Искусство . . .	500	„
к) История литературы . .	12.000	„
л) История всеобщая и		
м) Русская	10.000	„
н) Периодических изданий . до	40.000	„

К 15 сентября 1922 г. числилось абонентов читального зала —1171 чел. Из них студентов университета и других высших учебных заведений—958, профессоров и преподавателей—82, посторонних—131. Среднее число посещений за день—60 ч. В читальный зал за истекший период выдано 16,974 названия книг.

В заключение укажу на то, что за истекший период были произведены значительные ремонтные работы по приведению в годное для пользования состояние всех пяти находящихся в распоряжении Университета зданий и отремонтированы квартиры для профессорско-преподавательского персонала, что составило значительную часть расхода отпущенных Университету из Центра и местных источников сумм. Наглядное представление о движении сумм, отпущенных за весь истекший год, дает следующая таблица:

Сведения о приходе и расходе сумм Б. Г. У.

с 1-го апреля 1921 г. по 1 октября 1922 г.

Движение кредитов.

	Ассигновано.	Израсходовано.	Остаток на 1 октяб. 1922 г.
Ассигновано Центром.			
По смете 1921 г. на разные нужды Центром . .	244.000	244.000	—
Наркомпросом Рес-бел . . .	11.035	11.035	—
По смете 1922 г. Центром			
1. На сод. лич. сост.	2.845.255	1.863.403	981.852
2. Хоз. опер. расх. .	1.174.399	601.954 50	572.444 50
3. На стипен. студ. .	1.663.550 50	778.333	885.217 50
4 Ремонт. общеж. ст.	6.600	6.600	—
5. На содер. общеж.	18.227 50	9.337 50	8.890
	5.823.032	3.374.628	2.448.404
Ассигновано ЦИК Бел.			
1. На сод лич. сост.	3.010.000	2.914.753	95.247
2. На обор. лабор. и ремонт зданий .	4.600.000	2.901.281	1.698.719
3. На достав. дров .	1.131.600	1.131.600	—
4. На издания и субсидию библиотеке .	500.000	339,000	161.000
5. По пост. особ. совещания по вопр. о снаб. ВУЗ Б. .	564.435	564.435	—
Итого .	9.806.035	7.851.069	1.954.966

	Ассигновано.	Израсходовано.	Остаток на 1 октяб. 1922 г.
Разные поступления			
1. Сбор платы за учение:			
по Фону .	177.600	177.000	600
по Медфаку .	174.975	173.600	1.375
2. От Центробелсоюза за непринят стекло.	47.250	—	47.250
3 Удерж. со служ. Р Ф. за пользов. общежит. на нужды общежития . .	28.320	16.490	11.830
4. Разные поступления . . .	16.840	16.840	—
Итого .	444.985	383.930	61.055
Всего .	16.214.088	11.749.662	4.464.425

По счету Наркомфина . 3.042 451

На тек. счете в Гос. Банке . 1.421.974

Итого . 4.464.425

Перечень расходов

с 1 января по 1 октября 1922 г.

Содержание личного состава

профес. и преподав. .	3.262.763 50	по 1/IX—22 года.
админис.-технич. перс. .	1.871.251 50	
	5.134.015	
Стипендии студентам .	759.054	по 1/VIII—22 года.
	5.893.069	

По хозяйственной части.

Канцелярские расходы: бумага, книги и проч.	24.279	
„ материалы	2.360	
„ принадлежности	10.819	50
Почтовые расходы, печать, об'явления и проч.	27.861	
	65.319	50
Хозяйственные расходы:		
1. Содержание внутр. пом. в чистоте	3.602	50
2. Содержание зданий, дворов	4.810	
3. Очистка мостовых, ям, сточных колодцев и свозка мусора	38.980	
4. Скидка и свозка снега	775	
5. Покупка и ремонт мебели	434.415	50
6. Покупка и рем. хозяйст. инвентаря	33.195	
7. Подвозка и перевозка	46.130	
8. Погрузка и перевозка книг	8.354	
9. Устройство и исправл. электрич.	11.660	50
10. Очистка дымовых труб	860	
11. Освещение	21.007	50
12. Водоснабжение	8.940	
	612.730	
Топливо: (с перевозкою и пр.)		
Дрова	1.198.637	
Торф	2.745	
	1.201.382	
Ремонт:		
Зданий	51.150	50
Отопления	63.748	50
Водопровода и канализации	295.391	50
	410.290	50

Материалы:

Железный и скобяной	16.288	
Лесной	11.700	50
Москательный . . .	3.525	50
Стекольный	1.800	
Строительный . . .	407	
	33.721	
Разные приборы и материалы .	34.089	
	34.089	
Проезды по казенным надобностям	259.751	50
	259.751	50
Итого по хозяйствен. части.	2.648.448	50

По учебной части.

Приборы и инструменты . .	34.422	50
Учебные пособия . . .	21.870	
Книги и журналы . . .	44.536	
Химич. реактивы и медикаменты.	18.141	
Животныя для опытов .	195	
Лабораторная посуда . .	37.835	
Таблицы	16.545	
Расходы по сост. учебн. пособий.	480	
Издательство	55.200	
Редакторство «Трудов» . .	5.000	
Расходы по привед. в порядок каб. и лаб. . .	760	
Оборудов. лаборат. и каб. лабораторной мебелью . .	19.010	
Итого по уч. ч. .	253.994	50
Итого расходов .	8.674.347	
По счету авансов .	3.075.315	
Всего . .	11.749.662	

Заканчивая свой обзор деятельности Белорусского Государственного Университета за истекший 1921—1922 академический год, считаю необходимым отметить тяжелую потерю, которую понес Университет в лице его старейшего члена, крупного ученого и всеми уважаемого гражданина, покойного Д. М. Мейчика и известного этнографа и белоруссоведа покойного профессора Н. А. Янчука.

Окидывая ретроспективным взглядом всю содеянную за истекший первый год своего существования Белорусским Государственным Университетом работу, считаю, что об'ективной истиной будет утверждать, что Университет наш, могучий рассадник света и знаний в Белоруссии, теснейшим образом связавший себя с судьбами края, имеет все основания для своего безусловного роста и процветания.

Не все еще и не везде налажено так, как все, дорожащие судьбами Университета, этого желали бы, не все лаборатории, кабинеты и научно-вспомогательные учреждения полностью оборудованы. Но самые трудные дни, повторяю, безусловно позади. Опыт, как это утверждает А. Пуанкаре, действительно—единственный источник истины; он один может научить нас чему нибудь новому; он один доставляет нам достоверность. Опыт истекшего года доказал нам и должен был доказать всем, где истина. Истина в том, что только при власти, опирающейся на широкие народные массы, при Советской власти, исстрадавшаяся, раззоренная, бедная и темная Белоруссия обрела, наконец, то, что является идеалом всего юношества и одновременно символом высшей культуры—свою Alma Mater—свой Белорусский Государственный Университет.

Честь и слава массам народным, твердой поступью идущим к овладению знанием—в победе света над тьмой!

Университетская хроника.

Д. М. МЕЙЧИК.
† 15 сентября 1922 г.
(1850—1922 г.).

15 сентября с. г. Бел. Гос. Университет понес тяжелую утрату в лице умершего в этот день в Петрограде от рака пищевода преподавателя Факультета Общественных Наук по кафедре общей теории права Давида Марковича Мейчика.

Покойный Давид Маркович родился в 1850 году в одном из захолустных местечек в небогатой семье служащего частного предприятия. Через несколько лет родители его переехали в г. Оршу той же Могилевской губернии, где Д. М. и получил свое первоначальное образование. На десятом году жизни Давида Марковича семья его переехала на жительство в г. Кишинев, и здесь Д. М. определен был в классическую гимназию, которую он и окончил с отличием. По окончании последней Д. М. поступил на юридический факультет Московского Университета, окончив его в 1875 году со степенью кандидата прав.

Крупные дарования, чрезвычайно добросовестное отношение к делу Давида Марковича, его увлечение юридическими науками, в особенности, историей русского права, обратили на себя внимание профессора этой кафедры, и он получил лестное предложение остаться при Университете. Но для этого нужно было предварительно выполнить одно маленькое, но необходимое по тогдашним условиям университетской жизни требование, а именно: отречься от иудейства и перейти в одну из христианских религий.

Для Давида Марковича Мейчика, чуждого религиозности, не было однако сомнений в неприемлемости такого условия, роняющего достоинство каждого уважающего себя человека, и ему пришлось отказаться от карьеры ученого и преподавателя в Университете.

Исследовательские побуждения и жажда работы в области истории русского права привели однако Давида Марковича к другому научному источнику. О постигшей его неудаче с Университетом сделалось известным тогдашнему Управляющему Мос-

ковским Архивом Министерства Юстиции Ник. Вас. Калачеву (1819—1885 г.), состоявшему ранее профессором Московского Университета по кафедре истории русского законодательства и лично знавшему Давида Марковича. Н. В. Калачев, сделавшись Управляющим названного Архива, сформировал в нем из лиц с высшим образованием особое ученое отделение для систематического описания документов Архива. Вот для работ в этом-то ученом отделении Калачев и пригласил Дав. Марковича.

Можно безошибочно сказать, что работа в Московском Архиве дала направление всей дальнейшей научной деятельности Давида Марковича. Из под пера Д. М. вышел ряд очерков, связанных с работами в Архиве. Наиболее крупным из них являются «Грамоты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства Юстиции. Их форма и значение в истории русского права», напечатанные в Москве в 1883 г. Труд этот посвящен описанию богатейшаго собрания актов на земельные владения монастырей, с попутным раз'яснением некоторых отдельных институтов древне-русского права. Из других трудов Дав. Марк. того же направления были «Русская Правда XI в.», «Система преступлений и наказаний по договорам Олега и Игоря и Правды Ярослава», «О вире по русскому праву домонгольского периода», а равно многочисленные исследования в области русско-византийских договоров. Особняком стоит работа «Об источниках местного (Белорусского) обычного права», которой Дав. Марк. отдал дань своей родине, Белоруссии.

Около 1880 г. Давид Маркович был зачислен присяжным поверенным при Московской Судебной Палате. В 1885 г. семейные обстоятельства вынудили его переехать в Минск, где он в конце концов и обосновался.

В Минске Давид Маркович скоро выдвинулся на адвокатском поприще и сделался крупной величиной в адвокатских сферах. Своим глубоким анализом, правильным подходом к разрешению наиболее сложных юридических вопросов, обширными теоретическими и практическими познаниями Дав. Марк. обратил на себя всеобщее внимание товарищей по адвокатуре и местных судебных деятелей, которые в нужных случаях считали своим долгом обращаться к нему за советом и раз'яснениями, находя у него и то и другое. Своей же отзывчивостью, абсолютной чистотой в области адвокатской этики, безупречным отношением к принимаемым на себя перед клиентами обязанностями Дав. Марк. привлекал к себе всех, нуждающихся в юридичекой помощи и снискал заслуженную симпатию и признательность.

Адвокатская деятельность не прерывала однако научных его трудов, правда, неизбежно замедляя их ход. По прежнему он отдавал значительную часть своего времени исследовательским работам по истории русского права, по преимуществу в области

русско-византийских договоров, по исследованию которых он оставил после себя многочисленные рукописи.

К концу жизни Дав. Марк. судьба решила подарить его тем счастьем, которого она лишила его в молодости. Сбылись его юношеские мечты. В сентябре месяце 1921 г. он был приглашен в Белорусский Государственный Университет, в котором и занял кафедру по общей теории права на Факультете Общественных Наук. К сожалению, этот дар судьбы был запоздалым. Недолго Дав. Марк. пользовался им. Многочисленные житейские невзгоды и даже сильная материальная нужда в последние годы, тоска одиночества после смерти любимой жены не могли не отразиться на стареющемся уже организме Дав. Марк. и он с весны 1922 г. стал заметно угасать. Однако же чувство долга заставило его бороться с овладевавшим недугом, и, не взирая на недомогания, он с неослабным рвением и любовью выполнял свои преподавательские обязанности и оставил их лишь с началом летних каникул. В июле месяце 1922 г. Давид Маркович поехал в Петроград к своей дочери и из этой поездки уже не вернулся. В ночь на 15 сентября его не стало. Мир праху честного и доброго труженика на ниве просвещения народных масс.

Л. Сидляревский.

От редакции.

Редакция „Трудов“ имеет в виду поместить в одном из ближайших номеров подробный обзор трудов покойного Д. М. Мейчика.

Первый номер „Трудов Б. Г. Ун.“ был сочувственно встречен старшими собратиями нашего молодого университета. Многие высшие учебные заведения как в России, так и заграницей (напр., Оксфордский и др. университеты) выразили согласие вступить с Бел. Гос. университетом в обмен изданиями.

Редакция приносит всем им от имени университета глубокую признательность.

Годовщина учреждения Университета.

11-го июня 1922 г. исполнилось два года со дня освобождения столицы Белорусской Республики—Минска от польской оккупации и вместе с тем год со дня учреждения освободившей край Советской властью Белорусского Университета.

На торжественном заседании Минского Горсовета, посвященном указанной годовщине, выступил с речью Зам. Ректора Б. Г. У. проф. В. Н. Ивановский, указавший на тесную связь Бел. Гос. университета с Советской властью Белоруссии. Первое, чем пожелала Советская власть отметить годовщину освобождения Минска от польской оккупации, было учреждение в нашем городе краевого университета для Белоруссии.

От'езд В. Г. Кнорина.

В мае месяце с. г. оставил Минск преподаватель Университета и руководитель Коммунистической партии Белоруссии В. Г. Кнорин, положивший много труда на основание Университета в Минске. При от'езде делегацией Университета ему был вручен прощальный адрес, переданный на публичном заседании Центрального Исполнительного Комитета и других высших органов Республики.

Чествование Якуба Колоса.

В мае состоялось публичное заседание Факультета Общественных Наук, посвященное творчеству белорусского поэта Якуба Колоса. С речами и докладами выступили профессора В. И. Пичета, В. М. Игнатовский и М. Н. Пиотухович.

В Научном обществе.

В апреле состоялось заседание общества, на котором был сделан В. П. Тепиным доклад, посвященный „Исповеди" М. А. Бакунина. После доклада состоялись прения, в которых приняли участие В. И. Пичета, С. Я. Вольфсон, В. Н. Ивановский и другие.

11-го июня выступил в обществе проф. В. В. Лепешкин, сделовший доклад на тему „О причинах смерти и о мерах борьбы с ней.

Проф. В. В. Лепешкин ознакомил собрание с положением вопроса об апрегатном состоянии живой материи, над которым он работает в продолжении целого ряда лет. Применив к изучению названного вопроса методы колоидной химии и обращая внимание на то обстоятельство, что так называемое, „отмирание" живых тканей сводится в конечном счете к явлениям *свертывания белковых веществ*, из которых в преобладающей массе состоит протоплазма живой клетки, проф. Лепешкин, приходит к убеждению, что и процессы такого „отмирания", лежащие в основе смерти, могут в значительной степени быть изучены при помощи чисто физико-химических и коллоидно-химических методов. Поделившись результатами своих исследований в области изучения влияния диэмитрической постоянной и изменений фаз живой материи, проф. Лепешкин попытался осветить выдающийся по своему интересу вопрос о значении так наз. витаминов в биологических процессах и изложил свои опыты, направленные к изучению влияния некоторых факторов (напр щелочной среды и др.), могущих противодействовать указанным явлениям отмирания, а потому и дающих некоторую надежду на возможность в будущем противодействовать смрети организмов.

15-го октября состоялось общее собрание членов общества, посвященное организационным вопросам. На собрании было постановлено немедленно приступить к выполнению вынесенного постановления об организации секций и выделены лица, на которых возложена организация каждой из секций. Кроме того, была учреждена еще одна секция—педагогическая, одною из задач которой должно быть установление тесной связи между университетом и школьными работниками г. Минска, а затем и вообще Белоруссии.

21-го окт. состоялось первое собрание педагогической секции, на котором проф. психологии и педагогики И. И. Соловьев сделал в присутствии более чем 200 слушателей (в большинстве студентов,) доклад „Об изучении детского творчества". Председатель Научного Общества проф. В. Н. Ивановский указал на главнейшие из современных направлений в педагогике (педологическое, общественное, методическое и культурно-историческое) и выразил пожелание, чтобы работа секции шла по всем этим путям.

22-го окт. в октовом зале состоялось соединенное торжественное заседание Фак. Общ. Наук и Научного Общества, посвященное 150-летней годовщине дня рождения знаменитого утопического социалиста Ш. Фурье. Присутлтвовало более 400 человек. В собрании были произнесены следующие речи: проф. В. В. Якуниным—биография Фурье, проф. И. Я. Герцыком „Теоретические взгляды Фурье" проф. В. Н. Перцевым «Влияние Фурье на западно-европейскую жизнь» и проф. В. И. Пичетой—„Фурьеризм в России".

Белкубу.

Летом 1922 г. организовалась Белорусская Комиссия по улучшению быта ученых. В состав комиссии вошли: Предсовнарком Белоруссии А. Г. Червяков, Наркомпрос Белоруссии В. М. Игнатовский, проф. Кирсанов. Б. М. Берненгейм, В. М. Некрашевич, В. И. Пичета и Н. К. Ярошевич. Комиссия вошла в сношение с Цекубу (в Москве) по вопросам об академич. снабжении университетских работников, а также о квалификации ученых по разрядам. Подробные сведения о комиссии будут даны в следующем номере «Трудов».

По случаю годовщины Рабочего Факультета при Белорусском Университете студенческим комитетом рабфака была выпущена однодневная газета «Голос рабфаковца».

Публичные лекции,

Факультетом Общественных Наук при содействии Главполитпросвета были организованы в течение летних вакаций пуб-

личные лекции профессоров Университета в уездных городах Белоруссии. Лекции были прочитаны Б. М. Беркенгеймом, С. Я. Вольфсоном, Д. А. Жариновым, В. М. Игнатовским и В. Н. Перцевым. Начинание это было встречено на местах с живейшим интересом.

Кроме того были прочитаны публичные лекции в Минске: И. М. Соловьевом (о творчестве Леонида Андреева), Б. М. Беркенгеймом (I-Химия на службе человечеству; II-Большие и малые миры) и С. Я. Вольфсоном (Европа наших дней). Проф. В. Н. Ивановский читал в Минске лекции по педагогической психологии на Городских и на Уездных повторительных курсах для учителей в июле и августе с. г.; а также устроил экскурсию слушателей уездных курсов для осмотра университетской и государственной белорусской библиотеки.

Он же устроил, во время пребывания в минском «Доме отдыха для рабочих в память Октябрьской Революции» два собеседования с отдыхавшими там трудящимися по научно-философским вопросам.

Настоящий № „Трудов“ выпущен в свет 30-го октября 1922 года.

Книга напечатана под наблюдением члена редакционной коллегии проф. *В. Н. Ивановского*.

Р. Ц. № 737—762.

«Гиз» № 106—1000 экз. 1-я сов. тип. зак. № 3884.

